

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АХМАТА АБДУЛХАМИДОВИЧА КАДЫРОВА»**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**Всероссийская научная конференция
«ДЕШЕРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026»**

11 апреля 2026 г.

Грозный – 2026

УДК 82.0:061.2/4
ББК 94+80
М 34

Ответственный редактор: **А.Х. Абубакаров,**
декан филологического факультета

Редакционная коллегия: **Е.Ф. Сердюкова, С.-Х.С.-Э. Ирезиев,**
И.Б. Бачалова, Л.М. Довлеткиреева,
Р.М. Эхаева

Международная научная конференция «Дешериевские чтения – 2026».
[Электронное издание]: (Грозный, 11 апреля 2026 г.). – Грозный: Издательство
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
2026. – 230 с.

В сборник вошли статьи, подготовленные участниками конференции на
материалах докладов и выступлений, сделанных на международной научной
конференции «Дешериевские чтения – 2026».

*Материалы печатаются в авторской редакции, ответственность за
содержание материалов несут авторы и заведующие кафедрами.*

ISBN 978-5-91127-496-2

© Авторы, 2026 г.

© ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

Абаева Ф.О. О терминологии женских головных уборов в осетинском языке.....	6
Абдулкадыров А.Т., Ирезиев С.-Х.С.-Э., Когнитивная интерпретация аблаута в чеченском языке.....	11
Алдиева З.А. Гидронимические термины в горной топонимии Чечни.....	16
Арсакаева Х.С. Наименование птиц в русском и чеченском языках.....	20
Байбулова М.Н. Английские заимствования в башкирском языке (на примере лексикографического источника).....	24
Барахоева Н.М. Семантические основы классификации глагольной лексики ингушского языка.....	28
Вагапов А.Д. Перевод на чеченский в Google Translate: плюсы и минусы.....	33
Габибуллаева П.М. Язык художественных произведений даргинских писателей: к постановке вопроса.....	43
Гасанова У.У. Ориентализмы в дагестанских языках: хронология и предпосылки.....	46
Дакахова И.С. Национально-культурная специфика зооморфных образов во фразеологизмах (на материале русского и кабардино-черкесского языков).....	50
Ирезиев С.-Х.С.-Э. История исследования чеченских диалектов: этапы, подходы и основные результаты.....	56
Карданов М.Л. Параллельные значения звуков в адыгских и русском языках.....	63
Кочесоков Р.Х. Дискурс как особая форма коммуникации.....	68
Магамшарипова Ф.М., Овхадов М.Р. Ономастическое пространство романа Абузара Айдамирова «Долгие ночи»: структура и функции собственных имен.....	73
Маллаева З.М. Территориально-ограниченная лексика шангодинского говора андалальского диалекта аварского языка.....	77
Масаева З.В. Становление поликультурной среды в детских садах Чеченской Республики через использование родного языка и фольклора.....	81
Нафикова С.Р. Персонаж художественного текста как языковая личность (на материале рассказов В.П. Астафьева и В.М. Шукшина).....	86
Нинигов М.С.-Э. Концепт «Свобода» в сознании современной молодёжи Чеченской Республики.....	91
Ирезиев С.-Х.С.-Э., Сосаева А.К. Изменение дифтонгов «уо», «уõ» при образовании прошедшего времени в итум-калинском диалекте чеченского языка.....	95

Султыгова М.М., Умаев Р.М. Терминологическая лексика некровного родства в современном ингушском языке.....	99
Хадзиева М.М., Хадзиева Л.М. Аналитические формы выражения темпоральных значений ингушского глагола.....	104
Хазуева Б.А. Художественные особенности поэзии Н.У. Ярычева.....	109
Халидова Р.Ш. Концепт «Человек» в каратинской языковой картине мира.....	115
Юсупова Э.А. Типология сходства метафорического переноса в идиостиле Пастернака Б.Л. на материале ранней лирики.....	119

Литературоведение

Ахмадова Т.Х. Пушкин и проблема народности литературы.....	124
Довлеткиреева Л.М. Чеченские женские лирические песни и фольклорные традиции в творчестве Марьям Исаевой.....	130
Дякиева Б.Б., Лактионов Л.В., Гулиева А.Б. Человек – это зеркало вселенной. О творчестве калмыцкого поэта и прозаика Евгения Пахомова.....	136
Расумов В.Ш. Фольклорные традиции в системе образа героя романа М. Мамакаева «Зелимхан».....	141
Шадукаева З.С., Эстамирова И.С. Жизнь и творчество Магомеда Амаевича Мамакаева	146
Юсупов Х.А. Харбуковский фольклор (проект книги и аспект жанровой стратификации).....	151

Педагогика и психология

Абдулазимова Т.Х. Исследование проблем организации индивидуального проекта по русскому языку и литературе (критический обзор).....	157
Арскиева З.А., Андреева Ю.В. Вера в возможности ребенка как профессиональная позиция учителя.....	161
Ахмадова З.М. Этнические стереотипы в междисциплинарном освещении: обзор современных исследований.....	166
Закраилова Б.Р. Анализ методологии описания психолингвистических значений.....	170
Мамалова Х.Э., Абдуллаева Н.А. Комплексная концепция обучения как новая образовательная парадигма.....	175
Мамалова Х.Э., Межидова К.Р. Проблема формирования этноэстетической культуры будущего преподавателя.....	180
Межидова М.Р. Теория педагогического проектирования и условия обучения Р. Ганье.....	186
Миназова В.М. Мультикультурный подход в образовательном процессе вуза.....	190

Миназова В.М., Миназова З.М.	
Психологическое консультирование как направление практической психологии.....	197
Осмаев М.К.	
Юнус Дешериев – ученый, журналист, патриот.....	202
Сердюкова Е.Ф.	
Стили психологической привязанности и их влияние на развитие личности подростка.....	207
Саямова В.И., Олешко Т.В.	
Искусственный интеллект в информационно-образовательном процессе обучения русскому языку иностранных учащихся подготовительного факультета медицинского университета.....	212
Тудупова Т.Ц., Жамсуева Д.С.	
Буддийский подход к психологии воспитания духовно-нравственной личности.....	218
Эдильгериева Ф.Б.	
К проблеме преподавания теории государства и права в высших учебных заведениях.....	221
Эхаева Р.М.	
Семейное воспитание как детерминанта развития личности: теоретический анализ и эмпирические обоснования.....	225

УДК 811.221.18

О ТЕРМИНОЛОГИИ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Абаева Ф.О.,

канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела языкознания,
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева –
филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
научного центра «Владикавказский научный центр РАН»
e-mail: fatia-85@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена лексике традиционных головных уборов в осетинском языке. В ней анализируются термины, имеющие отношение к женским головным уборам; определяются структурные особенности тематической группы; выявляются семантические характеристики. Материал структурируется в соответствии с лексико-тематическими группами и подгруппами.

Ключевые слова: осетинский язык, терминология, головной убор, семантика.

ON THE TERMINOLOGY OF WOMEN'S HEADDRESSES IN OSSETIC

Abaeva F.O.,

Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher, Department of Linguistics,
Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies

Abstract. This article examines the vocabulary of traditional headdresses in the Ossetian language. It analyzes terms related to women's headdresses, identifies the structural features of the thematic group, and identifies semantic characteristics. The material is structured according to lexical-thematic groups and subgroups.

Keywords: Ossetic, terminology, headdress, semantics.

Головной убор как важный атрибут национального костюма осетин всегда выделялся на фоне общего гардероба, являясь его сакральным и смысловым средоточием.

Головные уборы – и мужские, и женские – характеризуются значительным разнообразием по ключевым параметрам:

- форма головного убора (конусовидная, широкополая, квадратная, треугольная);
- цветовая гамма убора (варьировалась разнообразием оттенков);
- материал изготовления головного убора (шерсть, шёлк, хлопок);
- метод ношения убора;
- социо-возрастной статус человека;
- отношение к гендеру.

Одним из главных головных уборов осетинки являлась шапочка. Известные нам ранние образцы шапочек имели кожаный каркас, а позже в качестве основы стали применять плотный войлок, несколько слоёв плотной шёлковой ткани, а также картон, вырезанные и скреплённые в форме усечённого конуса, сверху которого прикрепляли плоскую круглую деталь. Получившуюся основу обтягивали далее по всей поверхности тканью (шёлком, бархатом), между слоем каркаса и ткани вкладывали пласт ваты или шерсти.

Цвета шапки строго коррелировали с возрастной категорией. Шапочки плоской формы, обтянутые разноцветными лоскутами, носили девочки до достижения ими возраста, когда их можно было сватать. Девушки на выданье и недавно вступившие в брак носили головные уборы красного, бордового, тёмно-коричневого цветов, что отражает символическую значимость этих цветов в традиционной культуре осетин.

Финальным этапом процесса изготовления шапочки являлась её декорация вышивкой. Орнамент нашивался на шапочку тонким плоским галуном, а также вышивался вприкреп

золотыми или серебряными нитями, а также мог быть нанесён в виде аппликации цветным (позолоченным) сафьяном или плотным шёлком.

Важную роль имел рисунок – растительный и/или линейный и/или животный орнамент. Заслуживают отдельного внимания женские шапочки, украшенные изображением *Хуыцауы Дзуар* – божественного покровителя брака у осетин. Такой орнамент представлял рисунок, изображающий сросшиеся человеческие головы, или крылатых оленей, или коней. На шапочках иногда могли присутствовать и другие элементы, например, басонные пуговицы или металлические бляшки.

Слово *худ* ‘шапочка’ имеет исконное происхождение (< «иран. **xauda-*), в семантическом отношении соотносясь с понятием «шлем» и возводясь к и. е. *(*s*)*keu-* «покрывать» [4, с. 244]. Вероятно, первоначально этот головной убор был как мужским, так и женским, а его шлемообразная форма позволяет предположить применение головного убора в военно-походной экипировке.

Синонимом слову *худ* (вернее, *чызджы/чындзы худ*) является зафиксированное в словарях полисемантическое слово *гонн*, второстепенно обозначающее «шапочка (женская)» [7, с. 202]. Примечательно, что основное значение слова – «хохол, гребень у птиц», прослеживается явная связь с птичьей символикой.

Гонн ‘шапочка’ в сочетании с элементами её орнаментации, кроме эстетичности и функциональности, имела также апотропейное назначение. Эту функцию выполнял также и цвет ткани, которой обшивался убор. Так, красный цвет, возможно, олицетворял новую жизнь девушки, выходящей замуж, защищал от злых духов, сглаза, порчи, болезни и т. п. Лексема *сырх* < иран. *suxra-* содержит тот же корень *suk-*, *суџ-*, который распознаётся в *сџузн* ‘гореть’, ‘жечь’, *суџдаг* ‘чистый’, *раесуџд* ‘красивый’, *раесуџ* ‘прозрачный’, *суџ* ‘дрова’; все эти слова в идеоматическом плане представляют дериваты ‘огня’ [3, с. 209].

Известно, что красным сукном повязывали также и коня, участвующего в том или ином свадебном действии, в том числе и в предсвадебном цикле осетин. Символика красного цвета, связанная с небесным огнём, с продуцирующей магией, с тем, что девушка готова стать матерью, даёт основание для вывода, что красный – это цвет осетинской свадьбы; и символика вышивки на головном уборе невесты – золотой (жёлтый) цвет – выступала символом самого солнца.

В.Х. Тменов отмечал, что «основным типом имеющихся у нас головных уборов являются колпаки, сшитые из двух и более клиньев. Некоторые из них близки по форме к тюбетейкам; точнее, имеют вид небольшой круглой шапочки, получившей особенное признание у женщин. Другие колпаки – глубокие, на подкладке. Все имеющиеся у нас головные уборы сшиты из грубых тканей, типа холста или даже мешковины. Однотонные, серые (иногда белые), изредка из цветных (красно-сине-зелёных) лоскутов. Один колпак утеплённый, на шерсти; лобная часть простегана, тыльная имеет две матерчатые завязки» [9, с. 120].

По мнению Б.А. Калоева, «необходимой принадлежностью праздничного костюма девушки и молодой женщины (до рождения первого ребёнка) была невысокая круглая бархатная или шёлковая шапочка на картонном каркасе, расшитая золотым или серебряным галуном. Шапочка эта очень напоминает древний аланский женский головной убор, обнаруженный в аланских катакомбах» [6, с. 156]. Поверх шапочки накидывался гипюровый шёлковый платок или шаль. Изготовление подобного головного убора в сочетании с остальным костюмным комплексом требовало немало материальных затрат и времени.

Рассмотрим головной убор, который обычно носили поверх шапочки *гонн*, – осетинский шёлковый платок *цыллае хыз*, букв. «сетка из шёлка-сырца». Основа платка – сетка из шёлковых ниток, сплетённая с помощью узкого челнока и круглой палочки.

Цыллае хыз различался по форме, которая могла быть как треугольной (в виде косынки), так и квадратной, и прямоугольной (в виде шали). Размер завязываемого узла на платке и толщина шёлковой нити (кручение пряжи) также могли отличаться. Праздничные (свадебные) платки были натурального светло-бежевого цвета (некрашеный шёлк). Широко бытовали

также платки коричневого и чёрного оттенков. Но главной особенностью являлся рисунок, вышитый на сетке, а также вид обработки каймы шали (кружево или бахрома).

Цыллæ хыз – часть головного убора невесты. Осетинские рукодельницы плели шёлковую сетку с помощью собственно шёлковой нити, филейной иглы (челнока) и палочки или плоской дощечки. Изготовленные подобным способом платки получили распространение по всему Кавказу, напр., у чеченцев она известна как *хIури бой* ‘осетинская шаль’.

В традиционной культуре осетин шёлк всегда и повсеместно был распространён достаточно широко, вплоть до 1917 года. Шелководство, изготовление изделий из шёлка (платки, платья, рубашки, короткий бешмет, тесьма, пояс и прочее) являлись ещё до недавнего времени традиционными видами народной хозяйственной деятельности.

В осетинском языке насчитывается более двадцати лексем, обозначающих шёлк и изделия из него. Приведём основные:

зæлдаг/зæлдагæ/изæлу ‘шёлк’, ‘шёлковый’; *зæлы* ‘шёлковый’; *цыллæ/цилле* ‘шёлк’, ‘шёлковые нитки’, ‘сырец’; *дари/дарий* ‘шёлковая ткань’, ‘канаус’; *глази/глеси* ‘шёлковая материя’, ‘дорогая шёлковая ткань’; *лæуданæ* ‘шёлковый платок’; *харæ* ‘шёлковая ткань’; *гæрнадур* ‘плотная шёлковая ткань’; *хуысар/хусар* ‘дорогая шёлковая ткань’; *къуыбарзæлдаг* ‘комковатый шёлк’ (второй сорт шёлка-сырца); *хæрдгæхуыд хъуымац* ‘парча’; *крепдешин* ‘крепдешин’ (плотная, тонкая шёлковая ткань); *сатин* ‘сатин’; *креп* ‘креп’; *атлас* ‘атлас’, ‘атласный’ и т. д.

Доминирующей в данной парадигме слов является лексема *зæлдаг/зæлдагæ/изæлу*. Она обозначает «шёлк», «шёлковая ткань», «шёлковый». Происходит от «из *zæl-tag* ‘шёлк-нить’, где элемент *zæl* следует связать с названием шёлка *желл*, которое приводит Марко Поло. Оно сближается с распространёнными названиями шёлка: манджур. *sirge*, монг. *sirkek*, лат. *sericum*, венг. *selyet*, русск. *шёлк*, англ. *silk*». Причём вторая часть лексемы *зæлдаг* – *tag* имеет иранское происхождение (< **tāka*- < и. е. **tek*- «ткать», «плести») [2, с. 294–295].

Встречается в сочетаниях: *зæлдаг сæрбæттæн* ‘шёлковая косынка’, *зæлдаг сасыг* ‘шёлковая косынка’, *зæлдаг кæлмæрзæн* ‘шёлковый платок’, *зæлдаг дарæс* ‘шёлковая одежда’, *зæлдаг фæлыст* ‘шёлковый наряд’, *зæлдаг разгæмттæ* ‘шёлковый костюм невесты’, *зæлдагæ хизæ* ‘шёлковая фата’, *зæлы кæлмæрзæн* ‘шёлковый платок’ и прочее.

Одна из частотных лексем – *цыллæ/цилле* ‘сырой шёлк’, ‘шёлк-сырец’, ‘шёлковые нитки’ <перс. *čilla* «тетива лука», тур. *çile* 1. «тетива лука»; 2. «моток ниток». Значение «шёлк», чуждое персидскому и тюркскому языкам, развилось, по-видимому, на кавказской почве; ср. авар. *čillaj*, дарг. *čilla* «шёлк сырец», вейнах. *čilla*, балк. *čilla*, каб. *šalle* «шёлк». Семантическое развитие: «шёлк для тетивы» → «шёлк вообще» [2, с. 320–321].

Лексема *дари/дарий* ‘шёлковая ткань’, ‘канаус’, ‘плотная ткань из шёлка’. По В.И. Абаеву, из перс. «*dārāī* «род шёлковой материи, вырабатываемой в Иезде и Исфагани». Усвоено и другими кавказскими языками: груз. *daraja*, каб. *darīj*, вейнах. *dari*, *däri* «шёлковая ткань» [2, 343].

Слово *глази* ‘название шёлковой ткани’. Этимология: из фр. *glas* через русск. *глазет* «вид парчи с шёлковой основой и гладким золотым или серебряным утком» [2, с. 521]. В осетинском языке употребляется в качестве прилагательного «шёлковый», определяя название одежды в словосочетаниях: *глази къаба* ‘шёлковое платье’, *глази дæллаггуыр* ‘шёлковая юбка’, *глази юбкаæ* ‘шёлковая юбка’, *глази сæрбæттæн* ‘шёлковый платок на голову’ и *глази сасыг* ‘шёлковая косынка’.

Лексема *харæ* ‘муаровая шуршащая шёлковая ткань’, ‘шёлк’, ‘шёлковая ткань’ <«перс. *xāra* «сорт богатого волнистого шёлка», «дорогая муаровая шёлковая ткань». Оно вошло во многие языки Кавказа: груз. *xara* «шёлковая ткань», лак. *xara*, авар. *xara*, лезг. *xara* «шёлковая ткань», «муар» и др. Сюда же тур. *xarā* «материя с волнистым лоском» [4, с. 141]. Употребляется в словосочетании *харæ хъуымац* ‘шёлковая ткань’.

Лексема *гæрнадур/гæрнадор* ‘плотная шёлковая ткань’ заимствована, по В.И. Абаеву, из «русского языка: *гродетур* (*grosdeTours*) «плотная шёлковая ткань» [2, с. 516]. В

осетинском языке употребляется в сочетании с существительным: *гæрнадур хъуымац* ‘шёлковая ткань’.

Лексема *хуысар/хусар* ‘шёлковая ткань’. Так обозначалась богатая, дорогая и особо ценимая шёлковая ткань. По В.И. Абаеву, из «**xusaran* ← **xurasan* «хорасанская ткань», с утратой конечного слога»; термин сохранился в осетинском как наследие старых торговых связей Алании с Ираном; материал получил своё название по месту, где он изготовлялся и откуда получался» [4, с. 268]. Употребляется в сочетании *хусар хъуымац* ‘шёлковая ткань’.

Лексема *лауданæ* ‘шёлковый платок’ – заимствование из адыг. *läudanä* «шёлковый платок», «шарф»; абаз. (из адыг.) *лаудан* «шарф». Для второй части ср. адыг. *danä* «шёлковая ткань»; в первой части *lä-* «красить»? или топоним *läwä* «Лео». Возможен буквальный перевод-калька: «шёлк из Лео» (район черноморского города Сочи. – Ф.А.), поскольку топоним Лео также происходит из адыгского. Известны также русское и украинское: *лудан* – «стар. ткань-камка, или род камки. || Пск. «шёлковая вещь», «платок», «передник». *Луданный*, *лудановый* пенз. «шёлковый» [1, с. 118–119].

Лексемы, обозначающие в осетинском языке шёлк и изделия из него, можно разделить на исконные, кавказские заимствования, заимствования из русского языка.

Е.Н. Студенецкая пишет, что предметы роскоши поставлялись из Персии, в частности «дорогие ткани (бархат, шёлк, атлас), сафьян для пошива парадной обуви, драгоценные камни; сафьян и шёлк поступали также из Крыма. Из Турции и стран Западной Европы привозили хлопчатобумажные ткани, шёлк, кисею (для женских покрывал), нитки, полотно» [8, с. 4]. Данный факт, на наш взгляд, напрямую связан с происхождением лексики, связанной с названиями шёлка у осетин.

И ещё. После того, как девушка была засватана, прикрывали голову и лицо её куском красного сукна, и в таком виде она обходила село в сопровождении родственниц аула. По красному сукну на голове нетрудно было узнать девушку накануне вступления в новую жизнь. Красный цвет символизировал её скорое замужество и обеспечивал бережную силу невесте, дабы никто не мог навредить ей или предстоящей свадьбе. Красный цвет обладал способностью отвести чей-либо дурной глаз, поскольку имел защитную функцию.

На невесту, согласно архивным данным, надевали до семи платков. Символика платка выражалась двояко: 1) охраняла и защищала невесту от дурного глаза и нечистой силы; 2) изолировала ту опасность, которая исходила от самой невесты.

Так, во время ритуального одевания после того, как на голову невесты надели украшенную золотым шитьём шапочку *хаердæхуыд худ*, накидывали на неё несколько *зæлдаг кæлмаерзæн* ‘шёлковых платков’, и только после этого набрасывали *хызы кæлмаерзæн* ‘фату невесты’, а за пояс закладывали *цæсты кæлмаерзæн* ‘платок для утирания слёз’.

Женщины старшего возраста носили набитые шерстью и покрытые полотном валики, поднимающиеся кверху и вперед, шириной в руку, с небольшим наклоном вверх. «Около ушей и над шеей этот валик становится всё тоньше; около шеи он не толще обычной шапки» [8, с. 58]. Такой головной убор называется *богтак* (*богъдагъ/богъ дагъ*).

Большинство названий шёлка (вместе с соответствующими реалиями) вошло в осетинский язык X–XIII вв. в период расцвета аланской феодальной державы: «Из шёлка шили мужские бешметы, но главными потребительницами шёлковых тканей всех видов, в том числе и самых дорогих, были, разумеется, женщины из феодальной знати. Шёлковый платок был обязательной принадлежностью каждой сколько-нибудь обеспеченной женщины. Шёлковые ткани шли на женские бешметы и платья, а также на одеяла, покрывала» [5, с. 98].

Распространён был также *хауджын цыллæ хыз* ‘ажурный свадебный шёлковый платок с длинной бахромой’. Б.А. Калоев пишет: «Особенно славятся шёлковые орнаментированные платки с длинными кистями (*хауджын калмарзан*), изготавливающиеся осетинками с большим вкусом. Платки эти, наиболее распространённые у северных осетинок, носят дома молодые невестки, их надевают все женщины в торжественных случаях и при гостях» [6, с. 159]. Такой шёлковый платок, безусловно, был семейной ценностью, часто передавался из поколения в поколение. Следует также различать *зæлдаг кæлмаерзæн* ‘шёлковый платок’, который был из

шёлковой ткани, и *хызы кæлмаерзæн* ‘фату невесты, сплетённую из шёлковых ниток’, то есть сетку-накидку на голову.

Таким образом, заключаем, что:

- *гонн* ‘шапочка’ являлась одним из основных элементов головного убора девочки, девушки и молодой замужней женщины до рождения ею первого ребёнка; различалась большим разнообразием своих форм;

- *цыллæ хыз* ‘вуаль из шёлка-сырца’, покрывавшая голову невесты, являлась праздничной; эта вуаль-сетка становилась семейной реликвией, так как олицетворяла связь поколений и память народа;

- проводя параллель с аланскими видами головных уборов, отмечаем, что традиционный женский головной убор осетин определённо находит свои истоки в аланском прошлом. Согласно археологическим источникам, аланки носили идентичную шапочку. Сходство заключается не только в форме головного убора, но и в орнаменте, включающем звериный, линейный, растительный стили;

- схождения с аланским женским головным убором просматриваются и в стремлении украсить, перекрыть (закрыть) лобную часть головы; с этой целью на изделие нашивали вырезанные из более плотной ткани фигуры, формировали складки и крепили вышитый орнамент. Традиция эта сохранялась в женских осетинских головных уборах вплоть до позднего средневековья;

- в социальных функциях осетинской женской шапочки, являвшейся частью гендерного выражения, а также возраста, статуса, социального положения, праздничности, повседневности, форма, цвет, вид ткани и орнамент головного убора были определяющими маркерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Из истории слов. Русское и украинское лудан // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. – М. 1963. – С. 116–119.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. – М.-Л.: Издат-во Академии наук СССР (Ленинградское отделение), 1958. – 656 с.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. – Л.: Наука, 1979. – 358 с.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. – Л.: Наука, 1989. – 325 с.
5. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времён до конца XIX в. – Владикавказ: Ир, 2000. – 354 с.
6. Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1967. – 242 с.
7. Осетинско-русский словарь. – Владикавказ: Алания, 2004. – 540 с.
8. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1989. – 286 с.
9. Тменов В.Х. «Город мёртвых». Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии. – Орджоникидзе: Ир, 1979. – 152 с.

УДК 811.351.42

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АБЛАУТА В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Абдулкадыров А.Т.,

*старший преподаватель кафедры чеченской филологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»*

e-mail: veras.1975@gmail.com

Ирезиев С.-Х.С.-Э.,

*д-р филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

e-mail: ireziev85@mail.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в том, чтобы представить аблаут в чеченском языке не только как историко-фонетическое явление, но и как когнитивно значимый паттерн, поддерживающий узнаваемость лексемы при вариативности ее звукового облика. Материал исследования составили данные и примеры, представленные в докторской диссертации (С.-Х.С.-Э. Ирезиев), а также наблюдения А.Д. Тимаева, посвященные многошаговому формированию отдельных форм множественного числа. Задачи исследования: уточнить статус аблаута как самостоятельного чередования гласных; описать три типовых схемы аблаута в словоизменении (двуосновность и модели с расширителем -ар); показать роль архаичных косвенных основ и сопутствующих сегментных эффектов (в частности, появление ъ-) как регулярных подсказок для распознавания парадигматических связей. Интерпретация опирается на идею предсказуемых соответствий между поверхностными формами и лексемой. Показано, что аблаут функционирует как система ограниченного числа повторяющихся переходов, тем самым снижая неопределенность при восприятии формального расхождения словоформ и поддерживая устойчивость лексической категоризации. Практическая значимость состоит в том, что выявленные шаблоны могут использоваться при описании и обучении чеченскому языку системно.

Ключевые слова: чеченский язык, аблаут, чередование гласных, морфонологический паттерн, когнитивная интерпретация, вариативность словоформ.

COGNITIVE INTERPRETATION OF ABLAUT IN THE CHECHEN LANGUAGE.

Abdulkadyrov A.T.,

*Senior Lecturer at the Chechen Philology Department of the
Chechen State Pedagogical University*

Ireziev S.-Kh.S.-E.,

*Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The aim of the article is to present ablaut in Chechen not only as a historical-phonetic phenomenon, but also as a cognitively salient pattern that sustains lexeme identifiability under variation in its phonetic shape. The research material consisted of data and examples presented in our doctoral dissertation (S.-Kh.S.-E. Irezieva), as well as observations by A.D. Timaev concerning the multistep formation of certain plural forms. The objectives are: 1) to clarify the status of ablaut as an autonomous vowel alternation; 2) to describe three typical ablaut schemas in inflection (two-stem patterns and models with the -ar extender); 3) to demonstrate the role of archaic oblique stems and accompanying segmental effects (in particular, the emergence of initial ъ-) as regular cues for recognizing paradigmatic relations. The interpretation relies on the idea of predictable correspondences between surface forms and the lexeme. It is shown that ablaut functions as a system of a limited number of recurring transitions, thereby reducing uncertainty in the perception of formal divergence among wordforms and supporting the stability of lexical categorization. The practical value of the study lies in the fact that the identified patterns can be used systematically in the description and teaching of Chechen.

Keywords: chechen language, ablaut, vowel alternation, morphophonological pattern, cognitive interpretation, wordform variability.

Аблаут представляет собой самостоятельное чередование гласных, не обусловленное непосредственным позиционным влиянием соседних звуков. Его суть состоит в закономерной смене гласного в значимых частях слова (прежде всего в корневой морфеме) при относительной сохранности консонантного каркаса; это позволяет говорить о регулярной

вариантности одной и той же лексемы в разных словоформах. В чеченском языке аблаут отражает сложные исторические изменения, связанные с глубинными процессами эволюции вокализма [1, с. 284]. Особенности аблаутных процессов в нахских языках рассматриваются, в частности, в работах Д.С. Имнайшвили [2] и А.Д. Тимаева [3]. Н.Ф. Яковлев трактует аблаут как древнее чередование гласных [4, с. 6].

С когнитивной точки зрения аблаут уместно интерпретировать как регулярный морфонологический шаблон, который связывает набор поверхностных словоформ с одной лексемой: вариативность вокализма «прочитывается» носителем как системная и предсказуемая, поскольку задается устойчивыми соответствиями внутри парадигмы. Тем самым такой шаблон облегчает интерпретацию формы и поддерживает восстановление ее парадигматической связи с лексемой, снижая неопределенность, связанную с формальным расхождением реализаций [5, р. 3, 5].

Языковой материал позволяет представить аблаут в словоизменении как набор устойчивых схем, в которых при сохранности консонантного каркаса меняется вокалический компонент основы. Важен именно повторяющийся характер этих переходов: носитель встречает не «случайную вариативность», а ограниченное число регулярных соответствий между формой именительного типа и формами косвенного типа. Ниже кратко фиксируем три основных типа, выделяемых в описании аблаута.

Первый тип демонстрирует переход к иной вокалической реализации основы в косвенных формах при сохранении консонантного каркаса. В результате одна и та же лексема реализуется через две регулярные «основы»: базовую (в форме именительного типа) и косвенную (в производных/косвенных формах). Наблюдаемая смена гласного здесь носит парадигматический характер: она повторяется в ряду форм и потому распознается как закономерная [1, с. 288].

Показательные примеры:

буц «трава» (номинатив)

бац-и^н→бѐц-и^н→бѐц-а^н (генитив)

бутт «месяц; луна» (номинатив)

батт-и^н→бетт-и^н→бетт-а^н (генитив)

В обоих случаях «идентичность лексемы» поддерживается прежде всего консонантным каркасом (б-ц; б-тт), тогда как вокалический компонент выступает как предсказуемый элемент перехода между формами. Это делает чередование когнитивно прозрачным: разные по звучанию реализации не конкурируют как разные слова, а «считываются» как вариативность одной лексемы в разных формах [1, с. 288].

Второй тип строится по той же общей логике (две соотнесенные основы), но исходная форма характеризуется иной вокалической организацией (уо-), и переход к косвенным формам сопровождается регулярной перестройкой вокализма. При этом принцип остается тем же: консонантный каркас стабилен, а гласный компонент меняется по ожидаемой схеме [1, с. 289].

Показательные примеры:

муохк «земля» (номинатив)

махк-и^н→мехк-и^н→мехк-а^н (генитив)

буолх «работа» (номинатив)

балх-и^н→белх-и^н→белх-а^н (генитив)

С точки зрения «распознаваемости» формы здесь важно, что вариативность вокализма не нарушает опоры на устойчивые согласные (м-хк; б-лх). Поэтому разница между исходной и косвенными реализациями остается функционально предсказуемой: в памяти носителя закрепляется не одна «жесткая форма», а схема соответствий внутри одного лексического гнезда [1, с. 289].

Третий тип объединяет смену гласного с формальным расширением основы элементом -ар. В этом случае аблаут проявляется как часть более крупного шаблона: «основа → основа + -ар», где «основа» уже включает ожидаемую вокалическую модификацию. Такой тип

особенно удобен для описания через модель, поскольку -ар выступает дополнительной «подсказкой» о принадлежности формы к косвенному ряду [1, с. 289–290].

никх «улей» (номинатив) → накх-ар-а^н (генитив)

диг «топор» (номинатив) → даг-ар-а^н (генитив)

нуй «веник» → нуо-р-а^н (генитив)

гIуй «засов» → гIуо-р-а^н (генитив)

зIуок «клюв» → зIак-ар-а^н (генитив) [1, с. 290].

Когнитивно этот тип показателен тем, что тождество лексемы поддерживается сразу двумя регулярностями: (а) стабильностью консонантного каркаса и (б) повторяемостью «сигнала косвенности» через -ар. В результате даже при заметной вокалической перестройке форма остается легко соотнесенной с исходной, поскольку принадлежит узнаваемому шаблону [1, с. 289–290].

Три описанных типа демонстрируют, что аблаут в словоизменении чеченского языка организован как система повторяющихся соответствий, а не как набор разрозненных исключений. Для носителя это означает, что вариативность вокализма «легитимизирована» паттерном: разные реализации одной лексемы распознаются как связанные, потому что сохраняется консонантный каркас и повторяется ожидаемая схема перехода (иногда дополненная расширителем -ар). Именно эта регулярность создает основу для когнитивной интерпретации аблаута как фонологического шаблона, поддерживающего узнаваемость слова при изменении его звукового облика.

Важный массив данных по аблауту связан с образованием форм множественного числа: здесь чередование гласного выступает как «пусковой» элемент модели, а далее включаются регулярные фонетические преобразования, приводящие к современной поверхностной форме. Ирезиев показывает, что в ряде слов множественное число формируется не простым присоединением показателя, а через последовательность стадий, в которых сохраняется тождество лексемы при изменении ее звукового облика [1, с. 290].

Показательные примеры образования множественного числа через аблаут:

вир «осел» → варраш «ослы»

тур «бык» → тарраш «быки»

букъ «спина» → баккъаш «спины»

Принципиально важно, что А.Д. Тимаев приводит и промежуточные стадии формирования итоговой формы, демонстрируя «многошаговость» перехода:

вир → варавиш → варваш → варраш

тур → таравиш → тарваш → тарраш

букъ → бакъавиш → бакъаваш → баккъаш [3, с. 48].

С точки зрения когнитивной интерпретации такие цепочки удобны тем, что делают прозрачной саму идею «паттерна»: множественное число не выглядит как набор «аномалий», а сводится к регулярной схеме, где аблаут задает ожидаемое соответствие между исходной и производной зоной, а последующие фонетические шаги системно приводят к стабилизированной современно-языковой реализации. Иными словами, даже при сильной поверхностной разнице (вир – варраш) форма остается узнаваемой как «та же лексема», потому что различие закреплено как нормативная траектория перехода, а не как случайная вариативность.

Одна из принципиальных особенностей чеченского аблаута состоит в том, что ряд косвенных форм опирается не на современную поверхностную форму именительного типа, а на более архаичные корневые варианты. В парадигме тем самым сохраняются следы более ранних вокалических состояний: синхронно они выглядят как заметное расхождение звучания словоформ, но в действительности представляют регулярные соответствия внутри одного и того же лексического гнезда [1, с. 295]. Для когнитивной интерпретации это важно: тождество лексемы поддерживается не буквальным совпадением звукового облика, а узнаваемой «траекторией» переходов между формами – то есть ожидаемыми соответствиями, которые носитель способен соотнести и восстановить как варианты одной единицы.

В нашей предшествующей работе особо отмечается, что в анлаутной позиции косвенных форм может возникать начальный согласный «ъ», являющийся результатом выпадения сонорного й. Это видно в примерах, где «в-» функционирует как дополнительный сегментный сигнал связи формы с парадигмой [1, с. 295]:

номин. йис «иней»→генит.: ъас-ира^н→ъес-ира^н→ъесара^н.

номин.: йиш «голос»→генит.: ъашира^н→ъешира^н→ъешара^н.

Аналогичный механизм – появление ъ в начальной позиции на фоне исторических преобразований основы – иллюстрируется нами также на материале существительного йукъ «зола»:

номинатив. йукъ→генитив ъовкъ-ар-а^н, датив. ъовкъ-ар-на.

С когнитивной точки зрения подобные эффекты можно трактовать как часть «пакета регулярностей», который облегчает распознавание формы: носитель опирается не на одну неизменную фонетическую оболочку, а на предсказуемые соответствия (вокализм + возможное появление/исчезновение сегментов), позволяющие быстро отнести различающиеся реализации к одной лексеме. Таким образом, аблаут и сопутствующие фонетические преобразования можно рассматривать как механизм поддержания тождества, при котором узнаваемость формы основана не на акустической идентичности, а на соответствии ожидаемым моделям регулярных изменений. В связи с этим анализ данных закономерностей имеет значение не только для историко-фонетического описания, но и для объяснения внешней вариативности словоформ в морфонологической перспективе [1, с. 295].

Заключение. Проведённый обзор показывает, что аблаут в чеченском языке целесообразно рассматривать не только как историко-фонетическое явление, но и как когнитивно значимый механизм организации словоформы. Представленные данные позволяют описывать аблаут в словоизменении как систему устойчивых морфонологических схем: при относительной сохранности консонантного каркаса вокалический компонент основы варьирует в пределах ограниченного набора регулярных соответствий (в том числе в моделях с формальным расширением *-ар*), при этом в ряде случаев актуализируются дополнительные фонетические процессы, закрепляющие связь словоформы с соответствующим лексическим гнездом.

В когнитивной перспективе ключевым оказывается не сам факт вариативности, а её предсказуемость: чередования интерпретируются носителем языка как нормативные траектории перехода между формами и тем самым поддерживают тождество лексемы даже при значительном расхождении поверхностного звучания. Это особенно наглядно проявляется (а) в выделяемых типах аблаута, где повторяемость схем обеспечивает распознавание формы как варианта одной и той же единицы, и (б) в моделях образования множественного числа, где многошаговые переходы демонстрируют, что даже существенные формальные расхождения могут оставаться «управляемыми» в рамках устойчивого паттерна.

Таким образом, аблаут в чеченском языке может быть интерпретирован как регулярный морфонологический шаблон, снижающий степень неопределённости при восприятии и интерпретации словоформ и обеспечивающий когнитивную связность парадигмы. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется уточнение инвентаря таких шаблонов на расширенном эмпирическом материале и их описание в терминах «узнаваемых траекторий» (наборов регулярных соответствий), релевантных как для моделирования языковой компетенции, так и для прикладных задач – обучения, лексикографического описания и формализации правил распознавания словоформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дешериев Ю.Д. Современный чеченский литературный язык. Часть I. Фонетика / Ю.Д. Дешериев. – Грозный: ЧИНИИЯЛ, 1960. – 121 с.
2. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – 299 с.
3. Ирезиев С.-Х.С.-Э. Фонетические процессы гласных в системе чеченского языка: дис. ... д-ра филол. наук. – Грозный, 2025. 497 с.

4. Ирзиев С.-Х.С.-Э. Нохчийн меттан диалекташкахь балдийн мукъазчу аьзнийн тIелаткъамца мукъачу аьзнийн хийцадалар / С.-Х.С.-Э. Ирзиев // Нохчийн меттан а, литературин а актуальни проблемаш: истори а, таханалера де а: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 22–23 апреля 2021 года. – Грозный: Акционерное общество «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2021. – Р. 42–48.
5. Овхадов М.Р. Изменение гласных под влиянием губных согласных в диалектах чеченского языка / М.Р. Овхадов, С. Х. С. Э. Ирзиев, М. С. Закраилова // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11, № 6-1. – С. 150–158.
6. Тимаев В.Д. Хинцалера нохчийн мотт: лексикологи, фонетика, морфологи. 2-е изд. – Соьлжа-Г'ала: ГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2011. – 416 с.
7. Тимаев А.Д. Чеченский язык. Фонетика / А.Д. Тимаев. – Грозный: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2011. – 207 с.
8. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. – 239 с.
9. Allen B., Becker M. Learning alternations from surface forms with sublexical phonology: handout. Phonology 2014, MIT, 19–21 Sep 2014. Cambridge (MA), 2014.

УДК 81'373; 001. 4(470.661 Чеч)

ГИДРОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ГОРНОЙ ТОПОНИМИИ ЧЕЧНИ

Алдиева З.А.,

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: aldievaz@mail.ru

Аннотация. В народной топонимии горной Чечни наблюдается значительное разнообразие географических терминов, в том числе и гидрографических. Например, для обозначения водных источников используется не только термин «вода» (хи), но и другие лексемы, такие как хъост, шовда, къулли, муж, чакхар и другие. Важно отметить, что эти термины не являются абсолютными синонимами. Каждый из них содержит определенные характеристики источника: указание на вкус, мощность, форму и другие параметры. Данная категория номенов, извлеченных методом сплошной выборки из специализированного словаря топонимов А. Сулейманова [3], исследована нами в топонимических номинациях с точки зрения лексико-семантического и структурно-грамматического аспектов. В результате выявлены ключевые разряды терминов-гидронимов, которые активно использовались в образовании горной топонимии. Предложенная нами классификация базируется на традиционных методах исследования.

Ключевые слова: географические термины, народная топонимия, гидроним, номинация, природный объект, ландшафт, метод, классификация, лексико-семантический аспект.

HYDRONYMIC TERMS IN THE MOUNTAIN TOPONYMY OF CHECHNYA

Aldieva Z.A.,

Candidate of Philology, Associate Professor of the
Department of Russian Language and General Linguistics
Kadyrov Chechen State University

Abstract. The folk toponymy of mountainous Chechnya shows a significant variety of geographical terms, including hydrographic terms. For example, the term «water» (hi) is used to refer to water sources, but other lexemes such as khost, shovda, kulli, muj, chakhchar, and others are also used. It is important to note that these terms are not absolute synonyms. Each term has its own specific characteristics, such as taste, strength, shape, and other parameters. This category of nomens, extracted by the continuous sampling method from the specialized dictionary of toponyms by A. Suleymanov [3], has been studied in toponymic nominations from the point of view of lexical-semantic and structural-grammatical aspects. As a result, key categories of hydronymic terms have been identified, which were actively used in the formation of mountain toponymy. The classification proposed by us is based on traditional research methods.

Keywords: geographical terms, folk toponymy, hydronym, nomination, natural object, landscape, method, classification, lexical-semantic aspect.

Топонимия горной Чечни представляет собой важный элемент языковой картины мира, отражающей этнокультурные представления чеченского народа о пространственных, природных и социальных реалиях. Горная топонимия характеризуется высокой степенью сохранности традиционных культурных элементов, что делает её ценным источником для лингвистического анализа и реконструкции когнитивных процессов, формирующих языковую концептуализацию мира [1].

Топонимы, являясь носителями культурно-исторической информации, позволяют реконструировать исторические события, миграции населения, торговые пути и другие значимые аспекты прошлого, что способствует более глубокому пониманию динамики этнокультурных процессов и их влияния на формирование современного ландшафта и культурной идентичности [2].

Водные источники исторически играли определяющую роль в расселении людей, выступая ключевым фактором выживания, экономического роста и формирования инфраструктуры. Как известно, древнейшие человеческие поселения зародились в поймах крупнейших рек. Близость водоемов позволяла развивать ирригационные системы для полива полей, что исторически являлось залогом стабильного производства продовольствия. Не

являлась исключением в этом смысле и Чечня. В горах Чечни наблюдается многообразие источников воды: здесь есть реки, озера, пруды, родники, водопады и др. виды водоемов. Десятки источников имели культовое и историческое значение для местного населения, о чем свидетельствует топонимия региона. Горцы ревностно относились к водным источникам, облагораживали их, устраивали навесы, подступы к источникам, чтобы защитить воду от загрязнения, сделать забор воды удобным и безопасным для населения.

В традициях горцев вода считалась священной. Рядом с источниками совершали обряды, родниковая вода (шовда) воспринималась как целебная: некоторые источники славилась специфическими свойствами (минеральные, серные и т. п.). Облагораживание делало их функциональными для общины. Воду из источников использовали для мельниц и разного рода ремёсел. Источники нередко становились местами встреч, праздников, памятными знаками: их посвящали важным для общества событиям или людям, сохраняли как наследие предков, передавали названия и легенды, связанные с ними. Таким образом, облагораживание водных источников в поселениях горцев – это синтез практической необходимости (чистая вода, удобство), духовных традиций (сакрализация воды) и заботы о среде (сохранение экосистемы). Эта практика отражает глубинную связь человека с природой и стремление упорядочить и украсить жизненно важные объекты. Ни один источник не остался без внимания горцев. Наверное, поэтому в топонимических названиях так много терминов, связанных с источниками воды.

Основу названий водных источников (топонимов) образуют гидрографические термины: *хи, лам, ина, шовда, алий, апари, муж, чахчар*.... Гиперонимом в этом ряду является слово «хи», которым обозначается любой источник. А перечисленные слова-термины характеризуют источник по типу, размеру, интенсивности течения, качеству воды, цвету воды, а также с точки зрения антропогенного воздействия (например, *апари (априе)* – это облагороженный источник, канал, водопровод).

Эти термины, являясь важным компонентом гидронимического ландшафта, отражают не только физико-географические особенности региона, такие как климатические условия, флора и фауна, но и культурные и исторические аспекты, связанные с восприятием и интерпретацией водных объектов. Анализ водных терминов позволяет выявить специфические когнитивные стратегии, применяемые чеченским народом для категоризации и номинации водных объектов, а также понять, какие признаки (цвет, характер течения, вкусовые качества, размер и т. д.) являются наиболее релевантными для их номинации и классификации. Таким образом, водные термины в топонимии горной Чечни представляют собой важный объект лингвистического исследования, позволяющий глубже понять механизмы формирования языковой картины мира и этнокультурную специфику чеченского народа.

Комплексное исследование топонимии горных систем, а также всего исследуемого региона, невозможно без проведения детального лингвистического анализа гидронимов. Как известно, водные объекты всегда занимали центральное место в языковой картине мира различных этнических групп, отражая их культурные, исторические и экологические представления.

Целью данной статьи является систематизация и лексико-семантический анализ гидрографической лексики, присутствующей в народных топонимах горной части Чеченской Республики. Исследование данной проблематики позволяет не только углубить знания о топонимической системе региона, но и внести значимый вклад в изучение чеченского языка, его исторического развития и функциональной эволюции. В частности, оно направлено на выявление корреляций между языковыми структурами, природными особенностями и социокультурной средой. Результаты данного анализа могут послужить основой для дальнейших исследований в области влияния географической среды на формирование языковых и культурных процессов.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы географические термины-гидронимы, представленные в народной топонимии горной Чечни. Для анализа

данного материала был применен комплексный описательный метод, включающий лексико-семантический, структурный и сопоставительный анализ исследуемых топонимических единиц.

Гидронимическая терминология представляет собой сложную систему лексических единиц, обозначающих водные объекты. В рассматриваемой лингвистической традиции выделяются такие термины, как *хи*, *кьулли*, *хьост*, *чахчар*, *а'ли*, *апар*, *шовда*, *ина* и другие. Термин *хи* является полисемантическим, одновременно обозначая общее название всех водных объектов. Вероятно, он является архаическим и изначально охватывал любые водные источники. Однако в процессе освоения территории и дифференциации природных объектов произошло формирование специализированных гидронимических номинаций. К числу таких терминов относятся *айма*, *шовда*, *ина*, *лам*, *муж* и другие. Каждый из них маркирует определенные характеристики водных объектов, такие как вкус, химический состав, размер, форму, цвет, температуру и другие параметры. Разнообразие гидрографических терминов в составе горной топонимии свидетельствует о богатом и разнообразном ландшафте: *шовда* – родник, *муж* – минеральный (соленый) источник, *лам* – озеро, *айма* – пруд, *чахчар* – водопад, *кьулли* – крытый родник, *ишал* – болото, *алуо (а'ли)* – речка, *ина* – родник, *берам* – соленый источник, *хьоста* – мощный источник, *априе* – водный канал, облагоустроенный источник, пед (диалектное) – родник, жол/джол (диалектное) – речка, булкх – речка/родник, татол – канал.

С функциональной точки зрения гидрографические термины выступают, во-первых, как основообразующие компоненты топонимов и, во-вторых, в функции самих топонимов. Примером первых выступают термины в составе следующих топонимов: *Хи долу чь*, *Шиелач хи тла*, *Къахьармин лам*, *Кюйрин хи*, *Атабин хи тла*, *Кхийра хьоста*, *Качу ломара доглу хи*, *Муьжие чу*, *Гурчуьра доглу хи*, *Зирхчуьра доглу хи*, *Айма йоллача тле*, *Шуорша лина хьасташка*, *Хорх таьхьашкара хи*, *Бласта хи* и т. п.

Водообозначающие термины могут также образовывать, как правило, однокомпонентные или двухкомпонентные топонимы. Вторым компонентом часто выступают пространственные указатели (предлоги) – *тлие (тла)*, *тлиера*, *чу (чь)*, *хьалхара*, *тлиехьара*, *тлаьхьашка*, *келлхьара*: *Муьжие чу*, *Шовдан чу*, *ломие чу*, *Тлиерачу хьостие*, *Хьалхара али*, *Аймиг тлаьхьашка*. В однокомпонентных названиях пространственная характеристика термина (топонима) выражена синтетически (при помощи финали – *ие*) – *ламие* (к озеру), *Хьостие* (к источнику), *Муьжие* (к минеральному источнику) и т. п.

Многокомпонентные топонимы с гидрографическими терминами подразделяются на несколько типов в зависимости от морфологической природы входящих в топоним компонентов. Так, термины, играя главную роль в создании структурного единства названия, могут сопровождаться:

1. Словами-определителями, в качестве которых выступают качественные и/или относительные прилагательные, обозначающие цвет источника, его вкусовые качества, интенсивность, размер, температуру: *Цлечу хи тле* (*цлие* – красная), *лаьржа алий* (*лаьржа* – черная), *лаьржа лам* (Черное озеро), *Клайчу шовдане* (*клай* – белый), *Шан хи* (*шан* – ледниковая), *Довх хьостие* (*довха* – горячий), *Кура хи* (*кура* – гордая), *Шиелач хи тла* (*шийла* – холодная), *Бьыха лам* (*бьыха* – грязное), *Шира хьаст* (*шира* – старый), *Жима Марта* (*жима* – малая), *Дарбанан хи* (*дарбанан* – лечебная), *Муьста хи* (*муьста* – кислая) и т. п.

2. Словами-определителями, в качестве которых выступают притяжательные прилагательные – производные от антропонимов (личных имен людей, которые могли открыть источник или облагородить его, или на территории которых находился источник): *Къахьармин лам*, *Кюйрин хи*, *Атабин хи тла*, *лоддин хи*, *Тайша(н) ломие*, *Лечин хи*, *Колин шовда*, *Висхин шовда*, *Меднин шовда*, *Мизин хи*, *Индарбин лам*, *Закин ирзера шовда*, *Сала али*, *Амла али*...

3. Этнонимами: *Биелкхиен шовда* (*биелкхи* – название рода), *Катарой хаст* (*катарой* – этноним), *Галайн лам* (*галай* – этноним).

4. Словами-определителями, в качестве которых выступают причастия: *Орсийн йолана дагадохна шовда* (*дагадохна* – любившийся), *Туобина хьоста* (*Туобина* – улучшенный),

Малхара кашмаш долчура дог1у али (дог1у – текущая), Духдуйлу хи (вытекающая из-под земли).

5. Именами существительными и предлогами пространственного значения, соответствуют схеме: сущ.+ предлог+ термин: Пхона к1елхъара шовда (к1елхъара – из-под), Берда к1елхъара шовда, Г1ркх т1аьхъашкара хи и др.

6. Именем прилагательным и существительным, соответствует схеме: прил. + сущ.+ термин: Доккхачу жаг1-1инчура шовда, Пед боллачу биерач (пед – родник).

7. Числительными: Кхоазлаг1а али (кхоазлаг1а – третья), Кхаа хъиехера хи кхоъ – три).

8) существительными-зоонимами: Ц1убдарийн 1омие (ц1убдар – пиявка), Гомашийн 1ома (гомаш – буйволица), Пхъидийн 1оме (пхъид – лягушка), Дойн хъостие (дой – кони), Саьн хи (сай – олень).

Выводы. Термины-гидронимы выступают в качестве фундаментальной основы формирования гидрографических топонимов, являясь источником их смыслового содержания. Гидронимические термины в составе топонимов аккумулируют социальную и языковую информацию, позволяя реконструировать пространственно-временные контексты и культурные особенности региона. В результате лексико-семантического и структурно-грамматического анализа гидрографических топонимов нами были выявлены ключевые термины-гидронимы, которые активно использовались для обозначения водных объектов горной части ЧР. С функциональной точки зрения терминологическая лексика использована и в качестве самостоятельного наименования гидронимических объектов, и в качестве смыслового центра многокомпонентного топонима. Среди многокомпонентных топонимов с гидрографическими терминами нами выделено 8 типов в зависимости от морфологической природы входящих в топоним компонентов и их семантики. Эта классификация позволяет глубже понять структуру и семантику топонимических систем, а также выявить их взаимосвязь с природными и культурными особенностями региона [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдиева З.А. Отантропонимические народные топонимы горной Чечни // Дешериевские чтения – 2023: материалы Международной научной конференции. – Грозный, 2023. – С. 60–63.
2. Алдиева З.А. Лексико-семантическая классификация исконной антропонимии Чечни // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 4 (32). – С. 89–94.
3. Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1997.

НАИМЕНОВАНИЕ ПТИЦ В РУССКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Арсакаева Х.С.,

канд. филол. наук, доцент кафедры «Русский язык и общее языкознание»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: hapta76@mail.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает наименования птиц в русском и чеченском языках на примерах из фольклора, личных имен и фамилий. Автор исследует лексические и семантические особенности названий птиц в русском и чеченском языках. Анализ проводится с точки зрения сравнительной лингвистики, что позволяет выявить как сходства, так и значительные различия, обусловленные этнокультурными, географическими и историческими факторами. Особое внимание уделяется происхождению слов, их структурной организации и функциям в языковом сознании носителей. Кроме того, рассматривается влияние окружающей среды и традиционного образа жизни на формирование системы орнитонимов в каждом языке. Работа подчеркивает важность сохранения языкового разнообразия и обогащения знаний о взаимосвязи языка, культуры и природы. Целью данного исследования является выявление сходств и различий в словарном составе и словообразовании названий птиц, что способствует более глубокому пониманию языковой картины мира двух народов.
Ключевые слова: орнитонимы, пословицы, сравнительная лингвистика, культурные особенности, антропонимия, русский язык, чеченский язык, лингвистические заимствования.

NAMES OF BIRDS IN RUSSIAN AND CHECHEN LANGUAGES

Arsakaeva Kh.S.,

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language and General Linguistics
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article examines the names of birds in Russian and Chechen languages using examples from folklore and personal names and surnames. The author explores the lexical and semantic features of bird names in Russian and Chechen. The analysis is carried out from the point of view of comparative linguistics, which allows us to identify both similarities and significant differences due to ethnocultural, geographical and historical factors. Special attention is paid to the origin of words, their structural organization and functions in the linguistic consciousness of native speakers. In addition, the influence of the environment and the traditional way of life on the formation of the ornithonymic system in each language is considered. The work highlights the importance of preserving linguistic diversity and enriching knowledge about the relationship between language, culture and nature. The purpose of this study is to identify similarities and differences in the vocabulary and word formation of bird names, which contributes to a deeper understanding of the linguistic worldview of the two peoples.

Keywords: ornithonyms, proverbs, comparative linguistics, cultural peculiarities, anthroponymy, Russian language, Chechen language, linguistic borrowing.

Изучение названий птиц в языках различных этносов раскрывает не только лингвистические особенности, но и культурно-исторический опыт народов, их восприятие окружающего мира и взаимодействие с природой. В данной работе проводится сравнительный анализ наименований птиц в русском и чеченском языках, что позволяет выявить структурные, семантические и культурно-специфические особенности лексики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения и систематизации лингвокультурного наследия, а также расширением знаний о взаимосвязи языка, культуры и среды обитания.

Птицы с древнейших времен занимают особое место в культуре любого народа. Их образы олицетворяют свободу, духовную высоту. Названия птиц прочно вошли в фольклор, литературу, язык и антропонимику как русского, так и чеченского народов. Орнитология нашла отражение в трудах многих исследователей, таких как З.А. Алдиева [1, 2, 3], Н.Ю. Неронова [8], Л.В. Амелина [4] и др.

Общие принципы формирования названий птиц в русском и чеченском языках можно рассмотреть с лингвистической и биологической точек зрения. Основные моменты, которые обычно учитываются при создании и закреплении названий птиц:

1. Описание внешнего вида и поведения

Многие названия основаны на характерных признаках: окраске, форме, размере или особенностях поведения. Например, в русском языке «синяя синица» – по цвету, «копытень» – по форме лап.; *ракша* – птица «зеленая ворона, *Coracias gorrula*» – связано со звукоподражающими «рокатать, реготать». Предполагают диссимиляцию первоначального *кракша и связь с *крáкать* [9]. В чеченском языке «*кIужтуьллиг*» – *чибис* – по биологическому признаку; «*къорзакъиг*» – *сорока* – по цвету.

2. Звуковые особенности

Часто названия птиц имитируют их голос или песню: «кряква», «кукушка», «перепел». В чеченском языке «*цIирицIир*» – синица, «*жагIжагI*» – галка.

3. Местообитание или географическая привязка

Названия могут включать указание на тип среды (лесная, речная птица) или регион (тихоокеанская чайка). Так же и в чеченском языке: *хинхъоза* – оляпка (*Cinclus cinclus*) – птица отряда воробьинообразных, которую также называют водяной дрозд или водяной воробей [6].

4. Этнографические и культурные мотивы

В названиях могут сохраняться старинные фольклорные, народные представления, мифы или особенности хозяйственного использования птицы.

5. Удобство произношения и запоминание

В разговорной речи названия обычно короткие и простые для удобства общения, например, «бад» – утка, «*гIаз*» – гусь, «леча» – сапсан, «*хIуттут*» – удод [7].

6. Классификация по образу жизни

Домашние, или живущие в непосредственной близости к жилью человека (воробей, ворона, голубь, индюк, курица, петух, сорока, утка и др.), промысловые (куропатка, рябчик, тетерев, утка, фазан и др.) и хищные (орел, сова, сокол, ястреб и др.).

Пословицы и поговорки – важная часть устного народного творчества, отражающая культуру, менталитет и мировоззрение народа. Особенно интересно рассмотреть пословицы про птиц, ведь птицы с древности ассоциировались с разными символами: свободой, домом, мудростью, сменой сезонов и жизненными ситуациями.

Русский язык богат паремиями, где фигурируют названия птиц. Чаще всего встречаются воробей, ворона, сокол, орел, синица, журавль, кукушка, соловей. Эти образы несут как прямые, так и переносные значения.

В русском языке птицы часто символизируют свободу, ум, осторожность и дом. Синица и журавль воплощают спор между реальным и желанным, например, пословица «*Лучше синица в руках, чем журавль в небе*» (учит ценить реальное, доступное, а не мечтать о недостижимом). Орел – царь птиц, символ величия, гордости: «*Орел мух не ловит*» (о человеке, не тратящем время на мелочи). Воробей – символ маленького, шустрого, но часто недальновидного существа: «*Слово не воробей, вылетит – не поймаешь*» (предостережение о цене сказанного); «*Старого воробья на мякине не проведешь*» (о жизненном опыте). Особняком стоит соловей – певец, символ поэзии и любви: «*Соловья баснями не кормят*» (нужны реальные дела). «*Каждая птица своего часа ждет*» – о терпении и своевременности. Птицы здесь – не только природные создания, но и метафоры жизненных качеств, настроений и ситуаций.

В чеченском языке в паремиях орнитонимы встречаются не реже, чем в русском, но акценты расставлены иначе. Птицы – символы дома, семьи, защиты и корней.

В пословицах часто отражается уважение к родным местам и преданность семье и традициям. Приведем примеры:

Аьрзону ларам ца боху – Орел не теряет достоинство.

Нохчийн къонах – леча санна – Чеченский джигит как сокол.

Ваша воцу ваша – там боцу леча – без брата брат, что сокол без крыла.

Аьрзунаш лаьмнашкахь кхуьу – Орлами становятся только в горах.

Кьена аьрзу бенахь лаца лур яц – Опытного орла в гнезде не поймать.

Ваша воцу йишиа – тIам боцу кхокха – Сестра без брата – как голубь без крыла [10, с. 59].

Кьиг тIееьча, кьиг а гIотту хьала [11, с. 192] – Даже ворона, когда подлетает ворона, встает (напоминание).

Например, поговорка о воробье у разрушенного гнезда символизирует боль утраты и важность дома.

Чеченские поговорки чаще подчёркивают коллективные ценности, безопасность и мудрость старших, а через птиц передают связь с родиной и традициями.

В русском языке названия птиц могут использоваться в разных контекстах, связанных с людьми. Однако, надо отметить, многие фамилии в русском языке происходят от названий птиц. Среди них – Соловьёв, Соколов, Воробьёв, Голубев, Орлов, Лебедев, Журавлёв и др.

Соколов, Сокольников – одна из самых частых русских фамилий (от сокол – символ удали).

Орлов – не менее популярна, подчеркивает гордый нрав предка.

Лебедев – красота, стать, чистота.

Воробьев – часто иронично, но указывает на живость характера.

Соловьев – от певчей птицы, вероятно, предок обладал звонким голосом.

Голубев, Голубков – мягкость, миролюбие.

У чеченцев в древности было очень много личных имен, образованных от названий птиц. В некоторых семьях эта традиция сохраняется по сей день. Приведем некоторые из них;

Мужские имена:

Аьрзу (орёл) – такие имена ассоциировались с силой, храбростью, ловкостью и непокорностью духом.

Леча (сокол) – имя воина-охотника.

Куьйра (ястреб) – имя тоже воина-охотника.

Олхазар – летящая птица.

Женские имена:

Кхокха (голубка) – символ нежности, мира.

ГIургIаз (лебедь) – очень красивое, но редкое имя, подчеркивает грацию.

ТIаус (павлин) – в чеченском языке имя *ТIаус* может быть как мужским, так и женским.

Хьоза (воробей) – имя мужское и женское в чеченском языке, но в большинстве случаев это мужское имя.

В чеченском языке редко встречаются фамилии, связанные с названиями птиц (патронимы), как, например, *Лечиев* (от *Леча* – сокол), *Алхазурова*, *Олхазурова* (от *Олхазар* [7] – летящая птица). В данной работе мы привели лишь некоторые примеры орнитонимов и патронимов. Тема наименования птиц в русском и чеченском языках остается актуальной и представляет большой интерес для исследователей.

Таким образом, названия птиц – это не просто лексические единицы, а ключи к пониманию культурного кода народа. Изучение орнитоморфной лексики в пословицах, именах позволяет глубже понять национальный характер и уважительно отнестись к культурному наследию народа.

В ходе исследования выявлено, что наименования птиц в русском и чеченском языках отражают не только лингвистические особенности, но и глубоко укоренённые культурно-экологические представления каждого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдиева З.А. Словообразовательные модели в гипокаристической подсистеме чеченской антропонимии. Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1 (37). – С. 6–10.
2. Алдиева З.А. Имена-дезидеративы в чеченском именослове (структурно-грамматическая характеристика). Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 2 (34). – С. 6–10.

3. Алдиева З.А. Лексико-семантическая классификация исконной антропонимии Чечни // Известия ЧГУ им. А.А. Кадырова. 2023 № 4 (32). – С. 89–94.
4. Амелина Л.В. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoznachnost-i-omonimiya-v-sisteme-ornitonimov-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Арсакаева Х.С., Гишкаева А.А. Имена собственные в творчестве М.А. Булгакова. В сборнике: Проблемы общей и региональной ономастики. Материалы XIV Международной научной конференции, посвященной памяти профессора Мусаева Магомед-Саида Мусаевича. – Махачкала, 2025. – С. 12–14.
6. Википедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.03.2026).
7. Мациев А.Г., Карасаев А.Т. Русско-чеченский словарь. – М.: Русский язык. – 728 с.
8. Неронова Н.Ю. Наименование птиц в русском языке как семантическое поле. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-ptits-v-russkom-yazyke-kak-semanticheskoe-pole> (дата обращения: 10.03.2026).
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. 2-е изд. стереотипы. – М.: Прогресс, 1986.
10. Чеченские пословицы. / сост. Т.Б. Джамбекова, Л.М. Ибрагимов. – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2013. – 208 с.
11. Чеченский фольклор: составл., предисл. и коммент. Ш.А. Джамбекова. – Грозный: Чеч.-Инг. издат.-полиграф. объединение «Книга». 1991. – 592 с.

УДК 800.879.141

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА)

Байбулова М.Н.,

аспирант 2 года обучения

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

e-mail: milyausha-sharafutdinova@bk.ru

Аннотация. Процесс активного использования заимствованных слов в современном башкирском языке стал весьма распространённым. Иноязычные элементы проникают во многие аспекты жизни российского общества. Это явление во многом обусловлено глобализацией и углублением международных торгово-экономических связей. Изменения, происходящие в мировой экономике, ярко отражаются и в лексическом составе языка. Поэтому особенно интересным является исследование англицизмов в области лексикографических источников, включая термины, связанные с разными сферами жизни: спортом, музыкой, одеждой, технологиями, экономикой и т. д. **Ключевые слова:** английское заимствование, англицизм, башкирский язык, лексикографические источники, языковой контакт, глобализация.

ENGLISH BORROWINGS IN THE BASHKIR LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF A LEXICOGRAPHIC SOURCE)

Baibulova M.N.,

2nd year postgraduate student

Ufa University of Science and Technology

Abstract. The process of actively using borrowed words in the modern Bashkir language has become quite widespread. Foreign language elements are penetrating into many aspects of Russian society. This phenomenon is largely due to globalization and the deepening of international trade and economic relations. The changes taking place in the global economy are also reflected in the lexical composition of the language. Therefore, it is particularly interesting to study Anglicisms in the field of lexicographic sources, including terms related to various areas of life, such as sports, music, clothing, technology, economics, etc.

Keywords: English borrowing, Anglicism, Bashkir language, lexicographic sources, language contact, globalization.

Английские заимствования в башкирском языке оказывают значительное влияние на его лексический состав, что обусловлено глобализацией и интеграционными процессами, характерными для современного общества. Они проникают в различные сферы жизни – от науки и технологий до культуры и повседневной речи, обогащая язык новыми значениями и концепциями.

В толковом словаре С.И. Ожегова понятие «англицизм» определяется как «слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [7, 1145].

В башкирском языке изучение англицизмов не получило должного внимания. Так, некоторые аспекты исследования английских заимствований в башкирском языке были затронуты в обзорных статьях Г.Р. Абдуллиной, М.Н. Шарафутдиновой [1–2]; Г.А. Амирхановой, З.И. Саяховой [3]; Э.С. Гафаровой [4], Г.М. Ждановой, Л.А. Ярославовой [5]; диссертационной работе Ф.Р. Фатхуллиной [8], но при этом английские заимствования не являлись объектом специального научного исследования.

«Краткий русско-башкирский словарь иноязычных заимствований» под редакцией Т.М. Гарипова [6] включает свыше 1000 употребительных терминов с их переводами и толкованиями и дает краткие пояснения часто встречающимся в прессе, популярной и художественной литературе словам иностранного происхождения, заимствованным в русский и башкирский языки. Тем самым данный словарь представляет интерес для исследования англицизмов на материале лексикографического источника.

Исходя из вышеуказанного, необходимо отметить, что в двуязычном словаре иноязычных заимствований зафиксированы следующие англоязычные заимствования:

- 1) *аутсайдер* (из английского «посторонний, отстающий»). Аутсайдер, артта калыусы;
- 2) *бедлам* (из английского «Вифлеем»; по названию больницы для умалишенных в Лондоне, ставшему нарицательным). Бедлам: тәртипһезлек, ығы-зығы, шау-шыу; акылдан язғандар өйө;
- 3) *бестселлер* (из английского «лучший + продажа»). Бестселлер: иң күп һорау менән кулланылған китап, йәки башка тауар;
- 4) *бизнес* (из английского «дело»). Бизнес: Табыш, шәхси байлык өсөн башкарылған кәсеп, оҫта афёра һ.б.;
- 5) *блеф* (из английского «обман»). Блеф: уйзырма, буш кыуык, кыуык осороу;
- 6) *блок* (из английского и французского «глыба, массив»). Блок: бер нисә дәүләттең, партияның бергәләп эш итеү максаты менән берләшеүзәре;
- 7) *блок* (из английского). Блок: каршы яктың һуғыуынан һаклануы;
- 8) *блокада* (из английского). Блокада: 1. Кала, кәлғә, хәрби база йәки армияның дошман ғәскәре тарафынан камалыуы; 2. Берәй дәүләтте сәйәси йәки иктисади яктан изоляциялауға йүнәлдерелгән саралар системаһы;
- 9) *блокировать* (из английского). Блокировать. 1. Блокадалау, блокада яһау, камау, камап тотоу; 2. Юлды ябыу;
- 10) *бойкот* (из английского имени собственного). Бойкот: 1. Айырым кеше, ойошма, йәки дәүләт менән бөтә төр бәйләнеште өзөү формаһында алып барыла торған сәйәси һәм иктисади көрәш; 2. Берәй кеше менән бәйләнеште өзөү;
- 11) *буги-вуги* (из английского). Буги-вуги: джазда фортепьянола уйнау алымы; парлы тиз бейеү;
- 12) *бункер* (из английского). Бункер: 1. Бетондан ер астында эшләнгән нығытма; 2. Карапта яғыулык һаклай торған бүлек; 3. Онтак нәмәләр һаклау, йөрөтөү өсөн махсус кулайлама;
- 13) *буфер* (из английского «смягчать толчки»). Буфер: 1. Каты бәрелеүзән һаклай торған кулайлама; 2. Бер-береһенә дошман булған ике яктың бәрелешен, көрәшен йомшартыуы төркөм;
- 14) *винчестер* (по названию г. Винчестер в Англии). Винчестер: каты магнитлы диск;
- 15) *гламурная* (из английского). Гламур: сибәр, үзенә йәлеп иткән матурлык;
- 16) *грейдер* (из английского «нивелировать»). Грейдер: ер казыу машинаһы;
- 17) *диджей* (из английского «диск-жокей»). Диджей: дискотекала музыка менән идара итеүсе;
- 18) *диспетчер* (из английского «экспедитор»). Диспетчер: төрлө эш барыштарын координациялаусы кеше йәки компьютер программаһы;
- 19) *докер* (из английского «гавань»). Докер: портта йөк ташыуы;
- 20) *допинг* (из английского «давать наркотики»). Допинг: вакытлыса көс биреүсе матдә; спортсыларға рөхсәт ителмәй;
- 21) *импорт* (из английского и латинского «ввозить»). Импорт: 1. Сит илдән тауар индереү; 2. Шул тауардың һәм улардың дөйөм һагы;
- 22) *комфорт* (из английского и латинского «укреплять»). Комфорт, тулы уңайлык;
- 23) *контейнер* (из английского «вмещать»). Контейнер, йөк ташыу өсөн кулланылған йәшник;
- 24) *круп* (из английского). Круп. Шеш, тамак шешеүе;
- 25) *ловелас* (из английского «Без любви» – имя собственное). Ловелас, катын-кыздар артынан күп йөрөүсе, азырыуы;
- 26) *лорд* (из английского «хранитель хлеба»). Лорд, Англияла нәселдән килгән юғары дворянлык титулы һәм шул титулдағы кеше;

- 27) *лояльность* (из французского и английского «верный»). Лояллек, ыңғай караш;
- 28) *милорд* (из английского «мой + господин»). Милорд, Англияла епископка, судьяға, аристократка ихтирам менән өндәшеү;
- 29) *мимикрия* (из английского и греческого «подражательный»). Мимикрия, кайһы бер үсемлек һәм йән эйәләренен формалары һәм төстәре менән башка үсемлек, йән эйәһенә йәки тирә-йүн тәбиғәткә окшап үзгәрәүе;
- 30) *напалм* (из английского «пальмовая кислота»). Напалм, кеҗәл һымак бензинлы катышма;
- 31) *нокдаун* (из английского «ударять вниз»). Нокдаун: бокста спортсмендың һуғып йығылғандан һуң тора алмай яткан сағы;
- 32) *пирс* (из английского «мол, пристань»). Пирс: суднолар туктау өсөн эшләнгән королма;
- 33) *пленум* (из английского «играет мальчик»). Пленум: етәксе органдарзың тулы составтағы йыйылышы;
- 34) *принтер* (из английского «печатник»). Принтер, баҗма сығара торған королма;
- 35) *пульман* (из английского имени собственного). Пульман: йоклай торған вагон, шул вагондар таккан поезд;
- 36) *радар* (из английского «обнаружение и определение расстояния при помощи радио»). Радар: радио ярзамында аралыкты асыу һәм уны билдәләү;
- 37) *раунд* (из английского «круг, цикл»). Раунд: бокста бер бәрелешкә киткән вакыт;
- 38) *реглан* (из английского имени собственного). Реглан: пальто йәки плащ фасоны;
- 39) *ром* (из английского «сахарная водка»). Ром: каты эсемлек;
- 40) *румб* (из английского «волчок, круговое движение»). Румб: компас түңәрәгенен утыз икенән бер өлөшө;
- 41) *сканер* (из английского «развёртыватель»). Сканер, компьютер королмаһы;
- 42) *слип* (из английского «скользить»). Слип: судноларзы һыуға төшөрә һәм һыузан мендерә торған майзан;
- 43) *смокинг* (из английского «пиджак, в котором курят»). Смокинг: өҗ кейеме;
- 44) *спич* (из английского «речь»). Спич: котлау телмәре;
- 45) *спонсор* (из английского «попечитель»). Спонсор, бағыусы;
- 46) *спринтер* (из английского «бегун на короткие дистанции»). Спринтер: кыска дистанцияларға йүгерәүе;
- 47) *спрут* (из английского «рывок»). Спрут, һигезаяк;
- 48) *стопорить* (из английского «пробка, затычка»). Стопорить. 1. Туктатыу, әкрәнәйтеү; 2. Тоткарлык итеү, камасаулау;
- 49) *супермаркет* (из английского «большой магазин самообслуживания»). Супермаркет, зур магазин;
- 50) *тандем* (из английского и латинского «друг за другом»). Тандем: бергә эшләгән йәнәш ике механизм; ике урынлы велосипед; бер проект өстөндә эшләүсе ике кеше;
- 51) *тент* (из английского и латинского «натянутое полотно»). Тент: кояштан, ямғырзан һаклай торған калын киндер япма;
- 52) *тест* (из английского «проба, испытание, исследование»). Тест, һынау;
- 53) *трал* (из английского и латинского «невод»). Трал: 1. Ток формаһындағы бик зур ау; 2. һыу асты миналарын тотоп зарарһызландырыусы корал; 3. Дингез төбөн һәм ундағы хайуандарзы, үсемлектәрзе тикшереү коралы;
- 54) *тред-юнионы* (из английского «объединение ремесел, профессий»). Тред-юнион: Англияла профсоюз исеме;
- 55) *трек* (из английского «круговая дорожка»). Трек: бәйге өсөн яһалған юл;
- 56) *трест* (из английского «доверие, кредит»). Трест: бер типтағы предприятиелар берләшмәһе;
- 57) *трюизм* (из английского «верный, истинный»). Трюизм: һәр кемгә билдәле ысынлык, күп сәйнәлгән нәмә;

- 58) *флирт* (из английского и французского «кокетничать, порхать с цветка на цветок»). Флирт: кыйшандак, шикандак;
59) *фольклор* (из английского «народ + знание»). Фольклор: халык ауыз-тел ижады;
60) *шрапнель* (из английского имени собственного). Шрапнель: эсендәге пулялар тултырылған артиллерия снаряды;
61) *экспорт* (из английского и латинского «вывозить»). Экспорт: 1. Тауарзы ситкә сыгарыу; 2. Шул тауар микдары йәки хақы һәм тауар үзе;
62) *эскалатор* (из английского «лестница»). Эскалатор: кешеләрҙе мендереп-төшөрөп йөрөтөү өсөн күсеп йөрөгән баскыс [6].

Выявленные в русско-башкирском словаре иноязычных заимствований англицизмы указывают на частотность их употребления в СМИ и художественных текстах, в связи с чем включены автором в данный словарь. Следует отметить, что рассмотренные англицизмы охватывают разные сферы жизни и относятся к лексике спорта, музыки, одежды, технологий, экономики и т. д.

Лексикографический источник показывает разнообразие заимствованных слов, адаптированных к фонетическим и морфологическим особенностям башкирского языка. Например, словоформы, образованные от английских терминов, нередко претерпевают фонетическую трансформацию, что позволяет им лучше вписаться в языковую среду башкирского языка.

В результате такого взаимодействия можно наблюдать не только заимствование непосредственных лексем, но и создание новых слов, выражающих современную действительность и новейшие технологии. Следовательно, анализ этой языковой динамики не только помогает понять языковой процесс, но и является индикатором культурных изменений в башкирском обществе. Таким образом, английские заимствования в башкирском языке представляют собой важный аспект в изучении его современного состояния и дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина Г.Р., Шарафутдинова М.Н. Заимствованный пласт в спортивной лексике башкирского языка (на примере англицизмов) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). – С. 402–404.
2. Абдуллина Г.Р., Шарафутдинова М.Н. Заимствованный пласт в лексике профессий башкирского языка (на примере англицизмов) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). – С. 404–406.
3. Амирханова Г.А., Саяхова З.И. Английские заимствования в системе сложных слов башкирского языка // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). – С. 479–481.
4. Гафарова Э.С. Употребление англицизмов в башкирском языке (на примере материала из СМИ) // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-anglitsizmov-v-bashkirskom-yazyke-na-primere-materiala-iz-smi/viewer>
5. Жданова Г.М., Ярославова Л.А. Англицизмы в системе башкирского языка // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2018. – С. 21–25.
6. Краткий русско-башкирский словарь иноязычных заимствований. Под ред. Т.М. Гарипова. – Уфа: Вагант, 2006. – 92 с.
7. Толковый словарь русского языка: ок.100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. – 1376 с.
8. Фатхуллина Ф.Р. Новые слова в современном башкирском языке: конец XX – начало XXI вв.: автореф. дис. ... к.ф.н. – Уфа, 2009.

УДК 811.351.43.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Барахоева Н.М.,

*д-р филол. наук, профессор кафедры ингушского языка
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»;
главный научный сотрудник Центра нахских исследований
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
e-mail: nbarakhoyeva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию принципов семантического деления глагольной лексики ингушского языка. Актуальность темы определяется растущим интересом к глагольной семантике и взаимосвязи значения глагола с его ролью в предложении. Проблема представляется актуальной также и в связи с тем, что в нахском языкознании, на наш взгляд, недостаточно уделяется внимание взаимосвязи и взаимообусловленности лексического и грамматического значений глагола, а также сочетаемости глаголов с показателями грамматических категорий вида и времени. Установлены разряды глаголов: динамические, статические. Глаголы динамические в ингушском языке подразделяются на глаголы, передающие действие как процесс, и глаголы, передающие действие как событие. Выделяются также разряды глаголов, передающих семантику контролируемости и неконтролируемости действия, личные и безличные глаголы.

Ключевые слова: глагол, классификация глаголов, динамические глаголы, статические глаголы, процессы, события, предельность действия, непредельность действия.

SEMANTIC BASIS FOR CLASSIFICATION VERBAL VOCABULARY OF THE INGUSH LANGUAGE

Barakhoeva N.M.,

*Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Ingush Language
Ingush State University;
Chief Researcher, Center for Nakh Studies
Chechen State Pedagogical University*

Abstract. The article is devoted to the study of the principles of semantic division of the verb vocabulary of the Ingush language. The problem is relevant due to the fact that, in our opinion, Nakh linguistics does not pay enough attention to the relationship between the semantics of the verb and its role in the proposition; the relationship and interdependence of the lexical and grammatical meanings of the verb; as well as the compatibility of verbs with indicators of grammatical categories of aspect and tense. The article identifies the categories of dynamic and static verbs. Dynamic verbs in the Ingush language are divided into verbs that convey action as a process and verbs that convey action as an event. There are also categories of verbs that convey the semantics of controllability and uncontrollability of action, as well as personal and impersonal verbs.

Keywords: verb, classification of verbal vocabulary, verb semantics, static verbs, dynamic verbs, processes, events, limits of action, non-limits of action.

Как известно, глагол является сложной частью речи и представляет собой смыслообразующий центр синтаксической пропозиции. В связи с этим анализ семантики глагольных лексем предполагает их классификацию и установление условий и специфики их функционирования в языке.

Традиция классификации глагольной лексики естественного языка существует в лингвистике издавна. Так, широко известны научные изыскания Л.В. Щербы, З. Вендлера, Т.В. Булыгиной, О.Н. Селиверстовой, Л.А. Львова, Г.Г. Сильницкого и др.

Отметим, что синхронно большое внимание лингвистов привлекает анализ семантических типов глагольных слов, что, в свою очередь, привело к установлению большого количества разрядов глагольных слов по их лексическому значению.

В данной работе предлагается анализ принципов разделения глаголов на динамические и статические. Еще Ю.Д. Дешериев отмечал, что в нахских языках «динамические (т. е. непереходные глаголы, выражающие активное действие, движение) и статические (т. е.

непереходные глаголы, выражающие пассивное состояние предмета, субъекта) противопоставляются также формой выражения логического субъекта (при динамических глаголах субъект ставится в эргативном падеже, при статических глаголах – в именительном падеже) ...» [4, с. 463].

Разделение глаголов на динамические и статические по смысловому признаку обусловлено различием в их способности сочетаться с грамматическими значениями вида и времени. Данное различие отмечалось еще в античных греческих и римских грамматических сочинениях.

Начало современным исследованиям в этой области было положено работами Ю.С. Маслова [6] и З. Вендлера [7], которые подчеркивали, что ключевым критерием варьирования глагольных значений является степень динамичности или статичности действия, которое выражает тот или иной глагол.

Статические глаголы (глаголы состояния), которые обозначают не эволюционирующие, неподвижные, устойчивые ситуации – так называемые стативы – противопоставляются динамическим глаголам по смыслу. Отличаются они тем, что состояние длится независимо от воли субъекта. Субъектом такого состояния чаще всего выступает пациенс – пассивное лицо, подвергающееся влиянию внешних факторов, вызывающих внутренние изменения: *саг тхъайсав* – «человек уснул», *хьона ишта хет* из – «тебе так **кажется** это»). Кроме того, возможен вариант, когда субъект выступает как экспериенцер – воспринимающий объект, который фиксирует внешние раздражители: зрительную, слуховую информацию: *со кхер михах* – «я боюсь ветра». К статическим глаголам можно отнести глаголы чувственного восприятия типа *ла* – «хотеть», *га* – «видеть», *хаза* – «слышать», *хета* – «казаться», *зе* – «наблюдать».

Помимо указанных стативов, в ингушском языке нами отмечается и наличие стативов аналитического типа структуры, например: *дIаэлла улл кетар* – «висит дубленка», *лаьттах дIаделла доалл дошув* – «в земле закопано золото», *дIавелла воалл саг* – «захоронен человек» [3, с. 51–54]. Последние имеют аналитическую структуру и состоят из причастно-деепричастной формы прошедшего времени основного глагола (*дIаделла*, *дIаэлла*) и вспомогательных глаголов *далла* – «находиться», *алла* – «висеть». Надо отметить, что данные стативы в ингушском языке единичны. Их образование от глаголов ограничено семантикой используемых глаголов. Чаще всего они образуются от глаголов со значением нахождения предмета в каком-то конкретном месте и в конкретном состоянии (повешенном или захороненном). Кроме того, глагол *алла* – «висеть» в отличие от глагола *далла* – «находиться» в ингушском языке не используется в образовании аналитических форм и не подвержен десемантизации, как это имеет место с глаголом *далла* в современном ингушском языке [2, с. 5–6].

В отличие от стативов, динамические глаголы не отражают устойчивые состояния, они передают разнообразные формы изменения, требующие активных действий и усилий со стороны агенса: *даъа* – «есть», *ада* – «бежать», *язде* – «писать», *ловза* – «играть», *дотта* – «строить», *тилла* – «стелить», *дилла* – «класть», *ахка* – «копать», *лела* – «ходить», *дала* – «давать», *кхасса* – «бросать», *лаца* – «ловить» и т. д.

Отметим, что большую часть такого рода лексики (динамические глаголы) в ингушском языке составляют каузативы (производные переходные глаголы, чья семантика предполагает введение в пропозицию дополнительного актанта действия, оказывающего воздействие на агенса ситуации), образованные при участии суффиксированного глагола *-де*: *лотаде* – «зажечь», *соттаде* – «погнуть», *соцаде* – «остановить», *оттаде* – «поставить», *моладе* – «напоить», *кховдаде* – «протянуть», *хоаде* – «посадить», *додаде* – «похитить» и т. п. Следует обратить внимание на то, что данные каузативы мы рассматриваем как производные предельные глаголы в системе ингушского языка.

В ингушском языке динамические глаголы подразделяются на те, что обозначают *процессы*, и те, что описывают *события*. Отличия между ними проявляются и в восприятии временного измерения. Процессы предполагают плавный, поступательный переход,

постепенное изменение состояния: *дотта* – «строить», *аха* – «копать», *кхасса* – «бросать», *тоха* – «ударять», *лепа* – «ходить», *сеца* – «останавливаться», *ахка* – «рыть», *татта* – «толкать», *кхасса* – «бросать», *татта* – «толкать», *латта* – «стоять», *вахка* – «идти» и т. п. При этом процессы могут быть в ингушском языке как однократными, так и многократными. На этом и основано противопоставление однократного и многократного способов действия: *кхасса* – *кхувса* – «бросать – бросать многократно», *татта* – *тетта* – «толкать – толкать многократно», *тоха* – *детта* – «ударять – ударять многократно» и т. п.

В лингвистике процессы подразделяют на *непредельные* и *предельные*. Непредельные процессы представляют циклическую природу изменений, переход действия от одной фазы к другой, т. е. эти изменения происходят постоянно: *дагIа* – «сидеть», *къега* – «блестеть», *лепа* – «ходить», *эга* – «дрожать», *лепа* – «сиять», *сега* – «включать», *алла* – «лежать», *диса* – «оставаться». Полагаем, что к непредельным процессам в ингушском языке можно отнести приведенные выше многократные глаголы, в том числе: *детта*, *кхувса*, *тетта*, *къега*, *теле*, *даха*.

Предельные процессы, как известно, описывают направленные изменения действия, которые имеют определенную последовательность и определенное завершение: *вставать* – *встать*, *рассказывать* – *рассказать*, *показывать* – *показать*, *писать* – *написать*. В ингушском языке исходная основа глагола (то есть непроизводные глаголы), по нашему мнению, не различает семантической категории предельности / непредельности. Так, приведенные выше русские глаголы совершенного и несовершенного вида на ингушский язык переводятся одной глагольной лексемой: *гIатта* – «встать, вставать», *хьокха* – «показывать, показать», *язде* – «писать, написать». Однако производные глаголы (каузативы), на наш взгляд, способны преобразовать исходное нейтральное аспектуальное значение в значение предельности действия: *гIатта* → *гIоттаве* – «встать, вставать → поднять», *саца* → *соцаде* – «остановиться, останавливаться → остановить», *мала* → *моладе* – «пить → напоить», *хада* → *хоададе* – «оборваться → оборвать», *отта* → *оттаде* – «встать → поставить».

Событие рассматривается в языке как мгновенный переход из одного состояния в другое: *дIавада*, *эккха*, *кораде*, *хьалгIатта*, *хьалтасса*, *дагадоха*, *хатта* – «побежать, лопнуть, встать, подкинуть, вспомнить, спросить».

Думается, что выделение событийных глаголов в языке производится не столько в плане насущной необходимости обоснования аспектуального характера глагола, сколько в плане семантического разграничения качества выражаемых глаголами значений. Во всяком случае, ингушский язык даёт основание для такого толкования событийных глаголов.

Рассматривая вопрос о выражении значений предельности и непредельности действия в рамках ингушского глагола, привлекает внимание фактор участия префиксов в преобразовании исходной, нейтральной в аспектуальном отношении семантики исходного глагола.

Представляется, что префиксы ингушского языка с наиболее обобщенным, абстрактным значением типа *Io* – «по» и *дIа* – «от», *хьал* – «верх» меняют семантику глагола относительно пространственной направленности действия, но не меняют отношение к внутреннему характеру протекания действия во времени. Возможно, связь между пространственной и временной ориентацией в мыслительном процессе человека способна вызвать переход семантики пространства в значение времени, а также и изменение значения направленности или ненаправленности действия к своему завершению во времени. Вероятно, в силу этого глаголы, выражающие процесс, безотносительный к экспликации предела, приобретая префиксы *Io*-, *дIа*-, *хьал*-, изменяют аспектуальную семантику исходного аспектуально индифферентного глагола: *ола* → *хьалъола* – «вешать → повесить», *язде* → *Ioязде*, *дIаязде* – «писать → написать, записать сейчас», *хатта* → *дIахатта* – «соединить → присоединить», *ха* → *Ioха* – «садиться → присесть», *кхета* → *дIакхета* – «соединиться → присоединиться». Здесь имеются определенные изменения в аспектуальной характеристике глагола, но в глаголах *эца* → *дIаэца* – «купить → купить (выкупить)», *лаца* → *дIалаца* → *хьаллаца* – «ловить → взять в руки, поддерживать» – представлено изменение лексического

содержания глагола вообще. Вероятно, что префиксация как один из способов изменения аспектуальной семантики исходного глагола в системе ингушского языка находится в стадии формирования. Возможно, однако, что такое восприятие глагольной префиксации в современном ингушском языке обусловлено влиянием аналогичных процессов русского языка.

Как мы заметили, грамматически оформленное деление процессов (исходных, инфинитивных форм глаголов) на предельные и непредельные в ингушском языке нерелевантно. Однако же, лишь в контексте определяется конкретная аспектуальная характеристика глагольной лексики: *ала дош* – «сказать слово» (предельность); *ала* – «сказать (вообще)» (непредельность).

Отметим и тот факт, что в ингушском языке глаголы, обозначающие события и процессы, могут иметь как форму прошедшего времени совершенного вида, так и форму прошедшего времени несовершенного вида. Ср.: *ада* – *удар* – *ведар* – «бежать – бежал – убежал», *дотта* – *доттар* – *деттар* – «строить – строил – построил»; *дагла* – *даглар* – *даьглар* – «сидеть – сидел – посидел», *къага* – *къегар* – *къаьгар* – «блестеть – блестел – заблестел». Данное явление подтверждает наше мнение о том, что противопоставление глагольных лексем по лексическому значению «предельность/непредельность» в ингушском языке нерелевантно. А выделение типов динамических и событийных глагольных лексем в ингушском языке осуществляется на семантическом уровне.

Конкретная же аспектуальная характеристика лексики проявляется на уровне форм прошедшего времени. Причем данная реализация аспектных признаков происходит кумулятивно с актуализацией таких глагольных категорий, как время, таксис, временная локализованность действия, модальность, персональность.

Полагаем, что семантическая классификация глаголов (на динамические процессные глаголы и событийные глаголы) в ингушском языке может позволить приблизиться к решению аспектологических проблем ингушского глагола.

Кроме того, мы полагаем, что в нахских языках глагольная лексика стабильно разводится на две группы глаголов: лексемы, передающие действия или ситуации, контролируемые агенсом, т. е. глаголы, управляющие эргативным и именительным падежами (переходные и непереходные глаголы) и передающие активные действия, действия реализованные (*деша* – «читать», *ала* – «говорить», *луца* – «ловить», *тоха* – «ударить», *лела* – «ходить», *саца* – «остановиться», *ада* – «бежать» и т. д.); лексемы, передающие действия, неконтролируемые агенсом, т. е. глаголы, управляющие дательным и именительным падежами. Эти глаголы, как правило, не выражают активных действий или действий в полном смысле этого слова вообще; они передают чувства, ощущения пациента. В лингвистике одни из них (управляющие дательным падежом) именуются аффективными глаголами: *хета* – «казаться», *ла* – «нравиться», *го* – «видеть», *хаза* – «слышать»; другие – глаголы, передающие значения состояния (душевного или телесного) типа *велха* – «плакать», *вела* – «смеяться», *тхьовса* – «засыпать», *сомадала* – «просыпаться», *теша* – «верить», *кхера* – «бояться», *шелдала* – «мерзнуть» и т. д. К ним же можно отнести и некоторые декаузативы ингушского языка (производно-непереходные, возвратные глаголы) типа *кхерадала* – «пугаться», *дезадала* – «полюбиться, понравиться», *лорадала* – «остерегаться», *доладала* – «начаться».

Такая подробная классификация глагольной лексики ингушского языка связана с особенностями актуализации аспектуальных значений. Так, например, глаголы типа *шелдала*, *кхера*, *делха*, *тхьовса* – «мерзнуть, бояться, плакать, смеяться» в форме прошедшего времени выражают значение инхоативности – начала действия: *шелвелар* – «замерз», *кхийрар* – «испугался», *вийлхар* – «заплакал», *тхьайсар* – «заснул».

В языкознании отмечают и альтернативную классификацию глагольной лексики по их способности сочетаться с подлежащим. На этом основании выделяют глаголы *личные* и *безличные*. Как известно, безличные глаголы не требуют присутствия подлежащего.

В ингушском языке к такому разряду глаголов принадлежат глаголы с нулевой валентностью: *Іаьржлу* (*Іаьржлуи латт*) – «темнеет», *йІоахлу* (*йІоахлуи латт*) – «теплет», *садайра* (*садови латтар*) – «стемнело», *сахилар* (*сахулаи латтар*) – «рассвело».

Сказанное выше позволяет нам констатировать, что в системе ингушского глагола присутствует семантическое противопоставление между глаголами состояния (статическими глаголами) и глаголами действия (динамическими глаголами).

Глаголы действия в ингушском языке дифференцируются нами на глаголы, обозначающие действие как процесс, и глаголы, передающие действие как событие.

Внутри разряда глаголов, обозначающих процессы, выделяются каузативы со значением предельности действия и декаузативы со значением неопределенности действия. Непроизводный глагол в исходной форме в ингушском языке не демонстрирует аспектуальной ориентированности.

В ингушском языке нами выделяются также и разряды глаголов, передающих семантику контролируемости и неконтролируемости действия; личные и безличные глаголы.

Отметим, что граница между данными разрядами глаголов, как мы видели выше, весьма зыбкая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты семантических исследований / Уфимцева А.А., Кубрякова Е.С. и др. – Москва: Наука, 1980. – 356с.
2. Барахоева Н.М. Структурно-типологическая характеристика форм прошедшего времени ингушского и немецкого языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 1993. – 18 с.
3. Барахоева Н.М. Результативные конструкции в системе ингушского глагола // Актуальные проблемы ингушского языка. – Назрань, 1998. – С. 51–54.
4. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – Грозный, 1963. – 555 с.
5. Ермолаева И. А. «Семантическая классификация глаголов речи в русском языке». XLIV Международная филологическая конференция. (Россия, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.). Тезисы докладов. Филол. фак. СПбГУ, 2015. – С. 98–100.
6. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. – Москва: Языки слав. культуры, 2004. – С. 71–90.
7. Vendler Z. Verbs and times // *Linguistics in Philosophy*. – New York, 1967. – P. 97–121.

УДК 811.351.42

GOOGLE TRANSLATE-хь НОХЧИЙН МАТТЕ ДАККХАР: ДИКИЙ, ВУОЙ

Вагапов Д.И.,

Нохчийн Республикин Илманийн академин

Гуманитарни талламан институтан меттанийн секторан куьйгалхо,

Нохчийн меттан институтан филологин декъан Илманан белхахо

Аннотаци. Кху статьян Илашо йу Google-Translate проектан декъаихоша бинчу белхан дика а, вуон а агIонаш хьахош маххадор. Нохчийн къоман мотт дуьненчуьра дIа ца балийта биллина ондда бух бу и. Делахь а, муьлхха а дуьххьара динчу хIуманна тIехь санна, мелла а кхачамбацар кардо кху бвлха тIехь а. Царах дукхадерш технически ду, кIеззиг долу дакъа адмах доьзна а ду. Хьалхарчех ду меттанийн йерриг баишхаллаш тидаме эца хала хилар, масала, европин меттанашкахь грамматически классаш йац, цундела компьютерна ца хаьа деинашна йуккхехь классаца барт муха бо. Европин меттанашкахь хьалхарчу йуьхьан цIерметдеинийн дукхаллин терахьехь цхьа кеп бен йац (мы, we), нохчийн маттахь шигь йу (вай, тхо), компьютерна, гочдеи, ца хаьа царах муьлхарг харжа йеза. Иштта машиене ца къастало нохчийн цIерниг дожарехь хила деза подлежащий, диьриг дожарехь хила дезарггий, хIунда аьлча оьрсийн, ингалсан шина а маттахь подлежащи цIерниг дожарехь бен ца хуьлу дела. Иштта дIа кхин а.

Адмех доьзна айпаш ду коьртачу декъана орфографица доьзна. Google-Translate программы чу йиллинарг хьалхалера орфографи йу е (йэ), ё, ю, юь, я, яь элаш лелош йолу; дуьззина, къаьсттина, хьаьжжина (деишIаьхье), леррина деинашкахь «и» йаздеиш йолу, ткъа тахана уьш «а» долуш йаздан деза.

Беттанийн цIераш, кIуран денош, дуьненан агIонаш (кьилбе, кьилбаседе), терахьдеинаш, дуккха а йолу терминаш нийса ца гочйеиш меттигаиш нисло.

Кобьрта деинаш: google, гочдар, нохчийн матте даккхар, гочдаран дика а, вуон а агIонаш.

ПЕРЕВОД НА ЧЕЧЕНСКИЙ В GOOGLE TRANSLATE: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Вагапов А.Д.,

канд. филол. наук, заведующий сектором языка,

Институт гуманитарных исследований АН ЧР;

ведущий научный сотрудник отдела филологии, Институт чеченского языка

Аннотация. Целью настоящей статьи является оценка проделанной участниками проекта Google Translate работы с точки зрения ее сильных и слабых сторон. Несомненно, данное начинание является весомым вкладом в дело сохранения и распространения чеченского национального языка на международной арене. Тем не менее, как и любой пилотный продукт, оно обладает определенными недочетами, проистекающими как из объективных, так и из субъективных причин.

К объективным факторам следует отнести сложность учета всех структурно-грамматических особенностей языков. Так, отсутствие грамматических классов в европейских языках порождает значительные трудности для программы при согласовании членов предложения по этим классам. В отличие от европейских языков, где местоимение первого лица множественного числа имеет единую форму (англ. "we", русск. "мы"), в чеченском языке существуют две формы: инклюзивное «вай» и эксклюзивное «тхо». Программа также не дифференцирует подлежащее, выраженное в абсолютном падеже, от подлежащего в эргативном падеже, поскольку в русском и английском языках подлежащее всегда выступает в именительном падеже.

Субъективные недостатки в первую очередь обусловлены применением переводчиками устаревшей орфографии чеченского языка. Вместо современных букв йе, йо, йу, йуь, йа, йаь используются йотированные варианты: е, ё, ю, юь, я, яь. Кроме того, нередки случаи некорректного перевода таких терминов, как названия месяцев, дней недели, направлений света (север, юг) и числительных.

Ключевые слова: google, машинный перевод, чеченский язык в гугле-переводчике, плюсы и минусы.

TRANSLATION INTO CHECHEN IN GOOGLE TRANSLATE: PROS AND CONS

Vagapov A.D.,

*Head of the language sector of the IGI of the Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Leading research fellow of the Department of Philology of the Institute of Chechen Language*

Abstract. The purpose of this article is to evaluate the strengths and weaknesses of the work undertaken by the Google Translate project participants. Undoubtedly, this initiative is a significant contribution to the preservation and

dissemination of the Chechen national language internationally. However, like any pilot project, it has certain shortcomings, stemming from both objective and subjective factors. The objective factors include the difficulty of accounting for all the structural and grammatical features of languages. For example, the lack of grammatical classes in European languages creates significant difficulties for the program when aligning sentence parts according to these classes. Unlike European languages, where the first-person plural pronoun has a single form (English «we», Russian «мы»), Chechen has two forms: the inclusive «vai» and the exclusive «tkho». The program also fails to differentiate between subjects expressed in the absolute case and those in the ergative case, since in Russian and English, subjects are always in the nominative case. Subjective shortcomings are primarily due to the translators' use of outdated Chechen spelling. Instead of the modern letters *йе, йо, йу, йуь, йа, and йаь*, they use iotated versions: *е, ё, ю, юь, я, and яь*. Furthermore, there are frequent instances of incorrect translation of terms such as the names of months, days of the week, cardinal directions (north, south), and numerals.

Keywords: Google, machine translation, Chechen language in Google Translate, pros and cons.

Муьлхха а керла йукьадоккхучу хIуманехь санна, google translate программца нохчийн матте даккхарехь шен дикий, вуой аГIонаш йу. Цхьадика пайдехь дерг, шеко йоцуш, алсам ду: дуьнена муьлхха маIлехь стаг велахь а, гугло шен программы чохь болчу матте доккхур ду нохчийн маттахь йаздинарг, ишта йуханехь а. Оцуьнца цхьаьна нохчийн мотт дуьненахь бовзар, баржар, ларбар а хуьлу. Нохчийн мотт Iамо луьчунна, иза Iилманца толлуш волчунна мел доккха гIо ду и. Дика аГIонаш йийцина ца валлал дукха йу, цундела нохчийн мотт гугл-программи чу йоккхуш болх бинчарна вайгара даггара баркалла ду: Дала лелашдолу саГIа дойла шуна цунах.

Дикачарах лору оха гочдархоша нохчийн маттахь керла терминаш йукьахар йа уьш йа нохчийн меттан куьце йерзор, масала:

Детективный агенталла – детективное агентство;

Ликвидалла – ликвидность;

Министралла – министерство;

Продуктивалла (фирманийн) – продуктивность;

Стабиллалла – стабильность.

Нохчийн маттахь чIогIа товш ца хета *-ость, -ство* боху суффиксаш.

Амма наггахь гочйалушшехь, гоч ца йина суффиксаш а хаало, амма и сихаллехь нисделла хила а тарло, масала, *-ски* суффикс йитар:

По-спартански (воспитывает) – *уьш спартански кепехь кхиош*. Кхузахь *уьш спартанойн кепехь кхиош* йаздинехьара нийсо хир дара.

Спартано – спартавец, **спартаной** – спартанцы, хьовса нохчийн *гендаргно* – *гендаргной, шуоно* – *шуоной, энгано* – *энганой*, ширделла *алано* «аланы» – *аланой* «аланы». Меттиг баьллачуьра хьахийча новкъа дац грекийн *Ἀλανοί* [аланой] «племя в Сарматии» [3, с. 74] шира заманахь нохчашкара схьаэцна хила тардалар. «Нийсайаздаран йоккха дошам» тIера *аланхо, аланхой* гойзана (*искусственни*) кеп йу [5, а. 31].

Цхьайолу терминаш а, дешнаш а цахилар новкъа ду гочдарна, йоцу термин йукьайалош, эхI-аьлла йоцуруш а нисло. Башха дика йоцчех хийтира тхуна лахарнаш:

ТIаккха, 3-гIа САБ облигацийн эмисси дIахIоттош муха къастадо ахь *доходность?* – сайалар, са хилар, пайда бIалар / хилар.

Мастерскойш – пхьалгIанаш йу.

Обменялись мнениями – ойланаш хийцира. Цул гIоле-м *ойланаш йовзийтира* а ду йа *хIораммо шена хетарг элира*.

Законан меттана *низам* лелор нийса ца хета.

Серная кислота – *серан кислота* аьлла, дитина, амма нохчийн маттахь и *саьмгалан муьсталла* йу:

В 1941 потеряны производств, мощности по производству серной кислоты на 77%, аммиака на 50%, кальцинированной соды на 83%.	1941 шарахь дIасадаржийра 77% серан <i>кислота</i> , 50% аммиак, 83% содан Iаьнан ницкъ.
--	--

Беттанийн цѐраш

Хала хеташ делахь а, беттанийн цѐраш гочйарехь къабсттана дукха гѐлаташ нисло гуглан-гочдаршкахь, масала, тхуна хааделларш хѐрш ду:

Чиллан-бутт – январь аьлла карадо, ткъа хила дезарг февраль-бутт ду.

Гѐдужу-бутт – февраль аьлла гочдина карадо, ткъа и тахана цхьана а баттах йоккхуш цѐе йац.

Марсхьокху-бутт – цкъа *маршировать* аьлла гочдина карадо, тѐаккха марсхьокху-баттахь – в марте, марсхьокху-беттан 5-чу дийнахь – 5 марта карадо, ткъа Нохчийчохь марта *бекарг-бутт* олу.

Гѐуран-бутт – апрель;

Гезгмашин-бутт – май, майский месяц;

Охан-бутт – июнь;

Стигалкъекъа-бутт – август;

Товбеца-бутт – октябрь, товбеца-беттан 10-чу дийнахь – 10 октября;

Дечкен-бутт – декабрь, дечкен-баттахь – в декабре;

Зазадоккху-бутт – декабрь, Зазадоккху-баттахь – в декабре.

Бывших соратников Чарльза Тэйлора арестовали в январе-феврале, но позже отпустили на свободу.	Тейлор Чарльзан хилла накъостий лецна <i>Чиллан-баттахь а, Гѐдужу-баттахь а</i> , амма тѐахьѐ дѐахецна.
---	---

Оцу дерригено дагадоуьйту, дуьненахь лелаш йолу йукъара цѐраш *январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь* йитнехъара и гѐуча хир бацара аьлла.

Географин цѐраш

Гѐиргѐазойчоь леладг гугло – тахана нохчаша *Киргизи* олу, и тхуна гѐоле а хета.

Овхѐан – Мациевн *авѐан* [28 а.] ду, ишта *овѐан* ала а мегаш ду, амма мухха делахь а [хѐ] аз-м дац оцу дашехь.

Оьрсийчоь – Росси, Росси-мохк, Росси пачхьалкх.

Оьрсийчоьнан – Россин, Росси-мехкан, Росси-пачхьалкхан.

Хѐинди-чоь – Инди.

Цийн Китай: Цийн махкахь 80–90% дуьненаюкъара кашмир арахоьцу. – Китай алар бѐозза голе ду.

Гѐажарийчоь – Иран алар доца а, хаза а ду.

Цхьаьнатоьхна Пачхьалкх Великобритания – **Силѐбритани** лелийча дика дара.

Украина – нохчийн маттахь *Украина* гѐоле ду.

Иракъ – Ирак.

ѐамеркан Цхьаьнатоьхна Штаташ Соединенные штаты Америки – ѐамеркан Цхьаьнакхетта Штаташ олий йѐздора вайн баккхий журналисташа, масала, Карасаевн дошам тѐехь Америкин цхьанакхетта штаташ ду [725 а.].

Мальтийские Острова расположены в южной Европе, в центре Средиземного моря, около 100 км южнее Италии и около 300 км от Северной Африки.	Мальтан гѐайренаш ю Къилбаседа Европехь, дуьненаюкъара хѐрдан йуккъехь, Италин къилбехьа 100 км гергга генахь а, Къилбаседа Африкана 300 км гергга генахь а.
--	--

Хѐокху гочдарехь масех кхачамбацар ду:

1) Южная Европа *Къилбаседа Европа* аьлла гочдина, ткъа хила догѐург *Къилба Европа* ду.

2) Средиземное море *Дуьненаюкъара хѐрд* бац *Дуьненайуккъера хѐрд* бу.

3) *В центре Средиземного моря* дешнийн цхьанакхетарх *Дуьненаюкъара хѐрдан йуккъехь* хилла, ткъа и стилистически башха хаза а дац шѐозза *юкъ*- орам балорна. Тхайн географин терминийн дошам тѐехь оха Средиземное море *ѐнахѐрд* аьлла далийна. Центр, середина нохчийн маттахь йукъ хилла ца ѐа – иза *ѐна*, *ѐнаметтиг* а йу [1, с. 84; 2, с. 90].

Географин цѐршкахь йуккъера лелочул а *ѐна* лелор лергана аьхна, тамехь ду:

Эна Ази Центральная Азия
 Эна Америка Центральная Америка
 Эна Африка Центральная Африка
 Эна Кавказ Центральный Кавказ
 Эна Урал Центральный Урал
 Эна хЮрд Средиземное море [1, с. 63].

И дерриг тидаме а эсна лакхара алам ишта гочбан мегар ду:

Мальтин глайренаш Къилба Европехь йу, ЭнахЮрдан йукъаметтехь, Италина 100 км хиллал къилбехьа, Африкина 300 км гергга Къилбаседехьа.

Гочдаран масалш

Диалектийн хЮмнаш

Йукъахь дош йуккъехь дешан маьІнехь лелор.

Разведочные скважины – таллабийн бЮвнаш, = талларан гЮнаш.

Бассейнашкахь углеводородийн меттигашна Іадатехь йеш йолчул.

Региональная проблема – регионан хаттар ду гЮле йа регионан гІайгІа // меттигера гІайгІа алар ду нийса?

Символ – хьаьрк аьлла, гочдина. Хьаьрк дош масех маьІнехь лела, цундела символан метта **билгам** йукъадаькхча, хЮн дара те?

Убивать людей, уничтожать их имущество, сжигать дотла деревни и города при малейшем подозрении, что среди жителей есть несколько преступников?	Бахархошна <i>йукъахь</i> кІеззиг зуламхой бу аьлла, мелла а шеко хилча, адмаш дайар, церан бахам хІаллакбар, йарташ, гІаланаш лаятта кхаччалц ягор? – чим беш йагор (?)
--	---

Билгалдешнаш гочдар

Административни – административан

Муниципальни – муниципалан театраш

Мобильни – мобилан

Социальни – социал, социалан

– ишта дІа кхин а лелор кхиам бу эр дацара ас.

Церметдешнаш гочдар

Мы гочдеш, нохчийн маттахь *вай*, *оха* ши дош хилар тидаме ца оьцу дуккха а меттигашкахь.

Амма туркменийн Іедалш, Узбекистанера *вайн* лулахой санна, шайн ойланахь йолуш ду дуккха а партийн политикех лаяцна.

Вы (цхь. т.), Вы (дукх. т.) ца къастадо.

Этот, это – *хІара* йа *и* церметдош ала деза ца къастадо дукха хьолахь.

Гайтаран *изий*, *ий* церметдешнаш стилистикица къастацадар тхуна нийса ца хета.

В личном плане он – *Иза* шен агІор – *И* шен агІор.

Амма *иза* боданехь гуш яцара – Амма *и* боданехь гуш йацара.

Иза гергарчу хьесапехь – *И* гергарчу хьесапехь.

Ишта дІа кхин а.

Google-Translate-хь гочдинарг: Это подобно человеку, который пьет воду – только он знает, насколько она прохладная или теплая. – *Стага хи молуш санна ду иза – царна бен ца хаьа иза мел шело йа йовха йу.*

Оха гочдинарг: Хи молуш волчу стагах тера ду *и* – цунний бен ца хаьа, *и* мел шийла ду йа довха ду.

Она: «Прочитаю и в понедельник вам позвоню».	<i>Иза:</i> "Ас ешна, шинаридийнахь телефон тухур ю хьоьга". – <i>Цуо:</i> "Ас йеша а йешна, оршотдийнахь телефон тухур йу хьоьга".
--	--

Цкъа-делахь, оцу аламахь цІерметдош дийриг дожаре хІотторан метта, цІерниг дожаре хІоттийна, оърсийн маттахь санна. ШолгІа-делахь, с понедельника – *шинаридийнахь дуьйна* дац, *оршотдийнахь дуьйна* ду.

Благодаря *своим* эмиссарам – *Шен* эмиссарш бахъана долуш.

Гуш ду кхузахь цІерметдешан терахь лардина цахилар, нийсаниг шайн эмиссараи аьлlexъара хир дара.

Хандешан хенаш

Хандешан хан (йа терахь, йа ший а цхъаьна) нийса ца гочйеш меттигаш нисло. Масала:

... однако уже начали появляться первые проявления либерализма.	... амма либерализман хьалхара билгалонаш хІинцале а <i>гучуяха йолаелира</i> . – <i>гучуйийла йуьйлайелира</i> .
---	--

Гучуяха кхечуьнга долу хандош ду, ткъа хила дезар кхечуьнга ца долург ду – *гучуйийла; йолаелира* цхь. терахьехь ду, ткъа *билгалонашца* догІург дукх. терахь ду – *йуьйлайелира*.

Президент автоматически стал главной фигурой дня.	Президент автоматически цу дийнан коьрта фигура хилла дІахІоьттина. – Президент <i>ша-шах</i> цу дийнан коьрта фигура хилла дІахІоьттира
---	---

Классан гайтамийн бартбар нийса ца хуьлу

Муха карор *бу* вайна кху дуьненахь синпаргІато? – Муха карор *йу* вайна кху дуьненахь синпаргІато?

Для некоторых это могло длиться долгие дни лишь с короткими перерывами на сон.	Цхьаболчарна и еххачу деношкахь лаьтташ хила тарлора, набарна жимма садаар бен ца деш. Цхьаболчарна и деххачу деношкахь дахдала тарло, йоццачу ханна набарний бен йукъах а ца волуш.
--	---

Еккъа цхъана тІаьххьарчу шарахь – *Деккъа* цхъана тІаьххьарчу шарахь

Мы все были испуганы, но никто не был напуган до такой степени как она.	Тхо массо а кхераделла дара, амма и санна кхераелла цхъа а вацара.
---	--

Тхо дерриш а кхераделла дара, амма и (*зуда*) санна кхеравелла цхъа а вацара.

Куцдешнаш

Дерриг а дуьнентІехь – дерриг дуьненахь // дерриг дуьнентІехь;

Уггаре лакхара – угтар лакхара.

Берана *уггаре а* яккхийчу хьаьркашца ловза Іеминчул тІаьхьа, *уггаре а* кегийчу хьаьркийн карточкаш лело мегар ду.

Тахана китайн мотт *уггаре а* шуьйра буйьцучу меттанех цхъаь бу.

Каждый, включая Либермана, был уверен, что он – Мессия. – ХІора а, шайна *юкъахь* Либерман а волуш, тешна вара иза Масийтта хиларх. – ХІора а, шайна *йуккъехь* Либерман а волуш, тешна вара ша Далахьаьхнарх хиларх.

Харц паронимаш

Шайн аларца оърсийн нохчийн дешнаш тера нислахь, гочдар чІогІа галдоккху программo, масала: мозг дош мозгІар олий гочдо, вайн – вино олий гочдо, оьшучохь, ца оьшучохь хьаьжжІаш олий гочдина меттигаш дукха йу.

Массив, масса, массовые – массо.

Каждый был уверен, что он – *Мессия*. – ХІора а тешна вара ша *Масийтта* хиларх.

Будет ли промышленность в присутствии коронованной *лени* всегда падать на колени? – Даима а шен *голаш* тле охьайоьжна хир юй индустри, таж санна сонталла йолуш? – *Даим а гора оьгуш хир йуй те индустри таж тиллинчу малонна хьалха?*

"Думаю, вы не захотите одолжить парочку моих верблюдов?" – предложил ей циркач с иронической <i>симпатией</i> .	– Сан цхьа-ши эмкал эца ца лаба моьттурса хьуна? – ироница <i>синтем</i> а беш, кховдийра цунна цирко.
Установите флажки только для методов Get и Post .	«Схьэца» а, «Пост» а методашна бен хьаьжкIаш хьажа.
Мышь Razer Salmosa возможно является одной из самых легких и компактных мышей в своем классе, что предоставляет оптимальную свободу действия для тех, кто хватает мышку пальцами.	Razer Salmosa, шеко йоцуш, шен классехь уггаре а кIеда а, компактни а муш ю, пIелгийн <i>хьаьжкIашца</i> лелочарна оптималле говзалла луж.
Сильная физическая нагрузка <i>мышц</i> ягодиц и бедер	ЧIогIа физически хьарчар <i>хьаьжкIийн а, хьаьжкIийн а месашна</i> тIехь. ЧIогIа физически ницкь бу хьаьжкIийн а, хьаьжкIийн а месашна тIехь.
Когда приходит время, дыня сама отделяется от лозы.	Хан тIекхьачча, ша <i>хьаьжкIа</i> кемсийн гаьннах кьаьста. – Поле дерг ду: Хан тIекхьачча, <i>паста</i> ша <i>хуталх</i> кьаьста.

Среди тех, кто планирует освоить этот *металл*. Хьалха гочдинарг иштта дара: 1. *XIметал-метал марздан дагахь болчарна юкьахь*. Таьхьо хьаьжча, иштта гочдина карадо: 2. И *металл* караерзо дагахь болчарна юкьахь.

Шинхьа а пайдаэцна *юкьахь* дош нохчийн литературин маттахь «вместе, совместно» [4, с. 552 / 534], «сообща, вкупе» ду, *среди, между* бохург *йуккьехь* ду [4, с. 547 / 529]. И башхо гайта гIерташ, оха мел дукха йаздарх, дийцарх диалектийн векалша дIалоцуш дац.

Если вся ваша семья ест мясо, вы можете просто разогреть одно из этих блюд.	Нагахь санна хьан берриге а доьзало мах бууш беллахь, цу пхьегIех цхьаь йуха йовхо йан мегар ду.
В правильный момент палку вставить в машину, в другой момент помочь крутиться колесам.	Нийсачу минотехь шед машин чу а йиллина, кхечу минотехь чкьургаш йерзо гIо дан.
Эта цитата приходит на ум, когда я думаю о новой функции в Google Analytics, которая носит скромное название взвешенной сортировки.	И цитата дагайogly, Google Analytics-ехь керлачу функцин ойла йича, и йоьду гIийлачу цIарца, мах хадийна дIасакьастаран.

Кому-то нравится мебель, кому-то золотые завитушки... – Хьалха гочдинарг иштта дара: *Цхьаболчарна мебель еза, вукхара дашо лобьмаш...*

Таьхьо гочдинарг иштта ду: *Цхьаболчарна мебель езаш ю, вукхара дашо лобьмаш езаш ю.*

Завитушки дош нохчийн маттахь цхьанхьа а гочдина дац, амма уьш *лоьмаш* доцийла, тхуна хетарехь, хьанна а хуур ду. Мебель тIера цхьа *завитушкаш* уьш йелахь, царх «кIалкIовсарш» йа «(чIагара) куьцалгаш», йа «забарш» ала мегар дара.

Нагахь нохчийн матте даккхаран метта, гIалгIайн матте даьккхина карадо, масала:

Возможно, нам следует обратить слово нирвана в глагол: "Когда нет тебя, в связи с этим всем, ты "нирванствуешь".	Шоай нирвана йаха дош хандашах дерзаде деза вай: «Оцу дерригаца хьакхьача воацача хана, хьо «нирвана» ва».
--	--

Даже у игровых разработчиков и тестеров есть реальная жизнь, семьи и друзья, с которыми они любят проводить время.	ХІаьта ловзарш кечдеча наха а, тесташ йеш болча наьха а бакьдола вахар, дезалаш, доттагІий ба, цаьрца хан йаккха хазахеташ.
Предположим даже, что это правда.	ХІаьта вай лоархІаргда из бакьдар.

Терминаш цакъасторна «повтораш» йар (изза дош алар)

Способ предоставления результатов, оценка репрезентативности полученных данных и определение расчетных параметров являются основным результатом геотехнических исследований.	Геотехнически талламын коьрта <i>жамІаш</i> ду <i>жамІаш</i> гайтаран кеп, схьаэцначу хаамийн векалалла мах хадор, проектан параметраш къастор.
Она сказала: "Эта фотография напоминает нам, что моя беременность связана не с недомоганием или болезнью, а с жизнью маленького человека".	Цо элира: "Оцу суьрто дагадоуьйту тхуна, сан доьзалхочух хилар <i>цамгарх</i> а, <i>цамгарх</i> а лаьцна цахилар, жимачу стеган дахарх лаьцна хилар".
Как результат, несколько тысяч шахтеров ежегодно становятся инвалидами, а несколько сотен умирают от последствий профессиональных заболеваний и производственных травм.	И бахьана долуш хІора шарахь масех эзар шахтёр заІап хуьлу, ткьа масех бІе стаг леш ву белхан <i>лазарийн</i> а, <i>лазарийн</i> а тІаьхьалонех.

Кхидолу масалш

Это химическое вещество, обычно используется для покрытий и ламинатов, проклеивания древесины, тканевых покрытий и потолочных плиток.	И химин хІума лелайо дукхаьболахь дІасадаржорехь а, ламинаташна а, дечигах лечкьочу клеяшна а, кІадин дІасадаржорна а, потолочан плиткана а.
Я также вижу третий элемент: отсутствие плохого обращения с пользователями.	Иштта кхоалгІа элемент а го суна: пайдаэцархошца вон ца лелор. Иштта кхоалгІа элемент а го суна: пайдаэцархошца вон ца <i>хилар</i> .
Ты ладил со своим братом?	Хьайн вешица барт хиллий хьан? – Хьайн вешица бертахь хиллий хьо? // Хьайн вешица бертахь Іийний хьо?
По следу его движения идут руины тысячи домов, разрушенные мощными ударными волнами, созданными астероидом; волнами, вспахавшими землю трассой, шириной в несколько километров.	Цуьнан тІаьхьалонаш йу эзарнаш цІенойн экьанаш, астероидо кхоьллинчу нуьцкьалчу шок-тулгІенаша хІаллакйина, масех километр шуййрачу новкьахь латта хьаькхначу тулгІенашца.
Это одна из крупнейших в России малонарушенных территорий горных степей и тундростепей.	Иза ю Оьрсийчоьнан уггаре а яккхийчу интактан меттигех цхьаь лаьмнин аренан а, тундран аренан а. И йу Россин уггар йаккхийчу куьгтохаза йолчу лам-аренийн, тундрил-аренийн меттигех цхьаь.
При сохранении сложившихся за полтора десятилетия демографических тенденций ежегодная убыль населения в России по прогнозам может составить 4 миллиона человек в год и более к 2020 году.	Нагахь санна тІаьхьарчу итт шарахь ах шарахь хІиттийна демографин тенденцеш дІайоьлхуш хилахь, Оьрсийчохь шарахь бахархойн терахь лахдалар 2020-гІа шо кхачале шарахь 4 миллион стаге я цул сов хир ду аьлла хета.

Клерк посмотрел на нас сквозь облако дыма и кивнул, предлагая пройти в дальнюю комнату.	Клур болчу мархашна юккѣхула тхобга хъаьжира писар, корта ластийра, тѣхьарчу чобне чу гѣо аьлла, тхобга. Кѣуьран сомалкх ѣуккѣхула тхобга а хъаьжна клерко, корта ластийра, дехъа чу гѣо аьлла.
В 13 км. к юго-востоку от Сежаны, между Постоянной и Копером, находятся сохранившиеся практически в первозданном состоянии пещеры Шкоцян.	Сежанан кѣилба-малхбалехъа 13 км генахъ, Постоянна а, Коперна а юкѣахъ ю Шкоцян ѣургаш, уьш ларѣина ю бохург санна хъалха санна. – Сежанин кѣилба-малхбалехъа 13 км генахъ, Постоянный, Коперный ѣуккѣхъ ѣу Шкоцян хъехарш, шаьш хъалха ма-хиллара лаьтгаш ѣолу.
После сражений он со своими воинами-самураями любил купаться в горячих источниках, чтобы скорее залечить раны от меча, переломы, порезы и ушибы.	Темаш чекхбевллачул тѣахъа цунна а, цуьнан самурайшна а езара ѣовхачу шовданахкахъ лѣйча, шаьлтанан чевнаш, кегѣйра меттигаш, дѣасакѣастарш, дѣасадаржарш сѣха дарба дан. – Темаш чекхбевллачул тѣахъа цунна а, цуьнан самурайшина а хазахетара довхачу хъостанаиш чохъ лубѣйчуш, шаьлтанан чевнаиш, ѣойна меженаш, аьрснаиш, лазѣйна меттигаиш сѣхха дѣаѣерзѣйта.
Источники, богатые минеральными солями, называют соляными.	Минералан латтанашца хъал долу шовданех латтанаш олу.
Он не презирает и не восхищается, не любит и не ненавидит, не осуждает и не одобряет паразитический организм.	Цо я лерам ца бо, я воккхавево, я ца беца, я ца беца, я емал а ца ѣо, я кѣобал а ца ѣо паразитѣйн организмаш.
Не в силах сидеть на месте, он с письмом в руках, читая его, стал ходить по комнате.	Цѣхъана меттѣхъ охѣахаа ницкѣ ца кхочуш, карахъ кехат а долуш, чобнахула лела волавелира иза, иза доьшуш. Цѣхъана меттѣхъ ца ѣалуш, карахъ кехат а долуш, чухула дѣасалела волавелира и, и деша а доьшуш.
Среди сидхе даже нет большего оскорбления, чем слово "клятвопреступник".	Сидхешна юкѣахъ «дуй биьнарѣ» бохучу дашал ѣоккха вас яц. Сидхе нахана ѣуккѣхъ «дуй кѣарбиниарѣ» бохучу дашал доккха тѣхтохар дац.
Возле нас всегда выстраивалась очередь, потому что мама была чистюля, ее знали и ждали.	Даима а моѣла бара тхуна гонаха, хѣунда аьлча сан нана маьѣне урод ѣара, нахана и ѣевзаш ѣара, цуьнга сатуьйсун ѣара.
Он не слишком хорошо перенес первую встречу с двадцатым веком.	Ткѣе итт бѣешарца шен дуьххьарлера цѣхъаьнахетар башха дѣка ца лѣлийра цо.
Зато если кто-то осмеливается отрицать миф о резне евреев, то все сионистские глашатаи и правительства, служащие сионистам, поднимут против этого человека невероятный вой во всю мощь своих глоток".	Амма нагахъ цѣхъаь жуьгтий байѣаран мѣф харцѣан вахѣахъ, тѣаккха массо а сионистѣйн туркхаш а, ѣедалш а, сионисташна гѣуллакх деш долчу ѣедалша а, шайн мерѣуьргѣйн массо а ницкѣаца, цу стагана дуьхъал инзаре мохъ хъалаайбийр бу».

Гуглехъ дош ша схъаэцна гочдѣча, иштта гойту: *глоток* – *молха*, *глотка* – *глотка* (!)
мерѣуьрг – *горло* (!)

Стилистика

Долахь цѣраш йахаран кеп

Фидель Кастро и его сторонники пытаются сопротивляться капитализму.

Кастро Фидель а, цуьнан агІончаш а гІерта капитализмана дуьхьало ян.

Амма хийра къоман цѣрш шаьш ма-йарра йитар гІоле ду:

Фидель Кастрой, цуьнан накъостий ма-хуьллу капитализмана дуьхьало йан гІерта.

Как рассказал Сергей Дружко, для съемок своей программы в Уфу он приезжал уже несколько раз. – Дружко Сергейс ма-дийцара, иза хІинцале а масийттаза хилла Уфехь шен программа йаккха. – *Сергей Дружкос* ма-дийцара, *и* хІинцале а масийттаза хилла *Уфахь* шен программа йоккхуш.

Уфехь меттана Уфахь хила деза, Москвехь а доцуш, Москвехь санна, Литвехь а доцуш, Литвахь санна.

Вчера глава комитета по разведке сенатор Дайана Файнштейн обратилась к министру обороны США Роберту Гейтсу с тем, что поставки оружия Тайваню повредят китайско-американским отношениям.	Селхана Іамеркан Цхьаьнатоьхначу Штатийн тІеман министре Гейтс Роберте кехат яздира сенаторо, Цийнан къайлахчу сервисийн комитетан куьйгалхочо Файнштейн Дианнас, Тайванна герз дохкаро Китайн а, Іамеркан а юкъаметтигаш талхор ю аьлла.
	Селхана Іамеркан Цхьаьнакхетгачу Штатийн тІеман министре Роберт Гейтсе кехат йаздира сенаторо, къайлах сервисийн комитетан куьйгалхочо Диана Файнштейн-а/-о, Тайванна герз дохкаро Китайн, Іамеркан йукъаметтигаш талхор йу аьлла.

«Ш»-наш лахдар

ГІишлошъяр – гІишлойар,

Зударш меттана зударий

Хьостмаш меттана – хьостамий

Бажанаш меттана бажой, хьажа шичой, маьхчой, наной, аланой (аланаш).

Орфографи

1. Орфографи керланиг йац, хІинца а *е, ё, ю, юь, я, яь* элпаш леладо.

2. Уггар даьржина, дукха лелош долу дешнаш хьалха санна йаздо, ткъа цуо церан проектах пайдаэцарна хаьал новкъарло йо, далор вай оцу дешнех цхьадерш:

дуьззина – дуьззана, вуьззина – вуьззана къонах, йуьззина – йуьззана

къаьсттина – къаьсттана

леррина – леррана

хьаьжжина (*дештІаьхье*) – хьаьжжана, цуьнга хьаьжжана

ткъаткъа – ткъаттІа

цкъацкъа – цкъаццІа

цІеххьана – цІаьххьана

1) лерина ‘посчитал; уважил, оказал уважение, посчитался с кем-л.’

2) лерана ‘внимательно, бережно, осторожно’ – чІагІдаран кеп леррана ‘внимательно, тщательно, скрупулезно’

3) лаьррана ‘специально, умышленно, преднамеренно, целенаправленно’

3. Цѣрдешнийн *-ан* // *-ин* чаккхенаш къастор кхачамболлуш дац.

Нохчийн меттаІилманехь къастийна дикка хан йу йеса чаккхе йолу (*физик, политик, литератор, диктатор...*) дешнаш хьалхарчу легарехь хийцадалар, доланиг дажарехь *-ан* чаккхе йолуш, ткъа *-а* чаккхе йолу дешнаш (*физика, политика, литература, диктатура...*) 3-чу легарехь хийцадалар доланиг дожарехь *-ин* чаккхе йолуш.

Селективни *аналитикан* реагенташ – коьртачу декъана чолхе *органикан* цхьаьнаххетарш – Селективни *аналитикин* реагенташ – коьртачу декъана чолхе *органикин* цхьаьнаххетарш.

Регионан экономикан, Лакхарчу экономикан школо – экономикин школо;

Республикан – республикин;

Экономикан анализан институтан – экономикин анализан институт.

4. Др. дожарехь йолу *-нино*, *-ино* чаккхе *-ис* чаккхенца хийца йезара.

Оцу «хьалхара *информацино*» боккха тIеIаткъам бира: 2003 шарахь цхьана фармацевтикин *компанино* шен мах хадор карладаьккхира

декларацино – декларацис

комиссино – комиссис

5. Божарийн хораш ‘мужские хоры’ – божарийн хорраш;

газан биргIа ‘газовая труба’ – газзан биргIа, хIунда аьлча аларехь *газан биргIа* «козлияная труба»-х ца тардалийта.

ЖамI. Google-Translate проектан декъашхоша бина болх Iаламат боккха болх бу, цуьнан мехалла йийцина ца валлал лакхара йу. Нохчийн кьоман мотт дуьненчуьра дIа ца балийта биллина ондда бух бу и. Дуьненан муьлххачу маIехь волчу Iилманхочун, хьехархочун, журналистан, студентан – хьеннаⁿ аьтто бу, шен чохь Iашшехь, пайдаэца оцу программех. Делахь а, муьлхха а дуьххьара динчу хIуманна тIехь санна, мелла а кхачамбацар карадо кху балха тIехь а. Царах дукхадерш технически ду, кIеззиг долу дакъа адмах доьзна а ду. Хьалхарчех ду меттанийн йерриг башхаллаш тидаме эца хала хилар, масала, европин меттанашкахь грамматически классаш йац, цундела компьютерна ца хаь дешнашна йуккхехь классаца барт муха бо. Европин меттанашкахь хьалхарчу йуьхьан цIерметдешнийн дукхалин терахьехь цхьа кеп бен йац (*мы*, *we*), нохчийн маттахь шиь йу (*вай*, *тхо*), компьютерна, гочдеш, ца хаь царах муьлхарг харжа йеза. Иштта машене ца къастало нохчийн цIерниг дожарехь хила деза подлежащий, дийриг дожарехь хила дезарггий, хIунда аьлча оьрсийн, ингалсан шина а маттахь подлежащи цIерниг дожарехь бен ца хуьлу дела. Иштта дIа кхин а.

Адмех доьзна аьпаш ду коьртачу декъана орфографица доьзна. Google-Translate программы чу йиллинарг хьалхалера орфографи йу *е* (*йэ*), *ё*, *ю*, *юь*, *я*, *яь* элпаш лелош йолу; *дуьззина*, *къаьсттина*, *хьаьжжжина* (*дештIаьхье*), *леррина* *дешинашкахь* «*и*» *йаздеш* йолу, *ткъа тахана уьш* «*а*» *долуш* *йаздан* деза.

Беттанийн цIераш, кIиран денош, дуьненан агIонаш (кьилбе, кьилбаседе), терахьдешнаш, дуккха а йолу терминаш нийса ца гочйеш меттигаш нисло.

И дерриг а тодеш, кхидIа болх бан йиш хилар ду уггар коьртаниг. Цу тIехь тхайгара гIо хиларе догдогIуш йазийна йу хIара статья а.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагапов А.Д. Нохчийн меттан доштуьду жайна. – Нальчик: Полиграфсервис и Т. 2001. – 92 с.
2. Вагапов А.Д. Словарь неологизмов чеченского языка. – Грозный: ГУП «ИПК «Грозненский рабочий». 2007. 144 с.
3. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – Москва: «Государственное издательство иностранных и национальных словарей». 1958. – 1904 с.
4. Мациев А.Г. Нохчийн-оьрсийн словарь. – Сойлжа-ГIала: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий». 2010. – 656 а.
5. Нохчийн меттан нийсайаздаран йоккха дошам. Колл. авторов. – Грозный: ГУП «ИПК «Грозненский рабочий». 2023. – 992 а.
6. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. – Грозный: Чеченгосиздат «Жайна». 1997. – 720 с.
7. Google-Translate.

УДК 811.351.22

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАРГИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Габидуллаева П.М.,

канд. филол. наук, заведующий кафедрой дагестанских языков

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет

имени Расула Гамзатова»

e-mail: nurselin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языка художественных произведений даргинских писателей. Отмечается, что своеобразие языка и стиля их художественных произведений на сегодняшний день остается вне поля зрения исследователей. Мало разработанными являются вопросы, связанные со стилистикой вообще. Изучение стилистических возможностей даргинского языка имеет важное значение для повышения культуры речи носителей даргинского языка. Также важно изучение языка художественного произведения. Даргинские писатели обладают высоким поэтическим мастерством, они достаточно требовательны к языку и стилю своих произведений. На сегодняшний день возникает необходимость лингвистического изучения языка художественной литературы. Это особая область применения языка, где вопрос о языке литературы исследуется как отдельная проблема.

Ключевые слова: даргинский язык, язык художественных произведений, стиль писателей, стилистические возможности, речевые средства, общенародный язык.

THE LANGUAGE OF THE ARTISTIC WORKS OF DARGINIAN WRITERS: TO RAISE THE QUESTION

Gabibullayeva P.M.,

Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Dagestan Languages,
Dagestan State Pedagogical University Rasula Gamzatova

Annotation. The article examines the peculiarities of the language of the literary works of Darginian writers. It is noted that the originality of the language and style of their artistic works of Darginian writers remains outside the field of view of researchers today. Issues related to stylistics in general are poorly developed. Studying the stylistic possibilities of the Darginian language is important for improving the speech culture of native speakers of the Darginian language. It is also important to learn the language of the artwork. Darginian writers have a high poetic skill, they are quite demanding of the language and style of their works. Today, there is a need for linguistic study of the language of fiction. This is a special field of language application, where the question of the language of literature is investigated as a separate problem.

Keywords: Darginian language, the language of artistic works, the style of writers, stylistic possibilities, speech means, the national language.

Актуальность обусловлена неисследованностью языка художественных произведений даргинских писателей. По вопросам, связанным с языком и стилем даргинских писателей, в даргинском языке имеются несколько статей У.У. Гасановой [4], а также данной проблемы касаются наши работы последних лет [2, 3]. Других работ, касающихся языка и стиля даргинских писателей, в данном языке на сегодняшний день не существует.

Тем не менее, функциональные стили даргинского литературного языка, такие как художественный, публицистический, научный и другие, продолжают темп своего ускоренного развития. Начинает ясно определяться закрепленность отдельных лексем и речевых формул за определенным стилем. Но, несмотря на это, тех лет, в течение которых развивается современная стилевая концепция даргинского языка, оказалось недостаточно для рельефного выявления своеобразных принципов отбора единиц языка (слов, речевых формул) и конкретных стилистических окрасок этих единиц. Этим, в некоторой степени, объясняется отсутствие монографических работ в даргинской стилистике.

Отсутствие или недостаточная разработанность того, на что должно опираться стилистическое исследование, то есть истории даргинского языка и некоторых научных

разделов усугубляет трудности подобного исследования. На современном этапе пока еще не совсем ясен круг языковых единиц, закрепленных за определенным стилем.

В связи с развитием и обогащением даргинской литературы возникает необходимость изучения языка художественной литературы как особой области применения языка, где вопрос о языке литературы исследуется в виде отдельной проблемы.

Очевидно, что изучение языка художественной литературы охватывает более широкий круг проблематики, чем исследование языка самого писателя.

Не говоря уже об отсутствии каких-либо работ по языку художественной литературы или по языку и стилю даргинских писателей, приходится отметить, что своеобразие языка и стиля их художественных произведений на сегодняшний день остается вне поля зрения исследователей.

Художественное произведение дает эстетически преобразованное отражение речевой жизни народа в соответствии с идейным замыслом писателя и методом его творчества. Такое изучение представляет смежную область лингвистики и литературоведения. Общественное понимание языка художественного произведения в разрезе общенародного языка сопрягается писателем с анализом риторических находок.

Вопросы мастерства и творческого своеобразия даргинских писателей остаются нерешенными, более того, не затронутыми, когда стилистика художественной литературы находится в зачаточном состоянии.

Изучение языка художественного произведения предполагает исследование прежде всего его стиля, ибо «основным в сфере лингвистического изучения художественной литературы является понятие индивидуального стиля как своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но структурно-единой системы средств норм словесного выражения» [1].

Авторский стиль как проблема эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения разных речевых элементов для языкового исследования означает демонстрацию словесных возможностей. Именно через них и отражается идейное и связанное с ним аффективное содержание литературных произведений.

Раскрытие и толкование индивидуального стиля охватывает широкий круг вопросов и задач, куда входят анализ синтаксического строя произведения, выяснение характера связей между ними, изобразительных функций синтаксических форм, освещение которых приближает исследователя к пониманию индивидуального стиля изучаемого литературного произведения.

При рассмотрении языка художественного произведения различаются разные стороны. Они могут быть связаны с взаимосвязями различного плана, в том числе и с историческими, со стилями языка, особенностью тематики самого произведения и манерой выражения автора:

1. Раскрытие и уяснение системы речевых средств, отобранных автором из общенародного языкового фонда.

2. Языковой анализ стиля художественного произведения как органического единства, как своеобразного типа стилевой вербальной организации.

При рассмотрении языка художественного произведения главное внимание должно уделяться лексико-фразеологической стороне языка, исходя из того, что в художественной литературе главным является слово, что совсем не говорит о том, что использованные писателем остальные средства не заслуживают внимания. «В художественной речи конкретизируются значения многих фразеологизмов, так как они используются для характеристики определенного лица» [2]. «В художественной речи фразеологизмы подвергаются различным структурно-грамматическим видоизменениям» [4].

В таком исследовании важны все использованные писателем языковые средства. Спаянность со структурой целого художественного произведения, экспрессивная выразительность и изобразительность характерна не только словам и выражениям, но и синтаксическим формам и конструкциям.

Одной из наиболее сильных сторон творчества писателя считается его умение мастерски раскрывать стороны окружающей жизни. [3].

Автор художественного произведения должен уметь выбирать из него наиболее яркие, точные, ясные и выразительные слова. Правильная их расстановка и сочетание подобных слов могут образцово оформить мысли автора, создать яркие картины и сделать образы людей более убедительными. Организация писателем отобранных возможностей общенародного даргинского языка выливается в словосочетания и предложения. В сочетании слов и их расстановке обнаруживается своеобразие языка писателя и его стиль.

Таким образом, язык художественных произведений даргинских писателей на современном этапе остается пока мало исследованным. Указанная проблема выступает одной из принципиальных в даргинском языкознании, к изучению которой необходимо уже приступить. Имеющиеся работы, посвященные языку даргинских писателей, пока не могут охватить весь круг проблем, связанных со стилем и языком писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – Москва, 1961. – 613 с.
2. Габибуллаева П.М. Метафора в текстах художественной прозы Хабиба Алиева // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск. № 6 (91) 2021. – С. 496–498.
3. Габибуллаева П.М. Семантика, структура и функции пейзажных единиц в художественных текстах Хабиба Алиева // Modern Humanities Success/Успехи гуманитарных наук. 2022, № 1. – С. 92–95.
4. Гасанова У.У. Стилистическое использование фразеологических единиц в прозе Хабиба Алиева // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2020. № 1 (80). – С. 574–576.

УДК 811.351.22

ОРИЕНТАЛИЗМЫ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ: ХРОНОЛОГИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Гасанова У.У.,

д-р филол. наук, профессор кафедры дагестанских языков,
зав. НИЛ «Бесписьменные языки народов Дагестана»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
e-mail: uzlipat066@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается хронология и предпосылки заимствований в дагестанских языках из восточных языков. Предпосылками заимствований являются государственно-правовые, культурно-хозяйственные и другие связи. Наибольшую часть ориентализмов в дагестанских языках составляют арабские заимствования, в основном религиозные и общественно-политические термины. Тюркские заимствования в дагестанских языках также занимают обширный слой лексики. Их проникновение связано с проживанием на соседних территориях с дагестанскими народностями тюркоязычных народов. Тюркские слова в рассматриваемых языках представляют собой названия пищи, растений, животных и других понятий. Иранизмы заимствовались в первую очередь через торговые контакты иранских торговцев, а также проникновению ряда слов способствовали походы иранских шахов на Дагестан. Ориентализмы, проникнув в дагестанские языки, адаптировались под их фонетические и морфологические нормы. На современном этапе наблюдается переосмысление религиозной лексики и активизация новых заимствований-арабизмов, которое обусловлена ревитализацией религиозных понятий.

Ключевые слова: дагестанские языки, ориентализмы, арабские заимствования, тюркизмы, иранизмы, фонетические процессы, семантические процессы.

ORIENTALISMS IN DAGESTAN LANGUAGES: CHRONOLOGY AND BACKGROUND

Gasanova U.U.,

Doctor of Philology, Professor of the Department of
Dagestan Languages, Head of the Department of Dagestan
NIL «Unwritten languages of the peoples of Dagestan»

Annotation. The article examines the chronology and prerequisites of borrowings in Dagestan languages from oriental languages. The prerequisites for borrowing are state-legal, cultural, economic and other ties. The largest part of orientalisms in Dagestan languages are Arabic borrowings. These are religious and socio-political terms. Turkic borrowings in Dagestan languages also occupy an extensive layer of vocabulary. Their penetration is connected with the residence of Turkic-speaking peoples in neighboring territories with Dagestan. The Turkic words in the languages under consideration represent the names of food, plants, animals and other concepts. Iranisms were borrowed primarily through the trade contacts of Iranian merchants, as well as the campaigns of the Iranian shahis in Dagestan contributed to the penetration of a number of words. Orientalisms penetrated into the Dagestani languages and adapted to the phonetic and morphological norms of these languages. At the present stage, there is a rethinking of religious vocabulary and the activation of new borrowings-Arabisms, which is due to the revitalization of religious concepts.

Keywords: Dagestan languages, orientalisms, Arabic borrowings, Turkisms, Iranisms, phonetic processes, semantic processes.

Хронология заимствований в дагестанских языках органически связана с взаимоотношениями, которые сложились испокон веков с различными, в том числе и с соседними народами.

Многовековое соседство народов, принадлежащих к тюркской семье языков, к которым относятся кумыкский, азербайджанский и ногайский, торговые контакты, происходившие на территории Дагестана с давних пор, а также захватнические действия персидских шахов – все это послужило предпосылками широкого распространения ориентализмов в дагестанских языках.

Воздействие других языков на дагестанские языки в таких условиях было неизбежно. Более наглядно это видно при анализе лексического фонда дагестанских языков. В них отмечается изрядное количество лексем, заимствованных из разных восточных языков. Проникновение таких слов обусловлено государственно-правовыми, хозяйственными, культурными контактами.

В своем становлении дагестанские языки испытали большое влияние со стороны восточных языков, которые по своим фонетическим и морфологическим законам отличаются от дагестанских языков. Несмотря на отсутствие генетического родства с этими языками, дагестанские языки легко заимствовали из них достаточно большой пласт слов.

Заимствования в дагестанских языках рассматривались в работах Н.С. Джидалаева [2], Р.И. Гайдарова [1], М.-С.М. Мусаева [3], И.И. Эфендиева [5] и других.

Во всех дагестанских языках отмечается множество одинаковых, сходных заимствований. Для каждого горского языка эта лексика универсальна.

С давних пор в эти языки проникают лексемы из соседних тюркских языков (кумыкский, ногайский, азербайджанский), а также из других восточных, в том числе арабского и иранского.

Ориентализмы обращают на себя внимание рядом особенностей. Прежде всего, это особенности семантического и фонетического характера.

Рассмотрим хронологию и причины проникновения ориентализмов из арабского, персидского и тюркских языков.

Заимствование арабизмов. По данным специалистов, в рассматриваемых языках отмечается множество арабизмов (по некоторым данным, их около 2000 единиц). Начальный порог их проникновения фиксируется с 7–8 вв. Процесс ранжирования арабизмов в данных языках отмечен двумя этапами: первый этап – 7–13 вв. (в данный период заимствование шло медленно); второй этап – 14–21 вв. (более интенсивный этап проникновения арабизмов). Главенствующую роль играл ислам, что подтверждается обилием религиозной лексики в данных языках. Позднее немаловажное значение имела восточная литература (мифология и арабская письменность).

В тот период дети многих дагестанцев обучались в медресе. Об этом писал и П.К. Услар. Носители дагестанских языков, особенно в южной части Дагестана, помимо изучения самого арабского языка, стали изучать и знакомиться с арабоязычной литературой и восточной поэзией.

В 20 веке была предпринята попытка создания письменности дагестанских языков на основе аджама, который функционировал до 2028 г.

Арабизмы отличаются по своей структуре и семантике. Это слова и выражения, обозначающие в большинстве своем религиозные понятия, термины общественно-политического характера, термины, связанные с образованием.

Более 90% антропонимов в рассматриваемых языках по своему антропогенезу восходят к арабским.

Заимствовались не только наименования конкретных понятий, но и целые выражения, союзы, частицы [3].

Оказавшись в составе дагестанских языков, они проходили адаптационные процессы фонетического и семантического плана. Фонемы, не характерные для дагестанских языков, заимствуясь, редуцировались до тех, которые были близки им (например, ф – п).

При адаптации арабизмов наблюдаются семантические процессы. К примеру, ряд арабских лексем, имевших несколько значений, проникли в дагестанские языки в одном значении:

Араб. *Х1яз* < счастье, игра

Даг. – Игра.

Араб. *Жагыл* < молодой, незрелый

Даг. – Молодой.

Араб. *Гъариб* < несчастный, чужой

Даг. – Несчастный.

В советский период передвижение арабизмов в дагестанские языки стало умеренным. Ко второй половине прошлого века их проникновение уже практически прекратилось.

С этого периода арабские заимствования уступают место русским, которые с началом смены политической и экономической формации страны стали более интенсивно проникать в горские языки. Такие процессы происходили повсеместно по всей стране.

С конца прошлого века по настоящий период наблюдается заметное оживление, а затем и активизация новых заимствований-арабизмов, что обусловлено ревитализацией религиозных понятий, активизацией духовной жизни мусульман в республике. Это проецируется, в первую очередь, на лексический и фразеологический состав данных языков. Имеет место обновленное, более широкое понимание религиозного дискурса, а в ряде случаев и трансформация эмотивно-экспрессивных оттенков. Последние три десятилетия наблюдается рост большого числа арабских лексем, проникающих в современные дагестанские языки. В большинстве своем они связаны с бытом, одеждой, тканями, пищей и терминами религиозного характера. Эти наименования заполняют вакуум, образовавшийся после ухода идеологии, существовавшей в прошлом столетии. Заполнение этих лакун стало социальной необходимостью.

Заимствование тюркизов. Достаточно широкое распространение имеют в рассматриваемых языках тюркские заимствования. Главными предпосылками их проникновения являются, как уже отмечалось, проживание на соседних территориях и контакты хозяйственного и бытового плана.

Хронология их заимствования идет с древнейших времен по сегодняшний период. Компиляция происходила посредством устной коммуникации.

Тюркские заимствования представляют собой наименования животных, растений, плодов, строений, бытовой утвари, пищи, одежды. Значительное число собственных имен тюркского происхождения. Тюркизмы отличаются фонетическими особенностями. Им характерны преобладание таких звуков, как кь, гь, морфем – лихъ, чи, ди.

В современных дагестанских языках тюркизмы занимают прочное место, они довольно активно используются в устной коммуникации и письме.

Заимствование иранизмов. Заимствования из персидского языка проникли в дагестанские языки устным путем. Предпосылками их проникновения явились торгово-рыночные контакты с персидскими торговцами, а также вторжения персидских завоевателей на территорию Дагестана.

Помимо этого, среди народов южной части Дагестана довольно широкую популярность имела персидская литература (фольклор и поэтические произведения).

Среди иранских заимствований значительный объем составляют наименования военных терминов, а также названия различных предметов, тканей, пищи, бытовой утвари, которые приобретались в результате торговых взаимоотношений с иранскими торговцами.

Антропонимы, числительные, служебные слова персидского происхождения также проникли в словарный состав дагестанских языков.

Таким образом, ориентализмы в дагестанских языках занимают достаточно большой объем словарного фонда. Они проникли во все области жизнедеятельности, начиная от религиозных, заканчивая бытовыми названиями. В процессе развития дагестанских языков они переконфигурировались, подстроившись под их фонетические и морфологические законы.

Обстоятельства их проникновения в указанные языки аналогичны. Военные действия в отношении Дагестана со стороны Персии. Арабские слова проникли с периода принятия мусульманской религии. Проживание на соседних территориях, а также культурные и бытовые отношения способствовали проникновению тюркских слов в горские языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. / Р.И. Гайдаров. – Махачкала, 1966. – 263 с.

2. Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. / Н.С. Джидалаев. – Москва: Наука, 1990. – 248 с.
3. Мусаев М-С.М. Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ) /М-С.М. Мусаев. – Махачкала, 1978. – 129 с.
4. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. /П.К.Услар. – Тифлис, 1892. – 497с.
5. Эфендиев И.И. Персидская лексика в нахско-дагестанских языках. /И.И. Эфендиев. – Махачкала, 2003. – 115 с.

УДК 811.161.1:811.352.30

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)

Дакахова И.С.,

магистрант 2 года обучения направления «Русская филология»

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

e-mail: dakakhova.ira@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается национально-культурная специфика зооморфных фразеологизмов в русском и кабардино-черкесском языках. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления глубинных связей между языком, культурой и менталитетом народа. Цель работы – выявить особенности образного осмысления животных в двух лингвокультурах и объяснить их обусловленность традиционным укладом жизни, верованиями и системой ценностей. Материалом исследования послужили фразеологические единицы и паремии русского и кабардино-черкесского языков, отобранные из лексикографических источников методом сплошной выборки. В работе впервые вводится в научный оборот и сопоставляется широкий пласт кабардинских зооморфных образов (петух, лиса, коза, волк, кошка, конь, собака) с их русскими аналогами. Установлено, что специфика образов детерминирована хозяйственным укладом (коневодство у адыгов / пашенное земледелие у русских), воинским этосом и системой этикета «адыгэ хабзэ», что находит отражение в гендерной маркированности и социальной оценочности фразеологизмов.

Ключевые слова: зооморфизмы, фразеология, национально-культурная специфика, русский язык, кабардино-черкесский язык, лингвокультурология, языковая картина мира.

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF ZOOMORPHIC IMAGES IN PHRASEOLOGICAL UNITS (BASED ON THE RUSSIAN AND KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGES)

Dakakhova I.S.,

2nd year master's student in Russian Philology

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

Abstract. The article examines the national-cultural specificity of zoomorphic phraseological units in the Russian and Kabardian-Circassian languages. The relevance of the study is determined by the need to identify deep connections between language, culture and mentality of the people. The aim of the work is to reveal the peculiarities of the figurative comprehension of animals in two linguistic cultures and to explain their conditionality by the traditional way of life, beliefs and value system. The research material includes phraseological units and proverbs of the Russian and Kabardian-Circassian languages selected from dictionaries by continuous sampling. For the first time, a wide range of Kabardian zoomorphic images (rooster, fox, goat, wolf, cat, horse, dog) are introduced into scientific circulation and compared with their Russian counterparts. It is established that the specificity of the images is determined by the economic structure (horse breeding among the Adygs vs. arable farming among the Russians), the military ethos and the etiquette system «Adyghe khabze», which is reflected in the gender marking and social evaluation of phraseological units.

Keywords: zoomorphisms, phraseology, national-cultural specificity, Russian language, Kabardian-Circassian language, linguoculturology, linguistic worldview.

Введение. Фразеологический фонд языка является ценнейшим источником сведений о культуре и мировоззрении народа. Особое место в нем занимают зооморфизмы – устойчивые выражения, включающие названия животных. Как справедливо отмечает Ф.Н. Гукетлова, зооморфный код культуры позволяет выявить систему символов и эталонов национальной культуры, которые составляют значительную часть национального языкового сознания и воплощают самобытные черты мировосприятия народа [1, с. 98]. Животные, втянутые человеком в мир его преобразований, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека.

Объектом данного исследования выступают зооморфные фразеологизмы русского и кабардино-черкесского (далее – кабардинского) языков. Выбор данных языков обусловлен их

типологической отдаленностью и принадлежностью к разным культурным ареалам: русский язык отражает славянскую, преимущественно крестьянскую культуру; кабардинский язык является носителем адыгской культуры с ее специфическими традициями (воинский этос, «адыгэ хабзэ», скотоводство).

Цель работы – выявить национально-культурную специфику зооморфных образов и объяснить их связь с традиционным укладом жизни и менталитетом русского и кабардинского народов.

Материалом для анализа послужили данные «Фразеологического словаря русского языка» А.И. Федорова [5], «Русско-кабардинско-черкесского фразеологического словаря» Б.М. Карданова [3]. Методом сплошной выборки было отобрано 75 фразеологических единиц русского и кабардинского языков, содержащих зооморфный компонент. В работе использованы сопоставительный, описательный и интерпретативный методы.

Теоретические основы изучения национально-культурной специфики зооморфизмов. Понятие национально-культурной специфики языковых единиц разрабатывалось в трудах В.Н. Телия, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. В.Н. Телия подчёркивает, что фразеология репрезентирует культуру народа-носителя, а система образов-эталонов особенно ярко передаёт эмпирический и эмоциональный опыт национально-культурной общности [4, с. 218]. Л.В. Шидакова, развивая этот подход, вводит важный критерий символности зоонима: это не частотность, а качественный, аксиологический критерий – его значимость в культуре, способность маркировать ценностную характеристику реалии за пределами мира животных [7, с. 145]. Зооморфные образы становятся символами, когда они неоднократно проявляются в устойчивых словесных комплексах и применяются для маркировки аксиологически значимых реалий данной лингвокультуры, часто подкрепляясь фольклорными и мифологическими сюжетами.

Основная часть

1. Образ петуха (адакхэ). Образ петуха в кабардинской лингвокультуре многогранен и несёт как положительные, так и отрицательные коннотации. Положительная оценка связана с функцией кормильца, заботы о потомстве, что отражено в пословице *Адакхэрэ пэт джэджейр егъаихэ* (букв. 'петух и тот накормит цыплят'). Смысл этой паремии выходит за пределы орнитологии: даже тот, от кого, казалось бы, не следует ждать заботы (петух не участвует в выкармливании птенцов в природе), способен проявить ответственность. Отрицательная коннотация образа петуха реализуется в характеристике невзрачного, низкорослого человека, претендующего на солидность: *Адакхэ лъэджажэ* (букв. 'петух со шпорами'). В русском языке для выражения подобного несоответствия амбиций и внешности используются зооморфные сравнения: «Важная птица» (иронично), «Ворона в павлиньих перьях». Позитивная характеристика внешности, связанная с петушиной окраской, представлена в прилагательном *адакхэ мэзынэ* – 'краснощекий, румяный'. В русском языке цветовая гамма петуха также используется в сравнениях, но чаще для описания яркости, пестроты: «Разодеться как петух».

2. Образ лисы (бажэ). Хитрость является доминирующей характеристикой лисы как в русской, так и в кабардинской лингвокультурах. Однако кабардинский материал позволяет увидеть нюансы этого образа. Предельная степень ловкости и изворотливости человека передаётся через гиперболический образ: *Бажэр гъуэм кършыныц* (букв. 'он и лису выманит из норы'). Русским аналогом может служить «Изворотлив, как лиса», но глагол «выманить» добавляет оттенок манипулятивного мастерства. Интересна логика пословицы *Бажэр лэрылхэмэ, щаклуэр шэрыуэц* (букв. 'если лиса в руках, то охотник меток') – результат оправдывает средство, успех делает охотника умелым задним числом. В русском языке близка по смыслу пословица «Победителей не судят», но она лишена зооморфности. Однако кабардинская паремиология подчёркивает, что даже самая изощрённая хитрость имеет пределы: *Бажэм и нэхь луцри и гъуэм кыщаубыд* (букв. 'даже самую хитрую лису ловят в ее собственной норе'). Эта мысль универсальна и имеет прямые аналоги в русском языке: «Сколько вору ни воровать, а кнута не миновать». Идиома *Бажэ зеклуэкIэ* (букв. 'лисы

походка') в кабардинском языке обозначает поведенческую стратегию – крадучись, с намёком на скрытые намерения. В русском языке есть выражение «Подкрадываться, как лиса», также имеющее поведенческий смысл. Пословица *Бажэр мэжэллати, къазыр къуанишэ хъуащ* (букв. 'гусь виноват, коль лиса голодна') высмеивает склонность перекладывать вину на жертву, оправдывая хищника. Это вариант универсальной логики «сильный всегда прав», который в русском языке находит отражение в басенном сюжете «Волк и Ягнёнок».

3. Образ козы (бжэн). Образ козы в кабардинской фразеологии, как и в русской, чаще всего связан с отрицательными характеристиками. Пословица *Бжэн къуий тегушхуэгъуафлэщ* (букв. 'облезлую козу легко обидеть') имеет точный русский аналог: «Молодец против овец, а против молодца – сам овца». Здесь зооморфный ряд различается: в кабардинском варианте фигурирует «облезлая коза», в русском – «овца». Смысл един: трус проявляет смелость только по отношению к тем, кто слабее. Другая пословица *Бжэныжэ зи лэжыгъуэ пырамыжыщхэ зыдехъыж* (букв. 'старая коза и перед смертью нашкодит') характеризует человека, который до самой смерти не меняет дурных привычек. В русском языке есть близкие по духу выражения: а) с другим зооморфным компонентом – «Старую собаку новым фокусам не научишь»; б) не зооморфное выражение: «Горбатого могила исправит». Выражение *Бжэн лъакъуэ хъыбар* (букв. 'сказка про козью ногу') означает бесконечное повторение одного и того же, что точно соответствует русскому фразеологизму «Сказка про белого бычка». Это полное семантическое соответствие использования обоими языками зооморфного компонента для обозначения надоевшего, циклического повествования.

4. Образ волка (дыгужь). Образ волка в кабардинской культуре амбивалентен. С одной стороны, это символ мужества, с другой – хищник. Пословица *Дыгужь ущышынэмэ, мэз умыкъуэ* является точным аналогом русской «Волков бояться – в лес не ходить». Это случай универсальной паремиологической модели, построенной на образе волка как основной опасности в лесу. Аналог русского «Волк в овечьей шкуре» также присутствует в кабардинском: *Мэлыфэ зытезыгъэлъэдэ дыгужь* (букв. 'волк, накрытый овечьей шкурой'). Оборот *Дыгужьрэ уэркъыжьрэ* (букв. 'уорк, что волк') сравнивает представителя сословия (уорка) с волком, что, скорее всего, несёт положительную коннотацию силы и доблести. Пословица *Дыгужьым мэл зыфлхъыну мэлыхуэр пилэ цхъэщыгуклэ* (букв. 'волк по верхушке шапки определяет, у какого чабана овцу можно стянуть') иллюстрирует не только волчью хитрость, но и умение человека оценивать ситуацию и выбирать жертву по внешним признакам.

5. Образ кошки (джэду). Образ кошки также представлен в кабардинской фразеологии. Пословица *Джэду щысу псысэ жумылэ* (букв. 'в присутствии кошки сказку не рассказывай') передаёт идею осторожности, бдительности, предупреждение о том, что нельзя быть откровенным в присутствии того, кто может использовать информацию во вред. В русском языке есть близкие по смыслу, но не зооморфные выражения: «И у стен есть уши». Поговорка *Джэдум нэхъ лъэщ щымылэу дзыгъуэм и гугъэщ* (букв. 'мышь думает, что сильнее кошки никого нет') отражает ограниченность кругозора. Русский аналог – «В своём болоте и лягушка поёт». Выражение *Джэдум хуэдэу, псэ быдэщ* (букв. 'как у кошки, крепкая душа') является аналогом русского «живуч как кошка». Идиома *Джэду жьэгъуху (зецл)* (букв. 'прикидывается кошкой') означает притворство. Здесь интересно расхождение образов: в русском языке для передачи притворства используется образ жертвы – «Прикидываться невинной овечкой», тогда как в кабардинском притворство приписывается самому хищнику (кошке), что подчеркивает иную логику осмысления этого действия.

6. Образ коня (шы). В русской фразеологии образ коня (лошади) связан преимущественно с крестьянским трудом: *работает как лошадь, пахать как лошадь, темная лошада* (о неизвестном человеке), *не в коня корм* (о бесполезных, безрезультатных затратах на кого- или что-либо).

В кабардинской культуре конь занимает совершенно иное место – это не просто домашнее животное, а верный спутник, друг и помощник, почти член семьи. Данное отношение ярко проявляется в паремиологическом фонде. Пословица *Шы уилэмэ, уанэ*

бгъуэтынищ (букв. 'если есть конь, то седло найдётся') выражает оптимистичную жизненную философию: при наличии главного (коня) всё остальное приложится. В русском языке можно провести параллель с пословицей «*Была бы шея, а хомут найдётся*», но там речь идёт о работе и ярме, а здесь – о благородном деле (седло – атрибут всадника, воина).

Особого внимания заслуживает пословица *Уиш и ныбэ умыгъэныкъуэ – гъуэгъу укъытринэкъым* (букв. 'не дай конскому брюху отощать – конь тебя на пути не бросит'). Эта паремия отражает глубокую связь между заботой о коне и его преданностью человеку. Конь отвечает взаимностью на хорошее отношение, не бросает хозяина в трудную минуту. В русском языке близка по смыслу пословица «*Как постелешь, так и поспишь*» или «*Что посеешь, то и пожнёшь*», но они лишены зооморфности. Более точным аналогом может служить поговорка «*Добрый конь не оставит седока*», хотя она менее употребительна.

Пословица *Шыр тесым егъэдахэ* (букв. 'конь седоком красен') утверждает, что истинная красота и ценность коня раскрываются через всадника. Хороший наездник делает коня «красным» (то есть красивым, славным). В русском языке есть пословица «*Не конь везёт, а хлеб (овёс)*» (о роли корма), но она иного плана. Ближе по смыслу выражение «*По хозяину и коня хвалят*»: достоинства коня видны в том, как он служит хозяину.

Наконец, пословица *ШыфIыр ныбжээгъуфIым хуэдэи* (букв. 'добрый конь – что добрый друг') прямо отождествляет хорошего коня с хорошим другом. Это высшая степень очеловечивания животного, признания его духовной близости человеку.

Таким образом, анализ фразеологизмов с компонентом *шы* показывает, что в кабардинской лингвокультуре конь выступает не только как помощник в хозяйстве, но и как субъект отношений, требующий заботы и отвечающий преданностью, как партнёр, безупречность которого раскрывается через человека, и, наконец, как друг. Русская фразеология, хотя и содержит ряд паремий с конём, но не наделяет его такой степенью антропоморфизма и эмоциональной близости.

7. Образ собаки (хъэ). Образ собаки в кабардинской фразеологии, как и в русской, отличается амбивалентностью, однако спектр значений и ситуативные нюансы имеют свою национальную специфику.

Универсальным для обеих культур является понимание причинно-следственной связи в отношениях с собакой. Пословица *Хъэм и кIэ утеувэмэ, къодзакъэ* (букв. 'если наступишь на хвост собаке, она укусит') выражает идею неизбежности ответной реакции на провокацию. В русском языке близкими по смыслу являются поговорки «*Не буди лихо, пока оно тихо*» или «*Как аукнется, так и откликнется*», однако они лишены зооморфности. Частичным аналогом можно считать выражение «*Не дразни собаку – укусит*», но оно носит более бытовой, менее фразеологизированный характер.

Важным культурным концептом, отражающим традиционные представления о своём пространстве, является пословица *Хъэжэ пэтрэ и хэкужэ щыльэици* (букв. 'у себя дома и старая собака сильна'). Эта паремия подчёркивает силу и уверенность, которые даёт человеку родной дом, своя территория. Русский язык располагает несколькими аналогами, в том числе зооморфными: «*В своей берлоге и медведь силен*», «*Дома и стены помогают*». Интересно расхождение в выборе животного: у адыгов – собака (самое близкое человеку домашнее животное), у русских – медведь (хозяин леса, символ силы). Это отражает разницу в культурных кодах: для адыгов опорой служит ближний круг (дом, семья, верный пёс), для русских – природная мощь.

Уникальным и не имеющим прямых аналогов в русской фразеологии является риторический вопрос *Уи хъэм бажэ къиубыдэ?* (букв. 'твоя собака лису поймала что ли?'). Это выражение употребляется для передачи телячьего восторга, неумеренной радости по поводу какого-либо события. Смысл основан на том, что поймать лису для обычной собаки – событие неординарное, вызывающее бурную реакцию. В русском языке близким по функции, но иным по образному наполнению является выражение «*Что, клад нашёл?*» или ироничное «*Праздник какой?*». Зооморфный компонент здесь отсутствует.

Наконец, фразеологизм *Хьэмрэ джэдумрэ хуэдэц* (букв. 'как собака с кошкой') является полным структурно-семантическим аналогом русского «как кошка с собакой» и выражает идею непримиримой вражды, постоянных ссор, невозможности найти общий язык. Это универсальная модель, основанная на общечеловеческих наблюдениях за антагонизмом двух домашних животных.

Так, образ собаки в кабардинской лингвокультуре представляет собой сложный комплекс, включающий универсальные наблюдения (причинно-следственная связь, вражда с кошкой), культурно-специфические концепты (сила родного дома) и уникальные идиомы, не имеющие аналогов в русском языке. Особое значение придаётся собаке как хранителю дома и верному спутнику, что находит отражение как в положительных, так и в отрицательных коннотациях.

8. Гендерная маркированность и символичность зоонимов. Гендерная маркированность в кабардинской фразеологии выражена значительно сильнее, чем в русской. Как отмечает Н.Г. Шериева, существуют фразеологизмы, употребляемые только в отношении лиц мужского пола или только женского пола [8, с. 184]. Для характеристики мужчин используются образы петуха, коня, козла: *Адакхэ лъэдакхэ* (букв. 'петух со шпорами') – о невзрачном, но претенциозном мужчине; *Бжэн жьаклэ* (букв. 'козлиная борода') – презрительное наименование мужчины в возрасте. Для характеристики женщин используются образы птиц: *Тхьэрыкхуэ пцэху* (букв. 'голубка-белошейка') – красавица; *Бзу цыхын клэрылькхым* (букв. 'нет столько мяса, сколько бы хватило воробью') – о худой, измождённой женщине [8, с. 184]. Русские зооморфизмы (заяц, лиса, волк) чаще общеупотребительны и реже имеют жесткую гендерную привязку.

Л.В. Шидакова ставит важный вопрос: всегда ли частотный зооним является символом? На примере медведя она показывает, что в русской культуре этот образ сложен и многогранен, а в кабардинской, несмотря на знакомство с медведем (мышэ), он не входит в число активных символов-зоонимов. Фразеологизмов с ним мало, и они часто являются заимствованными или описательными [7, с. 149]. Напротив, образ орла (бгэ) в обеих культурах является символом с исключительно положительными коннотациями (гордость, смелость, красота), что позволяет говорить об универсальности данного символа [7, с. 147].

Заключение. Проведённый анализ с привлечением материалов фразеологических словарей А.И. Федорова и Б.М. Карданова позволяет сделать следующие выводы: зооморфный код является важнейшей частью языковой картины мира как в русской, так и в кабардинской культурах. Национально-культурная специфика кабардинской зооморфной фразеологии определяется воинским этосом и культом коня, сакральным отношением к волку, скотоводством, а также влиянием этикета «адыгэ хабзэ».

Нами выявлены русские аналоги многих кабардинских фразеологизмов, содержащих зооморфный компонент, что свидетельствует об универсальности мировосприятия и некоторых наблюдений народов, обеспечивающих аналогичные способы концептуализации действительности. Однако во многих случаях наблюдаются расхождения в образном ряде (лиса/волк, коза/овца, кошка/овечка), что отражает специфику культурного кода каждого этноса. Наиболее яркими национально-специфическими образами являются: культ коня (шы), возвышенный образ волка (дыгужь), образ кошки-притворщицы (джэду), образ бесконечно повторяющейся истории через «козью ногу» (бжэн льякхуэ хьыбар). Гендерная маркированность в кабардинском языке выражена ярче и системнее, чем в русском. Перспективой исследования является дальнейшее изучение функционирования этих образов в современной речи и их лексикографическое описание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира. – М.: Тезаурус, 2009. – 227 с.
2. Гукетлова Ф.Н. Этноспецифические особенности зооморфизмов в разнотипных языках (на материале французского, русского и кабардино-черкесского языков) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 12. – С. 98–105.

3. Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь: около 3500 фразеол. единиц. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. – 231 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. – М.: АСТ, 2008. – 878 с.
6. Шериева Н.Г. Кабардино-черкесские фразеологизмы, характеризующие человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 182–185.
7. Шидакова Л.В. Специфика символичности зоонимов в русской и кабардино-черкесской фразеологии и паремике // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3. – С. 144–150.

УДК 811.351.42

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЧЕНСКИХ ДИАЛЕКТОВ: ЭТАПЫ, ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Ирезиев С.-Х.С.-Э.,

д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой «Чеченская филология»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: ireziev85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история изучения чеченских диалектов с акцентом на этапы формирования диалектологических исследований, методологические подходы и основные результаты, определившие развитие нахского языкознания. Чеченский язык, входящий в нахскую группу иберийско-кавказской языковой семьи, характеризуется значительной диалектной вариативностью, что обуславливает ключевую роль территориальных разновидностей в реконструкции исторических процессов и выявлении глубинных закономерностей грамматической эволюции. Прослеживается переход от раннего просветительского этапа конца XIX – начала XX века, ориентированного на создание письменности и образовательных ресурсов, к систематическому научному изучению, связанному с трудами П.К. Услара и последующим развитием сравнительно-исторической и описательной диалектологии. Особое внимание уделяется исследованиям Д.Д. Мальсагова, И.Г. Арсаханова, И.Ю. Алироева, А.Г. Мациева, Д.С. Имнайшвили, А.Д. Тимаева и других учёных, заложивших основы классификации чеченских диалектов, анализа их фонетической, морфологической и лексической структуры, а также сравнительно-типологического изучения нахских языков. Подчеркивается значимость диалектного материала как источника архаических элементов языковой системы, позволяющего уточнять реконструкции ранних этапов развития. Делается вывод о необходимости интеграции традиционных описательных методов с современными полевыми и корпусными подходами для дальнейшего углубления диалектологических исследований и создания научно обоснованной сравнительно-исторической модели нахских языков.

Ключевые слова: чеченский язык, чеченские диалекты, нахские языки, кавказское языкознание, диалектология, сравнительно-историческое языкознание, грамматическая реконструкция, полевые лингвистические исследования.

HISTORY OF THE STUDY OF CHECHEN DIALECTS: STAGES, APPROACHES, AND KEY FINDINGS

Ireziev S.-Kh.S.-E.,

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article examines the history of scholarly research on Chechen dialects, focusing on the stages in the development of dialectological studies, methodological approaches, and key findings that have shaped Nakh linguistics. Chechen, a member of the Nakh branch of the Ibero-Caucasian language family, is characterized by significant dialectal variation, which assigns a central role to territorial varieties in reconstructing historical processes and identifying underlying patterns of grammatical evolution. The study traces the transition from the early educational and enlightenment-oriented phase of the late nineteenth and early twentieth centuries, primarily aimed at establishing writing systems and educational resources, to systematic scientific investigation initiated by the works of P.K. Uslar and further developed within comparative-historical and descriptive dialectology. Particular attention is paid to the contributions of D.D. Malsagov, I.G. Arsakhanov, I.Yu. Aliroev, A.G. Matsiev, D.S. Imnaishvili, A.D. Timaev, and other scholars who laid the foundations for the classification of Chechen dialects, the analysis of their phonetic, morphological, and lexical structures, and the comparative-typological study of Nakh languages. The importance of dialectal data as a source of archaic features of the linguistic system is emphasized, as it enables more precise reconstruction of earlier stages of development. The article concludes by highlighting the need to integrate traditional descriptive methods with modern fieldwork and corpus-based approaches in order to advance dialectological research and develop a scientifically grounded comparative-historical model of the Nakh languages.

Keywords: Chechen language, Chechen dialects, Nakh languages, Caucasian linguistics, dialectology, comparative-historical linguistics, grammatical reconstruction, field linguistic research.

Наиболее интенсивный и продуктивный этап развития чеченского языкознания относится к концу 1920-х годов XX века. Предшествующий период – конец XIX – начало XX века – характеризуется преимущественно просветительской направленностью и связан с

деятельностью первых исследователей, заложивших основы чеченской лингвистической традиции. Основными задачами того времени являлись создание алфавита и разработка учебных пособий для начальной школы на чеченском языке. Этот этап связан с именами выдающихся чеченских просветителей и общественных деятелей: Т. Эльдерханова, Х. Ошаева, С. Гайсумова, А. Тучаева, Ш. Сугаипова.

Становление научного изучения чеченского языка неразрывно связано с именем выдающегося исследователя кавказских языков Петра Карловича Услара – автора первой научно обоснованной работы. Его труд «Чеченский язык» (Тифлис, 1888) [22] положил начало систематическому научному исследованию. До появления работ П. К. Услара изучение языка ограничивалось главным образом сбором разрозненного фактического материала и не носило характера целостного научного анализа.

Систематический этап развития чеченской диалектологии связан прежде всего с исследованием Д.Д. Мальсагова «Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка» (1941) [10], в котором впервые была предложена классификация чеченских диалектов. Автор выделяет ряд диалектных групп, отмечая: «Собственно чечено-ингушский язык состоит из следующих диалектов: плоскостного чеченского, ингушского, чеберлоевского, итумкалинского, галанчожского и аккинского (речь аккинцев или ауховцев, живущих в Хасав-юртовском районе Дагестанской Республики)» [10, с. 17]. Наряду с классификацией представлены описания фонетических и морфологических особенностей диалектов, а также сопоставительные характеристики чеченского и ингушского языков.

Следующий этап развития диалектологии относится к концу 1950-х годов и связан с переходом к монографическому изучению отдельных территориальных разновидностей. Важным событием стало издание в 1959 году исследования И.Г. Арсаханова, посвящённого аккинскому диалекту, где он впервые получил системное научное описание с точки зрения фонетики, морфологии и лексики [2]. Продолжением этих работ стала монография «Чеченская диалектология» (1969) [3], представляющая собой первую попытку комплексного описания всей диалектной системы чеченского языка. В ней рассмотрены основные диалекты и их говоры, проанализированы структурные особенности и освещены ключевые теоретические вопросы диалектологии.

Автор выделяет плоскостной, аккинский, чеберлойский, шаройский, итум-калинский, галанчожский и кистинский диалекты, уточняя ареалы их распространения и особенности функционирования. Пять из указанных диалектов представлены на территории Чеченской Республики. После административного разделения бывшей Чечено-Ингушской АССР часть носителей галанчожского диалекта оказалась в пределах современной Республики Ингушетия. Аккинский диалект распространён на территории Республики Дагестан, тогда как кистинский диалект функционирует в Грузии. Особую научную ценность представляет подробное описание внутрдиалектных говоров: пхарчхоевского говора аккинского диалекта [3, с. 37], дайского говора чеберлоевского диалекта [3, с. 59], нашхоевского [3, с. 97], терлоевского [3, с. 115], ламаккинского [3, с. 121], мелхинского [3, с. 138], говоров галанчожского диалекта, а также веденского говора плоскостного диалекта [3, с. 148].

Таким образом, труды И.Г. Арсаханова сыграли ключевую роль в формировании научных основ чеченской диалектологии. Они заложили фундамент системного описания диалектного членения языка, обеспечили научно обоснованную классификацию диалектов и говоров и существенно расширили эмпирическую базу лингвистических исследований. Благодаря комплексному подходу, включающему анализ фонетических, морфологических и лексических особенностей, чеченская диалектология перешла от фрагментарных описаний к целостной научной модели. В настоящее время результаты этих исследований сохраняют методологическую и теоретическую значимость и служат основой для современных сравнительно-исторических и диалектологических изысканий.

Наряду с обобщающими исследованиями в области чеченской диалектологии важное значение имеет работа И.Ю. Алироева «Кистинский диалект чеченского языка» (1962), в

которой рассматривается широкий круг ключевых вопросов, связанных с описанием и анализом данного диалекта. Сравнительный анализ материала показывает, что системы вокализма и консонантизма кистинского диалекта в целом коррелируют с общезыковой системой чеченского языка, тогда как его специфика проявляется преимущественно в характере звуковых преобразований [1]. Рассмотрение фонетических процессов охватывает как вокалическую, так и консонантную подсистемы, что позволило выявить универсальные закономерности звуковых изменений и их диалектно обусловленные реализации, связанные с морфологическими, позиционными и функциональными факторами. Включение материала ингушского языка расширяет сравнительную перспективу и способствует более глубокому пониманию фонетической динамики в рамках нахской языковой группы.

Развитие исследований отдельных территориальных разновидностей получило дальнейшее продолжение в монографии А.Г. Мациева «Чеберлоевский диалект чеченского языка» (1965), занявшей заметное место в научной традиции. Как отмечается самим автором [11, с. 3], а также И.Г. Арсахановым [3, с. 37], чеберлоевский диалект представляет одну из ключевых форм территориальной дифференциации чеченского языка, имеющую особую значимость для изучения его грамматической организации. Комплексное рассмотрение языкового материала, включающее фонетический, морфологический и лексический уровни, позволило выявить структурные особенности диалекта; при этом вокалическая система характеризуется относительной простотой и выраженной архаичностью [11, с. 7], что делает данный диалект важным источником для реконструкции древнего фонологического строя нахских языков.

Существенный вклад в развитие чеченского языкознания внесли исследования грузинского ученого Д.С. Имнайшвили, в которых рассматривается широкий спектр вопросов, включая историческую фонетику, морфологическую структуру и синтаксические особенности чеченского языка, а также проблемы функционирования и изучения его диалектных разновидностей. Работы учёного характеризуются системным подходом и опорой на обширный фактический материал, позволившими сформулировать ряд положений, имеющих принципиальное значение для понимания эволюции нахских языков. Исследования включают сопоставительный анализ фонетических систем чеченского языка с диалектными данными, а также с материалом ингушского и бацбийского языков. Значительное внимание уделяется историческим изменениям вокализма, проявляющимся в структуре именных и глагольных основ, системе словоизменения и словообразовательных процессах. Обоснованы механизмы фонетических трансформаций, отражающих как внутренние закономерности языкового развития, так и диалектную вариативность.

Среди наиболее значимых достижений исследователя следует отметить разработку теории регрессивно-дистанционной ассимиляции гласных в нахских языках. Д.С. Имнайшвили впервые выявил и детально описал закономерности данного явления, предложив целостную модель его функционирования как в чеченском литературном языке, так и в его диалектах. Представленная реконструкция фонетических процессов позволила существенно уточнить представления о динамике звуковых изменений в нахских языках [6, 7, 8].

Высоко оценивая вклад учёного, профессор А.Д. Тимаев отмечает: «Выводы в работах Д.С. Имнайшвили основываются на богатом фактическом материале, который он собирал, обрабатывал, систематизировал. В 60-70-х гг. мне посчастливилось работать рядом с моим учителем Давидом Сильвестровичем, когда он приезжал в научные командировки в Чечню. Мы исходили с ним десятки сел, беседовали часами с информаторами. Он ответственно подходил к предмету своих научных поисков, имел обыкновение десятки раз переспрашивать у информаторов сомнительные на его взгляд материалы. Записанные у одного информатора материалы, как правило, он проверял через других информаторов во время повторной командировки. В Чечне не было района, где мы не побывали во время ежегодных научных экспедиций, его знали и уважали жители наших сел. Д.С. Имнайшвили оставил о себе в Чечне добрую память в сердцах простых чеченцев-кунаков, он остался в памяти своих учеников как

талантливый ученый, добрый наставник, выдающийся педагог, самозабвенно любивший Чечню и ее героический многострадальный народ».

Значительный этап в развитии чеченской диалектологии связан с работами А.Д. Тимаева, направленными на углублённый анализ территориального варьирования языка. Центральное место занимает сопоставительное изучение шатойского говора горного диалекта с плоскостным и итум-калинским диалектами [19], позволившие выявить системные различия и общие закономерности их функционирования.

В трудах А.Д. Тимаева «Шатойский говор горского диалекта чеченского языка в сравнении с плоскостным диалектом и итум-калинским говором» (2009), «Фонетические особенности шатойского говора чеченского языка в сравнении с плоскостным диалектом» (1966) [20], «Некоторые фонетические особенности шатоевского говора чеченского языка» (1962) [21] детально описываются ключевые особенности шатойского говора, при этом приоритетное внимание уделяется фонетическим процессам, формирующим специфику его звуковой системы. Наряду с этим последовательно анализируются морфологические характеристики данного говора, обеспечивающие целостное представление о его структурной организации. Особую научную значимость представляют включённые в исследования аутентичные материалы живой речи носителей шатойского говора, существенно расширяющие эмпирическую базу и повышающие достоверность сделанных выводов. Важно отметить, что собранные А.Д. Тимаевым полевые материалы получили дальнейшее научное использование: фрагменты живой речи были включены И.Б. Мунаевым в издание «Чеченский фольклор», том 8 (с. 427–452). Это свидетельствует о высокой источниковедческой ценности данного корпуса и его значимости для последующих лингвистических и фольклористических исследований.

Методологическое значение обращения к полевым записям обусловлено тем, что непосредственная фиксация спонтанной речи позволяет выявлять тонкие фонетические, морфологические и лексические особенности, которые нередко нивелируются литературной нормой. Использование аутентичного диалектного материала способствует уточнению границ диалектного членения, реконструкции исторических языковых процессов и углублению сравнительно-типологических исследований нахских языков.

Помимо диалектологических работ, важное место в научном наследии А.Д. Тимаева занимает разработка фундаментальных проблем грамматического строя нахских языков. Особое внимание уделяется одной из наиболее архаичных и типологически значимых категорий – категории грамматических классов. В монографиях «Категория грамматических классов в нахских языках» (1983) [17] и «Древнейшая структура именных основ и категория грамматических классов в нахских языках и диалектах» (2012) [18] данная категория рассматривается на материале литературного чеченского языка и его диалектов, что позволяет выявить закономерности её функционирования и исторической эволюции в широком сравнительно-типологическом контексте.

Значимым этапом в развитии описательных исследований горных говоров чеченского языка стало издание в 2004 году монографии «Горные говоры Чечни», подготовленной К.З. Чокаевым и Р.К. Чокаевым [23]. Работа представляет собой комплексное исследование, ориентированное на системное описание территориальных говоров и уточнение их положения в диалектной структуре чеченского языка. В монографии последовательно рассматриваются фонетические, лексические и морфологические характеристики веденского говора, а также чеберлойского диалекта.

Существенное значение для изучения диалектной системы имеют исследования М.Р. Овхадова, посвящённые орстхойскому говору галанчоужского диалекта. В ряде публикаций анализируются его структурные особенности и функциональное место среди чеченских диалектов; данная проблематика получила развитие и в кандидатской диссертации автора [12], где были сформулированы теоретические и методологические основы дальнейших исследований. Помимо описания собственно диалектных характеристик, работы М.Р. Овхадова [14, 15] затрагивают вопросы взаимодействия литературного чеченского языка с

региональными говорами, прежде всего с ачхой-мартановским и орстхойским. Рассматриваются фонетические изменения, возникающие под воздействием литературной нормы, что позволяет проследить динамику языковых процессов и механизмы адаптации диалектных форм в условиях стандартизации.

Дальнейшее развитие исследований отдельных территориальных разновидностей связано с трудами Р.А. Саламовой, посвящёнными мелхинскому говору. Центральное место занимает диссертация «Мелхинский говор чеченского языка» (1985) [16], дополненная последующими публикациями автора (1982, 1988), где анализируются фонетические, морфологические и лексические параметры данной разновидности. Это позволило выявить её системную специфику и определить степень расхождения с нормами литературного чеченского языка.

Важным вкладом в изучение локальных говоров стала кандидатская диссертация С.М. Джамирзаева «Ножай-Юртовская речь в её отношении к чеченскому литературному языку (историко-сравнительный аспект)» (Тбилиси, 1981), посвящённая анализу ножай-юртовского говора в сравнительно-исторической перспективе. Рассматриваются особенности функционирования данного говора, выявляются его структурные характеристики и определяется степень соотнесённости с литературной нормой [5]. Несмотря на научную значимость полученных результатов, ряд вопросов, связанных со спецификой ножай-юртовского говора, остаётся недостаточно разработанным, что обуславливает необходимость дальнейших исследований и проверки выводов на расширенном эмпирическом материале.

Исследование фонетической специфики аккинского диалекта чеченского языка связано с работами А.И. Дадаевой, в которых представлен системный анализ его звуковой структуры [4]. Диссертационное исследование посвящено комплексному изучению фонетических особенностей данного диалекта, включая описание вокалической и консонантной подсистем и выявление закономерностей фонетических процессов, формирующих его диалектную специфику.

На современном этапе развитие исследований чеченской диалектологии характеризуется заметным снижением интенсивности систематических полевых и монографических работ, направленных на комплексное изучение диалектной системы языка. Несмотря на это, отдельные направления продолжают находить отражение в научных публикациях, посвящённых анализу конкретных территориальных говоров. Так, ряд исследований А.Х. Халиковой посвящён шаройскому диалекту, работы М.М. Тимбулатова затрагивают особенности галанчожского диалекта, а публикации А.К. Сосаевой сосредоточены на итум-калинском диалекте чеченского языка.

В настоящее время также ведётся работа над кандидатским исследованием М.С. Закраиловой, посвящённым веденскому говору, результаты которой частично отражены в научных публикациях автора.

В завершение следует отметить, что на принципиальную значимость глубокого анализа диалектных данных чеченского языка обращали внимание многие исследователи. Например, И.Г. Арсаханов подчёркивает: «Проблема изучения истории нахских языков, а равно и их диалектов – одна из основных задач нахского языкознания. Правильная постановка этой проблемы и успешное решение ее связаны прежде всего с составлением научной сравнительно-исторической грамматики и сравнительно-исторического этимологического словаря нахских языков. Для успешного решения этой проблемы исключительно большое значение имеет изучение территориальных диалектов...» [3, с. 7–8]. Также А.Г. Мациев отмечает: «Исследование диалектов нахских языков имеет важное значение для обогащения чеченского и ингушского литературных языков, а также для изучения истории чеченцев и ингушей, так как «язык есть важнейшее средство человеческого общения» и законы развития языка связаны с общественной жизнью людей» [11, с. 3]. А.Д. Тимаев высказывает мнение: «Без данных диалектов и говоров вряд ли возможно войти в глубину истории того или иного языка, написать сравнительную грамматику тех или иных групп языков, тем более если речь идет о языке, не имеющем древних письменных памятников» [19, с. 4].

В связи с этим, несмотря на наличие отдельных исследований, следует отметить отсутствие систематической работы по сбору и фиксации полевых материалов чеченских диалектов, что существенно ограничивает возможности дальнейшего развития диалектологических исследований и требует активизации полевых лингвистических экспедиций и создания новых эмпирических корпусов живой речи.

Комплексное и всестороннее описание диалектов и говоров чеченского языка открывает возможности для решения ряда фундаментальных вопросов, связанных с историей грамматического строя нахских языков, а также для выявления генезиса отдельных грамматических категорий. Создание научно обоснованной сравнительно-исторической грамматики нахских языков невозможно без систематического анализа всех данных диалектов чеченского языка. Кроме того, разработка и уточнение диалектологической базы имеет принципиальное значение для составления толковых и этимологических словарей, поскольку позволяет учитывать исторические и региональные варианты развития лексики и грамматических форм.

В свою очередь, перспективы сохранения чеченского языка через диалектологию связаны, на наш взгляд, со следующими направлениями:

1. Активизация полевых исследований: регулярные экспедиции, фиксация аудио- и видеоматериалов, расширение базы информантов.

2. Корпусные проекты: создание диалектных корпусов живой речи, аннотированных по фонетическим, морфологическим и лексическим параметрам.

3. Интеграция науки и образования: включение диалектного материала в исследовательскую работу студентов и аспирантов.

Для решения обозначенных задач необходимо историко-сравнительное описание фонетических, морфологических и лексических особенностей всех диалектов и говоров. Накопленные к настоящему времени материалы по их изучению позволяют сформировать достаточно целостное представление о текущем состоянии разработки проблемы на уровне фонетики, морфологии и лексики, однако одновременно выявляют необходимость дальнейшего системного анализа.

Представляется целесообразным при проведении диалектологических исследований уделять особое внимание социолингвистическому анализу полевых материалов. Важным аспектом является уточнение количественных и качественных характеристик экспедиционных данных: числа информантов, объёма зафиксированной устной речи, а также социолингвистического профиля носителей языка, включая их пол, возраст, уровень образования и сферу профессиональной деятельности. Подобные параметры позволяют более объективно оценить репрезентативность полученных данных и уточнить границы диалектных вариаций.

Существенным фактором, осложняющим изучение чеченских диалектов на современном этапе, выступает географическое расселение носителей одного и того же диалекта по разным районам Чеченской Республики. Такая рассредоточенность способствует усилению контактов с другими диалектами и языковыми системами, приводя к постепенным процессам нивелирования диалектных различий и размыванию традиционных языковых границ. В результате наблюдается трансформация отдельных фонетических, лексических и грамматических особенностей, что требует учета социолингвистических факторов при анализе современного диалектного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алироев И.Ю. Кистинский диалект чеченского языка / И.Ю. Алироев // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. 1962. Т. III. Вып. 2. – С. 3–87.
2. Арсаханов И.Г. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка / И.Г. Арсаханов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1959. – 180 с.
3. Арсаханов И.Г. Чеченская диалектология / И.Г. Арсаханов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1969. – 209 с.
4. Дадаева А.И. Фонетические особенности аккинского диалекта чеченского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дадаева Альбина Исраиловна. – Махачкала, 2005. – 177 с.

5. Джамирзаев С.М. Ножай-Юртовская речь в её отношении к чеченскому литературному языку (историко-сравнительный аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1981. – 180 с.
6. Имнайшвили Д.С. Основные особенности шаройского диалекта чеченского языка / Д.С. Имнайшвили // ЕИКЯ. 1970. Т. XVII. – С. 193–219.
7. Имнайшвили, Д.С. Некоторые особенности чеберлойского диалекта в сравнении с фактами других диалектов чеченского языка / Д.С. Имнайшвили // ЕИКЯ. 1966. Т. XV. – С. 302.
8. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – 299 с.
9. Ирезиев С.-Х.С.-Э. Фонетические процессы гласных в системе чеченского языка: дис. ... д-ра филол. наук. – Грозный, 2025. – 497 с.
10. Мальсагов Д.Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка / Д.Д. Мальсагов. – Грозный: ЧЕЧИНГГОСИЗДАТ, 1941. – 110 с.
11. Мациев А.Г. Чеберлойский диалект чеченского языка / А.Г. Мациев // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. 1965. Т. VI. Вып. 2. – С. 3–95.
12. Овхадов М.Р. Чеченско-русское двуязычие / М.Р. Овхадов. – М.: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1983. – 67 с.
13. Овхадов М.Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия / М.Р. Овхадов. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2000. – 244 с.
14. Овхадов М.Р. Об основных особенностях орстхойского говора чеченского языка / М.Р. Овхадов // Вузовская наука – народному хозяйству: Материалы региональной научно-практической конференции (Грозный, 04–05 июня 2002 года). – Грозный: Чеченский государственный университет, 2003. – С. 208–209.
15. Овхадов М.Р. Диалектная система чеченского языка в условиях двуязычия / М.Р. Овхадов // Рефлексия. 2008. № 3. – С. 32–40.
16. Саламова Р.А. Мелхинский говор чеченского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09 / Саламова Раиса Абдулхалимовна. – Махачкала, 1985. – 179 с.
17. Тимаев А.Д. Категория грамматических классов в нахских языках» / А.Д. Тимаев. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983. – 200 с.
18. Тимаев А.Д. Древнейшая структура именных основ и категория грамматических классов в нахских языках и диалектах/ А.Д. Тимаев. – Грозный: Издательство «Арфа-Пресс», 2012. – 272 с.
19. Тимаев А.Д. Шатойский говор горского диалекта чеченского языка в сравнении с плоскостным диалектом и итум-калинским говором / А.Д. Тимаев. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2009. – 257 с.
20. Тимаев А.Д. Фонетические особенности шатойского говора чеченского языка в сравнении с плоскостным диалектом / А.Д. Тимаев // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. 1966. Т. VIII. Вып. 2. – С. 96–128.
21. Тимаев А.Д. Некоторые фонетические особенности шатоевского говора чеченского языка / А.Д. Тимаев // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. 1962. Т. III. Вып. 2. – С. 115–157.
22. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык / П.К. Услар. – Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1888. – 424 с.
23. Чокаев К.З. Горные говоры Чечни / К.З. Чокаев, Р.К. Чокаев. – Грозный: Грозненский рабочий, 2004. – 407 с.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЗВУКОВ В АДЫГСКИХ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Карданов М.Л.,

канд. филол. наук, заведующий кафедрой кабардино-черкесского языка и литературы
 ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
 e-mail: musadin07@mail.ru

Аннотация. Проблемами определения значений звуков в адыгских языках, современном кабардино-черкесском и адыгейском, в основном занимались люди, далекие от лингвистики. Сами же языковеды, хотя такой подход не отрицался, не изучали семантическую сторону звуков. Свидетельством тому являются небольшие изыскания, где одному и тому же звуку присваивалось несколько значений, и ученые не видели между ними никакой связи. Поэтому наше исследование можно назвать первой попыткой выявления сквозного конкретного значения звука в языке, независимо от его позиции в слове и морфологической соотнесенности. Оно является новым направлением не только в адыгovedении, но и в целом в лингвистике, пересекающимся с фоносемантикой или звуко-символизмом, но и в корне отличающимся от него. В данной работе мы попытались обозначить значение адыгского звука [p] и возможное его соответствие тому же звуку в русском языке. Закономерность, которая просматривается в процессе выявления семантики звуков в адыгских языках – постоянство значения – исключает гипотезу о возможном первообразовании какого-либо определенного пласта лексики в языке. Более того, нами устанавливается процесс иерархичности звуков при образовании номинаций, что может свидетельствовать об осмысленной организации словарного состава. Выводя семантику звука, мы не причисляем наше исследование к фоносемантическому направлению в языкознании, так как наши изыскания направлены не на определение иконичности фонем, а на раскрытие конкретных микрозначений, совокупность которых становится макрозначением всего слова. Нами проведен диахронический анализ адыгских и русских слов, компонентом которых выступает исследуемый звук, и результаты изысканий позволяют говорить о неслучайных совпадениях в выводимом значении, что, соответственно, требует дальнейшего изучения в данном направлении.

Ключевые слова: адыгский, звук, микрозначение, иерархия, фонетика.

PARALLEL MEANINGS OF SOUNDS IN THE ADYGHE AND RUSSIAN LANGUAGES

Kardanov M.L.,

Candidate of Philological Sciences, Head of the
 Department of Kabardino-Circassian Language and Literature,
 Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Abstract. The problems of determining the meanings of sounds in the Adyghe languages, modern Kabardino-Cherkessian and Adygean, have been mainly dealt with by people far removed from linguistics. Linguists themselves, although this approach was not denied, did not systematically study the semantic side of sounds. This is evidenced by small studies where several meanings were assigned to one and the same sound and the scientists did not see any connection between them. Therefore, our study can be called the first attempt to reveal the transversal concrete meaning of a sound in a language, regardless of its position in a word and its morphological correlation. It is a new direction not only in Adygeological studies, but also in linguistics in general, overlapping with phonosemantics or sound-symbolism, but also fundamentally different from it. In this work we have attempted to designate the meaning of the Adyghe sound [p] and its possible correspondence to the same sound in the Russian language. The pattern that can be seen in the process of identifying the semantics of sounds in the Adyghe languages – the constancy of meaning – excludes the hypothesis of the possible original formation of any specific layer of vocabulary in the language. Moreover, we establish the process of sound hierarchy in the formation of nominations, which may indicate a meaningful organization of the vocabulary. In deducing the semantics of sound, we do not classify our research as a phonosemantic direction in linguistics, since our research is not aimed at determining the iconicity of phonemes, but at revealing specific micro-meanings, the totality of which becomes the macro-meaning of the entire word. We have conducted a diachronic analysis of Adyghe and Russian words, a component of which is the sound under study, and the results of the research allow us to speak of non-random coincidences in the derived meaning, which, accordingly, requires further study in this direction.

Keywords. Adyghe, sound, microvalue, hierarchy, phonetics.

Введение. Практически все вопросы семантики, этимологии и, в целом, сравнительно-исторического языкознания сводятся к одной проблеме: начальная или исходная точка того, что они исследуют, что, в свою очередь, переходит к вопросу: откуда взялся язык? Один из

основоположников экспериментальной фоносемантики, Журавлев А.П., пишет: «Язык человека, конечно, возникал не на пустом месте, его истоками были сигнальные крики тех животных, которым судьбой было уготовано стать людьми. Но ведь их крики уже были значимыми: одни означали тревогу, другие – призыв, третьи – сигнализировали о пище, как и сейчас у животных. Значит, содержательность звуковых сигналов возникла еще раньше. Очевидно, выросла из содержательности звуков природы» [Журавлев, 1991, с. 125]. Конечно, и до Журавлева А.П. существовала такая гипотеза, как и много других точек зрения о происхождении языка. В данном случае мы хотим отметить факт того, что язык сам отвергает такой взгляд на собственное происхождение, и примеров этому полно в адыгских языках: современном кабардино-черкесском и адыгейском. О нескольких таких примерах, вернее, о значении звукокорня, мы уже писали ранее (журнал «Кавказология», № 2, 2024; «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки», № 6-2, 2023»). Сегодня рассматриваем значение звука-корня [п]. Наши изыскания в этом плане, где каждый звук имеет не абстрактное, не условное, не иконическое, а конкретное, сквозное значение по всем словам, ставят под сомнение, что звуки человеческой речи имеют связь с издаваемыми животными звуками. Под сочетанием «сквозное значение» мы имеем в виду то, что один и тот же звук, на какой бы позиции в слове он ни находился, к какой бы части речи ни относилась номинация, сохраняет внутри себя определенное значение. Исходя из этого, мы не рассматриваем возможную первичность каких-либо частей речи. Если бы звуки речи имели связь со звуками, издаваемыми животными, во-первых, в образовании слов наблюдалась бы хаотичность. Во-вторых, не имея уже готовый язык, невозможно было бы соблюдать такие закономерности, которые наблюдаются в нем самом. «Обзор номиналистических концепций смысла убеждает нас в том, – пишут Камчатнов А.М., Николина Н.А., – что слово и его смысл не выводимы ни из мышления (если, конечно, понимать его в сенсуалистском духе), ни из контекста, ни из парадигматических отношений, ни из общения; слово во всем этом участвует, но чтобы участвовать во всем этом, слово должно прежде всего просто быть» [Камчатнов, Николина, 1999, с. 35].

Между определением значения звука и звукосимволизмом мы не ставим знак «равно», так как второе подразумевает, как пишет Ленкова Т.А., «знаки-образы, имеющие сходство с тем, что они обозначают» [Ленкова, 2016, с. 29–34], тогда как мы рассматриваем не сходство, а конкретно обозначаемое действие или предмет. Последователи гипотезы звукосимволизма допускают наличие звукоизобразительной и незвукоизобразительной лексики [Флакман, Ткачева и др., 2022, с. 20], где мы выводим семантику для каждого из звуков в слове, совокупность значений которых в итоге становится семантикой всего слова, или, можно сказать, микрозначения внутри макрозначения. Подобно тому, как в физике ранее самой маленькой частицей считался атом, а потом обнаружились кварки, так и в лингвистике звук принято считать минимальной единицей, что можно поставить под сомнение. «Слово как мировое, а не человеческое только слово есть идеация космоса. Но космический смысл или идея никогда не остается голой и обнаженной, она завертывается в оболочку, и эта оболочка есть слово», – пишет Булгаков С.Н. [Булгаков, 1999, с. 25]. Многолетние наши исследования по семантике звуков позволяют говорить, что внутри «оболочки слова» имеются еще меньшие значения. Именно их конкретные микрозначения в совокупности образуют макрозначение слова, соответственно, микрозначения слов составляют макрозначение предложения.

Будучи одним из зачинателей фоносемантики, Левицкий В.В. отмечал, что «сначала выдвигается гипотеза о связи определённого звука с определённым понятием или комплексом понятий, после чего для подтверждения выдвинутой гипотезы предлагается список лексем, объединённых, с точки зрения исследователя, общими фонетическими и семантическими признаками» [Левицкий, 2009, с. 61]. По этому поводу интересный эксперимент был проведен Журавлевым А.П., где респонденты определяли соотношение звука и цвета, в котором, например, для большинства звук [и] ассоциировался с синим цветом [Журавлев, 1972, с. 28–29]. Мы не можем ставить под сомнение результаты этого исследования, но в адыгских языках в определении цветовой гаммы полная неразбериха, конечно, если пытаться выявить значение

слова на логико-понятийном уровне. Здесь следует отметить, что те, кто пытается раскрыть значение звуков и слова целиком на логическом уровне, ставят под сомнение сам процесс эволюции, так как: во-первых, они признают тем самым, что логика современного человека ничем не отличается от логики древнего человека в период, когда возникал язык, – или логика современного человека осталась на уровне своего древнего предка, или же наши предшественники обладали развитой логикой. Во-вторых, тот, кто говорит, что на логическом уровне смог расставить смыслы звуков и слов по своим местам, должен понимать, что для такой систематизации необходим был уже готовый язык.

Возвращаясь к определению цветообозначения в адыгских языках, отметим, что в «Толковом словаре современного кабардино-черкесского языка» *к̄ъащхьуэ* переводится как ‘голубой’ [Словарь, 1999, с. 360]; *щхьуантIэ* 1. ‘зеленый’, 2. ‘голубой’ [Словарь, 1999, с. 785]; *щхьуэ* ‘серый’ [Словарь, 1999, с. 786]. Как видно из примеров, во всех словах присутствуют [щ] и [хьу], которые встречаются и в других словах. Причем отмечается не просто их наличие, а тандем [щхьу]: *щхьухь* ‘яд’; *гурыщхьуэ* ‘подозрение’, *зэщымышхьу* 1. ‘невкусный’; 2. ‘нездоровый, больной’ [Словарь, 1999, с. 261]; *щхьуэкIэплъыкIэ* ‘цветастый, пестрый’ [Словарь, 1999, с. 786], *щхьуэмч* ‘плод каштана’ [Словарь, 1999, с. 786]. Уже одно их присутствие в не однокоренных словах в адыгских языках, заставляет ставить под сомнение, что данные звуки могут вообще относиться к цветообозначениям, так как [щ] и [хьу] имеют конкретно выводимые значения: *щ* ‘реальность того, о чем говорится в слове’, *хьу* ‘готовность, совершенство предмета или совершенство в действии’.

Методология. Конкретизация значения сохраняется и для исследуемого в данной статье звука [п]. В адыгских языках [п] во всех словах несет в себе значение ‘нечто с началом/имеющее начало’, что не подразумевает его обязательное расположение в начале слова. Невозможно не согласиться с тем, что «любая фонема любого языка обладает целым рядом присущих только ей свойств: это и собственно фонетические признаки (как смыслоразличительные, так и несмыслоразличительные), и способность/неспособность выступать в определенных позициях (в начале и конце слова, в сочетании с другими фонемами), и поведение в определенных условиях, и влияние, которое она оказывает на соседние фонемы» [Бурлак, Старостин, 2005, с. 144], но такое определение принимается нами с дополнением и уточнением относительно фонем адыгских языков: несмыслоразличительных фонем не находим, как и то, что к их свойствам следует добавить не простую позиционность, а иерархическую подвижность.

Если значение звука сохраняется независимо от его места в слове, значит, в словах наблюдается иерархичность звуков, точнее говоря, иерархичность значений звуков. Возьмем для сравнения два слова, в которых содержатся одни и те же звуки: *кIанэ* ‘хвост’ – *пакIэ* ‘меньшая часть чего-либо’ (*Зыдогуэшири к̄эбэрдей шухэр Дзэ пакIумIу дызэкIэщIокI*) [Словарь, 1999, с. 548] ‘Разделяемся, и кабардинские всадники расходятся на две небольшие группы (относительно того, что было)’. В первом слове вторая часть *-нэ* выполняет в семантическом отношении второстепенную роль, а главная отводится значению первого корневого элемента *кIэ*– ‘хвост’, что при сложении дало суммарное значение ‘хвоста начало’, а в современном литературном языке произошла десемантизация словосочетания со слиянием в одну номинацию – ‘хвост’. Акцент делается не на ‘начало’, а на ‘хвост’. Во втором слове выделяется *пэ/па* ‘начало’, так как он уже является главным смыслонесущим элементом, к которому примыкает элемент *-кIэ*, что дало в сумме значение ‘начало/перед с концом’. В приведенном иллюстративном материале – *Зыдогуэшири к̄эбэрдей шухэр Дзэ пакIумIу дызэкIэщIокI* ‘Разделяемся, и кабардинские всадники расходятся на две небольшие группы’ – к двум корневым элементам прибавляется третий, где все они выстраиваются в порядке иерархии: *па* + *кIэ* (*и*) + *тIу*, образуя значение ‘начало с концами двумя’ или, если читать с конца – ‘два конца у начала’. В слове *плъэн* ‘смотреть’, так как предусматривается ‘взгляд вперед’, значение искомого звука [п] занимает в слове главенствующее место, тогда как в *зэплъэкIын* ‘оглянуться назад’, ведущим смыслозначением выступает элемент [зэ], подразумевающий ‘оборот/разворот’ и только затем действие взгляда. В слове *пкIэн* ‘прыгать’

ведущим значением выступает [п], тогда как в *епкІэн* ‘перепрыгнуть’, семантика звука [п] уходит на второй план, уступая место звуку [е]. В номинации *пкІэрэпкІэн* ‘качаться, шататься’ встречаем два [п], которое в грамматике называется редупликацией. То, что такой процесс присутствует в данном слове, нет сомнений, но даже в редупликации значение звука не теряется. Первый [п] в номинации *пкІэрэпкІэн* ‘качаться, шататься’ указывает на то, что действие начинается с ‘движения вперед’, а второй [п] свидетельствует ‘об обратном таком же процессе к исходной точке’. Такой же принцип строения имеют слова *пагуэ* ‘тупой’ – *гуапэ* ‘сердечный’. Конечно, трудно представить носителю языка, что элемент *-гу-* во всех словах имеет одно и то же значение, так как он привык данную корневую морфему воспринимать полисемантически, например, в значении ‘сердце’. Но то, что по факту этого не может быть, подтверждается многочисленными примерами, в которых невозможно увидеть *гу* как ‘сердце»: *шыгу* ‘повозка’, *уафэгу* ‘зенит’, *нэгу* ‘лицо’, *бзэгу* ‘язык (анатомический)’, *лэгу* ‘подошва’, *лэгуажэ* ‘колено’, *пэгун* ‘ведро’, *щІэгун* ‘впихнуть под низ чего-л. что-л.’ и т. д. Так как данное исследование посвящено семантике звука [п], мы не будем затрагивать другие элементы в словах. Обозначенный смысл для [п] наблюдается в словах *пыІэ* (кабардино-черкесский) ‘шапка’ и с тем же значением в адыгейском *паІо*; *пэрым* ‘находящийся впереди’; *пыльхээн* ‘присоединить к началу чего-л. что-л.’. Следует обратить внимание на русские слова *шапка*, *присоединить*, где фигурирует исследуемый нами звук.

В фонетической системе адыгских языков звук [п] характеризуется как глухой придыхательный губно-губной смычный. В словообразовании данный звук встречается как самостоятельный словообразовательный префикс и как компонент сложных превербов: *пэ-*, *пы-*, *п-*, *пх-*, *зэпыры-*, *зэпкыры-*, *щхэпры-* *пэллээн* ‘ждать/ожидать’; *пыхын* ‘I снять; II отрубить’; *пецІэ* ‘привязывает’, *пхех* ‘проносит’; *зэпырыкІын* ‘перейти’; *зэпкырыльхээн* ‘собрать», *щхэпрыдзын* ‘перебросить» и т. д. [Урусов, 2014, с. 123–125]. В этимологии для *-п-*, *-пэ-*, *-па-* как корневого элемента находим значения ‘нос’, ‘передняя часть’, а в основном как элемент сложного корня, например, *псэ* ‘душа’, *псы* ‘вода’, *плээ* ‘смотри’ [Шагиров, 1977, с. 7–20], где лингвисты видят слова целиком как один корневой элемент. В примерах *псэ* ‘душа’, *псы* ‘вода’, *плээ* ‘смотри’ значение для [п] не выводится так легко, как для *пасэ* ‘ранний’, *пыІудз* ‘отбрось от кого-чего-либо что-либо’. Для того чтобы в обозначенных примерах найти значения ‘нечто с началом/имеющее начало’ для [п], требуются уточнения на стыке лингвистики и естественных наук, а для этого нужны междисциплинарные исследования.

Примечателен тот факт, что, не затрагивая даже минимальную единицу языка – звук, еще на морфемном уровне находятся примеры, перекликающиеся префиксы/приставки адыгских и русского языков:

пере-ходить (в старославянском произношении прѣ-) – *зэПрыкІын*

пере-резать – *зэПыуцІын*

пере-бежать – *зэПрыжын*

пра – *Пасэрей*, *яПэрей/апэрэ* (*Праязык* – *Пасэ бзэ*)

противо-стоять – *Пэувын*

пре-одолеть – *Пэллээцын*

пренебрегать – *зэмыПэсын*

при-ступить – *пэрыувэн*

При-дел (‘пристройка’) – *пыцІыхын/пыхуэн*

Пре-дел (‘граница, черта’) – *гьунаПкээ*.

Переходя же к так называемой ‘минимальной части языка’ – звуку, количество параллельных примеров с семантикой ‘нечто с началом/имеющее начало’ только увеличивается:

Пыхын – *пилить* ‘образовывать начало или удаляя старое начало создавать новое’;

зэПыуцІын – *перерезать* ‘создавать начало, перед’;

зэПрыкІын – *перейти* ‘начиная с начала чего-либо реализовывать перпендикулярное действие’

яПэ/апэ – *первый* ‘находящийся в начале’

Пэ – *перед* ‘находящийся в начале’

щхэПрыдзын – *перекинуть* ‘через что-то отправляя, сделать его началом по месту нахождения’

Пагуэ – *тупой* ‘состояние начала, кончика чего-либо’

кІэПхын – *передок* ‘то, что находится на переднем плане’

ПиаПээхэуэгъуэ – *навечер* ‘предвечернее время’
мыльхуПхъу – *падчерица* ‘ребенок, который появился перед ним/ней (приемным отцом, приемной матерью)’
плъэн – *посмотреть* ‘взгляд вперед’
ІэПэ – *палец/перст* ‘то, чем начинается ладонь’
ПицампІэ ‘ворот’ – *пазоуха* ‘верхняя часть одежды, прикрывающая грудь’
пэмыкІ – *накы/накъ* ‘еще, кроме того (то, что было до этого)’ (3 знач.)
пчэгъу – *палка* ‘начало, острие чего-либо’
пахъ – *пара* ‘пар, испарение (то, что исходит вперед)’
пкІэрапкІэ – *попрыгунчик* ‘туда-сюда вперед’.

В данных языках встречаются такие примеры, где с адыгскими существительными перекликаются глаголы и существительные русского, компонентом которых является [п]: *псы ефэн* – *пить воду*, при адыгском существительном *псы* ‘вода’; *псэр хэкІын* – *помереть*, при *псэ* ‘душа’; *пыхъэн* – *плакать*; *пэпцэн* – *сопеть*; *пэж* – *правда*; *пэлъэщын* – *победить*; *псэльэн* – *лепетать* и т. д.

Для определения семантики звука нельзя исходить из современного значения слова или его толкования по словарю. Например, номинация «рубить» толкуется как «ударяя чем-нибудь острым, разделять на части, отсекал, размельчать» (рубить лес) [Ожегов, Шведова, 2001, с. 685]. Тогда как, по Г.А. Крылову, этимологически оно «общеславянское слово, восходящее к *робити*, образованному от основы *роб*; в диалектах сохраняет *руб* – «рубец, кромка» [Крылов, с. 346], т.е. не несет в себе значение «образовывать начало», как в *перерубить*.

Конечно, при рассмотрении лексики любого языка ограничиваться его современным звучанием невозможно, поэтому для сравнения были привлечены и образцы из древнерусского. Мы не отрицаем, что в некоторых примерах из русского языка значение ‘нечто с началом/имеющее начало’ для [п], как и в адыгских языках, может наглядно не просматриваться. Для таких номинаций следует выходить уже на стык лингвистики с естественными науками. Даже в самых близких языках, как современные кабардино-черкесский и адыгейский, встречаются примеры для обозначения одних и тех же действий или предметов, в которых морфемы уже не тождественны, что говорит о динамике языка. Конечно, в кабардино-черкесском и русском языках идентичных примеров будет еще меньше, но их неединичность позволяет проводить дальнейшие параллельные исследования. Приведенные сопоставляемые примеры не говорят ни о каком бы то ни было заимствовании, ни о возможном старшинстве того или иного языка. Но если на примерах семантики одного звука в считающихся разнотипных языках прослеживаются параллели в значениях звуков, случайность совпадения, возможно, сводится к минимуму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С.Н. Философия имени. Т 2. – М.: Искусство, 1999. – 175 с.
2. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. – М.: Академия, 2005. – 432 с.
3. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
4. Журавлев А.П. Какого цвета звук? // Знание – сила. 1972. № 2. – С. 28–29.
5. Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. – М.: Флинта, 1999. – 232 с.
6. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфсервис, 2005. – 423 с.
7. Левицкий В.В. Звуковой символизм: мифы и реальность. – Черновцы: Рута, 2009. – 186 с.
8. Ленкова Т.А. Иконичность: история возникновения понятия, виды и принципы // Речевая и межкультурная коммуникация. 2016. – С. 29–34.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 2001. – 944 с.
10. Словарь кабардино-черкесского языка. – М.: Дигора, 1999. – 854 с.
11. Урусов Х.Ш. История языка. – Нальчик: КБГУ, 2014. – 358 с.
12. Флакман М.А., Ткачева Л.О. и др. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. – М.: Мир науки, 2022. – 230 с.
13. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т 2. – М.: Наука, 1977. – 278 с.

ДИСКУРС КАК ОСОБАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

Кочесоков Р.Х.,

*д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии
ФГБОУ «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
e-mail: robertkochesokov@yandex.ru*

Аннотация. В статье дискурс рассматривается как особая форма коммуникации. Утверждается, что концепт «коммуникация» необходимо понимать в трех смыслах (значениях): (1) как средства коммуникации, (2) как самого передаваемого сообщения и (3) как процесс передачи сообщения. Подчеркивается, что дискурс правомерно понимать только в третьем значении. Выделены и проанализированы отличительные признаки дискурса как особой формы коммуникации: обращенность к массовой аудитории, направленность на производство определенных смыслов и значений, практико-ориентированный характер, современность автора и адресата, принципиальная незавершенность. Отмечается, что эти признаки в отдельности могут быть присущи и другим разновидностям коммуникации, но дискурс отличается как раз одновременным наличием всех этих признаков. Утверждается, что дискурс как особая форма коммуникации возникает только в XIX в. Это связано с кризисом рационализма и утверждением положения о социальной детерминации знания. Целью дискурса является не истина, а утверждение определенного взгляда. Поэтому задача автора – переубедить других, по крайней мере, воздействовать на их убеждения. Отмечается, что дискурс может быть как «положительно» ориентированным, т. е. направленным на совместный поиск общеприемлемого решения какой-либо актуальной проблемы, так и «отрицательно» ориентированным, т. е. направленным на навязывание своей точки зрения. «Положительно» ориентированный дискурс, как правило, имеет форму диалога, а «отрицательно» ориентированный – форму монолога.

Ключевые слова: коммуникация, дискурс, текст, речь, сообщение, информация.

DISCOURSE AS A SPECIAL FORM OF COMMUNICATION

Kochesokov R.Kh.,

*D.Phil., Professor, Head of the Philosophy Department,
Kabardino-Balkarian State University*

Abstract. This article examines discourse as a specific form of communication. It argues that the concept of «communication» should be understood in three senses: (1) as a means of communication, (2) as the message itself, and (3) as the process of transmitting the message. It is emphasized that discourse can only be properly understood in this third sense. The distinctive features of discourse as a specific form of communication are identified and analyzed: its appeal to a mass audience, its focus on creating specific meanings and values, its practice-oriented nature, and the contemporary nature of both the author and the addressee, fundamental incompleteness. It is noted that these features individually may be inherent in other types of communication, but discourse is distinguished precisely by the simultaneous presence of all these features. It is argued that discourse, as a distinct form of communication, emerged only in the 19th century. This is linked to the crisis of rationalism and the assertion of the social determination of knowledge. The goal of discourse is not truth, but the assertion of a particular view. Therefore, the author's task is to persuade others or at least influence their beliefs. It is noted that discourse can be either «positively» oriented, i. e. aimed at a joint search for a generally acceptable solution to some current problem, or «negatively» oriented, i. e. aimed at imposing one's point of view. «Positively» oriented discourse typically takes the form of dialogue, while «negatively» oriented discourse typically takes the form of monologue.

Keywords: communication, discourse, text, speech, message, information.

Введение. Практически все исследователи признают, что в современной науке нет общепризнанного определения дискурса. Но ситуация эта в науке вполне «нормальная» и объяснимая. Как известно, новые понятия в науку вводятся тогда, когда существующие понятия не способны вместить и раскрыть уже ставшее новой реальностью явление. Хотя бы интуитивно, в первом приближении, практически все понимают, что в него вкладывается некое новое содержание, но вот четко и однозначно сформулировать это не всегда легко. К таким понятиям, на наш взгляд, относится и понятие «дискурс». Целью настоящей статьи является попытка внести некоторый вклад в прояснение сущности дискурса как особой формы коммуникации.

Методология и методы исследования. В статье использованы рефлексивный, сравнительный и диалектический методы. Диалектический метод требует рассмотрения коммуникации и дискурса конкретно-исторически, в развитии и во взаимосвязи с другими элементами общественной жизни. Сравнительный анализ необходим для выявления общего и особенного у коммуникации и дискурса. Рефлексивный метод позволяет осмыслить природу и сущность коммуникации и дискурса.

Результаты и обсуждение. Как хорошо известно из научной литературы [4, 11, 12], первоначально слово «коммуникация» употреблялось в сугубо технологическом смысле как *«средство коммуникации»* и обозначало средства связи. Несколько позже слово «коммуникация» начинает употребляться и в более узком смысле для обозначения видов *социальной* коммуникации, прежде всего речи и письма. При этом как особую разновидность средств коммуникации начинают выделять *средства массовой информации*. В результате средства коммуникации стали подразделять на распространяющие информацию (газеты, журналы, радио и ТВ) и не выполняющие такую функцию (например, книги, устное общение, кино и т. п.). Таким образом, постепенно сложились три основных значения понятия «коммуникация»: в предельно широком смысле оно обозначает все средства связи, на среднем уровне – устную и письменную коммуникацию, в узком смысле – только СМИ.

Важно подчеркнуть, что первоначально все средства коммуникации рассматривались как сугубо технологические, т. е. как *нейтральные* по отношению к передаваемой информации. Иными словами, понятия «коммуникация» и *«средства коммуникации»* воспринимались как синонимы. В XIX в. СМИ начинают активно использоваться в политической и идеологической борьбе; они стали восприниматься как рупоры определенных политических сил. Хотя многие СМИ пытались убедить читателей в своей «объективности» и «нейтральности», к началу XX в. практически всеми они стали восприниматься как проводники определенных политических интересов.

Вскоре ученые начинают ставить под вопрос нейтральность и других видов социальной коммуникации. В различных науках – лингвистике, философии, социологии, политологии и др. – начинают осознавать важную роль средств коммуникации в жизнедеятельности общества. К примеру, «согласно гипотезе Сепира-Уорфа, или уорфианской теории, наше восприятие реальности определяется нашими мыслительными процессами, на которые влияет язык, который мы используем. Таким образом, язык формирует нашу реальность и говорит нам, как думать об этой реальности и реагировать на нее. Язык также раскрывает и поощряет наши предубеждения» [14]. А аналитическая философия с ее «лингвистическим поворотом» вывела на первый план исследований язык. Философия, согласно Л. Витгенштейну, есть «критика языка» [3, с. 19]. В своей политической семиологии Р. Барт, характеризуя капиталистическую систему, утверждал: «Политический авторитаризм, догматическая власть Разума и единство классического языка – вот три проявления одной и той же исторической силы» [8, с. 298].

Впоследствии эти выводы экстраполируются уже на все средства коммуникации. Так, Г. Маклюэн подчеркивает, что средства коммуникации представляют собой «внешние расширения» человека. Причем, говорит он, «средство коммуникации есть сообщение. А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» [5, с. 10]. Более того, «именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческих действий» [5, с. 11]. Широко трактуя понятие «средства коммуникации», он относит к ним устное и печатное слово, телеграф и телефон, радио и ТВ, кино, дороги, одежду, жилище, часы, фото, автомобили и самолеты, оружие, деньги и т. п.

Из сказанного можно сделать весьма важный для решаемой нами задачи вывод о необходимости понимать концепт «коммуникация» в трех смыслах (значениях): (1) как *средства* коммуникации, (2) как самого передаваемого *сообщения* и (3) как *процесса передачи*

сообщения. Как нам представляется, дискурс правомерно понимать только в третьем значении. Опираясь на существующую научную литературу, попробуем обозначить наиболее важные признаки дискурса.

Во-первых, как уже говорилось, дискурс правомерно понимать только как *процесс передачи сообщения*, не существующий вне этого процесса. Вместе с тем справедливо и противоположное утверждение: вне письменного текста или устной речи дискурс не может существовать. Однако в нашем положении никакого противоречия нет: дискурс есть своеобразное озвучивание определенного текста или сообщения, но при этом он не сводится к тексту или речи. Дело в том, что при каждом новом «воспроизведении» текст будет звучать по-новому. В одной из своих прежних работ автор данной статьи со своими коллегами обращал внимание на принципиальную разницу между *письменно зафиксированной* и *устно рассказываемой* сказкой: хотя содержание сказки одно и то же, при очередном «воспроизведении» рассказчик помимо своей воли добавляет новую информацию [13].

Во-вторых, *обращенность к массовой аудитории*. В отличие от «обычной» устной речи, дискурс подразумевает вовлечение больших масс в обсуждение какой-либо актуальной проблемы. По этой причине дискурс не мог существовать, по крайней мере, до начала книгопечатания.

В-третьих, дискурс направлен на *производство определенных смыслов и значений*. Он не может являться средством «свободного времяпрепровождения», как, например, речь или текст. Поэтому дискурс требует более избирательного отношения к используемым средствам. Дискурс манифестируется главным образом посредством текста или речи. Т.Г. Скребцова обоснованно пишет: «Коммуникация – понятие более широкое, чем дискурс, так как она может быть не только вербальной (речевой), но и невербальной (например, при помощи жестов)» [10, с. 16].

В-четвертых, дискурс необходимым образом имеет *практико-ориентированный* характер. Например, политическая брошюра пишется для воздействия на общественное сознание, на побуждение людей к действиям, а не для познания истины.

В-пятых, поскольку автор дискурса имеет целью воздействовать на адресата, постольку неотъемлемой чертой дискурса является *со-временность автора и адресата*. Поэтому дискурс определяют как «функционирование языка в реальном времени» [10, с. 13], как «речь, погруженную в жизнь» [1].

В-шестых, понимание дискурса как процесса передачи сообщения приводит к выводу о том, что дискурс отличается *принципиальной незавершенностью*. Он актуализирует какую-то проблему, вовлекает в ее обсуждение массовую аудиторию, предлагаются какие-то решения, которые могут быть закреплены в виде текстов, далее эти тексты вновь актуализируются и т. д. Поэтому практически все исследователи отличают текст как статическое явление от дискурса как динамического явления [9]. Конечно, совсем бесконечным дискурс не может быть. По аналогии с этапом «нормальной» науки в концепции Т. Куна, здесь также можно сказать, что существует единое пространственно-временное поле для дискурса по определенной проблеме; впоследствии она по различным причинам перестает привлекать внимание людей, что неизбежно влияет и на дискурс.

Перечисленные признаки в отдельности могут быть присущи и другим разновидностям коммуникации. Но дискурс отличается как раз одновременным наличием всех этих признаков.

Теперь не менее важно попробовать выявить истоки и корни дискурса как явления. Чуть ранее уже говорилось о том, что все СМК так или иначе воздействуют на сознание, убеждения, взгляды людей. Но тут, на наш взгляд, необходимо принять во внимание причины и характер этого воздействия. Во-первых, следует различать ситуации, когда автор *преднамеренно* использует СМК и когда это делается *непреднамеренно*. Особенно этот вопрос актуален в тех случаях, когда мы имеем дело с художественными произведениями, а также философскими и научными работами. Во-вторых, важно различать ситуации, когда *отдельные авторы* используют *отдельные средства* коммуникации преднамеренно, и ситуации, когда это явление приобретает *массовый* характер. В-третьих, необходимо

различать ситуации, когда обществом «пристрастная» передача информации рассматривается как *допустимая* или *недопустимая*.

Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что понятие «дискурс» вводится (точнее: начинает приобретать популярность) в тот исторический период, когда нейтральность средств коммуникации начинает ставиться под сомнение. Другими словами, дискурс имеет место тогда, когда автор ставит целью целенаправленно воздействовать на адресата для того, чтобы переубедить его и навязать ему определенные взгляды. Э. Бенвенист утверждал, что «в дискурсе на первый план выдвигаются говорящий и слушающий, а также “намерение первого определенным образом воздействовать на второго”» [Цит. по: 2, с. 157].

Дискурс как особая форма коммуникации возникает только в XIX в. Это связано с кризисом рационализма и утверждением положения о социальной детерминации знания.

Коммуникация предполагает передачу информации. До XIX в. философы и ученые верили, что есть информация истинная и ложная. Хотя, конечно, каждый автор верил в то, что именно его информация является истинной, подразумевалось, что есть некий объективный критерий истинности информации. Такой подход характерен для всех разновидностей коммуникации: научной, философской, политической, художественной и т. п. Но в XIX в. становится очевидным, что это недостижимая цель. Уже Ф. Ницше заявлял: «Философия есть искусство находить истину: так учит Аристотель... Как будто существует «истина», к которой можно было бы так или иначе *приблизиться!*» [7, с. 208].

Утверждается также положение о социальной детерминации научного знания. Первоначально это положение обосновал К. Маркс, доказывавший, что идеи и ценности развиваются и утверждаются не сами по себе, а посредством деятельности определенных классов. Но он верил, что идеи «прогрессивных» классов совпадают с объективной истиной и что историческое развитие носит линейный характер. Впоследствии К. Манхейм, разделяя мнение о том, что социальная среда определяет мировоззрение класса, вместе с тем стал доказывать, что различные классы по-разному оценивают, «видят» существующий социальный порядок. Это видение, утверждал он, нельзя расценивать как ложное или истинное [6].

Из сказанного нельзя заключить, что упомянутые философы заложили основы дискурса. Корректнее было бы сказать, что они создали условия для утверждения идеи об относительности всех ценностей, теорий, учений и т. п. Откровенно эти идеи уже провозглашаются и культивируются в последующих концепциях, получивших название постмодернизма. Можно сказать, что дискурс становится важной и значимой формой социальной коммуникации тогда, когда общество считает вполне допустимым, что значительная часть авторов преднамеренно использует все доступные СМК в целях «пристрастной» передачи информации.

Так или иначе, в силу указанных обстоятельств меняются и представления о роли и функциях автора. Целью дискурса является не истина, а утверждение определенного взгляда. Поэтому задача автора – *переубедить* других, по крайней мере, воздействовать на их убеждения. Дискурс может быть «положительно» или «отрицательно» ориентированным. В первом случае дискурс направлен на совместный поиск общеприемлемого решения какой-либо актуальной проблемы. Ярким примером «положительно» ориентированного дискурса является теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Во втором случае дискурс направлен на навязывание своей точки зрения. «Положительно» ориентированный дискурс, как правило, имеет форму диалога, а «отрицательно» ориентированный – форму монолога.

Заключение. Полученные в ходе исследования результаты могут быть сформулированы следующим образом:

1. Дискурс правомерно понимать только как процесс передачи сообщения.
2. Отличительными чертами дискурса как формы коммуникации являются: обращенность к массовой аудитории, направленность на производство определенных смыслов и значений, практико-ориентированный характер, со-временность автора и адресата, принципиальная незавершенность.

3. Дискурс как особая форма коммуникации возникает только в XIX в. Это связано с кризисом рационализма и утверждением положения о социальной детерминации знания.
4. Целью дискурса является не истина, а утверждение определенного взгляда.
5. Дискурс может быть как «положительно» ориентированным (т. е. направленным на совместный поиск общеприемлемого решения), так и «отрицательно» ориентированным (т. е. направленным на навязывание своей точки зрения).
6. «Положительно» ориентированный дискурс, как правило, имеет форму диалога, а «отрицательно» ориентированный – форму монолога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.В. Дискурс // Большая российская энциклопедия. URL: <http://bigenc.ru/c/diskurs-07a4e4> (дата обращения: 11.02.2026).
2. Бажалкина Н.С. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). – С.156–160.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – 512 с.
4. Кузнецова Е.В. Понимание коммуникации в гуманитарном знании // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 3. – С. 26–30.
5. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 484 с.
6. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–276.
7. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М., 1994. – 302 с.
8. Рыклин М.К. Власть и политика литературы (политическая семиология Р. Барта) // Власть: Очерки современной политической философии Запада / В.В. Мшвениерадзе, И.И. Кравченко, Е.В. Осипова и др. – М.: Наука, 1989. – С. 295–327.
9. Савицкий В.М. «Дискурс», «текст», «коммуникация», «речевая деятельность»: разграничение понятий // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 10. – С. 1–7. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/10/Savitsky.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).
10. Скребцова Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 312 с.
11. Хубецова З.Ф. Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учеб. пос.: в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политической коммуникации / З.Ф. Хубецова; науч. ред. С.Г. Корконосенко. – М.: ООО «Смелый дизайн»; СПб.: – С.-Петерб. гос. ун-т, ин-т «Высш. школа журн. и мас. коммуникаций», 2017. – 142 с.
12. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
13. Kochesokov R.Kh., Kuchukov M.M., Bizheva A.P., Dadashev A.A., Kuchukova Zh.M. Internet and the Transformation of Time Consciosness // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Volume 117. 30 November 2021. P. 836-842.
14. Politically correct Definition & Meaning | Britannica Dictionary // URL: <http://www.britannica.com/dictionary/politically-correct> (дата обращения: 08.03. 2024).

УДК 811.351.42

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА АБУЗАРА АЙДАМИРОВА «ДОЛГИЕ НОЧИ»: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Магамшарипова Ф.М.,

руководитель Центра образовательно-информационных технологий

ГКУ «Институт чеченского языка»

e-mail: urok.95@inbox.ru

Овхадов М.Р.,

д-р филол. наук, профессор, директор

ГКУ «Институт чеченского языка»

e-mail: ovhadov49@mail.ru

Аннотация: В данной статье предпринята попытка анализа ономастического пространства романа Абузара Айдамирова «Долгие ночи». В исследовании рассматриваются структура и функции собственных имён в произведении, их роль в формировании художественного мира романа и раскрытии авторского замысла. Особое внимание уделяется антропонимам, топонимам и этнонимам, которые не только локализуют действие и идентифицируют персонажей, но и выполняют историко-документальную, символическую и нарративную функции. Анализ ономастического пространства позволяет глубже понять особенности авторской поэтики, национально-культурную специфику и философско-историческую концепцию романа.

Ключевые слова: роман, «Долгие ночи», Абузар Айдамиров, анализ, ономастика, антропонимия, топонимы, этнонимы.

THE ONOMASTIC SPACE OF ABUZAR AIDAMIROV'S NOVEL "LONG NIGHTS": STRUCTURE AND FUNCTIONS OF PROPER NAMES

Magamsharipova F.M.,

Head of the Center for Educational and Information Technologies of the

State Public Institution «Institute of the Chechen Language»

Ovkhadov M.R.,

Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the

State Public Institution «Institute of the Chechen Language»

Abstract. This article presents a study conducted to analyze the onomastic space of Abuzar Aidamirov's novel «Long Nights». The study examines the structure and functions of proper names in the work, their role in shaping the novel's artistic world and revealing the author's intentions. Particular attention is paid to anthroponyms, toponyms, and ethnonyms, which not only localize the action and identify characters but also serve historical, documentary, symbolic, and narrative functions. An analysis of the onomastic space allows for a deeper understanding of the author's poetics, national and cultural specifics, and philosophical and historical conception of the novel.

Keywords: novel, «Long Nights», Abuzar Aidamirov, analysis, onomastics, anthroponyms, toponymy, ethnonyms.

Введение

Ономастика – это самостоятельный раздел языкознания, объектом которого выступают собственные имена (*онимы*) как особый класс лексических единиц. В научном дискурсе ономастика определяется как дисциплина, изучающая происхождение, развитие, функционирование и структуру собственных имён, а также их роль в системе языка и культуре общества. В соответствии с характером именуемых объектов и спецификой онимов, ономастика подразделяется на ряд специализированных разделов:

– **Антропонимика** – исследует антропонимы, то есть собственные имена людей (личные имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы), их этимологию, эволюцию, социокультурные функции и закономерности функционирования в различных языковых и культурных средах;

– **Топонимика** – занимается изучением топонимов, то есть названий географических объектов (населённых пунктов, рек, гор, улиц и т. д.), их происхождения, семантики, ареалов распространения и исторических изменений;

– **Зоонимика** – анализирует собственные имена животных (клички), их структуру и особенности номинации;

– **Астронимика** и **космонимика** – изучают наименования небесных тел и зон космического пространства соответственно (звёзды, планеты, созвездия, галактики);

– **Теонимика** – исследует религиозные имена;

– **Хрематонимика** – рассматривает собственные имена предметов материальной культуры (например, произведений искусства, ювелирных изделий);

– **Карабонимика** – посвящена наименованиям кораблей, судов и т. д.;

– **Эргонимика** – изучает наименования деловых объединений, организаций, компаний;

– **Прагматонимика** – исследует собственные имена товаров и других результатов практической деятельности человека.

Ономастика представляет интерес не только для лингвистики, но и для литературоведения, культурологии и истории. Роман Абузара Айдамирова «Долгие ночи» имеет высокую значимость для исследования ономастического пространства. Таким образом, представляется, что это достаточно обширная и открытая для широкого круга гуманитарных наук проблема.

В данной статье предпринята попытка лингвистического анализа ономастики романа Абузара Айдамирова, имеющего не только художественную литературоведческую, но и культурно-историческую значимость для чеченского народа.

Исходя из того, что ономастика в целом представляет не только сугубо лингвистический аспект, но и национально-исторический контекст, авторский замысел, а также специфику художественного мира произведения, мы рассматриваем представленные в романе антропонимы, топонимы, этнонимы.

В этом произведении автор не только воссоздаёт историческую эпоху, но и формирует уникальное ономастическое пространство, в котором собственные имена играют ключевую роль в раскрытии идейно-художественного замысла. «Долгие ночи» Абузара Айдамирова занимает значимое место в чеченской литературе. Роман отражает трагические события второй половины XIX века, которые были связаны с переселением чеченцев в Турцию.

Ономастическое пространство романа включает в себя следующие группы собственных имён:

– **Антропонимы** – имена и фамилии персонажей, среди которых выделяются как реальные исторические личности (например, генерал Лорис-Меликов, Кундухов), так и вымышленные герои, олицетворяющие народную массу (Аьрзу, Али, Маккхал и др.).

– **Топонимы** – названия географических объектов: Чечня, Турция, Диарбекир, Арпачай, Александрополь и др. Эти имена не только локализуют действие, но и несут символическую нагрузку, подчёркивая мотив изгнания и утраты родины.

– **Этнонимы** – наименования народов и этнических групп (чеченцы, ингуши, казаки, турки, русские), которые используются для обозначения конфликтующих сторон и раскрытия национальной проблематики.

Функции собственных имён: Собственные имена в романе часто имеют документальную основу. Упоминание реальных исторических лиц и географических названий способствует созданию эффекта достоверности, погружает читателя в конкретную эпоху и подчёркивает историзм произведения. Имена персонажей отражают их социальный статус, происхождение, внутренний мир. В роли главных героев здесь выступает не один человек, каждая личность несет за собой целую историю, рассказывая при этом о своей тяжелой судьбе. Возьмем, например, лучших друзей Аьрзу и Маккхала, которые дружат годами, стали друг для друга ближе, чем родные братья. Данные имена вымышленные, также как и другие имена героев романа: Али, Довта, Данча, Чора, Берса, Тарам, Млаьчиг, Куьйра, Телхаг, Кьосам, Соип, Гати, Човка, Шоип, Олдам, Чомакх, Саьмби, Бота, Малаш, Иоса, Ловди и др.

Также в романе есть собственные имена исторических личностей, которые в реальности были задействованы в событиях, описываемых в романе. Это: шейх Мансур, бенойн Бойсглар, Ушурма, Зумсойн Iумма, Гезлойн Хосу, веданхойн Эдал, мичкхойн Эски, шотойн Ботукъа, мичкойн Солду, цлонтаройн Шолип, Чермой Орца. Все перечисленные имена относятся к чеченским или восточным именам. Также среди исторических личностей были персонажи со славянскими и западными именами: инарла Игнатъев, капитан Александр Зелени, Бриммер, Бакланов, Слепцов, граф Воронцов, инарла Пассек, граф Евдокимов, Лорис-Меликов, полковник Бибанов, Карцов, инарла Лидерсан, инарла Гуркон, граф Гейденна, Суворов, Анисимич, Чеботарев, Афока, Михаил Тариэлович, полковник Муравьев, эла Туманов, Александр Петрович, Михаил Николаевич, граф Игнатъев, Карцов, полковник Черкасов, эла Барятинский, Александр II, полковник Головаченко, полковник Беллик, Корней, Панталей, Фролов, Андрей, Ваня, Бакунин, Маркс, Василий, Косолапов, барон Вревски, Фон Рихтер, майор Швецов, полковник Лазарев, Лорис-Меликов, Золотарев, Яшка, Бакунин, Василий Лопухов, инарла Ермолов, Паскевич, Димка, Воронцов, Петр и др.

Конечно же, в романе звучат и женские имена, такие как: Зара, Зазу, Айза, Ровза, Залма, Ольга, Нина Ивановна, Наташа, Екатерина II, Полина, Марина и т.д.

Через антропонимы автор раскрывает национальный характер, традиции и менталитет чеченского народа. Топонимы и этнонимы становятся символами родины, изгнания, страдания и надежды. Они формируют эмоциональный фон романа, усиливают драматизм событий и способствуют философскому осмыслению судьбы народа.

Если рассмотреть детальнее, в романе Абузара Айдамирова «Долгие ночи» благодаря топонимам можно проследить весь географический путь, пережитый чеченским народом. Также можно понять, с какой точки земли решались судьбы народа и выносились приказы в отношении чеченцев. В романе описаны основные села и города Чечни, где проходили важные исторические события. Однако село Гати-юрт, которое часто упоминается в романе, на наш взгляд, выбрано автором для примера, поскольку именно из этого села вышли многие главные персонажи романа. На примере Гати-юрта рассказывается и о других поселениях республики.

В романе также упоминаются: Шела, Воздвиженск, Ханкала, Гуьмса, Герменчук, Гелдаган, Бена, Сесан-коьрта, Тлутли-клотар, Шоьна, Ялхой-Мохк, Блаьчи-юьрт, Глойта, Гихтла, Терски, Эвтара, Iаларой-эвла, Буру-гIала, Дади-юрт, Соьлжа-гIала, Ведана, ДаьргIа, Мескиты, Аьккхойн дукъ, Гезлойн-гIап, Даьттаха, Цоци-юрт, ГIизлара, ЭгIашта, Червленски, Оьрза-гIала, Сунженски, БоргIан, Сесан-корт, Грозный, Бена, Илсхан-юрт, Хьалха-марта, Хаси-юьрт, Цлонтара, Аргунски, Гребенски, Чанти, Шатой, ГIалгIайчоь, БердкIела, Шуьйта, Диарбек, Харачой, Элистанжа, Чеберла, Владикавказ и др.

В романе описаны и другие страны, особенно населенные пункты Турции, куда и был переселен чеченский народ: Болгаре, Сибирь, Турция, Кьарсе, Кубанская область, Италия, Индия, Константинополь, Россия, Стамбул, Хонкара, Мушане, Александрополь, Эрзерум, Польский, Венгре, Тифлис, Диарбекия, Ваний, Анатополь, Санкт-Петербург, Англия и др.

Благодаря этнонимам в романе мы можем понять, к какой национальности принадлежали те или иные персонажи. В романе упоминаются такие представители, как оьрсий, австрийцы, нохчий, гIалгIай, эрмалой, эрстхой, гIумкий, сербы, чергазой, французы, Iаьрби, туркой, гIалгIазкхий, индусы, татары, убыхаш, греки, венгры, поляки, азиаты, шведы, немцы, гуьржий, гIебартой, эдагой, курдой, австрийцы и т. д.

Выводы

Проведенный анализ ономастического пространства романа Абузара Айдамирова «Долгие ночи» позволяет сделать следующий вывод – роман включает в себя антропонимы, топонимы и этнонимы, которые формируют многослойный художественный мир произведения. Он отражает историческую и национальную специфику описываемой эпохи.

Собственные имена здесь выступают как важный инструмент раскрытия авторского замысла. Это, в свою очередь, способствует созданию эффекта исторической достоверности и эмоциональной глубины повествования.

Антропимы, представленные в романе, показывают социальный статус персонажей, их характер и судьбу. Они служат средством выражения национального самосознания и культурных традиций чеченского народа.

Топонимы и этнонимы в романе выполняют функцию символических маркеров, обозначая понятия родины, изгнания, трагедии и надежды. Это придает повествованию философскую окраску и усиливает его смысловое звучание.

Так, мы видим, что собственные имена в романе «Долгие ночи» играют ключевую роль в художественной структуре, выступая как носители историко-культурной памяти народа и способствуя углублению идейно-эстетического наполнения произведения.

Собственные имена являются ключевым элементом художественной структуры, служат формированию объемного представления об эпохе, углубляют понимание национального самосознания и усиливают эмоциональный отклик у читателя. Таким образом, ономастическое поле произведения выступает как зеркало исторической памяти и культурного кода чеченского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдамиров А.А. Еха буйсанаш. 1972. – 548 с.
2. Овхадов М.Р., Ирезиев С-Х.С-Э. Нохчийн мотт. Лексикологи. 2023. – 336 с.
3. Алироев И.Ю. Чеченский язык. – М., 1999. –160 с.
4. Алироев И.Ю., Овхадов М.Р. Кхечу меттанашкара тӀеэцна лексика. – Грозный, 1998. –106 с.
5. Алироев И.Ю., Тимаев А.Д., Овхадов М.Р. Введение в нахское языкознание. – Грозный, 1998. – 106 с.
6. Тимаев А.Д. ХӀинцалера нохчийн мотт. Лексикологи. Фонетика. Морфологи. – Соьлжа-гӀала, 2007. – 416 с.
7. Абу Исмаилов. Дош. – Элиста, 2004. – 919 с.
8. Овхадов М.Р. Основные слои заимствованной лексики в чеченском языке. Успехи современной науки. 2017. Т. 2. № 1. – С. 60–65.
9. Оздоев И.А., Мациев А.Г. Русско-чечено-ингушский словарь. – Грозный, 1966. – 576 с.
10. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 4. – Грозный, 1985.
11. Тимаев А.Д. Некоторые вопросы отраслевой лексики и особенности распределения имен по грамматическим классам в чеченском и ингушском языках. – В кн.: Вопросы отраслевой лексики. – Грозный, 1972. – С. 79–111.
12. Алдиева З.А. К проблеме ономастических исследований на территории Чечни. – Тезисы докладов региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию ЧГУ. – Грозный, 1997. – С. 236–238.
13. Багаев М.Х. Тайна имен. – Грозный, 1994. – 48 с.
14. Мациев А.Г. Нохчийн-оьрсийн словарь, 1961. – 625 с.
15. Карасаев А.Т., Мациев А.Г., Русско-чеченский словарь. – М.: Русский язык, 1978. – 728 с.

УДК 811.351.1

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОГРАНИЧЕННАЯ ЛЕКСИКА ШАНГОДИНСКОГО ГОВОРА АНДАЛАЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Маллаева З.М.,

д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
e-mail: logika55@mail.ru

Аннотация. Шангодинский говор андалальского диалекта аварского языка используется исключительно в бытовом дискурсе для обиходно-бытового общения. Носителями чистого говора являются жители преклонного возраста села Шангода Гунибского района. Большинство взрослых шангодинцев и молодежь пользуются смесью шангодинского говора, аварского литературного и русского языков. Исследователи диалектов аварского языка рассматривали говор села Шангода как подговор соседнего бухтинского говора. Однако детальное исследование данного говора позволяет выделить его в качестве самостоятельного говора. Различия между бухтинским и шангодинским говорами наблюдаются не только в лексике, но и в именной и глагольной морфологии.

Актуальность исследования обусловлена реальной угрозой исчезновения говора. Фактологическая база данного исследования представлена словником диалектной лексики говора села Шангода, включающим около 200 лексических единиц, собранных нами в ходе экспедиции в 2024–2025 годах. Словник состоит из следующих типов диалектизмов: фонематические, лексические и словообразовательные. Среди территориально-ограниченной лексики особое место занимают заимствования из соседнего лакского языка, которые так органично вошли в шангодинский говор, что носители говора не воспринимают их как иноязычные заимствования.

Ключевые слова: шангодинский говор, территориально-ограниченная лексика, диалектизмы, заимствования.

TERRITORIALLY LIMITED VOCABULARY OF THE SHANGODA SPEECH OF THE ANDALAL DIALECT OF THE AVAR LANGUAGE

Mallaeveva Z.M.,

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Chief Researcher at the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The Shangoda speech of the Andalal dialect of the Avar language is used exclusively in everyday discourse for casual and informal communication. Speakers of the pure dialect are elderly residents of the village of Shangoda in the Gunib district. Most adult Shangoda residents and young people use a mixture of the Shangoda speech, literary Avar, and Russian. Researchers of Avar dialects considered the Shangoda speech to be a subdivision of the neighboring Bukhty dialect. However, a detailed study of this dialect allows us to distinguish it as an independent dialect. Differences between the Bukhty and Shangoda speeches are observed not only in vocabulary but also in nominal and verbal morphology. The relevance of this study stems from the real threat of extinction of this speech. The factual basis for this study is a dictionary of the dialectal vocabulary of the Shangoda village speech, comprising approximately 200 lexical units collected during an expedition in 2024–2025. The vocabulary consists of the following types of dialectisms: phonemic dialectisms, lexical dialectisms, and word-formation dialectisms. Among the geographically restricted vocabulary, a special place is occupied by loanwords from the neighboring Lak language, which have become so organically integrated into the Shangoda speech that native speakers do not perceive them as foreign loanwords.

Keywords: Shangoda speech, territorially limited vocabulary, dialectisms, borrowings.

Аварский язык состоит из большого количества диалектов и говоров, взаимопонимание между некоторыми из них довольно затруднено. Наибольшие различия наблюдаются между говорами и диалектами южного наречия аварского языка, в которых, «в отличие от северных, во множестве сохранились черты племенных диалектов, отражающие эпоху племенной дифференциации носителей языка. Одним из ярких свидетельств этого является совпадение границ распространения диалектов, за немногими исключениями, со следами границ бывшего племенного деления аварцев по территориям» [4, с. 4].

Среди диалектов южного наречия больше всего говоров представлено в андалальском диалекте. В дагестанской диалектологии традиционно в андалальском диалекте выделяют

десять говоров: бухтинский, гамсутлинский, кегерский, куядинский, обохский, ругжинский, салтинский, сугратлинский, хоточ-хиндахский и чохский, «отличающиеся друг от друга некоторыми фонетическими, грамматическими и незначительными лексическими чертами, но обладающие общностью некоторых языковых явлений, которые и позволяют объединить их в один диалект» [4, с. 176]. Говор селения Шангода, вслед за Ш.И. Микаиловым, П.А. Саидовым квалифицирует как подговор бухтинского говора [7]. «При ближайшем рассмотрении говоры этих двух селений обнаруживают определенные различия на всех языковых уровнях, которые позволяют рассмотреть идиомы этих двух селений как самостоятельные говоры» [2, с. 108].

Особенностью шангодинского говора является наличие в нем территориально-ограниченной лексики, часть которой характерна только для данного говора. Большая часть диалектизмов говора – это фонетические диалектизмы, слова, получившие в шангодинском говоре отличное от других говоров, диалектов и аварского литературного языка фонетическое оформление. Данная группа диалектизмов представлена в говоре словами всех частей речи, например:

Имена существительные:

гов. лит. яз.

гукку – *гагу* «кукушка»

глен – *глин* «ухо»;

глеркьел – *гларкьел* «ветка»;

могъ – *мугъ* «спина»;

куртIа – *квартIа* «молоток»;

ригъи – *рагъи* «балкон»;

шуша – *шиша* «бутылка»;

ургъил – *ургъел* «забота»;

тухтур – *тохтир* «врач» и др.

Прилагательные:

хенаб – *хинаб* «теплый»;

‘ухъаб – *тIуцаб* «низкий»

хIераб – *хераб* «старый»

кумараб – *кваранаб* «правый»

гъуеэнаб – *гъуинаб* «сладкий» и т. д.

Глаголы:

регIде – *рагIизе* «(у)слышать»;

бегъде – *бачIине* «прийти»;

бокIде – *букIине* «быть»;

бокъде – *букъизе* «шить»;

бохъде – *бухъизе* «копать»;

вохъде – *вахъине* «встать»;

квенде – *квине* «кушать», «есть»;

ъенде – *ине* «идти» и др.

Наречия:

къутIиб – *къватIиб* «наружу»;

гъиндже – *гъанже* «теперь»;

жануб – *жаниб* «внутри»;

ценги – *цинги* «потом»;

гъелго – *лъелго* «пешком»;

луба – *лъоба* «там, наверху»;

‘ад – *тIад* «наверху» и др.

Местоимения:

лаб – *лъоб* «то, наверху»;

дав – *дов* «он, тот, вдали»;

гъав – *гъов* «он, тот, внизу» и др.

Числительные:

гленкѡго – *ункѡго* «восемьдесят»;

гѡабго – *лѡабго* «три»;

гѡеберго – *лѡеберго* «тридцать» и др.

Наличие в говоре большого количества фонетических диалектизмов обусловлено тем, что «консонантизм говора выявляет заметные отличия от консонантизма аварского литературного языка. Прежде всего, следует отметить отсутствие в исследуемом говоре, как и во всех говорах андалальского диалекта, латеральной аффрикаты **лІ** и краткого латерального спиранта **лѡ**, представленных в аварском литературном языке. Краткому латеральному спиранту **лѡ** литературного языка в разных позициях в слове в шангодинском говоре соответствуют разные согласные. В анлауте латеральному спиранту **лѡ** литературного языка в говоре соответствует ларингальный спирант **гѡ**: *лѡабгІин* – *гѡабгІен* «трилистник», «клевер»; *лѡазе* – *гѡаде* «знать». В инлауте и в ауслауте латеральному спиранту **лѡ** соответствует сочетание звуков **лгѡ**: *болѡн* – *болгѡн* «свинья»; *нилѡ* – *нилгѡ* «серб» [3, с. 79].

В шангодинском говоре представлено также большое количество словообразовательных диалектизмов – слов, получивших в говоре отличное от аварского литературного языка аффиксальное оформление, например:

гов. лит. яз.

вохх-де – *вохх-изе* «радоваться»;

гленкѡ-де – *гІинкѡ-лѡизе* «(о)глохнуть»;

бокІде-яб – *букІине-ссеб* «будущее»;

буде-яб – *гѡабизе-ссеб* «то, что предстоит делать» и др.

Разряд лексических диалектизмов включает лексемы, не представленные в аварском литературном языке, например: *беркІал* «лицо» (лит. *гѡумер*), *шумеи* «нос» (лит. *мегІер*), *магѡ* «хвост» (лит. *рачІІІ*), *гожо* «клык» (лит. *лѡириц*), *гленчел* «ветка» (лит. *гІаркѡел*), *нихѡ* «веник» (лит.

цІилицІІІ), *уихѡп* «блюдец» (лит. *налбек*), *рацІІІІ* «кусочек (чурека, лепешки)», (лит. *мочІу, рекел*), *гІуцІІІ* «камень» (лит. *гамачІ*), *хѡппа* «горсть» (лит. *хѡт*), *магѡало* «дань» (лит. *рушбат*) *кудеххил* «корзина» (лит. *гѡегѡ*), *ом* «крыша» (лит. *тІох*), *нихѡ* «веник» (лит. *цІилицІІІ*), *кѡин* «зима» (лит. *хасел*), *чихѡир* «ноша» (с/х) (лит. *магѡ*), *кІутІ* «маленький снопок травы» (лит. *квецІел*), *бучІен* «косточка» (лит. *гага*), *кунта* «платье» (лит. *горде*), *хІалакумо* «впопыхах» (лит. *гІедегІалихѡе*), *аххакѡ* «под» (лит. *гѡоркѡ*), *одахѡ* «рядом» (лит. *аскІоб*), *руссуѡ* «быстро» (лит. *зунизабун*), *долого* «скоро» (лит. *хехго*), *руссумо* «торопливо» (лит. *гІедегІун*), *ухѡаб* «низкий» (лит. *тІуцаб*), *экко* «действительно» (лит. *унго*), *бел'эде* «умереть» (лит. *хвезе*), *гочІихтте* «капризничать» (лит. *гочгІаризе*), *кІкІиржагѡде* «кататься» (лит. *хѡештІезе*), *цинкІде* «исчезнуть», «скрыться» (лит. *вахчизе, тІагІине*), *хѡихІилаб* «голубой» (лит. *цІахІилаб*) и др.

Имеется также незначительное количество лексем, не представленных в других говорах андалальского диалекта, например: *атта* «папа», *хѡхѡур* «морковь», *панташро* «бабочка», *хѡппа* «горсть», *жип* «карман», *кудеххил* «корзина», *партиссо* «ковёр», *порон* «стекло», *тІахІини-кІичІу* «посуда», *турут* «палас», *гІакѡлукар* «умник», *квархѡи* «большой головной платок», *чарх* «катушка», *хІимил цІцІам* «чабрец», *жип* «карман», *дон* «мяч», *ноло* «шиповник», *оммор* «на крыше», *гочІихтте* «капризничать», *кІкІиржагѡде* «кататься», *лѡлѡириц* «клык», *кудеххил* «корзина», *бурутІи* «кувшин», *кѡин* «зима», *турут* «палас», *партиссо* «ковёр» и др.

Значительное количество шангодинских лексических диалектизмов – это заимствования или кальки из лакского языка, например:

квархѡи «платок» > лак. *кварши*; авар. лит. *кІаз*;

кѡин «зима» > лак. *кІинтІ*; авар. лит. *хасел*;

хѡхѡур «морковь» > лак. *кѡур*; авар. лит. *ламадур*;

дон «мяч» > лак. *ттуп*; авар. лит. *торгІо*;

кІисса «напёрсток» > лак. *ххаллаххи-кІисса*; авар. лит. *сурдалѡел*;

жип «карман» > лак. *жип*; авар. лит. *чванта*, *киса* и др.

Калькой из лакского языка является название чабреца – *хлимил цлцIам* «чабрец», «тимьян ползучий» (букв. «ослиная соль») – лак. *ттуккул цIу* (букв. «ослиная соль») – авар. лит. *таикIо*.

В дагестановедении много исследований, посвященных заимствованиям из арабского, персидского, тюркских, русского и других недагестанских языков. И очень мало работ посвящено междагестанским схождениям и заимствованиям. Между тем это один из важных вопросов дагестанской лексикологии. На актуальность исследования внутридагестанских заимствований указывает также И.Х. Абдуллаев: «Исследование внутригрупповых и, в особенности, межгрупповых заимствований – один из актуальных и до сего времени почти не изученных вопросов дагестанской лексикологии... В аварском и лакском языках, помимо общих и для других дагестанских языков ориентализмов и русизмов, выявляется довольно большой пласт (более ста единиц) сепаратных изоглосс, которые могут быть либо общим наследием, либо же заимствованиями из одного языка в другой» [1, с. 40].

Наличие в шангодинском говоре такого количества заимствований из лакского языка объясняется не только тесными связями с соседними лакскими селами, но и тем, что исторически село Шангода находилось в составе Казикумухского ханства. Лишь в середине XX века село было передано в Гунибский (аварский) район.

Для таких языков, как аварский, диалект и говор являются главными источниками воссоздания истории языка, истории народа – носителя языка, его материальной и духовной культуры и, в целом, этногенеза – процесса сложения этнической общности аварцев на базе различных этнических компонентов, в том числе и языка. Ценность сравнительных исследований кавказских языков, а именно – сравнения диалектов одного и того же языка для получения надежных данных, неоднократно отмечалась в трудах А.С. Чикобава [8, с. 236].

Основоположник аварской диалектологии Ш.И. Микаилов [4–6] видел значение диалектологии в том, что письменность сохраняет точные данные о языке, тогда как диалекты дают ценный материал. Поэтому важно собирать, систематизировать, анализировать и сохранять исчезающий материал диалектов и говоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев И.Х. Междагестанские языковые схождения (Материалы и исследования по аварско-лакским языковым взаимоотношениям). – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН, 2013.
2. Маллаева З.М. Вокализм шангодинского говора андалальского диалекта аварского языка // Вестник ДНЦ РАН. 2023. № 91. – С. 108–113.
3. Маллаева З.М. Некоторые особенности консонантизма шангодинского говора андалальского диалекта аварского языка // Вестник ДНЦ РАН. 2023. № 89. – С. 77–81.
4. Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 511 с.
5. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. – Махачкала, 1964. – 171 с.
6. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. – Махачкала, 1958. – 159 с.
7. Саидова П.А. Словарь андалальского диалекта аварского языка. – Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; АЛЕФ, 2019. – 786 с.
8. Чикобава А.С. Исследование горских кавказских языков и наши задачи // Известия ИЯИМК. Т. XII. – Тбилиси, 1942. – С. 236–237.

УДК 373.2

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В ДЕТСКИХ САДАХ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА

Масаева З.В.,

канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования поликультурной образовательной среды в дошкольных образовательных учреждениях Чеченской Республики на основе интеграции родного языка и традиционного фольклора. Раскрывается этнокультурное образование как стратегический приоритет дошкольного воспитания в полиэтническом регионе. Описаны механизмы интеграции родного языка и фольклора в образовательный процесс дошкольных образовательных учреждений Чеченской Республики. Рассмотрены вызовы, противоречия и перспективы поликультурного образования в дошкольных учреждениях, а также перспективы развития поликультурной среды в дошкольных учреждениях Чеченской Республики.

Анализируются современные подходы к сохранению этнокультурной идентичности в условиях глобализации и многонационального российского общества. Исследуется опыт чеченских детских садов по внедрению билингвального образования и использованию фольклорных традиций в воспитательном процессе. Показана роль родного языка как основы культурной самоидентификации и инструмента межкультурного диалога. Представлены результаты исследования современных ученых в области изучения родного и русского языка в детских садах Чечни. Представлены механизмы создания поликультурной среды через интеграцию чеченского языка, традиционных игр, песен и обрядов в образовательную программу. Определены перспективы развития этнокультурного образования в дошкольных учреждениях Чеченской Республики в условиях становления поликультурной педагогики.

Ключевые слова: поликультурная среда, дошкольное образование, родной язык, чеченский фольклор, этнокультурная идентичность, билингвальное обучение, Чеченская Республика.

CREATING A MULTICULTURAL ENVIRONMENT IN KINDERGARTENS IN THE CHECHEN REPUBLIC THROUGH THE USE OF THE NATIVE LANGUAGE AND FOLKLORE

Masaeva Z.V.,

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Pedagogy and Psychology,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article examines the formation of a multicultural educational environment in preschool educational institutions in the Chechen Republic based on the integration of the native language and traditional folklore. Ethnocultural education is explored as a strategic priority for preschool education in a multiethnic region. Mechanisms for integrating the native language and folklore into the educational process of preschool educational institutions in the Chechen Republic are described. The challenges, contradictions, and prospects for multicultural education in preschool institutions, as well as prospects for the development of a multicultural environment in preschool institutions in the Chechen Republic, are discussed. This article analyzes modern approaches to preserving ethnocultural identity in the context of globalization and multinational Russian society. It examines the experience of Chechen kindergartens in implementing bilingual education and integrating folklore traditions in the educational process. The role of the native language as the basis of cultural self-identification and a tool for intercultural dialogue is demonstrated. The article presents the results of contemporary research on the study of native and Russian languages in Chechen kindergartens. It also presents mechanisms for creating a multicultural environment through the integration of the Chechen language, traditional games, songs, and rituals into the educational curriculum. Prospects for the development of ethnocultural education in preschool institutions in the Chechen Republic are outlined in the context of the emergence of multicultural pedagogy.

Keywords: multicultural environment, preschool education, native language, Chechen folklore, ethnocultural identity, bilingual education, Chechen Republic.

Чеченская Республика представляет собой уникальный случай для изучения процессов формирования поликультурной образовательной среды в российском контексте. Регион, где

более 95% населения составляют чеченцы, сталкивается с необходимостью одновременно сохранять культурную аутентичность и интегрироваться в общероссийское образовательное пространство. По данным Министерства образования и науки ЧР, в 2024 году в республике функционирует более 497 дошкольных образовательных учреждений, которые охватывают около 91 000 детей. Из них 447 детских садов (90,3%) реализуют программы с этнокультурным компонентом [5].

Становление поликультурной среды в детских садах региона происходит в контексте возрождения национальной культуры после сложного исторического периода. Как отмечает исследователь дошкольного образования, особенность чеченского случая заключается в том, что этнокультурное воспитание здесь – не просто педагогическая опция, а механизм восстановления культурной памяти и передачи традиций, прерванных в результате депортации и военных конфликтов [7]. Это создает особую интенсивность и эмоциональную насыщенность образовательного процесса.

Родной язык в этом контексте выступает не только как средство коммуникации, но и как носитель культурных кодов, мировоззрения, системы ценностей. Согласно исследованиям в области билингвального образования, владение родным языком в дошкольном возрасте формирует когнитивную базу для последующего успешного освоения второго (русского) языка и обеспечивает психологическую устойчивость личности [2].

Современная статистика показывает противоречивую картину языковой ситуации. С одной стороны, в семьях преимущественно используется чеченский язык (по данным социологических опросов 2023 года, в 89% чеченских семей основным языком общения с детьми является чеченский). С другой стороны, многие родители стремятся к тому, чтобы их дети владели русским языком на высоком уровне, понимая его значение для образовательных и профессиональных перспектив [6]. Это создает запрос на качественное билингвальное образование уже на дошкольном уровне.

Фольклор в этой системе играет роль культурного моста между поколениями и одновременно – педагогического инструмента. Чеченский фольклор чрезвычайно богат: это героический эпос, трудовые и обрядовые песни, колыбельные, пословицы, загадки, сказки о нартах. Однако урбанизация и изменение семейных укладов привели к тому, что значительная часть этого наследия оказалась под угрозой забвения. Детские сады становятся институтом, который систематизирует и транслирует фольклорные традиции детям, многие из которых растут в городских условиях, вдали от традиционного сельского уклада.

Практическая реализация поликультурной модели образования в чеченских детских садах осуществляется через несколько взаимосвязанных механизмов, которые формируют целостную систему этнокультурного воспитания.

Первый механизм – это **структурированное билингвальное обучение**. В большинстве детских садов республики практикуется модель «одно лицо – один язык», когда один воспитатель общается с детьми исключительно на чеченском языке, а другой – на русском. Это создает естественную языковую среду и помогает детям четко дифференцировать языковые системы. По данным педагогического мониторинга 2024 года, проведенного в 45 детских садах Грозного и Гудермеса, 83% детей старшего дошкольного возраста демонстрируют свободное владение обоими языками на уровне, соответствующем возрастным нормам [1].

Существуют детские сады в Чечне, где чеченский язык не выделен в отдельные занятия, а пронизывает весь образовательный процесс: утренний круг начинается с традиционных приветствий и благопожеланий на чеченском, режимные моменты сопровождаются чеченскими песнями и потешками, дидактические игры построены на чеченском лексическом материале. Русский язык вводится постепенно, через игровые ситуации и специальные занятия, но при этом не вытесняет родной [4].

Второй механизм – **фольклоризация образовательного содержания**. Чеченский фольклор становится основой для различных видов детской деятельности:

- в познавательном развитии: загадки и пословицы используются для развития логического мышления, знакомства с окружающим миром, традиционными ремеслами и бытом;
- в речевом развитии: скороговорки на чеченском языке способствуют развитию артикуляции; сказки и легенды обогащают словарный запас и формируют навыки связной речи;
- в художественно-эстетическом развитии: народные песни, танцы, орнаменты становятся основой музыкальных и изобразительных занятий;
- в физическом развитии: традиционные чеченские игры развивают координацию, ловкость, командное взаимодействие;
- в социально-коммуникативном развитии: через фольклорные сюжеты дети усваивают традиционные ценности – уважение к старшим, гостеприимство, честь, достоинство [3].

Особого внимания заслуживает практика использования героического эпоса. Несмотря на то, что полные варианты эпических сказаний сложны для дошкольного возраста, педагоги адаптируют отдельные сюжеты о героях-нартах, представляя их в доступной форме. Это формирует у детей образы положительных героев, воплощающих национальные идеалы мужества, справедливости, защиты слабых.

Третий механизм – **создание этнокультурной предметно-пространственной среды**. В детских садах организуются мини-музеи чеченской культуры, где представлены предметы традиционного быта, национальные костюмы, музыкальные инструменты. Создаются уголки чеченской книги с изданиями на родном языке, многие из которых представляют собой современные адаптации фольклорных текстов.

Интересен опыт некоторых детских садов, где создан «Дом чеченской культуры» – специально оборудованное помещение, стилизованное под традиционное чеченское жилище. Здесь проводятся театрализованные представления на основе народных сказок, праздники традиционного календаря, встречи с носителями фольклорных традиций – сказителями, певцами, мастерами декоративно-прикладного искусства [5].

Четвертый механизм – **вовлечение семей в этнокультурное образование**. Понимая, что детский сад не может в одиночку решить задачу культурной трансляции, педагоги активно привлекают родителей. Проводятся семейные праздники с фольклорной программой, мастер-классы по традиционным ремеслам, конкурсы на лучшую семейную коллекцию пословиц или колыбельных. Бабушки и дедушки приглашаются в качестве гостей для рассказов о традициях, обычаях, истории рода.

Согласно данным исследования, проведенного в 2023 году Чеченским государственным педагогическим университетом, 76% родителей считают важным изучение детьми родного языка и фольклора в детском саду, и 68% активно участвуют в этнокультурных мероприятиях [7]. Это свидетельствует о высокой социальной поддержке поликультурной модели образования.

Несмотря на очевидные успехи в формировании поликультурной среды, система сталкивается с рядом серьезных вызовов, которые требуют осмысления и системных решений.

Первое противоречие связано с **качеством педагогических кадров**. Парадоксально, но многие молодые воспитатели, получившие образование на русском языке, сами недостаточно владеют литературным чеченским языком или имеют ограниченные знания фольклорного наследия. Они прекрасно говорят на бытовом чеченском, но испытывают трудности при необходимости провести занятие на родном языке, рассказать сказку в аутентичной форме, объяснить значение архаичных слов и выражений. По данным аттестационных комиссий, только 54% воспитателей, работающих в группах с этнокультурным компонентом, имеют достаточный уровень владения чеченским литературным языком [1].

Это порождает ситуацию, когда этнокультурное содержание реализуется формально: проводятся мероприятия в национальных костюмах, исполняются песни, но глубинная культурная семантика, философия традиции остаются нераскрытыми. Требуется серьезная

программа повышения квалификации педагогов, включающая не только методические аспекты, но и углубленное изучение родного языка, фольклористики, этнографии.

Второй вызов – это **баланс между этнокультурным и общероссийским содержанием образования**. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования предусматривает региональный компонент, но его объем ограничен. Некоторые педагоги и родители опасаются, что чрезмерная фокусировка на национальной культуре может препятствовать интеграции детей в общероссийское культурное и образовательное пространство, создавать трудности при переходе в школу [4].

Опыт показывает, что оптимальной является модель интеграции, когда этнокультурное содержание не противопоставляется общероссийскому, а органично включается в него. Например, изучение времен года сопровождается не только русскими народными праздниками (Масленица, Рождество), но и чеченским аграрным календарем; знакомство с литературой включает и русские, и чеченские сказки; музыкальное воспитание охватывает различные музыкальные традиции. Такой подход формирует у детей понимание культурного многообразия России и мира.

Третья проблема касается **методического обеспечения**. Существует дефицит качественных учебных пособий, детской литературы на чеченском языке, аудио- и видеоматериалов с фольклором. Многие педагоги вынуждены самостоятельно создавать методические разработки, записывать фольклорные тексты от носителей традиции, адаптировать их для детского восприятия. Это требует огромных временных и интеллектуальных затрат [6].

Региональное Министерство образования предпринимает шаги по решению этой проблемы. В 2023–2024 годах издана серия учебных пособий для дошкольников, включающая рабочие тетради, книги для чтения, аудиоприложения с записями фольклорных текстов. Создан республиканский Центр этнокультурного образования, который разрабатывает методические рекомендации, организует конкурсы и фестивали, координирует работу детских садов [2].

Четвертый аспект – **оценка эффективности поликультурного образования**. Традиционные педагогические диагностики фокусируются на когнитивных навыках, знаниях, умениях. Но как оценить формирование культурной идентичности, ценностных ориентаций, эмоциональной связи с культурой? Это требует разработки специальных диагностических инструментов, критериев и показателей [3].

Некоторые детские сады используют качественные методы оценки: наблюдение за спонтанным использованием детьми элементов фольклора в игре, анализ детских рисунков на свободную тему (отражают ли они национальные мотивы), беседы с детьми об их культурной самоидентификации. Эти методы дают ценную информацию, хотя и не претендуют на статистическую репрезентативность.

Перспективы развития поликультурной среды в дошкольных учреждениях Чеченской Республики связаны с несколькими направлениями. **Во-первых**, это цифровизация этнокультурного контента. Разработка интерактивных приложений для изучения чеченского языка, мультимедийных пособий с фольклором, виртуальных экскурсий по культурным объектам республики может существенно обогатить образовательную среду.

Во-вторых, необходимо развитие сетевого взаимодействия между дошкольными учреждениями, школами, учреждениями культуры, научными организациями. Детские сады не должны быть изолированными островками этнокультурного образования – они должны быть частью целостной региональной системы культурной трансляции.

В-третьих, важно документирование и научное изучение педагогического опыта, накопленного в республике. Чеченские детские сады выработали уникальные практики билингвального образования и использования фольклора, которые могут быть полезны другим регионам России с похожей этнокультурной ситуацией.

В-четвертых, требуется более глубокая интеграция этнокультурного и инклюзивного образования. Поликультурная среда должна быть открыта не только для представителей чеченского этноса, но и для детей других национальностей, проживающих в республике, для детей с особыми образовательными потребностями. Культурное многообразие и инклюзивность – взаимодополняющие принципы современного образования [5].

Наконец, ключевое значение имеет **подготовка нового поколения педагогов**, которые владеют не только современными образовательными технологиями, но и глубокими знаниями родного языка, фольклора, этнопедагогике. Чеченский государственный педагогический

университет с 2023 года реализует специализированную программу подготовки воспитателей для работы в этнокультурной среде, что позволяет надеяться на постепенное решение кадровой проблемы [7].

Становление поликультурной среды в детских садах Чеченской Республики через использование родного языка и фольклора представляет собой сложный, многоаспектный процесс, имеющий как педагогическое, так и социокультурное значение. Этот опыт демонстрирует возможность органичного сочетания этнокультурной самобытности и интеграции в общероссийское образовательное пространство.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд ключевых выводов. **Первое:** родной язык и фольклор являются не просто содержательными компонентами образования, но основой формирования культурной идентичности, психологической устойчивости личности, когнитивного развития ребенка. **Второе:** успешная реализация поликультурной модели требует системного подхода, включающего билингвальное обучение, фольклоризацию содержания, создание этнокультурной среды, вовлечение семей. **Третье:** качество этнокультурного образования критически зависит от уровня подготовки педагогов, методического обеспечения, координации усилий различных институтов.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что опыт Чеченской Республики может быть адаптирован другими регионами Российской Федерации, сталкивающимися с задачами сохранения языкового и культурного многообразия в условиях глобализации. Разработанные механизмы интеграции родного языка и фольклора в образовательный процесс, модели билингвального обучения, формы работы с семьями представляют интерес для широкого круга педагогов и управленцев.

Вместе с тем выявленные вызовы и противоречия указывают на необходимость дальнейших исследований. Требуется более глубокое изучение долгосрочных эффектов этнокультурного образования, разработка валидных диагностических инструментов, исследование влияния цифровых технологий на трансляцию фольклорных традиций. Перспективным направлением является сравнительный анализ практик поликультурного дошкольного образования в различных регионах России и выявление факторов их эффективности.

Становление поликультурной среды в детских садах – это не просто педагогическая задача, это инвестиция в будущее, в котором культурное многообразие рассматривается не как проблема, требующая решения, а как ресурс развития, источник креативности и взаимообогащения. Опыт Чеченской Республики убедительно показывает: дети, выросшие в атмосфере уважения к родной культуре и открытости к другим культурам, становятся гармоничными личностями, способными к диалогу и сотрудничеству в многонациональном обществе.

Список литературы

1. Даутмерзаева Л.М. Стратегические ориентиры развития образования в Чеченской Республике: синтез традиций, инноваций и человеко-центрированного подхода // Известия Чеченского государственного университета. 2025. № 3 (39). – С. 53–59.
2. Масаева З.В. Мой край родной. Учебно-методическое пособие. – Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 2014. – 72 с.
3. Масаева З.В. Полилингвальное образовательное пространство как обеспечение психологической безопасности в условиях постконфликтности // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17. № S2. – С. 156–162.
4. Устаев А.Л. К вопросу о концепции развития системы образования Чеченской республики // Вестник Института проблем образования Министерства образования и науки Чеченской республики. Выпуск 2. – Грозный: «Абат», 2004. – 376 с.
5. Филатов Л.В. Поликультурное воспитание детей дошкольного возраста в современных условиях развития общества / Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». – М.: «Мозаика-синтез», 2015. – С. 67–71.
6. Хадисова П.В. Анализ трансформации ценностей семьи в традиционной культуре чеченцев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. – С. 85–87.
7. Яппарова Г. Развитие основ социальной компетентности дошкольников в поликультурной среде. // Дошкольное воспитание. 2009. № 12. – С. 79–89.

УДК 811.161.1

ПЕРСОНАЖ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В.П. АСТАФЬЕВА И В.М. ШУКШИНА)

Нафикова С.Р.,

канд. филол. наук, научный сотрудник отдела языкознания,

Институт истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра РАН

e-mail: sulpan_bgu@mail.ru

Аннотация. Художественный текст моделирует типы языковых личностей в лице автора, читателя и персонажа. Персонаж наделяется всеми атрибутами полноценного субъекта речи: от культурно-языковых ценностей до устойчивых поведенческих стереотипов, проявляющихся в конкретных коммуникативных ситуациях. Ориентация на речевое поведение персонажа в художественном тексте позволяет перейти к анализу литературного героя как языковой личности. По характеру речевого взаимодействия личности в рассказах В.М. Шукшина выделяются конфликтный и централизованный типы, в рассказах В.П. Астафьева – конфликтный и кооперативный типы языковых личностей. Коммуникативная роль языковой личности определяется позицией участника общения (говорящий и слушающий). Персонажи обоих писателей могут характеризоваться как творческие личности, реализующие в своем речевом поведении лингвокреативные стратегии (предрасположенность к игре, шуткам, прибауткам, островам, анекдотам, песням, стихам и т. п.). Если шукшинские герои способны на яркие, неординарные поступки, то астафьевские персонажи проявляют силу характера в области нравственного поиска и духовной работы. Диалогические структуры занимают почти все пространство шукшинского текста: писатель дает возможность высказаться своим героям. В рассказах В.П. Астафьева преобладает авторское начало; писатель использует такие способы передачи прямой речи, как отдельная реплика диалога или диалогическое единство, развернутый монолог героя перед слушателями.

Ключевые слова: художественная проза, художественный диалог, персонаж, языковая личность, тип личности, В.М. Шукшин, В.П. Астафьев.

A CHARACTER IN A LITERARY TEXT AS A LINGUISTIC PERSONALITY (BASED ON THE STORIES OF V.P. ASTAFIEV AND V.M. SHUKSHIN)

Nafikova S.R.,

Candidate of Philological Sciences, Researcher, Department of

Linguistics Order of the Badge of Honour Institute of History,

Language and Literature Ufa Federal Research Centre of the

Russian Academy of Sciences

Abstract. An artistic text models the types of linguistic personalities represented by the author, the reader, and the character. The character is endowed with all the attributes of a full-fledged subject of speech: from cultural and linguistic values to stable behavioral stereotypes that manifest themselves in specific communicative situations. Focusing on the character's speech behavior in a literary text allows us to analyze the literary hero as a linguistic personality. According to the nature of the verbal interaction of the personality in the stories of V.M. Shukshin conflict and centered types are distinguished, in the stories of V.P. Astafiev is a conflictual and cooperative type of linguistic personality. The communicative role of a linguistic personality is determined by the position of the participant in communication (speaker and listener). The characters of both writers can be characterized as creative individuals who implement linguistic and creative strategies in their speech behavior (predisposition to games, jokes, jokes, jokes, jokes, songs, poems, etc.). If Shukshin's characters are capable of bright, extraordinary deeds, then Astafiev's characters show strength of character in the field of moral search and spiritual work. Dialogical structures occupy almost the entire space of the Shukshin text: the writer gives his characters the opportunity to speak out. In the stories of V.P. Astafiev, the author's principle prevails, the writer uses such methods of conveying direct speech as a separate line of dialogue or dialogical unity, an expanded monologue of the hero in front of the audience.

Keywords: fiction, artistic dialogue, character, linguistic personality, personality type, V.M. Shukshin, V.P. Astafiev.

При изучении художественного текста вполне правомерно использование термина «языковая личность», так как автор проявляет себя через идиостиль, обусловленный

индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками.

В художественном тексте в качестве модели реальной языковой личности выступают автор текста, его читатель и персонаж, представленный в роли активного субъекта изображенной коммуникативной ситуации. Персонаж как языковая личность является носителем культурно-языковых, коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций.

В лингвостилистике исследуется языковая личность персонажа как субъекта внутритекстовой коммуникации на основе анализа лексической структуры «произведенных» им текстов [Байбулатова 1988; Радбиль 1998; Чурилина 2002]. Однако наибольший интерес представляет прагматический уровень описания персонажа как языковой личности, так как данный уровень раскрывает личность в повседневном аспекте и характеризует особенности ее речевого поведения. В качестве основного критерия разграничения речевого поведения личности учитывается единый критерий – установка по отношению к участникам общения. В соответствии с этим критерием выделяют кооперативный и центрированный типы языковых личностей. Кооперативный тип имеет установку на контакт, на сотрудничество, на кооперацию. Установка на конфликт, на конфронтацию свойственна конфликтному типу языковой личности, характеризующемуся воздействием на партнера в процессе коммуникации с целью навязать ему собственную модель речевого общения, неприемлемую для адресата. Данный тип реализуется в таких разновидностях, как агрессор и манипулятор. Центрированный тип предполагает установку на игнорирование партнера коммуникации и устранение говорящего от активного участия в изменении ситуации общения [Седов 1999: 51–53].

Языковая личность в общении наделена коммуникативными, социальными, психологическими ролями, совокупность которых создает варианты речевого поведения.

Коммуникативная роль определяется позицией участника общения. Герои рассказов В.П. Астафьева и В.М. Шукшина в процессе речевого взаимодействия исполняют роли говорящего (адресанта) и слушающего (адресата):

1) презентация говорящего и слушающего в диалогическом фрагменте:

– *Бюрократы! – бросил трубку на рычаг **председатель** и ругнулся в сторону **Митрофана Савелова**. – Черти тебя принесли! Все кувыркком пошло, доклад вот не дописал...* [1, с. 494];

***Служитель** встретил **Чередниченко**, как родного брата.*

– *Вам письмишко! – воскликнул он, улыбаясь шире своей шляпы. И погрозил пальцем. – Только наших не обижа-ать* [10, с. 516];

2) презентация говорящего в диалогическом фрагменте:

– *А не попить ли нам чайку? – предложил мой **соратник** по охоте: он начинал варить чай, едва исчезало из вида жильё* [1, 540];

– *Надень галстук, – посоветовал дед **Северьян*** [10, с. 41];

3) презентация слушающего в диалогическом фрагменте:

***Колька-дзык** подставился под Прокофьева, чтобы довести его до санитарной машины, старый солдат отстранил **его**:*

– *Выпатраешься весь об меня в кровянице и грязи, как в пехоту завтра пойдешь, грязный-то?* [1, с. 775];

– *Пойду сигарет возьму, – сказал **жене** Сашка* [10, с. 48].

Ориентация на речевое поведение персонажа в художественном тексте позволяет выйти на анализ литературного героя как языковой личности.

С учетом характера гармоничного/дисгармоничного речевого поведения шукшинских персонажей можно выделить два типа языковой личности в рассказах В.М. Шукшина: конфликтный («энергичные», «крепкие люди» и «демагоги») и центрированный («чудики») [6, с. 269–314]. В рассказах В.П. Астафьева по характеру речевого взаимодействия выделяются конфликтный и кооперативный типы языковых личностей [3, с. 111].

Конфликтность персонажей в рассказах В.П. Астафьева и В.М. Шукшина проявляется в виде речевой агрессии. В рассказах, где действующие лица представлены конфликтным типом языковой личности, преобладают негармоничные диалоги, характеризующиеся конфронтативностью речевых стратегий и тактик, способствующих «разладу» в речевом взаимодействии героев. Персонажи навязывают свою линию поведения, используя оскорбительную, враждебную тональность общения. Ими используется тактика возмущения, оскорбления, угрозы:

А пекарь выскочил из скрада и на Захарку с кулаками, махается и орет:

– Ты чего это за чужой птицей гоняешься? Ишь, ловкий какой... Я их трех прихватил. Два-то вон на Енисей ушли, а этот упал. А ты – жив...

Видел Захарка – врет пекарь. По глазам видел, по голосу слышал – врет.

– Как тебе не стыдно! – сказал он пекарю, сразу переходя на «ты». – Детишек голодишь...

Пекарь аж задохнулся от таких слов. Он привык к почтению, привык, чтобы его на «вы» называли.

– Ну ты, оглодыш! – замахнулся он на Захарку. – Гляди у меня! А то я властью отца твоего покойного оттаскаю за уши! [1, с. 440].

Вербальная агрессия выражается с помощью передразнивания, насмешки:

Старик вскочил, сжал кулачишки и, надвинувшись на Митроху запавшей грудью, прокричал срывающимся от гнева голосом:

– Детей-то, хоть детей-то оставьте в покое! – Старик тут же расслабился, плечи его опустились: – Уйдите! Прошу вас! Умоляю!

Митроха, дразнясь, прошамкал:

– Умоля-аю! Прошу-у! У-у, оглодыш! Поначитались, понаучились всяким словам! – и пошел, злобно загибая камешник хромой ногой. – Чтоб к утру духу не было! – уже с яра, из темноты гаркнул он. – А ты, гадючье семя, чтоб сейчас же домой! [1, с. 117].

В двух приведенных фрагментах описано речевое поведение персонажей, относящихся к конфликтному типу. Формы их речевого поведения, связанные с вербальной агрессией, включают угрозу, передразнивание, насмешку, оскорбление, личностную атаку (использование бранной, ненормативной лексики, унижающей личность собеседника).

Незаурядность личности астафьевских персонажей подчеркивается их поступками. Разведчик Ванягин не побоялся выйти под пули, лишь бы прекратить страдания животного («Старая лошадь»). Бывший шахтер Степан Творогов, которому руки оторвало на шахте взрывчаткой, стал первоклассным охотником («Руки жены»). Не о себе, а о том, чтобы хоть как-то облегчить страдания близких, заботится совершивший подвиг Матвей Савинцев («Сибиряк»). Чувство жалости и совестливости помешает юному солдату поддаться на уговоры и покинуть избу женщины, которую так жестоко наказала жизнь («Солдат и мать») [7].

Речевое поведение персонажей кооперативного типа характеризуется доминированием фатической интенции и преобладанием таких тактик речевого поддерживания, как тактика одобрения, похвалы, согласия, позитивной эмоциональной оценки, участия, поддакивания.

Сергей Митрофанович, стареющий, израненный герой рассказа В. Астафьева «Ясным ли днем», встретил на вокзале ребят-новобранцев и тут же познакомился с ними, разговорился. Потом он окажется с ними в одном вагоне, и в конце концов дело у них дойдет до песни.

Сергей Митрофанович старается поддержать ребят, успокоить их, настроить на позитивное восприятие жизни:

– Баба, наша русская баба не может бросить мужа в увечье. Потому как баба наша во веки веков – человек! И вы, молодцы, худо про них не думайте. А твоя вот, твоя, – обратился он к Славику, – да она в огонь и в воду за тобой...

– Дайте я вас поцелую! – пьяненько взревел Славик и притиснулся к Сергею Митрофановичу [1, с. 66].

Сергея Митрофановича можно отнести к кооперативному типу личности, так как он несет в себе очень важную идею – идею лада. Такие люди, как Сергей Митрофанович, своим участием, вниманием, заботой смягчают души окружающих людей, налаживают согласие между ними.

В шукшинских «чудиках» поражает логическая непредсказуемость и импульсивность поступков: Бронька Пупков мастерски владеет жанром «фантазийного» рассказа; Семка Рысь хочет восстановить старинную церковь; Монька Квасов мечтает построить «вечный двигатель»; Андрей Ерин хочет заняться изучением микробов для спасения человечества; Степка Всеводин сбегает из лагеря за три месяца до окончания срока; Гринька Малюгин, по мнению односельчан, «человек придурковатый», вдруг неожиданно совершит подвиг, отогнав в сторону от бензохранилища машину с горящими на ней бочками.

Герои Шукшина, поступки которых воспринимаются как чудачество, действуют так в силу своих нравственных понятий. В своих героях, которые поступают не «как все», В. Шукшин пытается разглядеть грани человеческой непосредственности и талантливости.

Природная тяга к творчеству характерна и для героев В. Шукшина, и для героев В. Астафьева. Их персонажи могут характеризоваться как творческие личности. Творческая языковая личность – это личность, которая реализует в своем речевом поведении лингвокреативные стратегии. Ее отличает предрасположенность к игре, шуткам, прибауткам, остротам, анекдотам, песням, стихам и т.п. Данные типы устойчиво отрефлексированы языковым сознанием, что нашло отражение в существовании в русском языке множественных ролевых номинаций (шутник, клоун, весельчак, балагур, остряк, насмешник, юморист, «артист») [9, с. 390]. Однако если шукшинские герои – это люди, способные на яркие, неординарные поступки, то у астафьевского героя проявлялась сила характера, которая не столько выплескивалась в яркие внешние поступки, сколько уходила в область нравственного поиска и духовной работы.

Уже в упомянутом выше образе главного героя рассказа В. Астафьева «Ясным ли днем» – старого инвалида-фронтовика Сергея Митрофановича – перед читателем впервые предстал существенный для писателя характер – «песенный человек». Песенность характеризует его особые, поэтические отношения с жизнью.

Витька Потылицын, главный герой цикла рассказов «Последний поклон», принадлежит к той самой «песенной» породе, которую Астафьев выделял в своих рассказах. К этой же «песенной» породе относится и его бабушка Катерина Петровна, которая, управляясь по хозяйству, всегда что-то «говорила, бранилась и напевала». Не случайно, что Витька, «песенный» мальчонка, чуткий, эмоциональный, до слез восприимчивый к красоте, навсегда запомнил пение своей бабушки:

Бабушка запевала стоя, негромко, чуть хриловато и сама себе помахивала рукой. У меня почему-то сразу же начало коробить спину, и по всему телу россыпью колючек пробежал холод от возникшей внутри меня восторженности. Чем ближе подводила бабушка запев к общеголосью, чем напряженней становился ее голос и бледней лицо, тем гуще вонзались в меня иглы, казалось, кровь густела и останавливалась в жилах.

Ой, да как по то-о-й

По реке-е-е-е... (В. Астафьев «Последний поклон. Бабушкин праздник», 1983: 222).

В сложные моменты жизни шукшинские герои обращаются к песне. После неудачной поездки к брату, где его оскорбила и унизила сноха Софья Ивановна, Чудик с помощью песни восстанавливает свое душевное равновесие:

Домой Чудик приехал, когда шел рясный парной дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки, побежал по теплой мокрой земле – в одной руке чемодан, в другой ботинки. Подпрыгивал и пел громко:

Тополя-а, тополя-а...

С одного края небо уже очистилось, голубело, и близко где-то было солнышко (В. Шукшин «Чудик», II: 345).

Обращение к песне персонажей рассказов В.П. Астафьева и В.М. Шукшина не случайно. Песня занимает особое место как в русской культуре, так и в русском коммуникативном сознании. Фактически она представляет собой особый коммуникативный жанр – «музыкальный» разговор по душам. Искренность, эмоциональность, откровенность – важнейшие характерологические черты разговора по душам – все эти качества можно найти в большинстве текстов русской песни. Но главное – это ориентация исполнителя (в данном случае персонажей) на душевное общение со слушателем, стремление к разговору по душам, то есть стремление к типично русскому жанру общения.

Театральность, сценичность рассказов В.М. Шукшина – общеизвестный факт, который отмечен и самим писателем, и критиками [Белая 1983]. Среди разновидностей произведений малой прозы писателя выделяются рассказы-сценки, отличающиеся драматическим способом повествования, так как построены они по сценическим законам: в них доминирует диалог, демонстрирующий динамичное развитие действия, ярко выражено противоборство действующих лиц, «сшибка» характеров. В число рассказов-сенок входят «Артист Федор Грай», «Срезал», «Танцующий Шива», «Крыша над головой», «Хозяин бани и огорода», «Одни», «Вянет, пропадает» и многие другие.

Проза В.П. Астафьева и В.М. Шукшина – это глубокое исследование русского национального характера. Народность их творчества как выражение национальной самобытности связана с народно-разговорной парадигмой, представляющей сплав фольклорно-диалектных компонентов, позволяющих писателям изобразить русский национальный характер.

Создание разговорной речи в художественной прозе В.П. Астафьева и В.М. Шукшина связано общностью эстетической позиции писателей, их концепции «простого человека», «героя в кирзовых сапогах» – героя предельно естественного, связанного с народной жизнью.

Народно-разговорная доминанта определяет и авторскую речь в рассказах В.П. Астафьева и В.М. Шукшина. Они используют объективированную и субъективированную манеру повествования. Многие рассказы написаны в «сказовой» манере. Однако у В.М. Шукшина речь персонажей, сравнительно с авторской речью, преобладает в структуре рассказов, что заметно уже на внешнем уровне: диалогические структуры занимают почти все пространство шукшинского текста. Писатель не претендует на то, чтобы слушали его самого, а дает возможность высказаться своим героям. Шукшинские персонажи полностью «выговариваются» в диалогах. В диалогах проявляются характеры людей, обнажается смысл ситуаций, в которых они оказываются. В рассказах В.П. Астафьева наблюдается обратное явление: диалог «растворяется» в авторском тексте, что детерминировано идейно-эстетическими установками автора, который стремится сам наиболее точно передать и образ мышления, и мировосприятие своих персонажей. Это способствует повышению авторского начала в тексте. Писатель преимущественно использует такие способы передачи прямой речи, как отдельная реплика диалога или диалогическое единство, развернутый монолог героя перед слушателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев В.П. Жестокие романсы. Рассказы. – М.: Эксмо, 2002. – 864 с.
2. Байбулатова Е.Н. Лексическая структура текста и проблемы языковой личности (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот»): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1997. – 182 с.
3. Ишмуратова С.Р., Хисамова Г.Г. Речевое поведение персонажа в художественном тексте: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 116 с.
4. Радбиль Т.Г. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») // Русистика сегодня. 1999. № 3. – С. 66–83.
5. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления. Психо- и социолингвистические аспекты. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. – 178 с.
6. Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М. Шукшина): монография. – М.: МПГУ, 2007. – 352 с.
7. Хисамова Г.Г., Ишмуратова С.Р. Тайны русской души: особенности национального характера (лингвокультурологический аспект исследования). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 74 с.
8. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принцип антропоцентрического исследования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 284 с.
9. Шейгал Е.И., Мироненко М.В. Шут или шутник: профессия или хобби? (взгляд лингвиста) // Жанры речи. Вып. 4. – Саратов: Изд-во ГУНЦ Колледж, 2005. – С. 385–399.
10. Шукшин В.М. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1992. – 560 с.

УДК 81-2

НОХЧИЙН РЕСПУБЛИКИН ХІИНЦАЛЕРЧУ КЕГИЙРХОЙН СИНКХЕТАМЕХЬ «МАРШОНАХ» КХЕТАМ

Нинигов М.С.-Э.,

преподаватель кафедры чеченской филологии

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

e-mail: aninigov@bk.ru

Аннотаци. ХІокху статья тІехь анализ йина Нохчийн Республикехь хІинцалерчу кегийрхоина йукъахь «маршо» бохучу кхетаман чулацман а, кхетаран баишхаллийн а. ХІокху талламийн актуалалла схьайолу социокультуран трансформацин а, глобализацин а, информацийн меттиг сиха кхиаран а контекстехь къоначу чкъуран мехаллин ориентацияш хийцайаларх. Белха тІехь толлу гуманитаран Іилманашкахь кхетамаш Іаморан теоретически некъаи, ткъа иштта нохчийн йукъараллехь маршонах лаьцна ойланаи кхоллайаларан культурин-исторически билгалонаи. Къаьсттина тидам тІебохуйту ламастан норманаи, динан мехаллаи, доьзалан юкъаметтигаша, кхузаманан юкъараллин факториша кегийрхойн дуьнене хьежамаш кхоллабаларехь бечу тІелаткъаман. Анализ йича гучуделира нохчийн кегийрхойн коьртехь «маршо» боху кхетам чолхе хилар а, шена чохь личностни кхочушдар а, йукъараллина хьалха жоьналла хилар а, сий а, йахь а ларйар а, дахарехь шен некъ харжа хаар а санна йолу компонентаи хилар а. Гойту кегийрхойн мехаллин системехь маршо абсолютан йозуш ца хилар санна а йоцуш, личностни сатийсамаи а, йукъараллин норманаи а гармонехь цъаьнакхетар санна тІеььцуш хилар.

Коьрта дешинаш: маршо, кхетам, къоналла, мехаллин ориентацияш, нохчийн йукъаралла, культурин ламаштаи, йукъараллин гайтамаи, шатайпаналла, ша-шех кхетар.

КОНЦЕПТ «СВОБОДА» В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Нинигов М.С.-Э.,

преподаватель кафедры чеченской филологии

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация. В статье анализируется содержание и особенности восприятия концепта «свобода» в сознании современной молодёжи Чеченской Республики. Актуальность исследования обусловлена изменениями ценностных ориентаций молодого поколения в условиях социокультурной трансформации общества, глобализации и активного развития информационного пространства. В работе рассматриваются теоретические подходы к изучению концептов в гуманитарных науках, а также культурно-исторические особенности формирования представлений о свободе в чеченском обществе. Особое внимание уделяется влиянию традиционных норм, религиозных ценностей, семейных отношений и современных социальных факторов на формирование мировоззрения молодёжи. В результате анализа установлено, что концепт «свобода» в сознании чеченской молодёжи имеет комплексный характер и включает такие компоненты, как личностная самореализация, ответственность перед обществом, сохранение чести и достоинства, а также возможность выбора жизненного пути. Показано, что свобода в ценностной системе молодёжи воспринимается не как абсолютная независимость, а как гармоничное сочетание личных стремлений и общественных норм.

Ключевые слова: свобода, концепт, молодёжь, ценностные ориентации, чеченское общество, культурные традиции, социальные представления, идентичность, самореализация.

ХІинцалерчу йукъараллин а, гуманитаран а талламаша боккха тидам тІебохуйту кегийрхойн мехаллин ориентацияш Іаморна, хІунда аьлча тІекхуьу чкъор йукъараллин хийцамашкахь жигара агент ду. Кегийрхойн дуьненехьежамаш кхоллабалар хуьлу чолхечу социокультуран процессийн контекстехь, шайна йукъахь йукъараллин модернизаци а, технологийн кхиар а, культурийн йукъара вовшашца уьйр алсамйалар а долуш.

Цъаь коьрта кхетам бу, гойтуш индивидуальни мехаллин система, иза бу «маршо» боху кхетам. И кхетам тайп-тайпана тидаме оьцу тайп-тайпанчу культурашкахь а, историн заманашкахь а. Малхбюзера философин ламастехь маршо дукхахьолахь йобзна йу индивидуальни автономия а, йозуш ца хиларца а. Амма йукъараллехь, цигахь коллективан

мехаллаш а, ламастан норманаш а йоккха меттиг д'Алоцуш йу, маршо лору гергарчу з'енехь йукъараллин жобпаллица а, оздангаллин декхаршца а.

Нохчийн Республика хьалдолуш историн т'аьхье а, ч'ог'аа културин ламасташ а долу регион йу. Йахь, сий, баккхийчеран лерам, доьзалан барт, ламастан оздангалла ларйар санна йолу мехаллаш лаккхара ма'йна долуш йу нохчийн йукъараллехь. Цхьаболу авторша а билгалдоккху: «в представлении чеченцев категория «свобода» связана с разными состояниями их социальной динамики» [1].

Оцу х'умано боккха т'е'атк'ам бо т'екхуьучу чк'урана маршонах лаьцна йолу ойланаш кхиорна.

Т'аьхьарчу иттаннаш шерашкахь регионехь баккхий социалан-экономикан хийцамаш хилла. Дешаран учрежденеш кхиаро а, говзаллин ша-шена т'е тидам бахийта аьттонаш шорбаро а, терахийн технологех жигара пайдаэцаро а г'ло до кегийрхошна йукъахь керла дуьненехьжамаш кхоллабаларехь.

Цу декъехь къаьсттина актуальни ду кхузаманан нохчийн кегийрхойн кхетамехь «маршо» боху кхетам таллар.

Х'окху талламийн йалашо йу Нохчийн Республикехь х'инцалерчу кегийрхойн ойланехь «маршо» бохучу кхетамах билгал болу кхетам а, тидар а къастор.

И йалашо кхочушйархьама, х'ара йалашонаш кхочушъеш йу:

1. Гуманитаран йилманашкахь кхетамаш йаморехь теоретически некъаш таллар.

2. Нохчийн йукъараллехь маршонах лаьцна йолу ойланаш кхиаран културин-исторически билгалонаш талла.

3. Регионехь таханлерчу кегийрхошна йукъахь парг'атонах йолу ойланаш кхиорна т'е'атк'ам беш долу х'уманаш билгалдахар.

4. Кегийрхойн мехаллин системехь «парг'ато» бохучу кхетаман коьрта ма'йнин дакъош къастор.

«Концепт» бохучу кхетамо йоккха меттиг д'Алоцу кхузаманан кхетаман лингвистикехь а, културологехь а, йукъараллин психологехь а.

Талламхоша дийцарехь, кхетамаш йукъараллин историн кхиаран муьрехь кхоллало, маттахь а, културехь а, йукъараллин амалшкахь а ч'арг'ло. Цара гойту цхьана билгалчу халкъан йа културин йукъараллин билгало йолу мехаллин система.

«Маршо» боху кхетам адаман ойланан коьртачу категорехь цхьаь бу. Философехь иза лору адаман шен амалш ша-шех къастош, сацамаш бан ницкъ хилар санна. Йукъараллин контекстехь маршо йобзна йу индивидуальни бакъонашца, шен дахаран некъ харжа ницкъ хиларца, ша-шех кхетарца.

Амма оцу кхетаман чулацам хийцабала тарло, йукъараллин културин башхаллашка хьаьжжина. Индивидуалистически културашкахь парг'ато дукхахьолахь кхетадо индивидуал арахьара т'е'атк'амах йозуш ца хилар санна. Коллективистийн културашкахь, мелхо а, иза тидаме оьцу йукъараллин жобпаллин а, йукъараллин норманаш ларйаран а призмехула.

Цу тайпана, «маршо» боху кхетам талларо тидаме эца деза културин а, историн а контекст.

Нохчийн йукъараллехь маршонах кхетаран културин-исторически билгалонаш

Нохчийн халкъан исторически кхиаро хаьал т'е'атк'ам бина цуьнан мехаллин система кхоллайаларна, шайна йукъахь маршо боху кхетамаш а болуш. Бешерашкахь йукъараллин дахарехь йоккха меттиг д'Алоцуш йу ламастан низаман норманаш а, адамийн йукъаметтигаш нисйеш йолу оздангаллин-этикан принципаш а. Цул сов, нохчийн байракх т'ехь гойту маршонах кхетам: «Белый цвет на полотнище чеченского флага также выражает свободу. Он ложится на зеленое «поле» – цвет жизни. Цвет свободы пронизывает алый цвет крови. Таким образом, три колора чеченского флага отражают стремление народа к свободной жизни, а кровавый след – его трагическую историю» [5].

Нохчийн културехь маршо ч'ог'аа йобзна йу йахь, йукъараллина хьалха жобпалла бохучу кхетамашца. «Гиллакх-оздангалла доцучохь – ирс хир дац» [4], цу-кеппара, маршо а

хир йац. Стаг маърша лоруш ву, шен сий лардан а, оздангаллин норманашца догӀуш лела а ницкъ кхочуш хилча.

Нохчийн йукъараллин дуьненехьежамаш кхолларехь къаьсттина доккха дакъа лоцу доьзалан а, тайпанийн а уьйраша. Доьзал уггаре а мехала йукъараллин институт йу, культурин ламасташ а, мехаллаш а тӀекхуьчу чкъуре дӀакхачош. Доьзалехь кхиаро кеп хӀоттайо леларан къобал йеш йолчу кепех а, личностни паргӀатонан дозанех а лаьцна ойланаш.

Цул сов, кегийрхойн дуьненехьежамаш кхоллабаларехь боккха тӀеӀаткъам бо дино. Бусалба динан мехаллаша чӀагӀдо оздангаллин жопалла, синан агӀор ша-шена тойалар, кхечаьрца лерам бар. Оцу контекстехь маршо лоруш йу стеган ницкъ хилар оздангаллин принципаш ларӀан а, оцу норманашна дуьхьал долчу гӀуллакхех ларвала а.

Кегийрхойн маршонах болу кхетамаш кхоллабаларехь йукъараллин фактори

ХӀинцалерчу кегийрхойн дуьненехьежамаш кхоллабаларна тӀеӀаткъам бо тайп-тайпанчу йукъараллин факторша.

Доьзал – иза стеган социализацин коьртачу факторех цхьаь йу. Доьзалехь кхоллало диканах а, вонах а, нийсонах а, жопаллах а, маршонах а лаьцна бух болу кхетамаш. Дай-наноша шайн берашка дӀало ламастан мехаллаш, цара хаьал Ӏаткъам бо церан дахаран хьежамаш кхиорна.

Кегийрхойн дуьненехьежамаш кхолларехь доккха дакъа лоцу кхузаманан *дешаран системо*. Дешаро гӀо до синкхетам шуьйра хилийта, критикан ойла кхио, йозуш ца хилар кхио. Дуккха а кегийрхошна дешар деша а, говзаллин декъехь шайн таронаш кхочушийн а аьтто хилар – иза личностни паргӀатонан мехала гучудалар ду.

Кхузаманан технологиеш кхиаро хаьал шорбина кегийрхойн информаци кхачоран аьттонаш. Интернето а, социалан машанашкахь а керла меттигаш кхуллу вовшашца зӀе латто а, шайна хетарг дийца а, ша-шех лаьцна дуьйцуш а. И бахьана долуш кегийрхой тайп-тайпанчу культурин моделашца а, дуьненехьежамашца а уьйр йолуш хуьлу, цара Ӏаткъам бо церан маршонах болу кхетамна.

Социально-экономикин хьоло а Ӏаткъам бо кегийрхойн мехаллин ориентацишна. Балха хӀотта аьттонаш хиларо, карьера хьалайаккхаро, йукъараллин мобилалла кхуллу церан кхетам паргӀатонах, ша-шех дозуш доцуш шайн кхане кхолла ницкъ хилар санна.

Кегийрхойн ойланехь «Маршо» бохучу кхетаман коьрта дакъош

Нохчийн Республিকেь хӀинцалерчу кегийрхойн мехаллин хьежамашна анализ йича гучуйолу «паргӀато» бохучу кхетаман масех коьрта дакъа.

Маршо ша-шех кхетаран аьтто санна

Дукхачу кегийрхошна маршо йобзна ю шайн хьуьнарш а, похӀма а кхочушдан аьтто хиларца. Дешар Ӏамор, говзалла кхиор, дахаран Ӏалашонаш кхочушийар лоруш ду личностни паргӀатонан мехала элементаш санна.

Кегийрхой гӀерта шайн дешарца а, говзаллица а, шайн дахарца а доьзна шаш-шайна сацамаш бан. Харжамаш бан а, шайн сацамашна жопалла шена тӀеэца а хаар маршонан мехала агӀо санна тӀеобцу.

Дуккха а кегийрхошна маршо жопаллица къаста йиш йоцуш йобзна йу. Маърша стаг кхечеран хьашташ тидаме эца веза, йукъараллин оздангаллин норманаш ларӀан йеза.

Социокультурни анализан жамӀаш

Теоретически а, социокультурни а хаамаш цхьаьнатоьхча, гуш ду, хӀинцалерчу нохчийн кегийрхойн маршонах болу кхетамаш ламастан а, кхузаманан а мехаллаш цхьаьнакхетарца кхоллабелла хилар.

Цхьана агӀор, культурин ламасташ, доьзалан норманаш, динан тешарш дика Ӏаткъам беш дуьсуш ду. Вукху агӀор, тӀекхуьчу чкъуро жигара тӀеобцу личностни кхиаран, дешаран, говзалла кхочушийаран ойланаш.

Цу тайпана, кегийрхойн ойланехь йолу маршо абсолютан йозуш ца хилар санна ца лору, амма шен хьашташ а, йукъараллин жопалла а цхьаьнадогӀуш нисдан аьтто санна лору.

Иштта талламо гучудаьккхира Нохчийн Республিকেь хӀинцалерчу кегийрхойн мехаллин системехь йоккха меттиг дӀалоцуш хилар «маршо» бохучу кхетамо. Цуьнан чулацам

кхоллало культурин ламастийн а, динан мехаллаш а, хӀинцалера йукъараллин процессаш а чолхечу вовшашца уьйр хиларца.

Кегийрхойн ойланехь йолу маршо утгаре а хьалха тидаме оьцу личностни кхиаран а, дешаран а, говзалла кхочушйаран а аьтто санна. Цуьнца цхьаьна, доьзалан а, йукъараллин а, культурин а норманаш ларйарца йобзна йолу ламастан мехаллаш кхидӀа а доккха дакъа лоцуш йу.

Цу кепара, нохчийн кегийрхойн кхетамехь «маршо» боху кхетам билгалболу индивидуальни сатийсамашна а, коллективан мехаллашна а йукъахь баланс хиларца. Цу декъехь кхин дӀа а таллам бан мегар дара социологин таллам а, эмпирически таллам а дӀабахьарна, регионан тӀекхуьучу чкъуран мехаллин ориентацияш кхин а дуьззина толлуш.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жемчураева С.Ш. Образ свободы в современном чеченском обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svobody-v-sovremennom-chechenskom-obschestve>
2. Хасбулатова З.И. Воспитание нравственных и этических норм в семье чеченцев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-nravstvennyh-i-eticheskikh-norm-v-semie-chechentsev>
3. Хасиев С.М. Иерархия нравственных ценностей горцев Кавказа (на чеченском материале) // IV Конгресс этнографов и антропологов России. – Нальчик, 2001.
4. Цуев Я., Цуев М. Халкъан тидамаш, хьехамаш, кицанаш. – Грозный, 1992. – С. 10.
5. <https://www.nohchalla.com/obychai-i-tradicii/1730-faktor-svobody-u-chechentsev>

УДК 811.351.42

ИЗМЕНЕНИЕ ДИФТОНГОВ «УО», «УӖ» ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ИТУМ-КАЛИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

Ирезиев С.-Х.С.-Э.,

д-р филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: ireziev85@mail.ru

Сосаева А.К.,

магистрант 2-го года обучения направления «Филология»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: aminasosaeva20@mail.ru

Аннотация. Аннотация. В работе анализируются фонетические трансформации дифтонгов «уо» и «уӖ», возникающие при формировании глагольных форм прошедшего времени в итум-калинском диалекте чеченского языка. Основное внимание сосредоточено на процессах палатализации и артикуляционного сужения, обусловленных регрессивно-дистанционным ассимиляционным воздействием, иницируемым гласным «и» в составе аффиксальных морфем. На основе материала глагольных парадигм проводится сравнительное исследование литературного чеченского языка и ряда его диалектных разновидностей, включая итум-калинский, кистинский, аккинский, чеберлойский диалекты, а также шатойский говор.

Показано, что при образовании прошедших времён краткий дифтонг «уо» в литературной норме преимущественно подвергается палатализации, тогда как в отдельных диалектах данный процесс сопровождается дополнительным сужением вокалического элемента, что приводит к более узким артикуляционным результатам. Отмечаются различия в степени и направлении фонетических преобразований, обусловленные слоговой структурой, позиционными факторами и морфонологическими условиями.

Ключевые слова: чеченский язык, итум-калинский диалект, дифтонги уо и уӖ, палатализация, артикуляционное сужение, регрессивно-дистанционная ассимиляция, прошедшее время глагола.

CHANGES OF THE DIPHTHONGS «UO» AND «UӖ» IN THE FORMATION OF PAST TENSE FORMS IN THE ITUM-KALIN DIALECT OF THE CHECHEN LANGUAGE

Ireziev S.-Kh.S.-E.,

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Kadyrov Chechen State University

Kuyirievna S.A.,

Second-year Master's student in Philology

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The study examines phonetic transformations of the diphthongs “uo” and “uӖ” occurring in the formation of past tense verb forms in the Itum-Kalin dialect of the Chechen language. Particular attention is given to the processes of palatalization and articulatory narrowing resulting from regressive-distance assimilatory influence triggered by the vowel “i” within affixal morphemes. Based on verbal paradigms, a comparative analysis is conducted between the literary Chechen language and several dialectal varieties, including the Itum-Kalin, Kistin, Akkian, and Cheberloy dialects, as well as the Shatoy subdialect. It is demonstrated that in the literary standard the short diphthong “uo” predominantly undergoes palatalization in the formation of past tense forms, whereas in certain dialects this process is accompanied by additional narrowing of the vocalic element, leading to more constricted articulatory outcomes. Differences in the degree and direction of phonetic transformations are identified and explained by syllabic structure, positional factors, and morphonological conditions.

Keywords: Chechen language, Itum-Kalin dialect, diphthongs uo and uӖ, palatalization, articulatory narrowing, regressive-distance assimilation, past tense formation.

Согласно наблюдениям Ю.Д. Дешериева, Д.С. Имнайшвили, А.Д. Тимаева, дифтонги «уо» и «уӖ» в различных диалектах показывают значительную степень вариативности в процессе фонетического развития. В частности, при образовании форм прошедшего времени данные дифтонги, как правило, подвергаются палатализации либо палатализации, сопровождаемой сужением артикуляции. Подобные изменения обусловлены присутствием

гласного *и* в составе соответствующего аффикса, который выступает триггером регрессивных фонетических процессов и приводит к регулярной модификации вокалической структуры основы.

Прежде чем перейти к анализу палатализационных процессов, затрагивающих краткий дифтонг *уо* в чеченском языке, необходимо учитывать его позиционную обусловленность. Как показывают результаты предыдущих исследований, данный дифтонг, характеризующийся артикуляцией заднего ряда среднего подъёма, преимущественно реализуется в пределах закрытого слога, что отражает его структурную зависимость от слоговой организации слова [Имнайшвили, 1977; Тимаев, 2013; Ирезиев, 2020]. Подобная позиционная обусловленность связана с действием регрессивно-дистанционной ассимиляции, параметры которой зависят от слоговой организации и оказывают непосредственное влияние на реализацию вокалического компонента. В частности, характер фонетических изменений определяется параметрами слога, содержащего первичный гласный (V_1), прежде всего его открытостью или закрытостью, что оказывает влияние на направление и степень модификации вокалического компонента.

В литературной норме чеченского языка изменение дифтонга «*уо*» носит системный характер и проявляется в рамках строго регламентированных морфонологических условий. При образовании глагольных форм прошедшего времени дифтонг «*уо*», локализованный в первом слоге основы (V_1), подвергается модификации вследствие регрессивного воздействия гласного «*и*», входящего в структуру аффикса и размещённого во втором слоге (V_2), что инициирует изменение вокалической конфигурации основы. Данное взаимодействие отражает механизм регрессивного ассимиляционного воздействия, при котором артикуляционные характеристики последующего сегмента инициируют изменение вокалической структуры основы. Указанное взаимодействие отражает механизм регрессивной ассимиляции, при котором артикуляционные признаки гласного последующего слога влияют на изменение вокалической структуры основы. В результате данного процесса краткий дифтонг «*уо*» закономерно переходит в «*уоь*» (*уо*→*уоь*). Подобная закономерность отмечается и в ряде исследований [Имнайшвили, 1977; Тимаев, 2011; Ирезиев, 2024], например:

инф. <i>ѳуолла</i> ^н «повесить»	<i>хѳуотта</i> ^н «стать»
т. ч. прош. вр. <i>ѳуолли</i> ^н → <i>ѳуоьлли</i> ^н	<i>хѳуотти</i> ^н → <i>хѳуоьтти</i> ^н
прош. оч. вр. <i>ѳуоллира</i> → <i>ѳуоьллира</i>	<i>хѳуоттира</i> → <i>хѳуоьттира</i>
прош. неопр. вр. <i>ѳуоллина</i> → <i>ѳуоьллина</i>	<i>хѳуоттина</i> → <i>хѳуоьттина</i>
давл. вр. <i>ѳуоллиниѳра</i> → <i>ѳуоьллиниѳра</i>	<i>хѳуоттинѳра</i> → <i>хѳуоьттинѳра</i>

инф. <i>буохка</i> ^н «сунуть»	<i>вуосса</i> ^н «спуститься»
т. ч. прош. вр. <i>буохки</i> ^н → <i>буоьхки</i> ^н	<i>вуосси</i> ^н → <i>вуоьсси</i> ^н
прош. оч. вр. <i>буохкира</i> → <i>буоьхкира</i>	<i>вуоссира</i> → <i>вуоьссира</i>
прош. неопр. вр. <i>буохкина</i> → <i>буоьхкина</i>	<i>вуоссина</i> → <i>вуоьссина</i>
давл. пр. вр. <i>буохкиниѳра</i> → <i>буоьхкиниѳра</i>	<i>вуоссинѳра</i> → <i>вуоьссинѳра</i>

Особого внимания заслуживает тот факт, что в итум-калинском и кистинском диалектах, а также в шатойском говоре глагольные формы с кратким дифтонгом «*уо*» имеют иные фонетические результаты по сравнению с литературной нормой. В отличие от литературного чеченского языка, где наблюдается преимущественно палатализующий тип модификации, в рассматриваемых диалектах фиксируется более сложный фонетический процесс, включающий не только палатализацию, но и дополнительное артикуляционное сужение вокалического сегмента. Вследствие этого краткий дифтонг «*уо*» подвергается комплексной трансформации, результатом которой становится переход к более узкому гласному «*уь*» (*уо*→*уь*), отражающий усиление переднерядных и узких артикуляционных признаков. Итоги данного процесса палатализации и сопутствующих фонетических изменений сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Формы прошедшего времени

Временные формы	Шатойский говор	Итум-калинский диалект
инфинитив	<i>xIyotma</i> «стать»	<i>xIyotma</i> «стать»
т. ч. прош. вр.	<i>xIyotmi</i> → <i>xIyutmi</i>	<i>xIyotmi</i> → <i>xIyutmi</i>
прош. оч. вр.	<i>xIyotтира</i> → <i>xIyutтира</i>	<i>xIyotтира</i> → <i>xIyutтира</i>
пр. неопр. вр.	<i>xIyоттина</i> → <i>xIуьттина</i>	<i>xIyоттина</i> → <i>xIуьттина</i>
давл. вр.	<i>xIyоттиниёра</i> → <i>xIуьттиниёра</i>	<i>xIyоттиниёра</i> → <i>xIуьттиниёра</i>

В аккинском диалекте, подобно литературному чеченскому языку, воздействие регрессивно-дистанционной ассимиляции, реализующейся посредством палатализирующего механизма, приводит к регулярным изменениям краткого дифтонга «уо» в форму «уоь» в ряде глагольных парадигм, что обуславливает результат, коррелирующий с литературным стандартом [1, с. 35]. Вместе с тем пхарчхойский говор, а также итум-калинский и кистинский диалекты и шатойский говор характеризуются иной направленностью фонетических изменений: в этих диалектах рассматриваемый дифтонг подвергается дополнительному артикуляционному сужению и реализуется как «уь»:

аккинский диалект	пхарчхойский говор
инф. <i>ьуолл-аь</i> «повесить»	<i>ьуолл-аь</i>
прош. неопр. вр. <i>ьуолл-и-н</i> → <i>ьуоьлл-анд</i>	<i>ьуолл-и-нд</i> → <i>ьуьлл-а-нд</i>
инф. <i>кхуосс-аь</i> «бросать»	<i>кхуосс-аь</i>
прош. неопр. вр. <i>кхуоссинад</i> → <i>кхуоьссанд</i>	<i>кхуоссинад</i> → <i>кхуьссанд</i>
инф. <i>дуотт-аь</i> «налить»	<i>дуотт-аь</i>
прош. оч. вр. <i>дуоттира</i> → <i>дуоьттара</i>	<i>дуоттир</i> → <i>дуьттар</i>
инф. <i>Iyотт-аь</i> «воткнуть»	<i>Iyотт-аь</i>
давл. вр. <i>Iyоттиндар</i> → <i>Iyоьттандар</i>	<i>Iyоттиндар</i> → <i>Iyуттандар</i>
чеченский язык	
инфинитив	прошедшее очевидное время
<i>ьуолл-аь</i> «повесить»	<i>ьуолл-и-на</i> → <i>ьуоьлл-и-на</i>
<i>кхуосс-аь</i> «бросать»	<i>кхуосс-ина</i> → <i>кхуоьсс-ина</i>
<i>дуотт-аь</i> «налить»	<i>дуоттира</i> → <i>дуоьттара</i>
<i>Iyотт-аь</i> «воткнуть»	<i>Iyоттиниера</i> → <i>Iyоьттиниера</i>

В чеберлойском диалекте краткий дифтонг «уо» в предшествующем (первом) слого (V₁) сохраняет свою первоначальную форму и не претерпевает изменений при образовании временных форм второй группы. В отличие от других диалектных разновидностей, где наблюдаются процессы палатализации или палатализации с сужением, в чеберлойском диалекте данный дифтонг сохраняет свою фонетическую стабильность. Этот факт свидетельствует о консервативных особенностях его звуковой системы:

инф. <i>дуотт-аь</i> «налить»	<i>дуолл-аь</i> «воткнуть»
т. ч. прош. вр. <i>дуотт-и-н</i> → <i>дуотти-н</i>	<i>дуолл-и-н</i> → <i>дуолли-н</i>
прош. оч. вр. <i>дуотт-и-ра</i> → <i>дуоттира</i>	<i>дуолл-и-ра</i> → <i>дуоллира</i>

В итум-калинском диалекте, так же как и в плоскостном диалекте чеченского языка, долгий дифтонг «уоь» при образовании временных форм второй группы подвергается фонетической трансформации, сочетающей палатализацию с артикуляционным сужением. Реализация данного процесса наиболее отчётливо проявляется в тех случаях, когда формообразующим элементом выступает аффикс «-и»:

инф. <i>дуоьл-аь</i> «привыкнуть»	<i>ьуоьз-аь</i> «взвесить»
т. ч. прош. вр. <i>дуоьл-и-н</i> → <i>дуььл-и-н</i>	<i>ьуоьз-и-н</i> → <i>ьуььзи-н</i>

Следует обратить внимание на то, что в лам-аккинском говоре, аналогично аккинскому диалекту чеченского языка, при образовании форм прошедшего времени долгий дифтонг «уоь» демонстрирует отклонение от ожидаемой модели фонетических изменений. Вместо комплексной модификации (палатализация с сужением с переходом в «уьь»), здесь фиксируется лишь палатализирующее воздействие (переход «уоь» в *уоьь*).

лам-аккинский говор	аккинский диалект
инф. <i>туḡхӡ</i> «ударить»	<i>туḡхӡ</i>
прош. оч. вр. <i>туḡхӡр</i>	<i>туḡхӡр</i>
прош. неопр. вр. <i>туḡхӡь</i>	<i>туḡханд</i>
давл. вр. <i>туḡхӡьдар</i>	<i>туḡхандара</i>

В шатойском говоре, как и в плоскостном диалекте, долгий дифтонг «уḡ» подвергается палатализации с сужением в присутствии суффиксального «и» в последующем слого. В случае утраты «и» в составе суффикса дифтонг «уḡ» испытывает лишь палатализацию (*уо*→*уоь*), без последующего сужения [9, с. 43]. Необходимо подчеркнуть, что в чеченском языке появление дифтонга «уоь» в подобных условиях обусловлено процессом закрытия слога.

В чеберлойском диалекте чеченского языка наблюдаем сохранение дифтонга «уḡ» в первом слого (*V*₁), что является одной из его характерных фонетических особенностей:

инф. <i>туḡхӡ</i> «ударить»	<i>дуḡжӡ</i> «упасть»
т. ч. прош. вр. <i>туḡхи</i> → <i>туḡх-и</i>	<i>дуḡжи</i> → <i>дуḡж-и</i>
прош. оч. вр. <i>туḡхира</i> → <i>туḡх-и-ра</i>	<i>дуḡжира</i> → <i>дуḡж-и-ра</i>

Проведённый анализ фонетических изменений дифтонгов «уо», «уḡ» при образовании форм прошедшего времени в итум-калинском диалекте чеченского языка позволяет сделать вывод. Установлено, что развитие данных дифтонгов определяется действием регрессивно-дистанционной ассимиляции, инициируемой гласным «и» в составе аффикса прошедшего времени. При этом характер реализуемых изменений зависит от совокупности морфонологических и позиционных факторов, включая слоговую структуру и расположение вокалического сегмента в пределах основы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсаханов И.Г. Чеченская диалектология. – Грозный, 1969. – 209 с.
2. Дешериев Ю.Д. Современный чеченский литературный язык. Часть I. Фонетика. – Грозный, 1960. – 121 с.
3. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. – Тбилиси, 1977. – 299 с.
4. Ирезиев, С.-Х.С.-Э. Сужение дифтонгов *ие*, *иё*, *уо*, *уḡ* при образовании временных форм в чеченском и ингушском языках / С.-Х.С.-Э. Ирезиев, Т.И. Усманов, А.Б. Денильханова // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6(85). – С. 460–463.
5. Ирезиев С.-Х.С.-Э. Морфонологические и фонетические особенности итум-калинского диалекта чеченского языка / С.-Х. С.-Э. Ирезиев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 12. – С. 4724–4731.
6. Саламова Р.А. Мелхинский говор чеченского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 1985. – 179 с.
7. Сосаева А.К. Некоторые особенности итум-калинского диалекта / А.К. Сосаева // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 3(35). – С. 43–53.
8. Тимаев А.Д. Чеченский язык. Фонетика / А.Д. Тимаев. – Грозный: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2011. – 207 с.
9. Тимаев А.Д. Шатойский говор горского диалекта чеченского языка в сравнении с плоскостным диалектом и итумкалинским говором. – Нальчик, 2009. – 257 с.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА НЕКРОВНОГО РОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Султыгова М.М.,

д-р филол. наук, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Умаев Р.М.,

соискатель отдела лексикологии и лексикографии
Института языка, литературы и искусства,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

Аннотация. В данной статье рассматриваются термины некровного родства ингушского языка, представляющие особую форму родственных связей и отношений. Цель работы состояла в изучении семантики единиц исследуемой терминосистемы, в проведении структурного и культурологического анализа представленных терминов и в выявлении специфических особенностей, характерных для них. В работе систематизирована лексика некровного родства современного ингушского языка (так называемые термины свойства), обозначающая отношения по факту заключения брака, включая, собственно, и непосредственную свойственную связь жениха и невесты, мужа и жены. Предпринята в отдельных случаях попытка этимологического анализа терминологических элементов. Особое внимание в статье уделено этнокультурным особенностям репрезентации картины мира, частотности употребления отдельных терминологических единиц и особенностям их употребления. В статье прослеживается происхождение терминов и смысловые изменения слов, обозначающих родственников, не связанных кровными родственными узами; выделены их лексико-семантические микросистемы. Особый интерес представляют, на наш взгляд, анализ влияния лингвокультурных традиций на формирование названий свойственников (некровных родственников). Настоящая статья будет представлять определенный интерес для специалистов, проводящих исследования в области прикладной и сравнительной лексикологии по кавказским языкам, а также этнолингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: ингушский язык, некровное родство, названия свойственников.

TERMINOLOGICAL VOCABULARY OF NON-CONSEQUENTIAL RELATIONSHIP IN THE MODERN INGUSH LANGUAGE

Sultygova M.M.,

Doctor of Philology, Head of the Department of Pedagogy and
Methodology of Primary Education,
Ingush State University

Umaev R.M.,

Ph.D. candidate, Department of Lexicology and Lexicography,
Institute of Language, Literature, and Art,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract. This article examines the terms for non-blood kinship in the Ingush language, which represent a distinct form of kinship ties and relationships. The aim of this work was to study the semantics of the units within the terminological system under investigation, to conduct a structural and cultural analysis of the presented terminological units, and to identify the specific features characteristic of them. This paper systematises the lexicon of non-blood kinship in the modern Ingush language (the so-called terms of affinity), which denote relationships established through marriage, including the direct affinity relationship between the bride and groom, and between husband and wife. In certain cases, an attempt has been made to conduct an etymological analysis of the terminological elements. The article pays particular attention to the ethnocultural characteristics of the representation of the worldview, the frequency of use of individual terminological units, and the specific features of their use. The article traces the origin of the terms and the semantic changes in words denoting relatives not linked by blood; their lexical and semantic microsystems are identified. In our view, the analysis of the influence of linguocultural traditions on the formation of terms for affinal relatives (non-blood relatives) is of particular interest. This article will be of particular interest to specialists conducting research in the field of applied and comparative lexicology of the Caucasian languages, as well as in ethnolinguistics and linguoculturology.

Keywords: Ingush language, non-blood kinship, names of relatives by marriage.

Термины родства, история возникновения которых в нахских языках относится к древнейшему периоду, характеризуются определенной исследованностью в ингушском языке. Однако термины некровного родства, возникающего в результате брака и называемые терминами свойства, остаются малоизученными в ингушском языкознании. В нашей работе речь идет, прежде всего, о терминах, характеризующих отношения между супругом и родственниками другого супруга, например: свекор, свекровь, деверь, золовка, тесть, теща, свояченица, шурин, свояк, зять, сноха, отчим, падчерица и т. п.

Исследование терминов родства, как кровного, так и некровного, носит междисциплинарный характер, так как требует комплексного анализа каждого термина: лингвистического, этнографического, социологического. Оно раскрывает структуру семьи, социальную организацию общества, нормы брака и культурные особенности восприятия родственных связей, включая прямые (поколения) и боковые линии. В отношении терминов некровного родства особо значимым является проведение их лингвокультурологического анализа, в том числе изучение того, как язык отражает культурные ценности, например, различие терминов по линии мужа и жены в ингушском языке, а также изучение эволюции терминов под влиянием социальных институтов.

Некоторые аспекты терминологии родства в нахских языках исследованы в работах А.Г. Мадиева [4], А.Д. Вагапова [1]. Термины родства в ингушском языке (с акцентом на кровное родство) рассмотрены в работе Э.Г. Оздоевой [6]. Однако терминология ингушского языка, связанная с некровным родством, до настоящего времени характеризуется малоисследованностью.

Следует отметить, что применительно к исследованиям в области терминологии обозначилась тенденция изучения терминов исходя из их принадлежности к определенным системам. Это обусловлено тем, что для понимания смыслового значения определенной терминологической единицы важно рассматривать ее исходя из системной организации лексического уровня языка и семантических отношений, характерных для конкретного языка [3:37].

Исследование термина как единицы системы «...обеспечивает более строгое в научном отношении изучение семантики отдельных терминов, способствует более точному, дифференцированному пониманию ее содержания» [2:76].

Основу системы терминов кровного и некровного родства современного ингушского языка составляет общенахская группа лексики. В этой связи вполне логично, что лексика кровного родства имеет значительное сходство в чеченском и ингушском языках.

Следует отметить, что некровные родственные отношения как юридически, так и социально отличаются от кровного родства. Кроме того, исследование терминологии родства позволяет понять, как менялась структура семьи от традиционной к современной и какие семейные связи являются приоритетными для конкретного народа.

Исследуемые нами термины некровного родства представляют собой совокупность названий отношений, которые возникают в результате заключения брака. В ингушском языке представлены специфичные названия родства, которые имеют терминологическую природу, обслуживают область языковой обрядовой коммуникации и являются метакоммуникативными знаками (метазнаками), вовлеченными в обрядовую лексику. Соответственно, данные понятия вступают между собой в определенные отношения.

Примечательно, что практически все термины некровного родства, за исключением названий «нейц» (зять), «нускал» (невеста), «мар» (муж), «сесаг» (жена), образованы в ингушском языке на основе терминов кровного родства. Следует отметить, что в терминологии родства в кавказских языках широко представлен термин «нус» (pus) «невестка» / «сноха», следовательно, данный термин имеет бесспорно индоевропейскую основу, проникшую в том числе и в кавказские языки.

Терминологическая лексика, обозначающая родственную принадлежность к той или иной стороне (стороне жениха/мужа или стороне невесты/жены), нами классифицирована на следующие группы:

- *устцIей* (родственники жены для мужа);
- *маьрцIей* (родственники мужа для жены).

У вайнахских народов (ингушей и чеченцев) родственники до седьмого поколения считаются одной крови и выходцами из одного дома: «*Цхъана цIийна нах*» (Люди одной крови) // «*Цхъана цIагIара хъабаьнна нах*» (выходцы из одной семьи (дома)). В ингушском языке слова «*цIа*» (дом), «*цIий*» (кровь), «*цIе*» (огонь), «*цIе*» (имя) являются однокоренными (общий корень – *цI*).

«*Цхъана цIенах хъабаьнна нах*» (Выходцы из одного дома), «*Цхъана цIийна нах*» (Одной крови люди), «*Цхъана цIагIара нах*» (Из одного дома люди) – это синонимичные определения людей, связанных близким родством. В современном ингушском языке для обозначения отдельной семьи употребляется термин «*дезал*» (семья).

По факту бракосочетания члены семьи жениха для невесты имеют общее название для всех родственников мужа «*маьрцIей*» (мужа родственники). При определении степени родства основным компонентом термина является слово «*мар*» (муж):

- *маьр-нана* «свекровь» (мужа мать);
- *маьр-да* «свекор» (мужа отец);
- *маьр-йиша* – золовка (мужа сестра);
- *маьр-воша* «деверь» (мужа брат);
- *маьр-воI* «пасынок» (мужа сын);
- *маьр-йоI* «падчерица» (мужа дочь);
- *маьр-даь йиша* «тетя мужа по отцу» (свекра сестра);
- *маьр-даь воша* «дядя мужа по отцу» (свекра брат);
- *маьр-даь нана* «бабушка мужа по отцу» (свекра мать);
- *маьр-даь да* «дедушка мужа по отцу» (свекра отец);
- *маьр-наьна нана* «бабушка мужа по матери» (свекрови мать);
- *маьр-наьна да* «дедушка мужа по матери» (свекрови отец);
- *маьр-наьна йиша* «тетя мужа по матери» (свекрови сестра);
- *маьр-наьна воша* «дядя мужа по матери» (свекрови брат);
- *маьр-даь веший воI* «двоюродный брат мужа по отцу» (свекра брата сын);
- *маьр-даь веший цоI* «двоюродная сестра мужа по отцу» (свекра брата дочь);
- *маьр-даь йиший воI* «двоюродный брат мужа по матери» (сестры сын);
- *маьр-даь йиший йоI* «двоюродная сестра мужа по матери» (свекра сестры дочь);
- *маьр-шуча* «двоюродный племянник или двоюродная племянница мужа»;
- *маьр-мохча* «троюродный племянник или троюродная племянница мужа»;
- *энгар* «жена мужа» (как бывшая ранее, так и последующая жена мужа);
- *кхы* «жена брата мужа» и т. п.

Интересными, на наш взгляд, являются взаимоотношения невесток «*несарий*» (жен родных братьев), соревнующихся в проявлении заботы и уважения к родителям мужа. Ингушская пословица гласит: «*Ши кхы цхъан вордатIа хийшайц, ши энгар – хийшай*» (Две снохи в одну арбу не уместились, а две жены одного мужа – сумели уместиться), что свидетельствует о соперничестве снох за право называться лучшей.

Члены семьи невесты/жены для жениха тоже имеют общее название «*устцIей*». В современном ингушском языке за термином «*уст*» (чеч. *сту*) сохранились значения «вол», «бык». По поводу этимологии данного слова имеются различные точки зрения, однако, мы склонны утверждать, что произошло оно от слова «*бустам*» (мера), которой определяли размер выкупа или калыма за невесту (количество быков): *дуста*, *буста*, *йуста* «измерять», в которых звуки *д*, *б*, *й* – классные показатели.

В современном ингушском языке практика употребления архаичной основы «*уст*», употреблявшейся в значении «жена», представляется интересной – она используется весьма активно для образования терминов родства по линии жены:

- *уст-нана* «теща» (жены мать);
- *уст-да* «тесть» (жены отец);

- *уст-йиша* «свояченица» (жены сестра);
- *уст-воша* «жены брат» (шурин);
- *уст-даь нана* «бабушка жены по отцу» (жены отца мать);
- *уст-даь воша* «дядя жены по отцу» (жены отца брат) и т. п.

Мы склонны допускать, что терминология родства и половая терминология домашних животных, возможно, развивались в непосредственном взаимодействии друг с другом, так как рассматриваемая терминология складывалась в дородовую эпоху. Тогда названия животных могли быть использованы в качестве половых определителей, имевших первоначально значение возвратных детерминативов, которые позднее применялись и к социальным категориям [7: 63]. Более того, Оздоева Э.Г., касаясь этимологии термина «уст», также отмечает: «Проанализировав данный термин в нахских языках и диалектах, мы пришли к выводу, что здесь выделяется общекорневая основа иберийско-кавказских языков «ст, т, с, п», как в терминологии родства, так и в названиях животных» [6:12].

В подтверждение состоятельности вышеуказанной точки зрения свидетельствуют представленные в ингушском языке термины – обозначения женщины: *сесаг* «жена» (*се* – женского рода/самка, *саг* – человек); *кхалсаг* «женщина» (*кхал* – женского рода/кобыла, *саг* – человек), относящиеся к общенахскому лексическому фонду.

Примечательно, что для обозначения понятий «дети жены от предыдущего брака» в ингушском языке не существует специальных терминов, это родство передается описательным способом:

- «*кхычахьа маьре хиннача даь бераиш*» (дети, рожденные в период нахождения в другом замужестве / дети от другого брака);

- «*кхычахьа маьре хиннача ваь воI*» (сын от другого брака);

- «*кхычахьа маьре хиннача яь йоI*» (дочь от другого брака).

Отсутствует в ингушском языке и обозначение понятия «сводные братья или сестры по матери», которое также передается описательным способом – *нана цаI йолаш ба / цхьан нанас баь ба* «у них одна (общая) мать» // «рождены от одной матери». Однако для обозначения родства между детьми, рожденными от одного отца, имеются собственные термины: кроме описательных названий *цхьан даьна баь ба* // *да цаI волаш ба* «рождены от одного отца» // «имеют одного отца», в современном ингушском языке представлены термины: *даьна ваь воша* «брат по отцу» (рожденный от общего отца), *даьна яь йиша* «сестра по отцу» (рожденная от общего отца).

Термины *воша* «брат» и *йиша* «сестра», кроме всего указанного, являются компонентами сложного термина *йиш-вош*, обозначающего общее понятие родства, как кровного, так и некровного родства: *Цечошца йиш-вош да тха* «Мы породнены с Цечоевыми»; *Йиш-вош леладеи нах ба уж* «Они придерживаются родства» и др.

Отсутствие терминов родства между мужем и детьми его жены от другого брака обусловлено, на наш взгляд, культурно-историческими традициями прошлой эпохи, когда ингушка, воспитывающая детей – «*бераиш кхоабаш ягIа саг*» (женщина, содержащая одна детей) / «*бераиш дола саг*» (женщина, имеющая детей), не могла выйти замуж повторно. В этом случае ей необходимо было отдать детей родственникам мужа (даже если отца детей не было в живых) – «*даьшка бераиш дIадала*», и лишь затем разрешалось заводить новую семью.

Таким образом, термины родства ингушского языка выражают национальную культуру ингушей посредством системы взаимосвязанных элементов, в которых представлены как современные лингвознаки, так и знаки общенахского уровня.

Словарный состав терминологии родства, связанного с образованием новой семьи, в ингушском языке характеризуется своеобразием, определяемым целым рядом родственных отношений. Именно эта особенность непосредственно влияет на частотность их употребления. Вместе с тем следует отметить, что большая часть ингушских терминов некровного родства являются многокомпонентными единицами, состоящими из слов общеупотребительной лексики и имеют описательный характер. Как отмечают исследователи, термины составляют часть лексической системы языка и, как любое слово, они обладают характерными для

лексических единиц признаками, в том числе потенциальными возможностями таких системных отношений, как полисемия, антонимия, синонимия и омонимия [5:16].

Каждая терминологическая группа исследуемой терминосистемы использует практически однородный лексический состав, но не теряет при этом своей семантической обособленности. Данный фактор обусловлен условиями их функционирования в современном ингушском языке, а также формами и целями их употребления в речи.

Рассматриваемый лексический фонд, касающийся некровных родственных отношений, характеризуется устойчивостью в употреблении в современном ингушском языке во всех стилях речи. Единственным фактором, в какой-то степени влияющим на активность употребления терминов некровного родства в современном ингушском языке, являются причины социального характера – наличие статусов «жениха» и «невесты», «мужа» или «жены», поскольку именно эти статусы становятся определяющими в коммуникации после ритуалов сватовства и бракосочетания в отношении обретения новых родственных отношений.

Нам представляется целесообразным дальнейшее изучение названий родства, обусловленных бракосочетанием, так как это позволит, несмотря на описательный характер многих лексических единиц и представленность в них значительной части общеупотребительной лексики, расширить представления об ингушской обрядности и особенностях историко-культурной свадебной традиции ингушей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагапов А.Д. Этногенез чеченцев с точки зрения языкознания // Вестник Академии наук ЧР. – Грозный, 2006. № 4. – С. 61–73.
2. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
3. Ли Е.В. Сопоставительный анализ системы терминов родства в русском и корейском языках // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). – С. 36–39.
4. Мациев А.Г. Очерки лексикологии современного чеченского языка. – Грозный, 1973. – 146 с.
5. Молодец В.Н. Некоторые проблемы терминологической синонимии // Термин и слово. – Горький, 1983. – С. 11–21.
6. Оздоева Э.Г. Лексика родства в ингушском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2007. – 23 с.
7. Султыгова М.М. Сельскохозяйственная лексика ингушского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. – Махачкала, 2012. – 344 с.

УДК 811.351.4

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ИНГУШСКОГО ГЛАГОЛА

Хаджиева М.М.,

аспирант кафедры ингушского языка, старший преподаватель

Института иностранных языков и регионоведения

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Хаджиева Л.М.,

старший преподаватель Института иностранных языков и регионоведения

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена исследованию особенностей функционирования аналитических форм глагола ингушского языка в аспекте проявления ими темпоральных значений. В работе рассмотрена темпоральность как универсальная категория любой языковой системы, теоретические основы ее изучения и способы ее выражения, основным из которых является грамматическая категория времени. В парадигме времени ингушского глагола представлены аналитические граммемы, относящиеся к зонам прошедшего, настоящего и будущего. Они состоят из причастно-деепричастных форм настоящего и прошедшего времени и вспомогательных глаголов в соответствующей темпоральной форме. В зоне прошедшего времени нами выделены аналитические формы импективной и перфектной серии. В состав первых, выражающих значение длительности, незавершенности действия, входят вспомогательные глаголы прошедшего времени несовершенного вида; в состав вторых, актуализирующих значение завершенности процесса, – служебные глагольные элементы в форме перфекта и плюсквамперфекта. В зоне настоящего времени мы отметили такие формы аналитического характера, как континуатив (продолжительность действия), прогрессив (совершение действия в момент речи) и ритив (периодичность действия). В зоне будущего времени мы рассмотрели следующие аналитические граммемы: континуативный футурум, результативный футурум и квалификативный футурум, к общим значениям которых относятся будущее время, гипотетичность действия, следование действия моменту речи. В результате проведенного анализа сделаны выводы о том, что семантические значения, выражаемые аналитическими формами, относящимися к разным темпоральным зонам, зависят от грамматического времени причастно-деепричастного компонента, вида и формы служебного глагола.

Ключевые слова: темпоральность, ингушский язык, аналитическая форма глагола, прошедшее время, настоящее время, будущее время.

ANALYTICAL FORMS OF EXPRESSION OF THE TEMPORAL MEANINGS OF THE INGUSH VERB

Khadzieva M.M.,

postgraduate student of the Ingush language department,

senior lecturer at the Institute foreign languages and regional studies

Ingush State University

Khadzieva L.M.,

senior lecturer at the Institute foreign languages and regional studies

Ingush State University

Abstract. The proposed article is devoted to the study of the functioning of the analytical forms of the Ingush verb in terms of their temporal meanings. The article examines temporality as a universal category of any language system, the theoretical foundations of its study, and the ways of its expression, the main of which is the grammatical category of time. The paradigm of time in the Ingush verb includes analytical grammemes related to the zones of the past, present, and future. They consist of participial and gerundial forms of the present and past tenses and auxiliary verbs in the corresponding temporal form. In the past tense zone, we have identified the analytical forms of the imperfective and perfective series. The first group, which expresses the meaning of duration and incompleteness of an action, includes auxiliary verbs of the past tense in the imperfective aspect; the second group, which expresses the meaning of completion of a process, includes auxiliary verb elements in the perfective and pluperfective aspects. In the present tense zone, we have identified analytical forms such as the continuative (duration of an action), the progressive (action occurring at the moment of speech), and the rititive (recurrence of an action). In the future tense zone, we examined the following analytical grammemes: the continuative future, the resultative future, and the qualifying future, which have the general

meanings of future tense, hypothetical action, and action following the moment of speech. Based on the analysis, we concluded that the semantic meanings expressed by analytical forms belonging to different temporal zones depend on the grammatical tense of the participle-gerund component, the aspect, and the form of the auxiliary verb.

Keywords: temporality, Ingush language, analytical verb form, past tense, present tense, future tense.

Темпоральность – облигаторный признак любой языковой системы. Это понятие охватывает корпус грамматических и лексических средств, выражающих временные отношения в пределах синтаксических единиц. А.В. Бондарко считает темпоральность функционально-семантической категорией, «ядром» которой является грамматическое время [4, с. 492–505].

О.В. Дубровская указывает на взаимосвязь между темпоральностью и языковым временем, отмечая, что темпоральность служит для локализации событий во временном плане по отношению к речевому действию. Как считает автор, морфологически это явление реализуется через грамматическую категорию глагольного времени [7, с. 312-1].

Н.М. Барахоева, разделяя мнение А.В. Бондарко, центром понятия темпоральности также признает систему грамматических форм времени, а периферическими компонентами этой функционально-семантической категории – лексические и синтаксические средства выражения временных отношений [2, с. 53]. Соответственно, главным средством актуализации темпоральных признаков высказывания считается категория грамматического времени глагольной части речи [2, с. 55].

Грамматическое время глагола устанавливает связь глагольного действия с моментом речи [1, с. 188], выражая совпадение высказывания с коммуникативной ситуацией либо отдаляя его от момента речи.

По дефиниции Т.В. Жеребило, время – это морфологическая категория глагола, которая отражает отношение процесса или действия к моменту его совершения путем применения форм, функционирующих в зоне настоящего, прошедшего и будущего [8, с. 65].

«Временные отношения» глагольных действий характеризуются еще и как тип проявления временного дейксиса, включающего в себя граммы настоящего, прошедшего и будущего [2, с. 56]. В ингушском языке эти граммы образуются синтетическим или аналитическим способом. В связи с недостаточной исследованностью проблемы функционирования аналитических форм глагола ингушского языка в данной статье мы рассмотрим особенности выражения темпоральных значений ингушского глагола аналитическим способом, поскольку аналитические граммы занимают существенное место в парадигме спряжения глагольной части речи, реализуя в синтаксических конструкциях предикативную функцию.

Аналитические формы глагола ингушского языка по своей структуре состоят из причастно-деепричастной формы смыслового глагола настоящего времени несовершенного вида (*кхоссаш* – «бросая, бросающий»; *дувцаш* – «рассказывая, рассказывающий») или прошедшего времени совершенного вида (*кхесса* – «бросив, брошенный»; *дийца* – «рассказав, рассказанный») и одного из вспомогательных элементов [3, с. 5]. В современном ингушском языке выделяются следующие глаголы, выступающие в функции вспомогательных: *да* (*в, й, б*) – «быть (есть)»; *хила* – «быть, становиться»; *далла* (*в, й, б*) – «находиться, пребывать»; *латта* – «стоять»; *дала* – «становиться» [там же]. Для реализации различных темпоральных и обусловленных ими дополнительных семантических значений используются разные комбинации причастно-деепричастных компонентов основных глаголов и вспомогательных глагольных элементов в соответствующих временных формах.

Так, в зоне прошедшего времени аналитические формы подразделяются на имперфективные и перфективные; первые состоят из причастно-деепричастной формы несовершенного вида в качестве основного компонента, а вторые – из причастно-деепричастной формы совершенного вида [2, с. 64]. Имперфективные аналитические формы обладают семантическим значением продолжительности, незавершенности действия в прошлом, которое подчеркивается и вспомогательными глаголами прошедшего времени несовершенного вида: *да* – *дар* (*в, й, б*) – «был», *хила* – *хулар*, *хилар* – «становился, стал, был,

бывал», *далла* – *доаллар* (в, й, б) – «находился, пребывал», *латта* – *латтар*, *лаьттар* – «стоял»: *Цу хана, гонна юкье, цхьана халхабувлаш бар керда хьаьшеи, фусамнана Наталья Игнатьевнаи*. – «В это время в центре круга вместе **танцевали (танцующими были)** новый гость и хозяйка дома Наталья Игнатьевна» [12, с. 498]. *Цхьанна а секунда сатийна а воацаи, цига мел дола адам а, гьулакх а зувш вар Тийсе Зоврбик*. – «Ни на секунду не расслабляясь, Тийсиев Заурбек **наблюдал (наблюдающим был)** за всеми людьми и всем, что там происходило» [там же]. *Яжаи йоаллар клай говра додача хин йисте*. – «Белая лошадь **паслась (пасшаяся находилась)** у реки» [9, с. 83]. *Эргаювлаш лестаи, ахканга тессаи са, члоагьлуш латтар денна цунна хлара гла*. – «Меняясь и обновляясь, мечтая о лете, день ото дня **твердел (твердея, стоял)** каждый его листок» [5, с. 52]. Помимо значений длительности, незавершенности действия в прошлом, имперфектные аналитические формы несовершенного вида актуализируют также сему временной локализованности коммуникативной ситуации.

Имперфективные формы со служебным глаголом *хулар* выражают многократность, повторяемость, длительность одного и того же действия в прошедшем времени. Эта семантика может дополняться лексическими средствами со значением постоянства: *даим* – «всегда», *массахана* – «все время», *массаза* – «постоянно, каждый раз» и т. п. Пример: *Уж массаза «Кхимартле» леш хулар, даим ха дераи а, боахама гьулакхаи леладераи а бар уж*. – «Они **постоянно оставались (оставаясь бывали)** в «Кхимарте», это были те, кто **всегда** стоял на страже, и те, кто занимался бытовыми вопросами» [12, с. 517].

Аналитические формы перфектной серии состоят из причастно-деепричастных форм основного глагола и вспомогательных глаголов в перфекте и плюсквамперфекте. Аналитический перфект, состоящий из причастно-деепричастной формы несовершенного вида и служебных глаголов *хиннад* (в, й, б), *даьллад* (в, й, б) и *лаьттад* (в, й, б) реализует значение предшествования длящегося действия в отдаленном прошлом. Пример: *«Эхь дейнача сага юхь санна, члогла хилба», – оалаи хиннад цар, цой говра ховха букь*. – «Чтобы была крепкой, как лицо человека, потерявшего стыд», – **говорили (говоря бывало)** они про мягкую спину своего коня [5, с. 51]. Пример: *Бларча шера ценои доттаи ваьллав цун воиша*. – «Его брат целый год **строил (строая занимался)** дом». Пример: *Ахкан дийнахьа базар тла йодаи лаьттай цхьа кхалсаг*. – «В летний день одна женщина **шла (идущая стояла)** на базар».

Перфект аналитической структуры, основным элементом которого является причастно-деепричастная форма прошедшего времени совершенного вида, маркирует также сему результативности действия. Форма со служебным глаголом *хиннад* (в, й, б) обладает еще и эвиденциальным значением заглазости действия. Пример: *Цкьа чарахьий хьунагла баха хинннаб*. – «Однажды охотники, **говорят, пошли (ушедшие были)** в лес» [6, с. 223]. Пример: *Цхьан цлихезача кьонахчун дикеи хозеи йол кхийна хиннай*. – «У одного известного мужчины, **говорят, выросла (выросшая была)** хорошая и красивая дочь» [там же, с. 232]. Пример: *Хьалха члоагла лоархлай хиннад кавказхоиша хьоашал, доттаглал*. – «Раньше кавказцы, **говорят, особо ценили (ценимые были)** гостеприимство, дружбу» [12, с. 500].

Аналитический плюсквамперфект имеет несколько форм, состоящих из причастно-деепричастных форм основного глагола и вспомогательных глаголов, маркером которых является аффикс *-дар* (в, й, б): *хиннадар* (в, й, б), *даьлладар* (в, й, б) и *лаьттадар* (в, й, б). Плюсквамперфект обозначает предшествование более отодвинутого в прошлое действия другому действию в прошлом [2, с. 71]. Пример: *Цхьаккхача ялатах, кла из дале а, хьажкла яле а, хам беи хиннавацар цхьа саг*. – «Один человек, **говорят, не ценил (не делающий цену был)** никакой хлеб, будь то пшеница или кукуруза» [6, с. 285]. Как и перфект, аналитический плюсквамперфект актуализирует такие значения, как удаленность действия от момента речи, эвиденциальный признак заглазости действия, длительность, незавершенность процесса (для причастно-деепричастной формы несовершенного вида), а также результативность действия (для причастно-деепричастной формы совершенного вида). Пример: *Хьалхагла длакхьача говрбаьреша дладийца хиннадар Элеонорай говр кьаьхка хиларах*. – «Добравшиеся раньше всадники, **оказывается, рассказали (рассказанным было)**, что лошадь Элеоноры понеслась» [12, с. 184]. Пример: *Юхе мел дисачунга хьажача, из иман долаи хиларах, Далла*

лаьрхIа хиннадар, цунна талазар ца а деш, ялата хам бовзийта. – «Поскольку он во всем остальном был порядочным человеком, Бог **решил (решенным было)** его не наказывать, а научить ценить хлеб» [6, с. 285].

Основным семантическим значением аналитических форм ингушского глагола настоящего времени считается совпадение с моментом речи или «включение» момента речи в коммуникативную ситуацию [11, с. 265]. В зоне настоящего времени глагола ингушского языка выделяются несколько граммем, которые образуются от причастно-деепричастной формы настоящего времени несовершенного вида и служебных глаголов в презенсе: *да* (в, й, б), *хул*, *доалл* / *доахк* (в, й, б), *латт*. При комбинировании причастно-деепричастных форм смысловых глаголов и представленных вспомогательных элементов в пределах аналитической формы презенса учитываются такие характеристики смысловых глаголов, как переходность / непереходность, многократность / однократность и др.

Аналитические граммеы настоящего времени, вслед за Н.М. Барахоевой, мы называем следующим образом: форму на *да* (в, й, б), выражающую продолжительность действия, – континуативом; форму на *далла* (в, й, б) и *латта*, актуализирующую происходящий в данный момент процесс, – прогрессивом; форму на *хул* – раритивом, так как она отображает действия, совершаемые с некоторой периодичностью [2, с. 110]: *Кильг клала уллаш я са новкъост-топ.* – «Под рукой **лежит (лежащий есть)** мой товарищ – ружье» [9, с. 95]; *Жлале портрет дуллаш воалл.* – «**Рисует (рисующий находится)** портрет собаки» [10, с. 450]; *Маьрклижа ха, яшаи, дIайоалаи латт...* – «Время сумерек **тает, проходит (тая, проходя, стоит)...**» [9, с. 72]; *Па санна, юха хувцабалий хаоттам, ШоллагIча дийнахьа малх хьежаи хул.* – «Как сон, поменялась погода. На следующий день **обычно светит (светящимся бывает)** солнце» [там же, с. 101].

В целом, аналитические формы презенса проявляют такие семантические признаки, как совпадение с моментом речи, актуальность действия (континуатив); локализованность ситуации во времени, очевидность процесса (прогрессив); совпадение с обобщенным моментом речи, периодическая повторяемость действия, проявление обобщенных процессов (раритив); завершенность действия, ставшего состоянием субъекта или объекта, предшествование моменту речи (результатив).

В зоне будущего времени темпоральной системы ингушского глагола мы рассматриваем три граммеы аналитического характера: континуативный футурум, состоящий из причастно-деепричастной формы настоящего времени несовершенного вида основного глагола и служебного глагола будущего времени *хургда* (в, й, б) (*тешаи хургба* – «будут верить (верящие будут)»); результативный футурум, в составе которого причастно-деепричастная форма прошедшего времени совершенного вида и вспомогательный глагол *хургда* (в, й, б) (*хаза хургда* – «услышат (будет услышанным)»); квалификативный футурум, образованный от причастно-деепричастной формы будущего времени несовершенного вида смыслового глагола и служебного глагола *да* (в, й, б) в презенсе (*кхетаргволаи ва* – «поймет (поймущий есть)»). К общим значениям этих граммем футурума можно причислить будущее время, гипотетичность действия, следование действия моменту речи.

Особенными значениями континуативного футурума являются временная локализованность, незавершенность и продолжительность действия; эта семантика содержится в причастно-деепричастной форме несовершенного вида: *Цхьа бутт баьлча деша ухаи хургда бераи.* – «Через месяц дети **будут ходить (ходящие будут)** на учебу»; *КIалабуллаи цхьа мотт хургба, тIабуллаи цхьа ювргIа хургба!* – «**Подкладывая (подкладываящим будет)** будут один матрац, **укрываться (укрывающим будет)** будут одним одеялом!» [12, с. 232].

Специфическим значением результативного футурума можно считать завершенность действия в будущем; это значение реализуется причастно-деепричастной формой прошедшего времени совершенного вида: *БIаьсти яьлча бераи дийрза хургда.* – «Когда наступит весна, дети **поправятся (поправившимися будут)**».

Особенная семантика квалификативного футурума заключается в потенциальной возможности или способности выполнения действия в будущем, и эта граммема будущего времени характеризует способность или состояние субъекта действия: *Кхоана лоа делхаргдолаш да.* – «Завтра пойдет (пойдущий есть) снег»; *Хьехархо хургволаш ва* из. – «Он станет (станущий есть) учителем»; *Маца г1оргволаш ва хьо Наьначе?* – «Когда ты пойдешь (пойдущий есть) в Родимую?» [12, с. 514].

Таким образом, мы рассмотрели темпоральные значения аналитических форм глагола ингушского языка. Как видно из предложенного анализа, граммемы аналитического характера широко представлены в парадигме спряжения ингушского глагола во всех временных зонах – прошедшего, настоящего и будущего. Выражаемые аналитическими формами темпоральные значения зависят от формы причастно-деепричастного элемента, а также выбора и формы вспомогательного глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: учебник / В.Г. Адмони. – М.: «Просвещение», 1986. – 336 с.
2. Барахоева Н.М. Грамматические формы и категории глагола. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011. – 312 с.
3. Барахоева Н.М. Структурно-типологическая характеристика форм прошедшего времени ингушского и немецкого языков: автореферат дис. кандидата филологических наук. – Москва, 1993. – 18 с.
4. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: «Наука», 1984. – 136 с.
5. Газдиева Э. Наьна дулаш: Стихаш г1алг1ай меттала. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2014. – 108 с.
6. Дахкильгов И.А. Мудрые наставления наших предков. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 360 с.
7. Дубровская О.В. Категория темпоральности // IX международная научно-практическая конференция «Современные тенденции и инновации в науке и производстве». 15 апреля 2020. 312-1 – 312-3.
8. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и дополн. Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
9. Коазой 1. Дог1ан мукъам. Стихаш // Кодзоева А. Музыка дождя. Стихи. – Назрань: ООО «КЕП». 2012. – 232 с.
10. Кодзоев И.А. «Нынче зăма такая...» (дувцарий, ийлай, нигатий гуллам). – Ростов-на-Дону: Лаки Пак, 2016. – 696 с.
11. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
12. Чаккиев К.О. Моакхаза лоамаш. Стихи, поэма, рассказы, роман (на ингушском языке). – АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2024. – 576 с.

УДК 821.3

Н.У. ЯРЫЧЕВН ПОЭЗИН ИСБАЪХЪАЛЛИН БАШХАЛЛАШ

Хазуева Б.А.,

филологин Илманийн кандидат, нохчийн филологин кафедрин доцент,
Нохчийн пачхьалкхан хьехархойн университет
e-mail: baretk@mail.ru

Аннотаци. Аннотаци. Статъя тIехь нохчийн поэтан Ярычев Насрудинан поэзин исбаъхъаллин башхаллаш толлу. Гайтина, цуьнан байтийн синхааман алар риторически тIедерзорна а, кхайкхамашна а, шатайпанчу доIанан интонацина а тIехь кхоьллина хилар. Цуьнан поэтически кхолларалли тIехь шатайпана меттиг дIалоцу Iаламан а, виначу мехкан а символически васташа: цара лирически фон кхоьллина ца Iаши, изсаца а, жоьпаллица а, оьздангаллица а доьзна мехаллин маьIнаш кхийдадо. Билгалдоккху, Ярычевн поэтически мотт кхета атта а, цуьнца цхаьна шеггахь йоккха философи йолуш а хилар: билгал, кьамел деш санна буйьцу мотт цхаьнабогIу лирически аларан хотIаца. Таьххъара жамI до, авторан поэтикехь кеп: композици а, интонаци а, гайтаран гIирсаи а, ладам болуш, гIиллакх-оьздангаллин агIор текст дIахазийтарна чулацамна муьтIахь йина.

КьортIа дешинаш: Н.У. Ярычев, исбаъхъаллин башхаллаш, мифологизм, психологизм, кьоман ламаст, поэтика.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ Н.У. ЯРЫЧЕВА

Хазуева Б.А.,

канд. филол. наук, доцент кафедры чеченской филологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация. В статье анализируются художественные особенности поэзии Насрудина Ярычева. Показано, что эмоциональная выразительность его стихов строится на риторических обращениях и призывах, системе повторов и характерной интонации мольбы. Особое место занимают символические образы природы и родного края: они не только создают лирический фон, но и передают ценностные смыслы, связанные с памятью, ответственностью и нравственным выбором. Отмечается, что поэтический язык Ярычева одновременно прост и философичен: ясная, разговорно окрашенная речь сочетается с обобщениями и внутренней сосредоточенностью лирического высказывания. Делается вывод, что в поэтике автора форма принципиально подчинена содержанию: композиция, интонация и выразительные средства служат прежде всего усилению нравственно-этического звучания текста.

Ключевые слова: Н.У. Ярычев, художественные особенности, мифологизм, психологизм, кьоман ламаст, поэтика.

ARTISTIC FEATURES OF N.U. YARYCHEV'S POETRY

Khazueva B.A.,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Chechen Philology,
Chechen State Pedagogical University

Abstract. The article analyzes the artistic features of the poetry of Насрудин Ярычев. It shows that the emotional intensity of his verse is shaped by rhetorical addresses and appeals, a system of repetitions, and a characteristic supplicatory intonation. Symbolic images of nature and the native land occupy a special place: they not only create a lyrical backdrop but also convey value-laden meanings connected with memory, responsibility, and moral choice. The study notes that Yarychev's poetic language is both simple and philosophical: clear, colloquial-tinged speech is combined with generalization and the inner concentration of the lyrical utterance. The article concludes that in the author's poetics, form is fundamentally subordinate to content: composition, intonation, and expressive devices primarily serve to intensify the poem's moral and ethical resonance.

Keywords: N.U. Yarychev, artistic features, mythologism, psychologism, q'oman lamast, poetics.

Нохчийн кьоман хIинцалера литература чолхе а, дуккха а агIонаш йолу а хилам бу, шена чохь кьоман поэзин ламасташ а, оьрсийн а, дуьненайукъара а литературин тIелаткъамаш а вовшашца уьйр латтош болу. Оцу контекстехь кьаьсттана тидам тIебахийта беза шен поэзи

лакхарчу философски а, исбаъхьаллин а хьалца, синхаамийн кӀоргаллица, шатайпанчу суьрташца къаьсташ йолчу поэтан, публицистан, Илманчин Ярычев Насрудин Увайсовичан кхоллараллина. Цуьнан произведенийн анализ йича гучуйолу авторан исбаъхьаллин дуьненан шатайпаналла а, йукъараллин а, личностни а проблемех болу цуьнан кхоллараллин кхетам а, къоман культурин мехаллаш вовшашца йозуш хилар а.

Ярычев Насрудин поэзин исбаъхьаллин дуьне кхоллало философски ойлайар а, граждански синкхетам а, исторически а, синан а зеделларг а вовшахкхетарца. Поэтан произведенешкахь гучуйолу шатайпа поэтика, ларйина интонација а, маӀнин хьал долуш хиларца а, йешархочуьнца чохьхара диалог йан лаамца а билгалйолуш йолу.

Ярычев Насрудин поэзина билгалйо йу медитативни лирика алсам хилар, шена чохь араьхара гӀуллакхо ойлайарна а, гӀиллакх-обздангаллин харжамна а, дуьненанах кхетарна а меттиг луш йолу. Лирически субъект дӀакъаьстина тергамхо санна лелаш ца хуьлу, иза дӀахьош болчу хиламашна чувоблла хуьлу, стихашна мукӀарло деш. Автор ларло гуш йолчу эмоцин пафосах, цунна гӀоле хета философски тидам тӀебахийтар а, аларан чохьхара ницкъ а.

Коьртачу исбаъхьаллин башхаллех цхьаь йу поэтически аларан боцца чулацам, амма лакхара маӀна долуш хилар. Шуьйра васт ца хиларх а, Ярычев Насрудин стихотворенеш хьал долуш йу подтексташца а, символашца а, ассоциативни зӀенашца а. Цу гӀуллакхо аьтто бо йешархочун текст тӀеэцна ца Ӏаш, цуьнан маӀна шордарехь дакъалаца а.

Ярычев Насрудин поэзехь ладаме меттиг дӀалоцу заманан, изсийн, тийналлин, ларан, некийн, буйсанан, Ӏуьйренан символийн буха тӀехь хӀоттийнчу вастийн системо. И суьрташ философски категореш санна болх беш ду, лирически турпалхочун чохьхара хьал а, церан дуьненца йолу йукъаметтиг а гойтуш. Ӏаламан а, меттиган а суьрташ, шен роӀехь, дукха хьолахь метафорически маӀна долуш хуьлу, индивидуальни экзистенциалан хьал дӀакхачоран гӀирс санна гӀуллакх деш.

Поэтан поэтически мотт къаьсташ бу шен лахара экспресси хиларца. Авторна гӀоле хета цхьалха, амма маӀнин кӀаргалла йолу дешнаш, чолхечу метафораш а йоцуш шайца. Оцу меттан башхаллаша байтийн философски тӀеӀаткъам чӀагӀбо, церан чохьхара драматурги чӀагӀйо. Байтийн синтаксис дукха хьолахь догӀачу дешнийн цхьаьнакхетаршна а, соцунгӀашна а, риторически кхайкхамашна а тӀехь кхоьллина йу, меллаша, ойла йеш йолчу ритман эффект кхуллуш.

Ярычев Насрудин исбаъхьаллин ойлайаран башхалла йу цуьнан поэтически дешнийн кхетош-кхиоран агӀо. Поэтан стихашкахь къеггина гойту адаман жопаллех кхета лаам – изсана а, историна а, ша виначу махкана а, ша-шена а хьалха. Оцу билгалоно авторан поэзина нийсо а, чохьхара цхьаалла а ло, философски а, граждански а, личностни а мотиваш цхьаьнатухуш цхьана исбаъхьаллин системе.

Цу тайпана, Ярычев Насрудин Увайсовичан произведенийн исбаъхьаллин билгалонаш билгалйоху философски кӀоргаллица, йоцгачу кепашца, символически васташца, лахарчу экспрессица. Оцу башхаллаша дика таро ло цхьацца йолу стихаш кхин а кӀорггера талла, цуьнан поэтически кхоллараллехь билгалчу исбаъхьаллин приемийн, вастийн, мотивийн анализ йарна тӀе дӀадаха аьтто беш.

Ярычев Насрудин философски-пейзажни лирикина йукъа йогӀу «Октябрьский тлен» цӀе йолу стихотворени. Оцу стихотворенехь поета къеггина гойтуш йу шен поэтически ойлайаран билгалонаш: вастийн символизм а, медитативни интонаци а, заманан экзистенциальни кхетам а:

«Легкокрыл, досыхающий лист.
Беспощадна игра позолоты.
Неба вздох равнодушен и мглист,
И охвачен свинцовой икотой.

Эхо жадно сошло на скамью,
Растворилось струей быстротечи.
Подступает ордою ко дню

Осмелевший от ярости вечер» [4, а. 32].

Стихотворени тЕхь пейзаж готгачу маЫнехь йац. Гуьйренан Іалам лирически синкхетаман чохьарчу хьолан гайтам хуьлу. Дайн тЕмаш долу гІашший васто гойту дахаран экамалла а, чаккхе хилар а. Цуьнца цхьаьна авторо чІагІдо хуьлуш дерг ларамаза хилар: гуьйренан хазалла эшаман а, чаккхе хиларан а символе йоьрзу. Стихотворени тЕхь къаьсттана тидам тЕбохуйту йеза а, ницкъ баран а атмосфера кхолларна. «Свинцовой икоты» метафоро кхуллу ницкъ бечу меттиган синхаам, шена чохь ур-атталла дуьненан са а лазама а, Іазапехь а хеталуш болу. Кхузахь стигал лекха а, сирла а йац, амма бен доцуш а, бодане а йу. Цу тЕхь гучуйолу авторан шен амалехь йолу философски позици: адам цхьа а синтем боцуш, шен хаттаршна жобпаш а ца карош долчу дуьненахь ду.

Вастийн кхин дІа а кхиар доьзна ду заманан мотивца а, цуьнан хІаллакдаран ницкъаца а. «Растворилось струей быстротечи», «Подступает ордою ко дну» могІанашкахь суьйре денна тЕхІуттуш болу кІоршаме ницкъ санна гойту. Хенан дозанаш дІадовлу, серлонера бодане дерзар драматически дека. Иза йеккъа цхьа де хийцадалар дац, иза дахаран цхьа дакъа дІадаларан метафора йу.

«Легок сумерек приторный жар.
Сердце пламенем грусти объято.
На макушках деревьев пожар
Прорывается в лоно заката.

В пелене шелкопрядных теней
Вдруг мелькнули осенние звёзды.
Мятый сон оголённых ветвей
Возмущается окликом грозным...» [4, а. 30].

Кхоалгачу строфахь синхаамийн Іаткъам шен лакхарчу тЕгІане кхочу. «Сердце пламенем грусти объято» могІано чохьарчу хьолан Іаламан пейзаж гойту. Диттийн лакхенашкара цІаро цхьана хенахь хьахош ду гуьйренан гаьннаш а, чохьара вагор а, синхааман тІаьхьара хьалаайъар. Цу кепара, стихотворенийн арахьара а, чохьара а планаш вовшашца йоьзна йу.

ТІаьхьарчу строфано чІагІбо дахаран гІайгІанаш а, сингаттам а хилар. «Шелкопрядные тени», «осенние звезды», «мятый сон оголённых ветвей» бохучу васташа кхуллу чІагІделла а, гІортор а йоцуш долчу дуьненан сурт. Наб кхузахь ах ца хиларан хьал санна гойту, ткъа кхераме маьхьаро тийналла йохайо. Лирически турпалхочун дуьне экаме, сингаттаме гучудолу.

Стихотворенин мотт лаккхара метафорически а, васташца чолхе а бу. Поэта шуьйра пайдаоьцу олицетворенех, метафорех, эпитетех, стомма философски кІади кхуллуш. Стихотворенин ритм меллаша а, паргІат а йу, лаьтташ йолчу хенан синхаам а, чохьара тидам тЕбахийтар а лакхадоккхуш. ЦІаьхьана интонацин хийцамаш ца хиларо чІагІдо лирически аларан контекмплятивни хилар.

Цу кепара, «Октябрьски тлен» стихотворени Ярычев Насрудин философски лирикин къеггана масал ду, шена чохь гуьйренан Іаламо заманан, адамийн дахаран чаккхенийн, дуьне хийцадаларан хаттарех кхетаран гІирс санна гІуллакх деш долу.

Ярычев Насрудин «Грозный» стихотворени уггаре а бохаме маьІна долчу произведенех цхьаь йу, шена чохь бакьдолчун исбаьхьаллин тидар тЕман а, хІаллакдаран а зеделлачуьнца дІакъаста йиш йоцуш доьзна долу. Ша эпитафо, Эдгар Аллан Пон могІанаш далийна йолу («Есть город такой на земле, Засыпанный пеплом и прахом...») текстан йукъара интонаци ло, гойтуш дерг Южаллин, хІаллакдаран, адамаш зеран контекст йукъа а далаш. Стихотворени тЕхь гІала географически меттиг хилла ца Іаш, хІаллакдинчу дуьненан символ хуьлу:

«Разбуженные улицы бледны,
Изрыты непокорные дороги.
Щебечут птицы голосом войны,

Приученные болью и тревогой...

Собаки обезвоженно скулят,
Зализывая боевые раны.
Помёт ещё совсем слепых котят
Так безмятежно спит в помойной яме» [4, а. 26].

Соблжа-ГПалин сурт кхоллало шатайпа хьеречу вастийн зIенехула. ГПалин меттиг гойту чевнаш хилла а, сийсайина а: «разбуженные улицы бледны, изрыты непокорные дороги». Оцу эпитеташа чIагIдо нуцкъаха самадовларан хьал, маршо а, сатийсам а, карладаккхар а доцуш. Маьршачу дахаран йевзаш йолу элементаш шайн Iаламан билгалонех йевлла йу: олхазарш тIеман озаца дека, дахаран а, паргIатонан а символ лазаман а, сингаттабийн а символе йерзош. Цу тайпана, тIом массо а дахаран тIегIанашка кхочу, ша Iалам галдоккхуш.

ХIора дийнахь хуьлуш долчу инзаречу хIуманийн деталашна поэта тидам баро шатайпа экспресси ло стихотворенина. Iазап ловш долчу акхаройн васташа – «собаки обезвоженно скулят», «слепые котята» – хилабийн бохам чIагIбо, текстан турпалалла дIайоккху. Поэта ларло пафосах а, эпически лакхадаккхарх а: тIом гойту дийначеран гIорасизаллица а, ледарлонашца а. Оцу сценаша ницкъ болу синкIоргенан жоп гIаттадо, ницкъ баран адамалла йоцуш хилар билгалдоккху.

«Зима» цIе йолу стихотворени философски а, лирически а ойла йу адаман дахаран дозанаш, синан гIайгIа ловш, нийсо лобхуш долчу чохьхарчу хьолах лаьцна. Франческо Петраркан эпиграфо («Зимой сгораю, летом леденею...») дIахIоттайо текстан коьрта маьIнин антиноми – араьхарчу а, чохьхарчу а, шийлачу а, йовхачу а, дегIан а, синан а дуьхь-дуьхьал хилар. И шалхалла стихотворенин поэтически дуьненан бух хуьлу:

«Прозрачен безмятежный лёд.
И солнца диск полуусыплен.
Вдыхает зимний небосвод
И бдят остуженные дали.

На окнах дышит липкий снег,
И грудь, как ком, оледенела.
И греет мысленный побег
Ещё не вызревшее тело» [2, а. 35].

Ярычев Насрудин кхоллараллехь Iаьнан пейзаж дийцаран а йоцуш, символически йу, лирически синкхетамехь долу хьал гойтуш. «Безмятежный лёд», «зимний небосвод», «остуженные дали», «липкий снег» васташа кхуллу гIорийнчу, меллаша лелачу дуьненан сурт. Амма оцу араьхарчу тийналло лечкъадо чохьхара хьал: турпалхо чохьхара вогу, гонаха шело йелахь а. Иштта, Iа хийра хиларан а, синан шена даларан а метафора хуьлу.

Стихотворенехь дегIан васташ синан дахарца гергарло долуш ду. «Грудь, как ком, оледенела», «не вызревшее тело» – оцу могIанаша чIагIдо чохьхара кьийладамаран хьал, ша-ша веллавала йиш ца хилар. Цуьнца цхьаьна «синкхетамца кIелхьардовлар» лела йовхонан а, хьийзаран а цхьаь бен доцу хьоста санна. Ойла а, синкхетам а дегIаца дуьхь-дуьхьал хIоттор, иза йу Ярычев Насрудин философски лирикин билгало.

«Сквозь стёкла бледная звезда
Бдит, словно отрок полузрячий.
В ведре студёная вода,
Ликует и смиренно плачет.

Чуть слышен с уст сошедший смех,
Обретший таинство молитвы...
Душа, что в немощи потех,
Крошится во крещенской битве.

На ветках мнутся снегири.
Созрело таинство рассвета,
И возглас пламенем зари
Взошёл над дремлющей планетой» [3, а. 34].

Динан а, йезачу а символико шатайпа маъна лоцу. Са гойту экаме, хӀаллакхила тарлуш долу, амма зерашкахула цӀанлуш долу васт санна. Кхузахь динан мотиваш кӀорггера личностни йу, произведенийн йукъарчу эмоцин структури йукъа йаьхна а йу.

Серлонан васташ – седа, йуьйре, малх схьакхетар – сатийсаман сирла символаш санна лела. Цара Ӏаьнан атмосфера ца йохайо, мелхо а иза кӀадейо, чохьхара серлонан мотив йукъа а йоккхуш. Суьйре гучуйолу зеран жамӀ санна, цӀаьххьана кӀелхьарвалар санна а доцуш.

Цу кепара, «Зима» стихотворени тӀехь гучудолу Ярычев Насрудис адаман синан чаккхенан хьолах кхетарна тӀе тидам бахийтар. Текстехь Ӏа мур бац, лирически турпалхочо чохьхьарчу зеран, цӀанваларан, тийначу синан кхетаман некъ чекхбоккху синхааман хьал хуьлу.

Ярычев Насрудин «**Колыбель**» цӀе йолу стихотворени лирически турпалхочо шен кхачамбацарех, кхерамах, синхамийн цхьаллех йуьззана йолчу халачу бераллех лаьцна ойла йарца, оцу зеделлачо шен васт муха кхоьल्लीна дийцарца йазийна йу. Уггаре а хьалхарчу моӀанашкахь хьалхе дуьйна кхерамазалла дӀайаларан мотив хеза: турпалхо бохамах кхера Ӏамаво, хӀунда аьлча, жимчохь дуьйна йовхо цахиларе, синпаргӀато цахиларе марзвелла иза:

«Я научен бояться беды...
(Горьким опытом жизни напоен!)
В детстве было так много нужды,
Не хватало тепла и покоя.

Мир ребёнка – стальная кровать,
(Вопль плоти в серебряной нише!)
Так, порою, хотелось кричать,
Не надеясь, что кто-то услышит» [3, а. 46].

Йукъера васт ду «болат маьнга», шийлачу, са доцчу дуьненан символ, цу чохь бер шен ламамца ша цхьаь дуьсу. И васт чӀагӀдо авторан кьовларшкахь долчу маъница – «дегӀан мохь», зеделларг дегӀан а, синмехаллин а лан йиш йоцуш хилар чӀагӀдеш. Чаккхенгахь моӀа карлабаккхаро гӀайгӀане го кхуллу: чов дӀайаьлла йац, иза мелхо а кӀаргӀелла.

Ярычев Насрудин «**Вольнодумный Кавказ**» стихотворени Кавказан кхолламан исторически ламаман, синан ницкъан, культурин изсийн билгало санна лирически а, философски а ойла йар гойтуш йу. Хьалхарчу моӀанашкахь дуьйна Кавказ гучуйолу дийна, бала хьоьгуш болу хилам санна:

«Вольнодумный Кавказ
Стал для нас нарывающей раной,
Не стихающим лязгом
Войной разорённой души,

Что в небесные гребни
Возносится птицей усталой
И безмолвным крылом
Разрывает волокна глуши» [3, а. 33].

Оцу васто йерриге а произведенина бохаман билгало ло, дӀайаханчу заманан Ӏоттабаккхамаш халкъан синехь кхидӀа а гӀуьттуш, цара ойла йойтуш хилар чӀагӀдеш. Лирически субъекто къамел до «вай» цӀарах, цо гӀайгӀанаш лакхайоху, шен ламам кьоман ламаме берзабо.

Ярычев Насрудин «**Даймакке**» цӀе йолу стихотворени а йу шена тӀе тидам бохуьйтуш. И стихотворени йешало доӀа, узам санна, дийна, бала хьоьгуш йолу Нохчийчу хьажийнчу историн оздангаллин кхел санна а. Уггаре а хьалхарчу моӀанаша къастайо коьрта мотив – коллективни, дуккха а аӀонаш йолу, цхьаь бехке воццу кьинан мотив:

«КІур боцуш хаьддачун кьина,
Лар йоцуш вайначун кьина,
Каш доцуш веллачун кьина,
Бехк боцуш вийначун кьина,
Йелхалахь, Нохчийчоь, доггах
ХІора а хьайн кІентан кьина!» [2, а. 24].

Оцу васташа гойту ницкъ бар, шена чохь зуламхочунна а, зе ловш волчунна а, дийначунна а, веллачунна а, изсан а, дицдаларан а йукъахь долу дозанаш дІа а дохуш. Нохчийчоь кхузахь йелахаре кхойкху, хІора кІентан лазам шена тІеоьцучу нанас санна, церан кхолламе а, бехке а ца хьобжуш.

Ярычев Насрудин произведенийн анализ йича гучудолу дерриге а, чохьхара цхьаьнадогІуш долу поэтически дуйне, шена чохь адаман кхоллам кьоман кхолламах дІакъаста йиш йоцуш, дешнех исторически а, гІиллакх-обздангаллин а жопаллин кеп хуьлуш. Цуьнан поэзи араьхарчу гайтаме йа абстрактни метафорашка гІерташ йац: иза схьайолу лазаман зеделлачух, изсах, Даймахака кІорггера зІе хиларх.

Цу тайпана, Ярычев Насрудин поэзино гойту орамаш долчу дахаран философи, шена чохь адам Даймакхехула, маттехула, изсехула даха а дехаш, ткъа дахаран маьІна нехан лазаман жопалла шена тІеэцарца гучу а долуш. Цуьнан стихотворенеш исбаьхьаллин гайтам хилла ца Іаш, обздангаллин тоьшаллин кеп йу, шайгахь бохам тийналле ца берзош, кьамеле берзош а, хІаллакхиларе ца йерзош, заманна синан дуйхьало йарца хийцалуш йолу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бетильмерзаева М.М. Философская и религиозная составляющие человеческого духа в интерпретации М.Ю. Келигова // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 10–11 декабря 2021 г.). – Махачкала: ЧГПУ: АЛЕФ, 2021. – 358 с.
2. Инаркаева С.И. О некоторых особенностях развития современной чеченской поэзии // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. – Грозный, 2015. – С. 137–141.
3. Хазуева Б.А., Дугуев Х.Х. Философское осмысление онтологических проблем в лирике Вахида Итаева // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1(49). – С. 64–70.
4. Ярычев Н.У. Межпоколенческое взаимодействие в условиях социокультурной трансформации современного общества: социально-философский анализ: монография. – М.: Alma Mater, 2008. – 256 с.
5. Ярычев Н.У. Мерцающий пепел: сборник стихов. – М., 2010. – 112 с.
6. Ярычев Н.У. Мысли гранита: сборник стихов. – Самара, 2003. – 96 с.
7. Ярычев Н.У., Саракаева А.Х. Традиции и обычаи чеченцев как этнопедагогические принципы воспитания молодежи: монография. – М.: Миллениум, 2012. – 176 с.

КОНЦЕПТ «ЧЕЛОВЕК» В КАРАТИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Халидова Р.Ш.,

д-р филол. наук, профессор,

зав. кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе,
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка описать паремиологические и фразеологические единицы каратинского языка, репрезентирующие концепт «ЧЕЛОВЕК», отражающие характер каратинцев, их ценности, этнические стереотипы и особенности восприятия и вербализации мира. Антропоцентрические фразеологизмы и паремии исследуются в статье с точки зрения их лингвокультурологического содержания, с целью выявления этнокультурной специфики категоризации мира носителями каратинского языка. Выбор именно паремиологических и фразеологических единиц объясняется тем, что это самые экспрессивные и эмоциональные единицы языка, наиболее концентрированно репрезентирующие этнический менталитет и дух народа, играющие важную роль в формировании языковой картины мира.

Этнокультурные характеристики концепта «ЧЕЛОВЕК», посредством описания паремиологических и фразеологических единиц, позволяют исследователям понять, как носители разных языков и разных культур воспринимают окружающий их один и тот же физический мир. Фразеологизмы и паремии, особенно актуализирующие концепт «ЧЕЛОВЕК», ставшие неотъемлемой частью лексики и бытового дискурса одного этноса, могут быть непонятными для представителей других этносов и носителей других языков. Чтобы адекватно воспринимать смысл этноспецифических фразеологизмов и паремий, необходимо иметь некоторое представление о культуре и традициях народа. Результаты проведенного в данной статье исследования будут способствовать разработке теоретического курса антропоцентрической фразеологии дагестанских языков.

Ключевые слова: каратинский язык, фразеология, концепт «ЧЕЛОВЕК», картина мира.

THE CONCEPT «HUMAN» IN THE KARATA LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Khalidova R.Sh.,

Doctor of Philology Sciences, Professor, Head Department of
Theory and Methods of Teaching Russian Language and Literature,
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

Abstract. This article attempts to describe the paremiological and phraseological units of the Karata language that represent the concept «HUMAN», reflecting the character of the Karata people, their values, ethnic stereotypes, and the peculiarities of their perception and verbalization of the world. Anthropocentric phraseological units and proverbs are examined in the article from the point of view of their linguocultural content, with the aim of identifying the ethno cultural specificity of the categorization of the world by speakers of the Karata language. The choice of paremiological and phraseological units is explained by the fact that these are the most expressive and emotional units of language, most concentrated representing the ethnic mentality and spirit of the people, playing an important role in the formation of the linguistic picture of the world. The ethnocultural characteristics of the concept «HUMAN», through the description of paremiological and phraseological units, allow researchers to understand how speakers of different languages and speakers of different cultures perceive the physical world around them. Phraseological units and proverbs, especially those presenting the concept of «HUMAN», which have become an integral part of the vocabulary and everyday discourse of one ethnic group, may be incomprehensible to representatives of other ethnic groups and speakers of other languages. The results of the study conducted in this article will contribute to the development of a theoretical course on anthropocentric phraseology of the Dagestanian languages.

Keywords: Karata language, phraseology, concept «HUMAN», picture of the world.

В данной статье нами предпринята попытка исследовать лингвокультурологический аспект языковой картины мира каратинского этноса – одного из малочисленных дагестанских этносов. Картина мира – понятие многозначное и многогранное, которое включает в себе когнитивные, культурные и социальные детерминанты. В зависимости от ракурса описания и способа подачи информации в лингвистике и смежных науках выделяют концептуальную, художественную и языковую картины мира. Если исходить из того, как человек интерпретирует происходящие вокруг него явления и процессы, то можно выделить религиозную, мифологическую, философскую, естественнонаучную картины мира.

Некоторые лингвисты, например, И.М. Шеина, допускают возможность одновременного сосуществования всех этих картин в сознании человека [8, с. 13–14].

Центром лингвокультурологических исследований, как известно, считается человек как носитель языка и культуры. Язык является не только средством общения, но и необходимым условием формирования мысли. Это известное выражение принадлежит Вильгельму фон Гумбольдту: «Язык является органом, образующим мысль... интеллектуальная деятельность и язык представляют собой единое целое» [1, с. 75].

В каратинских фразеологических и паремиологических единицах концепт «ЧЕЛОВЕК» представлен следующими номинациями: *БагIа* «лицо», *Гьадоъа* «голова», *ГьаркIа* «глаз», *Эли* «рот», *МацIуIи* «язык», *РакIва* «сердце» и др. В культурной картине мира каратинцев значительное место занимает соматизм *БагIа* «лицо». Лицо является показателем не только внешней красоты, например: *Чини годоб багIа* «кукольное лицо» (букв. лицо как фарфор) или наоборот: *Накъер годоб багIа* «морщинистое лицо» (букв. лицо как гармошка), но и внутреннего мира. Когда человек поступает непорядочно, он теряет лицо. Через потерю лица актуализируется в паремиологической картине мира каратинцев чувство стыда: *Ссигир волIалъа багIа биххучIе* «испытывать чувство стыда» (букв. чтоб предстать перед кем-л. у меня лица не осталось). В языковой картине мира каратинцев лицо является также местом локализации совести, например: *и^ицубда багIа и^ицвада гьаъа^илъа* «стыдиться за свой поступок» (букв. свое лицо самому увидеть). Белое лицо олицетворяет чистую совесть, черное – наоборот, отсутствие совести. Отсутствие совести в каратинской языковой картине мира приводит к потере лица. Безликий, то есть бессовестный человек – это: *БагIилолIи къерел къера нухъел гьачIов* (букв. на лице цвета, на цвете линию не имеющий).

Индивидуальные свойства носителей каратинского языка, такие как внешний вид, черты характера, интеллектуальные способности, вкусы и предпочтения человека, составляют национально-культурную семантику, которая проявляется на всех языковых уровнях. Однако ярче всего, колоритнее этнокультурная семантика проявляется во фразеологических и паремиологических единицах. В.Н. Телия считает, что «фразеологический фонд любого языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [6, с. 9]. Исследование паремиологических и фразеологических единиц с компонентами-соматизмами, наиболее ярко и колоритно передающих мировосприятие носителей языка, позволяет выявить не только специфические особенности языковой картины мира того или иного этноса, но и общие признаки, универсалии во фразеологии различных языков. Паремиологические и фразеологические единицы «всегда обращены на субъекта, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [4, с. 82].

По нашим наблюдениям, «среди каратинских фразеологизмов с соматическими компонентами больше всего идиом с компонентом *гьадоъа* «голова». Голова во фразеологической картине мира каратинцев символизирует жизнь, например: *гьадоъа цIийа^илъа* «беречь себя (жизнь)» (букв. беречь голову). Соматизм *гьадоъа* «голова» выступает символом жизни также в речевых формулах проклятий – пожеланий смерти, например: *гьадоъал гьане торой* «чтоб ты умер» (букв. головной мозг, чтоб прогнил) [7, с. 100]. «Основная функция головы – думать» [3, с. 63]. В каратинском языке соматизм *гьадоъа* «голова» также является важным репрезентантом умственных способностей человека, например: *гьадоъа гьачIов гьекIва* «глупый (легкомысленный) человек» (букв. человек, не имеющий головы); *гьадоъалI гури даржикI идяв* «глупый человек», (букв. вместо головы тыкву имеющий человек); *гьадоъалIи биккалъа* «запоминать» (букв. держать в голове) и т. д.

Создатели гипотезы лингвистической относительности, Э. Сепир и Б.Л. Уорф, считают, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка. Язык, являясь инструментом для воспроизведения мыслей, сам формирует наши мысли, таким образом, реальный мир существует на основе «языковых привычек» [5, с. 261], так как он отражается в языке. Если отражение действительности в языке происходит присущим ему способом, то этот язык отличается от другого или от других языков своей специфичной языковой картиной мира.

Одним из очевидных свидетельств того, что реальный мир существует на основе языковых привычек, являются фразеологизмы и поговорки, активно используемые в языке одного этноса, но непонятные для представителей другой этнической культуры. Так, например, соматизм *ракIва* «сердце» в этнической культуре каратинцев является местом локализации не только внутреннего, эмоционального мира, как и в большинстве языков мира, но и интеллектуального мира человека. Каратинцы, как и другие нахско-дагестанские этносы, считают средоточием духовной деятельности, интеллекта человека не мозг, а сердце, поэтому соматизм «сердце» является в кавказских языках смысловым центром фразеологических и поговорочных единиц, выражающих такие понятия, как «запомнить», «забыть», «выучить» [2, с. 86]. Особенности национального мировидения актуализируют фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *ракIва* «сердце», например: *ракIвāр цIва^нлъа* «вспомнить» (букв. на сердце вспомнить), *ракIвахъ биъалъа* «знать наизусть» (букв. сердцем выучить), *ракIвахъ баса^нлъа* «рассказать наизусть» (букв. по сердцу рассказать), *ракIвачIо биккалъа* «запомнить» (букв. в сердце держать), *ракIвачIогвал боъа^нлъа* «забыть» (букв. с сердца уйти).

Соматизм *гъаркIа* «глаз» сохраняет свою основную функцию – видеть в большинстве каратинских поговорок, например: *гъаркIа данде белъачIебхва* «не сомкнув глаз» (букв. глаз навстречу не делая); *гъаркIай къи^нйемхва* «не боясь ничего, отчаянно, безрассудно» (букв. закрыв глаза); *кIедал беццоцул цеб беццоцвар беццичокъе кIкIа^нда* «в своем глазу бревна не замечать, а в чужом соломинку видеть» (букв. слепец слепым называет того, у которого один глаз только видит).

Компонент *мацIцIу* «язык» в поговорках каратинского языка реализует как негативную, так и положительную коннотацию: *мацIцIу беххелав* «болтун» (букв. длинный язык); *мацIцIу галъа* «оклеветать» (букв. язык делать); *бале идйаб мацIцIу* «острый язык» (букв. лезвие имеющий язык); *баркат гъачIоб* (//бохъоб) *мацIцIу* «поганный язык» (букв. добро не имеющий (//отнятый) язык); *берколI мацIцIу* «сладкий язык» (букв. змеиный язык); *гъекъи мацIцIу гъачIов* «бессловесный» (букв. во рту язык не имеющий).

Соматизм *мацIцIу* «язык» в каратинском языке реализует следующие концептуальные модели:

1. ЯЗЫК – ОРУДИЕ ЛЖИ (*МацIцIу галъа*)
2. ЯЗЫК – ОРУЖИЕ (*Бале идйаб мацIцIу*)
3. ЯЗЫК – ИНСТРУМЕНТ ЗЛА (*Баркат гъачIоб мацIцIу*).

Названия частей тела, актуализирующие культурно значимые смыслы и используемые человеком для вербализации физического мира, составляют соматический код культуры. Национально детерминированный характер соматического кода культуры проявляется в различной акцентуализации частей тела человека при формировании культурной картины мира разных языков.

Концепт «ЧЕЛОВЕК» в каратинском языке репрезентируется чаще всего через соматизмы: *гъадоъа* «голова», *ракIва* «сердце», *багIа* «лицо», *гъаркIа* «глаз», *мацIцIу* «язык». Соматизм *багIа* «лицо» выполняет функцию локуса совести и чести; цветовая символика (белое/чёрное) маркирует моральные качества. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами отражают ценности каратинского этноса: разум, честь, самоконтроль. Этноспецифическая черта каратинского языка заключается в том, что соматизм «сердце» = локус интеллекта (в отличие от европейских языков). Исследование подтверждает гипотезу лингвистической относительности: языковые структуры формируют способ восприятия мира. Результаты значимы для документации исчезающего языка и развития антропоцентрической фразеологии дагестанских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
2. Исакова Б.Н. Соматизм «сердце» – ядро семантического пространства соматической фразеологии нахско-дагестанских языков // Вестник ДНЦ РАН. 2023. № 89. – С. 82–88.
3. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. – С. 54–67.

4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2010. – 208 с.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Халидова Р. Ш. Фразеологизмы с компонентом *гъадоъа* «голова» – репрезентанты этнического мировоззрения каратинцев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. – С. 98–103.
8. Шеина И.М. Лингвистические предпосылки успешности межкультурной коммуникации. – М.: Научная книга, 2009. – 299 с.

УДК 808.1

ТИПОЛОГИЯ СХОДСТВА МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В ИДИОСТИЛЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА НА МАТЕРИАЛЕ РАННЕЙ ЛИРИКИ

Юсупова Э.А.,

ассистент кафедры русского языка и общего языкознания
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: elinayusupova0112@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена анализу разновидностей сходств метафорического переноса в ранней лирике Бориса Леонидовича Пастернака. Актуальность статьи обусловлена устойчивым интересом лингвистов и литературоведов к стилю поэта, одной из основных черт которого является насыщенная метафоричность. На материале стихотворений из сборников раннего периода («Февраль. Достать чернил и плакать!..», «Сон», «Как бронзовой золой...» и др.) рассмотрена классификация метафор по типу мотивирующего сходства между денотатами. Выделены группы метафор, которые основываются на функциональном (уподоблении объектов по действию или назначению), звуковом (слуховом), зрительном (цветовом), структурном сходстве. Также в ходе анализа затронуты оригинальные типы уподобления, характерные стихотворениям поэта: антропоморфное сходство (наделение абстрактных понятий свойствами человека) или приобретение отвлеченным понятием вещественной формы. В ходе анализа также выделены ключевые черты метафорического мышления поэта: внезапность ассоциаций, которые стирают границы между материальным и абстрактным; сильная связь природного мира с внутренним состоянием лирического героя; динамизм, свойственный как материальным, так и духовным объектам. В статье подчеркивается, что метафора не просто стилистический прием для поэта, а способ упорядочения художественного пространства. **Ключевые слова:** метафора, метафорический перенос, типы сходства, идиостиль, лирика, Пастернак, стилистика.

TYOLOGY OF SIMILARITIES OF METAPHORICAL TRANSFER IN THE IDIOSTYLE OF B.L. PASTERNAK BASED ON THE MATERIAL OF EARLY LYRICS

Yusupova E.A.,

Assistant Professor, Department of Russian Language and General Linguistics
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This paper analyzes the various forms of metaphorical transference in the early poetry of Boris Leonidovich Pasternak. The relevance of this article stems from the persistent interest of linguists and literary scholars in the poet's style, one of whose key features is its rich metaphoricity. Using poems from collections of his early period («February. Get some ink and cry!..», «Dream», «Like bronze ash...», and others), this paper examines the classification of metaphors based on the type of motivating similarity between denotata. Metaphors are grouped according to functional (the likening of objects by action or purpose), sound (auditory), visual (color), and structural similarities. The analysis also touches on unique types of likeness characteristic of the poet's poems: anthropomorphic similarity (the endowment of abstract concepts with human properties) or the acquisition of a material form by an abstract concept. The analysis also highlights key features of the poet's metaphorical thinking: the suddenness of associations that blur the boundaries between the material and the abstract; the strong connection between the natural world and the lyrical hero's inner state; and the dynamism inherent in both material and spiritual objects. The article emphasizes that metaphor is not simply a stylistic device for the poet, but a way of organizing artistic space.

Keywords: metaphor, metaphorical transfer, types of similarity, idiosstyle, lyric poetry, Pasternak, stylistics.

Творчество Б.Л. Пастернака неоднократно становилось объектом исследований лингвистов и литературоведов, что объясняется уникальным, эмоционально-насыщенным и метафоричным языком, жизнеутверждающими идеями. Исследователи уделяют большое внимание тематическому и интерпретационному анализу произведений поэта. В данной работе нам бы хотелось уделить внимание метафоричности высказываний автора, а именно разновидности метафорических значений по типу сходства на материале ранней лирики поэта.

Метафора (метафорическая модель) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения

одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [3, с. 177–178].

Умение создавать метафоры, улавливая общее между разными явлениями, считается одним из стержневых свойств сознания человека. Как утверждает Л.И. Богданова, «метафора, способная совмещать в себе абстрактное и конкретное, может рассматриваться как механизм, который приводит во взаимодействие и познавательную деятельность, и опыт, и культуру, и языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно воспринимаемые объекты и сделать наглядной картину мира» [2, с. 74].

Исследовать метафору начали еще в древние времена, о чем можно судить, исходя из высказываний античных философов. Г.Н. Складневская в своей работе «Метафора в системе языка» приводит в пример утверждение Квинтилиана о том, что метафора необходима для того, чтобы «ни один предмет не остался без обозначения»; мнение Цицерона, который считал метафору средством формирования недостающих в речи понятий и т. д. [7, с. 6].

Первым же, кто дал определение переносу значений слов на другие, был Аристотель. В своем труде «Поэтика» он трактует это средство языка следующим образом: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в вид, или по аналогии».

Существуют разные классификации метафоры. Н.Д. Арутюнова, например, выделяет 4 функциональных типа переноса: номинативная метафора (перенос с одного на другой), образная метафора (идентифицирующее свойство переходит в предикативное), когнитивная метафора (переносу подвергается концепт), генерализирующая (стирает логические границы между словами). Г. Гак рассматривает метафору с точки зрения полного метафорического переноса значения (в данном виде метафоры он также дает подкатегории: двустороннюю, одностороннюю семасиологическую и одностороннюю ономасиологическую) и частичного метафорического переноса.

Для возникновения метафорического переноса необходимо сходство между денотатами. Например, метафора «...костер рябины красной...» у С.А. Есенина находит сходство по цвету полыхающего костра и осенней окраской листвы растения. Сходства могут быть абсолютно разного характера: сходство формы (лента дороги, пузатый чайник), сходство звучания (вой ветра, шепот листьев), сходство количества (лес рук, море вещей) и т. д. Следует отметить, что метафоры могут нести в себе сразу два или несколько признаков сходства, например, «серебро волос» – метафорический перенос основан сразу на двух признаках – подобия цвета и блеска.

В нашей статье мы рассмотрим, чем мотивируется перенос значений у Б.Л. Пастернака, к каким типам сходств между предметами обращается поэт (на материале ранней лирики).

Для поэзии Пастернака метафора является важным средством выражения эмоционального состояния автора. Ю.М. Лотман пишет, что лирике поэта «свойственны старания отыскать тайные взаимоотношения среди объектов и основ наружного мира» [5, с. 713].

Б.Ш. Баймусаева выделяет несколько признаков стиля ранней лирики поэта: «Первое: движение стиха, стремительное и бурное в своей хаотичности. Второе: концентрированная метафоричность. Третье: смещение предметов или понятий. Четвертое – опущение некоторых логических звеньев» [1]. В качестве примера исследователь приводит стихотворение «Лето в городе», в котором поэт использует прозаизм «липы ... смотрят хмуро по случаю своего недосыпа». Такого рода метафоры, в которых техника на такой высоте, «что она перестает восприниматься как техника» [8, с. 330], и составляют одну из особенностей идиостиля Б.Л. Пастернака.

Функциональное сходство:

Дно очей (стих. «Февраль. Достать чернил и плакать!...») – глаза сравниваются с сосудом, у которого есть дно, и сухая грусть, упоминаемая в стихотворении, проливается прямо в глубину души, до самого дна;

Писать о феврале навзрыд (стих. «Февраль. Достать чернил и плакать!..») – перед этой строфой в стихотворении упоминается слово «плакать». Если сопоставить значения «плакать навзрыд» (громко, судорожно) и «писать навзрыд», возникает ощущение волнения перед новым. Заканчивающаяся зима и наступающая весна воспринимаются не только как смена времен года, но и как обновление порывов человеческой души, будто пробуждающейся природы.

Сад держит небо (стих. «Как бронзовой золой жаровень...») – сад, а точнее деревья в этом саду, уподобляются сваям, которые держат небо.

Спускалось сердце на руку тебе (стих. «Сон») – в этом метафорическом переносе сердце уподобляется соколу, который доверчиво спускается на руку любимой. Кроме того, исследователи в данном стихотворении выделяют символическое сходство крови, которую добыл сокол, с жизненной силой и мощью [9].

Как крылья, отрастали беды (стих. «Я рос. Меня, как Ганимеда...») – довольно интересное сравнение бед с крыльями. Поскольку фраза «отрастить крылья» воспринимается как преодоление сложных жизненных препятствий, переход на новый уровень, беды у поэта не прибавляют лирического героя к земле, а наоборот, «отделяют от земли».

Мечом призывов новых стянут изгиб застывшего бедра (стих. «Сегодня с первым снегом встанут...») – начало новой жизни сравнивается с повязкой, стягивающей тело; духовный рассвет сопоставляется с физическим ощущением.

Звуковое, слуховое сходство:

Грохочущая слякоть (стих. «Февраль. Достать чернил и плакать!..») – весенний тающий снег с грязью грохочет, противостоит тишине зимы.

Где шепчет яблони прибой (стих. «Как бронзовой золой жаровень...») – в данном примере метафоры автор сравнивает шелест листьев, обычно сравниваемый с шепотом, еще и с прибоем.

И сон, как отзвук колокола, смолк (стих. «Сон») – в данной метафоре интересно сравнение сна со звуком. Звук колокола может подчеркивать чистоту внезапного пробуждения. Встав из грохочущего ромба (стих. «Встав из грохочущего ромба»).

Зрительное сходство (сходство цвета, света):

Слякоть ... горит (стих. «Февраль. Достать чернил и плакать!..») – метафора построена на сходстве цвета и света. Темная слякоть, ее влажный блеск, уподобляется горению костра и бликам, которые исходят от него, тем самым передавая внутреннюю энергию пробуждающейся природы.

Заря из сада обдавала стекла кровавыми слезами сентября (стих. «Сон») – красный цвет заката сравнивается с кровью, а под слезами поэт имеет в виду, что свет ложится на стекла, будто капли застыли на них. Закат обозначает в данном тексте закат жизни, а сравнение с кровью может означать трагичность прощания с молодостью.

Заденут за поросли капель (стих. «Все наденут сегодня пальто») – учитывая лексическое значение слова «поросли», связанное преимущественно с растительным миром, могут иметься в виду обильные дожди, похожие на обильные поросли деревьев, кустов и т. д., сквозь которые необходимо продираться, словно через густой лес.

Структурное сходство:

Ветер криками изрыт (стих. «Февраль. Достать чернил и плакать!..») – в предыдущих строках упоминаются тысячи грачей, чьи крики прорывают ровное полотно ветра, делая его похожим на изрытую землю.

Лиры лабиринт (стих. «Когда за лиры лабиринт») – поэтическое ремесло, мир поэзии уподобляется лабиринту по своему строению, в котором тоже необходимо искать верный путь.

Выше представлены именно виды сходств, которые встречались чаще всего в ранних стихотворениях Б.Л. Пастернака. Но помимо них автор использует и другие, не менее интересные уподобления.

Эмоциональное уподобление физического состояния душевному (метафора «лавок сумрак» в стихотворении «Сегодня мы исполним грусть его...») позволяет показать чувства человека через вещественный мир. В этом метафорическом переносе также можно заметить психологизм, как и в следующей метафоре из другого произведения. Например, в стихотворении «Встав из грохочущего ромба» поэт использует уподобление части тела всему миру («...все тогда – одно подобье / моих возроптавших губ»), губы становятся выражением протеста.

Также в стихотворениях интересны *антропоморфные сходства*. Отчасти к ним можно отнести и предыдущий пример метафоризации. Но подобное свойство можно увидеть и в стихотворении «Сон». В одной из строф «время» наделяется свойством стареть, терять слух. Такой способ переноса значения ярко показывает неумолимое течение времени.

Помимо сопоставления человеческого с абстрактным, поэт также использует соотнесение абстрактного с предметным. Например, в стихотворении «Встав из грохочущего ромба...» автор уподобляет вечность конкретному предмету – раструбу, в который глядится лирический герой, пытаясь постичь бессмертие. Или сравнение жизни с инструментами или действиями, как в стихотворении «Сегодня с первым светом встанут...»: «...Как рашпилем, как краской синей, / Как брод, как полосу вдвоем...». В данном отрывке метафора подчеркивает сложность жизненного пути. Возможно и смешение признаков, как в строках того же стихотворения: «Тот горизонт горнозаводский, / Театров, башен, боен, почт...». Горизонт с помощью эпитета «горнозаводский» уподобляется городу, который и выступает дальше в качестве горизонта.

Еще одно интересное обозначение абстрактного находится в стихотворении «Я рос. Меня, как Ганимеда...» в уподоблении времени фате, покрывалу: «И повечерий тканых / Меня фата обволокла...». Тут сходство находится в фактуре материала, который окутывает лирического героя, опять придавая отвлеченному понятию материальность.

Конечно же, нельзя оставить без внимания и философскую составляющую поэзии. Например, в стихотворении «Когда за лиры лабиринт» в строках «Я – свет. Я тем и знаменит, / Что сам бросаю тень...» поэт уподобляет лирического героя-поэта и свету, и тени, подчеркивая двойственную природу.

В ходе анализа некоторых сходств мы выявили синкретизм признаков переносного значения. Например, в стихотворении «Встав из грохочущего ромба...» поэт соотносит город, или городскую архитектуру, с геометрической фигурой, но затем еще наделяет ее свойством издавать звук, способностью грохотать.

В нашей статье мы разобрали лишь небольшую часть сходств метафорических значений, встречающихся в творчестве Б.Л. Пастернака, на основе которых хотелось бы подытожить основные черты:

- Внезапность ассоциаций, сближающих абстрактные понятия с конкретными и материальными;
- Связь природного мира с внутренним состоянием героя;
- Активная реальность, где и материальное, и духовное находится в движении и взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баймусаева Б.Ш., Шорабекова М.Н. Мир сквозь призму метафорического восприятия в поэзии Б. Пастернака // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015009991?ysclid=mmem4tmjv1901037700> (дата обращения: 06.03.2026).
2. Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи: Лексикология для речевых действий [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Л.И. Богданова. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 248 с.
3. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб: Филологический факультет // Государственный университет, 2002. – 190 с.
4. Смирнова М.А. Понятие «метафора» и подходы к ее изучению // Филология и литературоведение. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://philology.snauka.ru/2014/09/960> (дата обращения: 15.02.2026).

5. Лотман Ю.М. Стихотворения раннего Пастернака. Некоторые вопросы структурного изучения текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – С. 713.
6. Масленникова А.А. Особенности грамматической метафоры // Метафоры языка и метафоры в языке / А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова и др. / Под ред. А.В. Зеленщикова, А.А. Масленниковой. – СПб: СПбГУ, 2006. – С. 23.
7. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская; ответственный редактор: Д.Н. Шмелев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 1993. – 151 с.
8. Яковсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Р. Яковсон Работы по поэтике. – М., 1987. – С. 324–338.
9. Куцина Н.Г. Методическая разработка урока литературы в 11-м классе «Категория времени в стихотворении Б.Л. Пастернака «Сон»». Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/publication/65195> (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 82.0

ПУШКИН И ПРОБЛЕМА НАРОДНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмадова Т.Х.,

канд. пед. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: ahmadova.madina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена эволюции взглядов А.С. Пушкина на проблему народности литературы. Рассматривается путь поэта от первых опытов в «Руслане и Людмиле» через южные поэмы к теоретическому осмыслению народности в заметках 1825–1826 годов. В работе показано, что Пушкин преодолел узкое понимание народности как простого обращения к отечественной истории или использования народной лексики. Для него народность – это отражение в литературе «особенной физиономии» народа: его образа мыслей, обычаев, поверий, привычек. Особое внимание уделяется тому, как в южных поэмах («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы») Пушкин реализует свой подход, показывая разные народы не условно-романтически, а исторически точно и психологически глубоко. Южные поэмы знаменуют переход Пушкина к романтизму и открывают для него народность как живой, реальный уклад жизни других племён. Поэт показал народность через живые наблюдения, а здесь он сформулировал её теоретически: народность как «физиономию» народа, которая не зависит от места действия, а определяется внутренним миром человека. Пушкин умеет понимать не только русский народ, но и другие – черкесов, цыган, татар, видеть их душу и правду. В поэме «Братья разбойники» прослеживается социальный аспект народности – внимание к судьбе простого человека в самодержавно-крепостнической России. В статье делается вывод, что Пушкин не только создал художественные образцы народной литературы, но и впервые в русской критике теоретически обосновал понятие народности, определив дальнейший путь развития отечественной словесности.

Ключевые слова: литература, Пушкин, поэма «Руслан и Людмила», проблема народности, поэт.

PUSHKIN AND THE PROBLEM OF THE NATIONALITY OF LITERATURE

Akhmadova T.H.,

candidate of pedagogical sciences, associate professor of the
department of russian and foreign literature
Kadyrov Chechen State University

Annotation. The article is devoted to the evolution of A.S. Pushkin's views on the problem of the nationality of literature. The author examines the poet's path from the first experiments in *Ruslan and Lyudmila* through southern poems to the theoretical understanding of nationality in the notes of 1825–1826. The work shows that Pushkin overcame a narrow understanding of nationality as a simple reference to national history or the use of folk vocabulary. For him, nationality is a reflection in literature of the «special physiognomy» of the people: their way of thinking, customs, beliefs, habits. Special attention is paid to how in southern poems («*The Caucasian Prisoner*», «*The Fountain of Bakhchisarai*», «*Gypsies*») Pushkin implements his approach by showing different peoples not conventionally romantically, but historically accurately and psychologically deeply. The southern poems mark Pushkin's transition to romanticism and reveal to him the nationality as a living, real way of life of other tribes. The poet showed nationality through live observations, and here he formulated it theoretically: nationality as the «physiognomy» of a people, which does not depend on the place of action, but is determined by the inner world of a person. Pushkin knows how to understand not only the Russian people, but also others – Circassians, Gypsies, Tatars – to see their soul and truth. The poem «*The Robber Brothers*» traces the social aspect of the nationality – attention to the fate of the common man in autocratic-serf Russia. The article concludes that Pushkin not only created artistic examples of folk literature, but also for the first time in Russian criticism theoretically substantiated the concept of nationality, defining the further path of development of Russian literature.

Keywords: literature, Pushkin, the poem «*Ruslan and Lyudmila*», the problem of nationality, the poet.

Проблема народности литературы – один из ключевых вопросов, который А.С. Пушкин не только разрабатывал в своем творчестве, но и впервые поставил как теоретическую проблему в русской критике. Его подход к этому понятию стал новаторским для своей эпохи и оказал огромное влияние на последующее развитие русской литературы и мысли.

В своих черновых набросках 1826 года, которые исследователи называют статьей «О народности в литературе», Пушкин дал определение, ставшее классическим. Он решительно

отверг примитивное понимание народности как простого выбора тем из отечественной истории («в именах») или использования специфически русских слов и выражений.

А.С. Пушкин утверждал, что истинная народность заключается в том, что у каждого народа есть своя «особенная физиономия», которая складывается из климата, образа правления и веры. Эта уникальная физиономия отражается «в зеркале поэзии» через особый «образ мыслей и чувствований», через «тьму обычаев, поверий и привычек», принадлежащих исключительно этому народу [1, с. 40–41].

В качестве примеров он приводил Шекспира, Кальдерона и Расина, которые брали сюжеты из чужих культур (итальянских новелл, древней истории), но при этом оставались глубоко народными писателями для своих соотечественников.

Александр Сергеевич вступил в полемику с господствовавшими тогда взглядами. В частности, он спорил с критиками (например, с Булгариным), которые полагали, что народность русской трагедии должна основываться исключительно на событиях отечественной истории, таких как пришествие варягов или нашествие татар. Пушкин иронизировал над этим, спрашивая, что же тогда народного в «Россиаде» Хераскова, кроме имен.

Практическим воплощением его теории стала языковая реформа. Как отмечают современные филологи, Пушкин сознательно ломал старую систему, отказываясь от витиеватого, изысканного языка, свойственного оде XVIII века. Он вводил в поэзию живую разговорную речь, отходил от церковнославянских форм и французского синтаксиса. Это и было воплощением того самого «духа народа» в языке. Пушкин показал, что литература может и должна быть интересна и понятна всем. Он создал тот самый русский язык, на котором мы говорим и пишем до сих пор, – живой, естественный, понятный любому человеку.

Мысль Пушкина блестяще развил Н.В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» (1835). Гоголь провозгласил его русским национальным поэтом именно потому, что суть народности он видел не во внешних приметах (не в «описании сарафана»), а в «самом духе народа». Поэт национален тогда, когда он смотрит на мир «глазами своей национальной стихии, глазами всего народа» [4]. Он писал, что у каждого народа есть свое лицо. На это лицо влияют три вещи: климат (природа, в которой живет народ), образ правления (как устроена власть), вера (религия, духовные традиции) [7]. Эта формула стала прямым продолжением идей Пушкина.

Пушкинская постановка проблемы народности вызвала многолетнюю полемику. Наиболее ярко она отразилась в спорах о его творчестве.

Критик-демократ В.Г. Белинский видел в Пушкине, например, в образе Татьяны («Евгений Онегин»), утверждение свободы чувства и протест против «внешних обязанностей», профанирующих брак.

В своей знаменитой Пушкинской речи Ф.М. Достоевский истолковал народность Пушкина как выражение «смирения» и возврат к патриархальной «народной правде» [11]. Он вложил в уста Татьяны знаменитую формулу верности («я другому отдана и буду век ему верна»), увидев в этом нравственную основу русского народа, противопоставленную «гордому» бунту одинокой личности. Этот спор наглядно показывает, насколько глубокой и многогранной была сама проблема, поставленная Пушкиным.

Пушкин не просто первым употребил и объяснил, что такое «народность» в литературе, но наполнил его философским и эстетическим содержанием, сделав его центральной категорией русского литературного самосознания. До него народность часто сводили к простым вещам: пиши про русских князей, бери сюжеты из истории – и ты народный поэт. Пушкин сказал, что это не так.

Для Пушкина народность – это умение видеть мир глазами своего народа, чувствовать его душу, понимать его образ мыслей, обычаи, веру, привычки. И писать не только о прошлом, но и о настоящем – о живых людях, их радостях и бедах. Он прошел долгий путь. Начал со сказочной поэмы «Руслан и Людмила», где впервые заговорил с читателем по-человечески, а не по-книжному. Н.Г. Чернышевский писал, что Пушкин «первый возвел у нас литературу в

достоинство национального дела» [12, с. 475]. Нужно подчеркнуть, что пушкинская поэзия помогла многим поэтам, особенно Лермонтову, «проложить путь к народности, глубже постигнуть национальную стихию русского народа [3, с. 35].

Почему Пушкина считают народным поэтом? Потому что он всегда думал о народе. С юности и до конца жизни ему было интересно, как живет простой человек, что он чувствует, во что верит. Пушкин уважал русского крестьянина, но при этом с таким же интересом относился и к другим народам – их обычаям, культуре, характеру.

Итог своим размышлениям он подвел в знаменитом стихотворении «Памятник», особенно в его пророческих словах: **«И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...»** [10, с. 379]. Для Пушкина народность – это не просто писать о России, а пробуждать в людях лучшее, говорить с ними на одном языке и о важном для всех.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык... [10, с. 378].

В стихотворении, посвященном Мицкевичу («Он между нами жил...», 1834), выражая общую мечту обоих поэтов, Пушкин вспоминал здесь их беседы

...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся [10, с. 345].

Пушкин понял, чтобы Россия была сильной, нужен **русский путь** (народность); чтобы народ был счастлив, нужна **свобода**; чтобы была свобода, надо отменить **крепостное право**. В 1822 году он записал эту мысль в своих исторических заметках: нельзя говорить о величии России, пока народ в рабстве. Он **первым сказал: русский человек – не раб**. Это было очень смело, потому что тогда в России было крепостное право. Но Пушкин смотрел на крестьянина и видел в нем не раба, а человека с достоинством – по тому, как он ходит, как говорит, как держится. Достоевский считал, что это доказывает: Пушкин по-настоящему любил народ.

Поэт сделал важный вывод – свобода в России невозможна без освобождения крестьян. Он рассуждал по такому принципу: если бы в XVIII веке победили те, кто хотел дать власть только богатым дворянам (владельцам крепостных душ), то они бы сделали всё, чтобы крестьяне никогда не стали свободными. Они бы закрыли дорогу к власти другим сословиям и вечно держали народ в рабстве.

Но Пушкин верил, что только большое потрясение может сломать старую систему рабства. Поэт произнес очень важные слова: «Политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян» [9]. То есть нельзя говорить о свободе дворян, если крестьяне – рабы. Настоящая свобода для России – это когда свободны все. И если мы этого добьемся мирно и дружно, тогда Россия станет на один уровень с просвещенными странами Европы.

Также у Пушкина была удивительная способность – **понимать душу других народов**. Он мог писать так, будто сам был испанцем, цыганом или англичанином. Это потом называли «всемирной отзывчивостью».

Откуда у него эта любовь к простому народу? Летом Пушкин жил в деревне Захарово, а главным человеком в его жизни была няня – **Арина Родионовна, которая** знала море сказок, песен, поговорок. Она разговаривала с ним языком народа, и Пушкин впитал это с детства. Потом поэт вспоминал ее всю жизнь, и многие его сказки родились из няниных рассказов.

Отечественная война 1812 года разбудила в Пушкине интерес к народу. Когда Наполеон напал на Россию, все – и крестьяне, и дворяне – встали на защиту страны. Молодой Пушкин тогда учился в лицее, конечно, он это чувствовал и написал стихи «Воспоминание в Царском Селе», где говорил о подвиге народа. Но это было только начало.

Пройдет еще несколько лет, прежде чем Пушкин осознанно скажет, что хочет писать для народа и о народе. А **первым шагом к этому стала его поэма «Руслан и Людмила» – настоящее эпическое полотно, одновременно оказавшееся и русским, и интересным, и живым**. Пушкин взял русские сказки, былины, народные предания и сделал из них

живую поэму, где нет скучных речей и холодных героев. Автор постарался, чтобы читатель чувствовал этих персонажей близкими себе. Он не отделял древность от современности, а соединил их через живые человеческие чувства. **Таким образом,** Пушкин сделал то, чего ждали все, но необычным способом: не как в старых скучных книгах, а весело, сказочно и по-настоящему народно.

А потом, через несколько лет, Пушкин написал к поэме знаменитое вступление: «У лукоморья дуб зеленый...». Этим он как бы сказал: всё, что я написал, выросло из русских сказок, из народной памяти, из того, что с детства знает каждый русский человек.

«Некто справедливо заметил, что простодушие есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливый и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов – представители духа обоих народов» [8], – писал Пушкин в 1825 году в статье о французском переводе Лемонте басен Крылова.

В «Руслане и Людмиле» Пушкин писал с улыбкой, но с любовью. У него есть такое особенное качество – он рассказывает о героях с легкой насмешкой, но при этом мы чувствуем, что он их любит и за них переживает. Это не злая насмешка, а добрая, лукавая – как в народных сказках, где умный дурак или Иван-дурак всех перехитрит. Пушкин считал, что **это и есть настоящий русский характер** – смотреть на жизнь с хитрецей, с юмором, но без злобы. Так говорят в народе: в пословицах, прибаутках, в живом разговоре.

И эту же манеру – легко, с улыбкой, но по-доброму – мы потом увидим во многих его вещах: в «Евгении Онегине», в «Повестях Белкина», в сказках, которые он написал позже. Это его фирменный стиль: говорить о серьезном весело, а о простом – с уважением.

«Руслан и Людмила» – это первый шаг Пушкина к народу. И современники это сразу почувствовали. Молодежь и даже старшее поколение (как композитор Глинка, который потом написал оперу) были в восторге. Им нравилось, что поэма живая, сказочная, своя, русская.

Но консервативные критики, наоборот, ругали Пушкина. Почему? Потому что он нарушил правила: ушел от скучных классических поэм, заговорил простым языком, взял народные сказки. Им это казалось грубым, «кучерским» (то есть для простолюдинов, а не для образованных господ).

Интересно, что **точно так же позже ругали композитора Глинку** за его оперу «Руслан и Людмила». Любители итальянской музыки говорили: «Какая это музыка? Это же простонародщина, кучерская!» Значит, и Пушкин, и Глинка шли одной дорогой – к народности, и за это их одинаково ругали консерваторы.

Если же в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» народность была, условно говоря, **декоративной и книжной** (сказочные персонажи, фольклорные сюжеты, поданные через призму литературной традиции), то в период южной ссылки он открывает для себя народность **живую, драматическую и этнографически конкретную.**

В поэме «Кавказский пленник» поэт не стал придумывать восточную сказку, а описал реальный Кавказ – каким его видел своими глазами: настоящие горы, настоящие аулы, как живут черкесы, как воюют, как мирятся, т.е. показал живую жизнь. Очень важно то, что он не сделал горцев просто «злыми дикарями» или просто «добрыми дикарями». Показал сложные отношения между Россией и Кавказом – такими, какие они были на самом деле. Это уже не сказка, а приближение к правде жизни.

В «Кавказском пленнике» у Пушкина нет плоских героев – все разные.

С одной стороны, показаны русские генералы: Цицианов, Котляревский, Ермолов. У каждого свой характер, и Пушкин оценивает их по-разному – не всех одинаково хвалит. Рядом с ними – простой донской казак, сын вольных станиц.

Главный герой – русский пленник – тоже непростой. Он разочарован в жизни, устал от света, от людей. Война на Кавказе, плен и спасение становятся для него путем к себе, к настоящей свободе.

А горцы показаны тоже не одной массой. Пушкин описывает их быт: как воюют, как празднуют, как живут. И среди них есть разные люди. Одни – мстительные, готовые ударить кинжалом чужака. А есть черкешенка, которая полюбила пленника чисто и скромно и пожертвовала собой ради его счастья. То есть Пушкин показывает, что народ – это не одно лицо, а живые люди с разными характерами.

В «Бахчисарайском фонтане» мы видим Крым. Там сталкиваются три мира: татарский хан (восток), грузинка Зарема (тоже восток, но другой), польская княжна Мария (христианский запад) [5].

Каждая – со своей культурой, верой, душой. И все это на фоне реальной крымской природы.

В «Цыганах» он пошел еще дальше. Пушкин очень точно показал, как живут цыгане: их обычаи, их понятия о свободе, их разговоры. Старый цыган и его дочь Земфира – не просто «красивые дикари», а люди со своим взглядом на жизнь.

Что здесь важного? Пушкин не просто рисует «местный колорит» (как было модно у романтиков). Он пытается понять душу каждого народа – чем они живут, во что верят, что для них хорошо и плохо. И при этом он ищет в каждом народе что-то общечеловеческое – то, что понятно и близко всем людям, независимо от национальности.

В 1825–1826 годах Пушкин записал свои мысли о том, что такое народность в литературе, посчитав, что у каждого народа есть свое лицо. На это лицо влияют три вещи: климат (природа, в которой живет народ), образ правления (как устроена власть), вера (религия, духовные традиции). И вот это особенное лицо народа – его «физиономия» [1, с. 40] – обязательно отражается в поэзии, как в зеркале.

Но главное не только это. Пушкин говорит, что у каждого народа есть свой образ мыслей и чувствований, свои обычаи, поверья, привычки – целая «тьма» (то есть множество) мелочей, которые принадлежат только этому народу. Поэт, чтобы быть народным, должен это чувствовать и передавать. Не просто писать про русских людей, а показывать, как они мыслят, что чувствуют, во что верят, как привыкли жить.

Пушкин спорил с теми, кто думал, что народность – это просто писать про русскую историю.

В то время многие (например, писатели-декабристы) считали: если берешь сюжеты из прошлого России – про князей, битвы, древность – значит, ты народный поэт. Пушкин с этим не соглашался. Он говорил, что народность – это не только прошлое, но и сегодняшний день. Можно писать про современную жизнь – и быть народным. Главное не когда происходит действие, а как ты видишь народ.

И еще важнее – язык и стиль. Пушкин считал, что настоящая народность – это когда в литературе видна душа народа: как он мыслит, что чувствует, во что верит, какие у него привычки и обычаи. То есть не просто русские имена и русские события, а русский взгляд на мир.

Так Пушкин пошел дальше декабристов: он не отвергал историю, но говорил, что народность шире – она и в прошлом, и в настоящем, и в языке, и в самом способе думать по-русски.

Пушкин не отвергал историю. Он просто говорил, что народность – это не только история. Да, он спорил с теми, кто думал, что достаточно взять русскую тему – и готово, ты народный поэт. Но это не значит, что Пушкину была неинтересна сама русская история. Наоборот!

В 1821–1822 годах он постоянно возвращался к историческим сюжетам.

В эпилоге «Кавказского пленника» обещал написать про древнего князя Мстислава. Работал над поэмой и трагедией «Вадим» (это легендарный герой древности). Набросал план поэмы о Мстиславе, где хотел соединить историю, сказку и былинку [8].

То есть Пушкин сам с удовольствием брал русскую старину. Но для него это было не главное условие народности, а одна из возможностей. Можно писать про древность, а можно про сегодня – важно, чтобы в любом случае чувствовалась душа народа.

В 1822 году Пушкин начал подбираться к народности с разных сторон – через сказки, историю, песни. Наверное, прав был М. Горький, который считал, что Пушкин «украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу» [6:2].

В «Братьях разбойниках» у Пушкина собраны разные народы – русские, татары, другие. Их объединило одно: нужда и бесправие перед властью. То есть Пушкин показывает: народность – это не только про русских, а про всех униженных в России.

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!..
Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона...
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган! [10, с. 516]

Таким образом, Пушкин сделал народность не внешним украшением литературы, а ее глубинной основой. Он показал, что настоящий писатель всегда говорит от лица своего народа и для своего народа – даже если берет чужие сюжеты или пишет о других странах. После Пушкина русская литература уже не могла быть просто «литературой для образованных» – она стала национальным делом, голосом всего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н.П. Пушкин и народное творчество. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=fuSOIvnMNsw%3D&tabid=10358> (дата обращения: 5.03.2026).
2. Ахмадова Т.Х. Песни о Степане Разине в творчестве А.С. Пушкина. В сборнике: Язык и литература в образовательном и культурном пространстве Юга России и Кавказа. Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. – С. 42–47.
3. Ахмадова Т.Х., Инаркаева С.И. Пушкинское наследие Лермонтова. Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 1 (17). – С. 28–36.
4. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине. – Режим доступа: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/gogol-neskolko-slov-o-pushkine.htm> (дата обращения: 7.03.2026).
5. Герои Пушкина. «Бахчисарайский фонтан». Режим доступа: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/arhangelskij-geroi-pushkina/bahchisarajskij-fontan.htm> (дата обращения: 27.02.2026).
6. Джантамирова А., Гехаева С.И., Ахмадова Т.Х. Пушкин и русский литературный язык. Журнал «Рефлексия». 2019. – С. 59–62.
7. Макогоненко Г.П. Творчество А.С. Пушкина в 1830-е ... Режим доступа: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/makogonenko-tvorchestvo-pushkina-v-1830/4-punkt-8.htm> (дата обращения: 24.02.2026).
8. Пушкин. Книга вторая. Глава II. Пушкин и народность. ... Режим доступа: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/tomashevskij-pushkin-1/pushkin-i-narodnost-2.htm> (дата обращения: 6.03.2026).
9. Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. Режим доступа: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/text/zametki-po-russkoj-istorii-xviii.htm> (дата обращения: 7.03.2026).
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. – 1214 с.
11. Пушкинская речь (Федор Достоевский). Режим доступа: <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/pushkin.txt&page=4> (дата обращения: 7.03.2026).
12. Чернышевский Н.Г. Сочинения Пушкина. Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0190.shtml (дата обращения: 3.03.2026).

УДК 821.351.42

ЧЕЧЕНСКИЕ ЖЕНСКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРЬЯМ ИСАЕВОЙ

Довлеткиреева Л.М.,

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
ведущий научный сотрудник сектора литературы и фольклора
Института гуманитарных исследований Академии наук ЧР;
старший научный сотрудник Центра нахских исследований
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
e-mail: dlida@inbox.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка с позиций этнопоэтики выявить тенденции развития гендерно маркированной ментальной тематики и образности в жанре лирических песен чеченского фольклора, а также мотивы устного народного творчества в творчестве одной из первых чеченских поэтесс и просветителей – Марьям Исаевой. Анализ женских лирических песен чеченского фольклора и авторских текстов позволяет установить разнонаправленный вектор гендерной модели мира – как внутреннего, так и поведенческого характера, тяготеющий, с одной стороны, к устойчивым патриархальным традициям, а с другой – к общечеловеческой вневременной парадигме ценностей. Определяя своеобразие поэтического мировидения чеченских женщин, автор уделяет особое внимание анализу ментальных констант и национально-когнитивных образов, формирующих этническую и языковую картины мира и трансформирующихся посредством индивидуально-авторского сознания в художественном тексте. Чеченская женская поэзия в течение трех столетий прошла длинный путь от фольклора до ярких авторов современности, отражая чаяния народа и его восприятие мира и исторических событий сквозь призму ранимой, глубокой, утонченной и сильной души горянки. Уже в женских лирических песнях, созданных в период Кавказских войн, заложены основные мотивы, темы, эмоциональные и нравственно-этические категории. Анализ тематики, проблематики и образной системы женских лирических песен и произведений поэтесс, чье творчество впитывает и развивает данные мотивы, позволяет выявить специфику чеченского этногендера.

Ключевые слова: чеченская женская лирика, гендер, менталитет, образность, лирика, мотив, горянка, Марьям Исаева.

CHECHEN WOMEN'S LYRICAL SONGS AND FOLKLORE TRADITIONS IN THE WORKS OF MARYAM ISAEVA

Dovletkireeva L.M.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of
Russian Language and General Linguistics,
Kadyrov Chechen State University;
Leading Researcher, Literature and Folklore Sector,
Institute of Humanitarian Research, Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Senior Researcher, Center for Nakh Studies,
Chechen State Pedagogical University

Abstract. This article attempts to identify, from a linguapoetic perspective, trends in gender-marked mental themes and imagery in the genre of lyrical songs of Chechen folklore and motifs of oral folklore in the poems of one of the first Chechen poetesses and educators, Maryam Isaeva. An analysis of women's lyrical songs of Chechen folklore and the author's texts reveals a multidirectional vector of the gender model of the world—both internal and behavioral—gravitating, on the one hand, toward stable patriarchal traditions and, on the other, toward a universal, timeless paradigm of values. In defining the uniqueness of Chechen women's poetic worldview, the author devotes particular attention to analyzing the mental constants and national-cognitive images that shape the national and linguistic picture of the world and are transformed through the individual author's consciousness in the literary text. Over the course of three centuries, Chechen women's poetry has come a long way from folklore to prominent contemporary authors, reflecting the people's aspirations and their perception of the world and historical events through the lens of the vulnerable, profound, refined, and strong soul of the mountain woman. The fundamental motifs, themes, and emotional, moral, and ethical categories are already evident in women's lyrical songs created during the Caucasian Wars. An

analysis of the themes, concerns, and imagery of women's lyrical songs and the works of poets whose work absorbs and develops these motifs allows us to identify the specific characteristics of the national ethno-gender.

Keywords: Chechen female lyrics, gender, mentality, imagery, lyrics, motive, mountain woman, Maryam Isaeva.

Введение. Антропологическая парадигма современного гуманитарного знания, изучающая суть и природу человека и социума, с появлением различных гендерных исследовательских направлений выходит на новый научный уровень. Это связано с тем, что объектом исследования становится не «человек в общем», а «мужчина» и «женщина» в соответствующем контексте их психоэмоциональных типов и социокультурных поведенческих моделей и ролей. При этом возникает необходимость учитывать, что гендерные модели и роли имеют множество вариаций и модификаций в зависимости от этнических, религиозных, исторических, мировоззренческих, возрастных и других факторов.

Именно это стало причиной появления в современной науке нового понятия «этногендер», которое позволяет сконцентрировать внимание ученых на гендерной психологии и культуре различных этносов. Этот ракурс позволяет составить реальные представления о гендерной культуре и своеобразии менталитета самых разных народов [3, 5, 9, 10, 11].

Методика. При внимательном анализе гендерно маркированного художественного текста можно получить богатую информацию о сформированных в том или ином этносоциуме моделях женственности и мужественности. Такого рода анализ могут осуществить литературоведы и фольклористы, опираясь на тексты фольклора и художественной словесности с использованием методов современной лингво- и этнопоэтики в рамках лингвокультурологического подхода, предполагающего анализ текста с позиции взаимосвязи языка и культуры, языка и мышления, языковой картины мира, соотношения национальной и индивидуально-авторской образности. В связи с этим именно методы лингвокультурологии, антропологической лингвистики и литературоведения, этнолингвистики и этнопоэтики, а также различные методы текстологии использованы в данном исследовании.

Основная часть. Изучив чеченские женские лирические песни, мы обнаружили три линии взаимоотношений лирических героинь, через которые транслируется внутренний мир женщины и чеченский национальный характер: «мать – сын», «сестра – брат», «девушка – возлюбленный».

Фольклорная песня «Пусть у отца и у матери сын не родится», известная в двух переводах – Наума Гребнева и Афанасия Фета [8: 14; 1: 56], – представляет собой квинтэссенцию «напутствия матери» [6], являющегося сюжетным элементом многих известных чеченских героико-исторических песен Илли. В ней содержится основная идея воспитания матерью сына, мужчины, кьонаха (молодца) в чеченском обществе: патриота и защитника родной земли, готового в любой момент отдать свою жизнь, отстаивая такие ценности, как свобода, честь, справедливость. В противном случае – мать желает недостойному смерти еще в колыбели. Такая бескомпромиссность чеченской матери имеет исторические корни и причины. Героико-исторический эпос чеченцев Илли и, соответственно, рассматриваемая нами лирическая песня-напутствие, создавались в условиях жестоких колониальных войн, когда весь Кавказ боролся за свою независимость. Воспитание достойного сына, способного отстаивать идеалы предков и свою родину, стало основной задачей чеченской женщины-матери [6, 7].

Женская лирика отличается образностью и повышенной эмоциональностью. Свою боль и переживания героиня обычно воплощает в образах природного мира, иносказательно. Самым частотным является образ птицы. Так, в песне «Голосит тоскливо птица желтая» [8: 35] посредством аллегорического образа птицы, чье гнездо упало с ветки чинары, передана вселенская тоска женщины по утраченной гармонии бытия, в котором в условиях постоянных войн приходится терять близких: детей, мужа, отца, брата...

В женских лирических песнях через диалоги героини с природными объектами (птицей, ветром, солнцем) раскрывается национальная психология и традиционные ментальные установки этноса. Например, в песне «Ты лети скорее, птица милая» [8: 30] девушка просит Всевышнего о том, чтобы он послал ей брата. В чеченском миропонимании

брат – надежная опора сестры, без него она слаба и беззащитна. Об этом свидетельствует и концепт «сестра семи братьев»: в сказках и сказаниях неприступная красавица, обладающая всеми качествами идеальной девушки, обязательно наделяется семью братьями. До сих пор чеченское благопожелание при рождении девочки звучит следующим образом: «ВорхI веший йиша хулийла!» («Пусть будет сестрой семи братьев!»).

Поэтому разлука с братом, сосланным в Сибирь, становится для лирической героини песен «Шелестит ли трава» [8:33], «Мне приносит вести небо синее» [8:34] экзистенциальной катастрофой, поселяющей в душе тоску и печаль. Но даже расстояние, безвестность и тяжелые жизненные обстоятельства не могут разрушить ту эмоциональную связь, которая существует между сестрой и братом: вести о брате приносит «небо синее», «подтверждает черная земля», «ветер слово относит». Мир людей жесток, но природа на стороне разбитых сердец.

Мотив несчастной доли горянки звучит в лирических песнях обычно завуалированно. На помощь для передачи тонких движений чуткой души приходят природные образы, особенно если это касается личных переживаний, связанных с расставанием с возлюбленным, которые в чеченском обществе всегда были закрытой темой, как и в целом в кавказской и мусульманской культуре. Вспомним есенинского менялу с его советом: «О любви в словах не говорят, о любви вздыхают лишь украдкой, да глаза, как яхонты, горят» [2:500]. В песне «Мне сказали – горы высоки» девушка через метафору-фитоним-антитезу передает свое разочарование в любви: «Может быть, грешна я только в том, / Что была слепой и неумелой, / В том, что алым луговым цветком / Камень показался мне замшелый» [8:54]. Лирическая героиня задается философскими вопросами о смысле земного бытия, обращаясь с помощью перифраз к матери и к Богу: «В муках породившая меня, / Для чего меня ты породила? / Сила, сотворившая меня? / Для чего меня ты сотворила?» [8:55]. Мир без любви представляется обителью «зла и бед», от которых безуспешно пытается укрыться девушка, но ни в высоких горах, ни в широких степях невозможно от них спрятаться. Такую скорбную судьбу словно бы предсказывает мотив рождения, перекликающийся с тотемическим мифом из знаменитой этногенетической «Песни о турпале Нохчо», герой которой является мифическим прародителем всех чеченцев. Однако здесь он дополняется еще одним существенным штрихом: волчица в момент рождения героини не просто выла, она была «разъяренной». Этот эпитет, как и дальнейший анималистический ряд: «плачущая сова», «стонущая медведица» – усиливают ощущение трагической судьбы, предначертанной еще в момент рождения.

Томление и одиночество девушки в лирических песнях передаются с помощью символики гор, рек, льда, птиц, воды, огня. Возлюбленный обычно именуется «птенцом», «дорогим» или «милым», который должен найти и освободить красавицу, томящуюся в оковах одиночества «среди гор», как, например, в песне «Скажите птенцу дорожному о том» [8:83]. Он сравнивается с солнцем и месяцем («Поутру не увидимся») [8:76].

Глубоко личные переживания передаются и в песнях, обращенных к бывшему мужу. В «Песне женщины, оставленной мужем» [8:58] тоска женщины и ее беспокойство связаны с ребенком – птенцом, который при живых родителях остался «сиротою».

В чеченском обществе тема «свекровь – невестка» всегда была довольно болезненной. Сложилось стереотипное мнение, которое отражено в анекдотах и песнях о том, что чеченская свекровь – властная, непререкаемая, злая, чуть ли не Кабаниха из пьесы А. Островского «Гроза», а невестка – слабая, безвольная, прислуживающая, униженная. В песне «Скажите, подруги!» будущая невестка умело очерчивает границы, за которые не должен переходить ни один участник семейных отношений, чтобы в новой семье царили покой и гармония: ее матери необходимо зятя принять как сына; сама она станет дочерью для свекрови, но в случае если та «станет бранить, попрекая куском, / Закахну я, бедная, плача тайком» [8:61]. Обратим внимание на тот факт, что невеста не обращается напрямую ни к родной матери, ни к матери жениха. В качестве посредников выступают подруги, используется прием риторического обращения. Этот этикетный момент, именуемый «иэхь – бехк» (стыд – вина), подчеркивает особое уважение чеченцев к старшим, скромность молодежи, но и желание отстаивать свои интересы, которое звучит как предупреждение об ответственности родителей перед Богом за

то, как сложится судьба детей в браке. Экзистенциал вины и ответственности является одним из ведущих в парадигме чеченских нравственно-этических ценностей.

Женские лирические песни выстраиваются с помощью постоянных фольклорных метафор, сравнений, символов и эпитетов, большинство из которых связаны с миром природы, ассоциирующейся со свободой, гармонией, величием, красотой. Традиционными стилистическими фигурами являются обильные риторические вопросы, обращения, восклицания, повторы, а также диалоги.

Чеченская поэзия выросла из фольклорных образов и мотивов, особенно на начальном этапе своего становления. Так, полностью в народно-лирической стилистике написана легенда «Гамар» [1:112–116] одной из первых чеченских писательниц, Марьям Исаевой. Петмат (название цветка мака), героиня поэмы, является сестрой семи братьев, ее неприступных стражей. В этом произведении Марьям Исаева, будучи одним из передовых людей своего времени, ставит проблему гендерного неравенства и чрезмерной опеки, которой окружают чеченскую девушку с детства, что порой препятствует реализации ее личного счастья. Повстречав свою любовь, Петмат погибает вместе с возлюбленным Гамаром (переводится как «глыба»), который сравнивается со львом, от рук братьев из-за коварства злобной вдовушки Ялийты (имя переводится с чеченского как «Пусть она умрет»). Марьям Исаева полермонтовски описывает бой Гамара с барсом, в котором в честном поединке побеждает «лучший из богатырей» Гамар, но, попав в сети коварства и лжи, он оказался перед ними бессилён. Образ Гамара выстраивается по аналогии с героем илли: он обладает могучей силой, красотой, мужеством, под стать ему и его «белогривый конь», «словно сокол легкокрылый». Описывая братьев, поэтесса подчеркивает их силу и горделивость. И вот это качество – «гордыня» – и станет одной из причин того, почему братья, не разобравшись в ситуации, поверят лживой Ялийте и погубят самого дорогого человека – свою сестру и ее суженого. В фольклорных традициях выписан и финал поэмы: Гамар превращается в огромную скалу, девушка станет прекрасным ручьем с водорослями волос, кровь влюбленных зацветет на поляне вокруг ручья ярко-красными маками, а братья превратятся в семь ясеней, которые просят своими склоненными ветвями прощения у погубленной сестры. Данный сюжет также написан по мотивам устного народного творчества, но он имеет свой контекст, соответствующий времени написания. Марьям Исаева, будучи прогрессивным представителем чеченской интеллигенции начала и середины XX века, высокообразованная, активно боровшаяся с безграмотностью, организовавшая школы и избы-читальни для женщин, заведовавшая отделом народного образования Чеченской автономной республики (по нынешним временам – министр образования), конечно, была насквозь пропитана советской идеологией, которая, в том числе, была направлена в национальных республиках на борьбу с так называемыми «пережитками прошлого» – адатами. Поэтому легенда о Гамаре, безусловно, имеет идеологический подтекст, о котором поэтесса прямо заявляет: «В жертву мрачному адату девушка принесена», называет братьев «грозными убийцами», которые, превратившись в ясеней, «жалуются на адат». Но концепт «сестра семи братьев» выше партийной идеологии: читая поэму, каждый чеченец и тогда, и сейчас понимает, что не адат, предписывающий защищать честь сестры, виновен в трагедии, а коварство людское в облике Ялийты, поспешность в принятии решений и гордыня братьев, безрассудство Петмат и Гамара, который вместо того, чтобы дожидаться братьев из похода и попросить ее руки, практически похищает их сестру (по ее же воле).

Таким образом, Марьям Исаева, хотя и ставит определенные авторские задачи, продиктованные временем, в котором она творит, но настоящее творчество выходит за пределы этих рамок и встраивает сюжет в систему вечного противостояния добра и зла, благородства и зависти, и объясняет трагическую кульминацию не пресловутыми адатами, а пороками человеческими, эгоизмом, причем со стороны всех персонажей: Ялийты, Гамара и Петмат, семи братьев. Каждый из них действует исходя из своих интересов: Ялийта – из зависти, Гамаром и Петмат руководит безрассудство любви, братья совершают убийство по наговору, якобы защищая честь семьи. Истинная любовь – братьев к сестре, сестры к братьям,

девушки и юноши – оказывается по-шекспировски попоранной мелкими страстями и интригами.

Стихотворение «Зелимхан» [1: 116–118] Марьям Исаевой посвящено легендарному чеченскому абреку Зелимхану Гушмазукаеву, чье беспримерное мужество воспето в песнях илли, ему посвящены и два романа – осетина Дзахо Гатуева и чеченца Магомета Мамакаева, а также яркое стихотворение нашего современника Исмаила Хабаева.

Марьям Исаева подчеркивает, что жизнь Зелимхана положена на алтарь борьбы «за свободу родимой Чечни», благодаря чему герой будет вечно жить в памяти народа. Она подчеркивает, что ради этой борьбы Зелимхан пожертвовал собственным благополучием, а его жизнь называет «великой борьбой». И в этом произведении поэтесса опирается на фольклорные традиции, создавая психологический портрет Зелимхана в соответствии с поэтикой илли, в которых герой наделяется исключительными качествами; в создании образа ключевую роль играют анималистические метафоры и сравнения: «по суровым горам ты оленем блуждал одинок», «по-орлиному взор твой сверлил этот сумрак лесной», «словно раненый сокол» и др. Лишенный родного очага, в отдалении от жены и детей, Зелимхан тем не менее, несмотря на одиночество, находится под надежной защитой: «Но тебя охраняла природа родимой Чечни» [1:116]. В этом слиянии героя с природой возникает драматичный и в то же время удивительно лиричный образ, лишенный всякой патетики и наносного пафоса. Простой, от корней родной земли, благородный образ формируется легкими штрихами, соединяющими воедино естественное состояние свободной природной стихии – гор, неба, лесов, рек, растений, животных – с идеалом борьбы за свободу, к которой исторически стремится народ. Символическим воплощением этой борьбы является кинжал: «Если голод томил, / Ты был рад, ежевику найдя, / Если мучила жажда, / Ты рад был и капле дождя. / Было небо само одеялом твоим голубым, / А родная земля – / Незастеленным ложем твоим. / Ты подругу имел – Закаленную шашку свою, / Ты имел побратима – / Кинжал, выручавший в бою» [1:117].

В конце произведения поэтесса подчеркивает, что Зелимхан был борцом с произволом царской власти и не будет забыт «свободным чеченским народом» (безусловно, опять с позиции времени создания этого текста, в котором «свободный» и «справедливый» были синонимами слова «советский»).

И в этом случае мы можем свидетельствовать о том, что заданные автором интенции оказались шире советской идеологической парадигмы, так как категория «свободы» является непреходящей ценностью, а ее достижение – идеалом человеческого существования во все исторические эпохи и не зависит от этнической принадлежности и политической конъюнктуры. Однако у отдельных народов отношение к свободе и ее достижению занимает особое место. В чеченском нравственном кодексе это верхняя точка аксиологической шкалы, что объясняется историческими обстоятельствами, жизненным укладом, национальным характером, природными и климатическими условиями проживания.

Заключение. Чеченская женская поэзия в течение трех столетий прошла длинный путь от фольклора до ярких авторов современности, отражая чаяния народа и его восприятие мира и исторических событий сквозь призму ранимой, глубокой, утонченной и сильной души горянки.

Уже в женских лирических песнях, созданных в период Кавказских войн, заложены основные мотивы, темы, эмоциональные и нравственно-этические категории, которые в дальнейшем получили развитие в творчестве самобытных чеченских сказительниц и поэтесс: Балкан Анзоровой, Марьям Исаевой, Раисы Ахматовой, Баны Гайтукаевой, Лулы Жумалаевой, Медины Исабаевой, Хеды Батаевой, Розы Талхиговой и других.

Выводы. Проанализировав основные мотивы чеченских женских лирических песен и ключевые поэтические произведения классика чеченской литературы Марьям Исаевой, мы пришли к выводу о том, что чеченская гендерная культура представляет собой динамично развивающееся явление, которое, начиная с фольклора, с одной стороны, имеет сильную связь с архетипическими и патриархальными корнями, но, с другой стороны, подвержена влиянию

новых феминистических процессов. Художественное мышление и опыт чеченских женщин представляют собой мощный фактор национальной идентификации и сохранения общих аксиологических установок этноса. При этом исторические, социальные и политические условия могут трансформировать отдельные морально-эстетические установки авторов, но не приводят к окончательной деформации этноментальных констант, базирующихся на национальных традициях, мировоззрении и этикете. Это подтверждает связь авторской образности с национальной концептосферой и сложившейся метафорикой, наличие устойчивых фольклорных мотивов в творчестве авторов, чьи произведения в наибольшей степени отражают специфику национального мировидения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология чечено-ингушской поэзии. Сост. Дыхаев В.А. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1981. – 463 с.
2. Блок, Маяковский, Есенин. Избранные сочинения. – М.: «Художественная литература», 1991. – 701 с.
3. Довлеткиреева Л.М., Кучукова З.А., Берберова Л.М., Бауаев К., Утишева Л.В. Динамика кавказской гендерной культуры / Dovletkireeva L.M. Kuchukova Z.A., Berberova L.B., Bauayev K., Utizheva L.B. Dynamics of Caucasian gender culture. // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. London: Iso London Limited, 2019. Pg. 753–764.
4. Довлеткиреева Л.М. Лингвостилистический аспект стихотворного текста. // Известия. № 1. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2025.
5. Ерохина Л.Д. Гендерология и феминология: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
6. Мунаев И.Б., Довлеткиреева Л.М. Концепт «мать» в чеченском фольклоре и литературе // Материалы Международной научной конференции «Дешериевские чтения – 2025». – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2025. – С. 112–120.
7. Мунаев И.Б., Довлеткиреева Л.М. Мотив «напутствие матери» в чеченском позднем героико-историческом эпосе или // Фольклор и возникновение авторского словесного искусства. Материалы Региональной научно-практической конференции «Национальное словесное искусство: итоги и перспективы изучения», приуроченной к 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора А.М. Гутова. Институт гуманитарных исследований, Нальчик, 26 июля, 2024 г. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр». – С. 201–209.
8. Песни вайнахов. Сост. М. Дикаев. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. – 178 с.
9. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. – СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. – 496 с.
10. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.
11. Хараева Л.Ф., Кучукова З.А. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2018. – 192 с.

УДК 821.161.1

ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЗЕРКАЛО ВСЕЛЕННОЙ. О ТВОРЧЕСТВЕ КАЛМЫЦКОГО ПОЭТА И ПРОЗАИКА ЕВГЕНИЯ ПАХОМОВА

Дякиева Б.Б.,

*д-р пед. наук, заведующий кафедрой калмыцкой литературы и журналистики
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»*

Лактионов Л.В.,

*магистрант 2 года обучения
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»*

Гулиева А.Б.,

*магистрант 2 года обучения
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»*

Аннотация. В статье авторы обращаются к творчеству калмыцкого поэта, прозаика, публициста и переводчика Евгения Федоровича Пахомова. Пахомов Е.Ф. представляет современную русскоязычную литературу Республики Калмыкия; его творчество отличается философским пониманием жизни, многожанровостью, обращением к мыслителям прошлых лет. Авторы анализируют такие поэтические сборники автора, как «Следы звезды далекой» (1998), «Восточный странник» (2003), «Закон судьбы» (2006), «Судьба звезды далекой» (Стихи об Омаре Хайяме, 2009), «Был бой» (2011), «Избранное» (2023), «Свет «Субхашиды», «Где истин Свет» и др. Особенно важным является обращение к творчеству калмыцкого поэта и прозаика в год, объявленный Президентом Российской Федерации «Годом единства народов России»*. Творчество Пахомова Е.Ф. подтверждает тот факт, что художественное слово, литература, транслируя общечеловеческие ценности, сближает народы, укрепляет дружбу между всеми.

Ключевые слова: калмыцкая литература, поэт, Пахомов Евгений Федорович, поэтическое творчество.

HUMANITY IS A MIRROR OF THE UNIVERSE. ON THE WORK OF KALMYK POET AND PROSE WRITER EVGENY PAKHOMOV

Dyakieva B.B.,

*Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the
Department of Kalmyk Literature and Journalism
Gorodovikov Kalmyk State University*

Laktionov L.V.,

*Second-Year Master's Student,
Gorodovikov Kalmyk State University*

Gulieva A.B.,

*Second-Year Master's Student,
Gorodovikov Kalmyk State University*

Abstract. In this article, the authors examine the work of Kalmyk poet and prose writer, publicist, and translator Evgeny Fedorovich Pakhomov. E.F. Pakhomov presents contemporary Russian-language literature from the Republic of Kalmykia. His work is distinguished by a philosophical understanding of life, a multi-genre approach, and references to thinkers of the past.

The authors analyze such poetry collections as «Traces of a Distant Star» (1998), «Eastern Wanderer» (2003), «The Law of Fate» (2006), «The Fate of a Distant Star» (Poems about Omar Khayyam, 2009), «There Was a Battle» (2011), «Selected Works» (2023), «The Light of Subhashida», «Where the Light of Truth is» and others. It is especially important to examine the work of this Kalmyk poet and prose writer in the year declared by the President of the Russian Federation as the «Year of Unity of the Peoples of Russia». This confirms the fact that artistic expression, literature, by conveying universal human values, brings peoples together and strengthens friendship among all.

Keywords: Kalmyk literature, poet, Evgeny Fedorovich Pakhomov, poetry.

*Указ Президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» от 25.12.2025 г.

Литературное пространство Калмыкии во все этапы своего становления развивалось и обогащалось благодаря неопенимому вкладу классиков калмыцкой литературы, всех писателей, кто писал и пишет на калмыцком языке. Но вместе с тем сложно представить литературу степного региона без таких замечательных имен не просто русскоязычных поэтов и писателей, но и русских от рождения. Это Лия Петрова (Щеглова), Григорий Кукарека, Евгений Пахомов, Алексей Скакунов, Анатолий Савинов, Ольга Чернышова, Василий и Галина Сокиркины и другие.

Каждое новое писательско-поэтическое имя отражало яркую творческую индивидуальность авторов, создавая общее национально-литературное мировидение, расширяя во времени и пространстве самобытную калмыцкую литературу. В год, объявленный Президентом Российской Федерации Годом единства народов России*, рассмотрим творчество Пахомова Евгения Федоровича – талантливого поэта и писателя Калмыкии. Евгений также известен как переводчик, публицист, является членом Союза писателей России и Академии российской литературы, Московского творческого клуба «Московский Парнас». Еще он – лауреат литературных конкурсов «Герои Победы», «Русь моя», «Наследие», «Георгиевская ленточка», «Поэт года – 2017», автор серии стихов, вошедших в Антологию современной поэзии России.

Лично мы с ним познакомились благодаря его еще одной почетной обязанности – Евгений Федорович является руководителем регионального отделения Всероссийского созидательного движения «Русский Лад», которое в целях возрождения традиций народов России ежегодно проводит конкурсы по всей России по многим творческим номинациям, включая прозу, поэзию, прикладное творчество и т. д. И вот уже несколько лет мы направляем на конкурс работы наших студентов, и к общей радости каждый раз получаем дипломы победителей, призеров и участников.

Творчество Е.Ф. Пахомова как поэта видится очень ярким и многогранным, анализ которого позволяет выявить новаторство автора как творческой личности, определить его особенный вклад в национальную и интернациональную литературу Калмыкии. Публиковаться он начал рано: первые стихи были написаны в 15 лет. Сначала его имя как автора стало появляться в местных периодических изданиях, печатались в литературно-художественных журналах «Теегин герл» и «Отчий край». Сегодня он – автор 16 поэтических сборников, выходивших в московском издательстве «Молодая гвардия», а также в издательствах Калмыкии.

Сборники «Следы звезды далекой» (1998), «Восточный странник» (2003), «Закон судьбы» (2006), «Судьба звезды далекой» (стихи об Омаре Хайяме, 2009), «Был бой» (2011), «Избранное» (2023) и другие отражают мировоззрение и миропонимание автора с глубоким и реалистичным видением социальных проблем, душевного дискомфорта отдельного человека. Стихи говорят нам о сложности бытия, о вечных ценностях – добре и зле, любви и терпении, о силе и цене победы...

Читаем в сборнике «Восточный странник»:

*Людская глупость, как песок –
С трудом вытаскиваешь ноги.
Порой сбиваешься с дороги,
Приняв за истину порок.
Но глупость – это полбеды,
Есть настоящая беда:
Вдруг рухнешь в омут клеветы,
И страшно, если навсегда [1].*

Лично мне нравятся все произведения Е. Пахомова, его стихи – выстраданная мысль, выражение переживаний за тех, кто ушел вчера – в бою ли или болезнь забрала, и за ныне живущих...

Вот «Возвращение на родину»:

Я очернен

*Невзгодами земли,
Но родину не предал,
Не проданся.
Здесь для меня
Искрятся ковыли.
И я таким, как есть,
Живу – остался.
Нет черноты
В душе моей земной,
Нет злобы
Против падающих и заблудивших,
Хотя покой
Проходит стороной
От наших дразг
Печально отвернувшись [2].*

Одной из ярких страниц в творческой биографии поэта стало обращение к философии буддизма, к наследию известных буддийских школ и тибетских монахов. В 2020 году была издана книга «Свет «Субхашиды»*. «Субхашида» («Мудрые речения») была написана тибетским ламой Сакья-пандитой в XIII веке и включает в себя афоризмы, поясняющие суть наставлений в области религии, политики, морали.

Данный литературный памятник, не только не потерявший своего значения и пользующийся популярностью в Тибете и Монголии, актуален и сегодня яркими нравоучениями и мудрыми наставлениями. На них и обратил внимание Е. Пахомов, и родилась замечательная поэтическая книга «Свет «Субхашиды»: стихи по мотивам литературного памятника с послесловием и комментариями автора. Получился своеобразный, талантливый тандем стихов современного поэта и мудрых изречений древних мыслителей. Книга состоит из 9 глав: «Размышления о людях мудрых, благородных, невежественных», «О судьбе и истине», «О дурном поведении», «О нарушении нравственных устоев», «Об истинном учении».

Вот, к примеру, глава «Размышление о Дхарме» (по мотивам сочинения тибетского ламы Сакья-пандиты).

В комментарии автор поясняет, что Сакья-пандита Гунга-джалцан является одним из крупнейших политических и религиозных деятелей в истории Тибета. Он считается воплощением бодхисатвы Манджушри, олицетворяющего мудрость всех будд.

Что касается всей книги, то Евгений Федорович в своем послесловии пишет, что книга «... одна из попыток показать, насколько многогранна философская мысль индийских мудрецов, какие она приобрела оттенки в ойратских источниках, появившись благодаря досточтимому Зая-пандите, в монголо-ойратской письменности» [3].

В прошлом, 2025 году, к III Международному буддийскому форуму из печати выходит новая книга Е. Пахомова «Где истин Свет»*, в которой автор вновь обращается к философии буддизма, основным идеям буддийских школ. Эта книга стала уже третьей из-под пера автора о буддийских первоисточниках, о вершинах достижения философской мысли в буддизме. Вот как он поясняет для читателя свое новое обращение к теме веры: «Мы все должны жить по законам времени, не ускоряя, не замедляя свое движение, данное нам изначально природой. Проповедуя любовь как источник гармонии, мы находим все новые и новые точки соприкосновения в пространстве и времени, там, где нам предстоит жить в новых поколениях. Сама мысль о перерождении, о нашем сосуществовании с природой, ее бесконечном преобразовании, а также наше сострадание к живым существам – это тоже часть самосохранения нашей Вселенной» [4]. Книга включает разделы: «Бытие. Будда и современность», «О числах», «Размышления к изречениям Будды», «Школа Карма Кагью», «Школа Сакья», «Школа Гелугпа», «Школа Ньингма» и др. Рассуждая о четырех направлениях в буддизме, об основных школах, автор утверждает:

*Пахомов Е.Ф. «Свет «Субхашиды», Элиста, Изд-во 2020. – 156 с.

«Все они говорят о том, что человек должен жить в мире с природой, и человеческое сообщество может существовать, только имея общие нравственные представления, которые и принесут общий порядок во Вселенной и на планете Земля».

Без преувеличения, книга уникальна во многом: и полнотой точных, ярких, поэтических ответов и комментариев на мудрые изречения мастеров философской мысли. И своевременностью выхода – она настолько просится быть прочитанной, дабы уберечь себя от ошибок, найти гармонию в столь мятежное время. Уникальна и тем, что для постижения истины, религиозного вероучения, необязательно быть философом, верующим; необязательно быть христианином для постижения мудрых христианских заповедей и учений; необязательно быть буддистом, чтобы донести до современников буддийские первоисточники. Надо быть просто человеком, способным в доступной форме раскрыть истинный Свет, показать, что каждый человек – это зеркало Вселенной.

*Будьте светом себе самому,
Не беспокойтесь о том, что говорят другие,
Не беспокойтесь относительно традиций,
религий, нравов. Просто будьте светом себе самому.*
Будда

*Где истин свет,
Там нет другой природы.
Где истин свет,
Там нет других миров.
Где истин свет,
Идут туда народы
С печальями свершившихся веков.
Там мир и свет –
Едины их мгновенья,
Где человек – лишь слабое звено,
Где прошлое – в секундах искушение,
Где свет Вселенной – звездное число.
И множит свет пространство на частицы,
И истина в числе несет заряд,
Где мир готов в других мирах открыться,
Где вечность возрождает звездный сад.
Так свет един,
И все едино в свете,
И человек – вселенной луч времен.
Там путь его давно определен
В неведомом для истины Завете [5].*

В дни проведения III Международного буддийского форума был издан сборник «Тихо Будде прошепчу...» (кстати, очень теплой и душевной получилась книга). В содержании можно прочесть произведения калмыцких поэтов и писателей лирико-философской и буддийской тематики. В него были включены и стихотворения Евгения Пахомова. Первое из них звучит так:

*Мы все буддисты от рожденья,
Едины с вечной пустотой.
Нас делит страх, страстей влечение,
И рок, что мы зовем мечтой...*

*Пахомов Е.Ф. Где истин Свет. Элиста, Изд-во, 2024. – 124 с.

*Но в этом мире все заметно,
Душа в тебе, как светоч дней.
И мысль Будды нитью светлой
Сшивает ткань судьбы твоей* [6].

Составитель сборника, Председатель Правления Калмыцкого регионального отделения Союза писателей России Татьяна Бадакова отмечает: «Стихотворения Евгения Пахомова особо выделяются глубиной осмысления изречений Будды. Он дает к ним собственный комментарий в стихах» [7].

Восточная мысль, на которой строится буддизм как наука, несет определенный заряд во все сферы интеллектуального обновления. Буддизм не ставит жестких рамок в жизненных перипетиях, но дает возможность еще раз увидеть и соизмерить свой путь, и решить свое будущее в этом мире, в мире порой негибком, и неопределенном с точки зрения обычного человека. Образное мышление в буддизме подпитывает и обновляет логические конструкции, придуманные самим человеком на отдельном отрезке жизни, когда человек не может отойти от догмы и перейти к другому, более совершенному методу познания. Образное мышление заложено в самой природе человеческого существования, и одной из особенностей человеческого сознания является поэзия как один из методов сохранения мысли и её нравственной основы. В этом направлении и Евгений Пахомов находит сам принцип самовыражения духовных составляющих человеческого бытия.

Замечательно, что мы обратились к творчеству Евгения Пахомова в начале года, который проходит как Год единства народов России. Для нашего многонационального региона это повод еще раз отметить ту особенную атмосферу дружбы и согласия в родной республике. Важно отметить особый вклад в это важное дело наших литераторов. Художественное слово, литература, транслируя общечеловеческие ценности, сближает народы, укрепляет дружбу между всеми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пахомов Е.Ф. Людская глупость как песок. Сборник «Восточный странник». – Элиста, 2003. 206 с. – С. 40.
2. Пахомов Е.Ф. Возвращение на родину Сборник «Восточный странник». – Элиста, 2003. 206 с. – С. 34.
3. Пахомов Е.Ф. Сборник «Сиянье мудрости веков». – Барнаул, 2022. 143 с. – С. 139.
4. Где истин свет. Сборник «Где истин свет». – Барнаул, 2025. 124 с. – Стр. 21.
5. Там же.
6. Пахомов Е.Ф. Мы все буддисты от рождения. Сборник «Тихо Будде прошепчу...»/ сост. Бадакова Т.И. – Москва: Бумба, 2026. 144 с. – С. 66.
7. Бадакова Т.И. Сборник «Тихо Будде прошепчу...»/ сост. Бадакова Т.И. – Москва: Бумба, 2026. 144 с. – С. 66.

УДК 821.351.42

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗА ГЕРОЯ РОМАНА М. МАМАКАЕВА «ЗЕЛИМХАН»

Расумов В.Ш.,

канд. филол. наук, доцент кафедры «Чеченская филология»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье рассматривается специфика фольклорных традиций в художественной структуре романа Магомета Мамакаева «Зелимхан». Отмечается, что для чеченской литературы XX века устное народное творчество выступает не только источником сюжетов и образов, но и важнейшим носителем исторической памяти, духовных ценностей и национального художественного мышления. Особое внимание уделяется анализу образа Зелимхана, который соотносится с типологией героев чеченских героико-исторических песен – илли. Выявлено, что в романе Мамакаева фольклорные элементы проявляются не только на уровне тематико-образной системы, но и в особенностях повествовательной организации, системе мотивов и принципах построения характера центрального персонажа. Рассматривается мотив похищения невесты как один из традиционных сюжетных элементов народного эпоса, выполняющий функцию катализатора конфликта и средства раскрытия героических качеств персонажа. Делается вывод о том, что Мамакаев не воспроизводит фольклорные модели механически, а осуществляет их творческую переработку в рамках реалистической художественной системы, благодаря чему традиционный эпический архетип получает новое социально-историческое и психологическое содержание.

Ключевые слова: Магомет Мамакаев, роман «Зелимхан», чеченская литература, фольклор, илли, героико-исторические песни.

FOLKLORE TRADITIONS IN THE SYSTEM OF THE IMAGE OF THE HERO OF M. MAMAKAEV'S NOVEL "ZELIMKHAN"

Rasumov V.Sh.,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Chechen Philology
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article examines the specific features of folklore traditions in the artistic structure of Magomet Mamakayev's novel "Zelimkhan." It is noted that for 20th-century Chechen literature, oral folklore serves not only as a source of plots and images but also as a crucial vehicle for historical memory, spiritual values, and national artistic thinking. Particular attention is paid to the analysis of the image of Zelimkhan, which correlates with the typology of heroes in Chechen heroic-historical songs (illi). It is revealed that in Mamakayev's novel, folklore elements are manifested not only in the thematic and figurative system but also in the features of the narrative organization, the system of motifs, and the principles of character development of the central character. The motif of bride abduction is considered as a traditional plot element of folk epic poetry, serving as a catalyst for conflict and a means of revealing the heroic qualities of the character. It is concluded that Mamakayev does not reproduce folklore models mechanically, but carries out their creative reworking within the framework of a realistic artistic system, thanks to which the traditional epic archetype receives new socio-historical and psychological content.

Keywords: Magomet Mamakayev, novel «Zelimkhan», Chechen literature, folklore, illi, heroic-historical songs.

В истории чеченской литературы XX века особое место занимает поэт и прозаик Магомет Мамакаев, который рассматривал художественное слово как инструмент осмысления истории народа. Его творческая позиция заключалась в стремлении «перелистывать» через литературу как светлые, так и трагические страницы прошлого, обозначая границы добра и зла. Осознание этой миссии пришло к нему ещё в ранней юности и сохранялось на протяжении всей жизни, воспринимаясь им как своеобразная нравственная и художественная ноша, требующая предельной ответственности и верности исторической правде.

Подход Мамакаева к фольклору можно охарактеризовать как реалистически ориентированный: писатель стремился к максимально точной фиксации живой народной речи и к её органичной художественной переработке. В отличие от романтической традиции, для которой характерна тенденция к идеализации прошлого и поиску «чистых» проявлений

национального духа, Мамакаев не стремился реконструировать условный образ «древней» народной культуры. Его интерес был сосредоточен на динамике народного творчества, на его функционировании в современной социальной среде и на способности устной традиции отражать реальные процессы жизни общества.

Роман «Зелимхан» занимает значимое место в жанрово многогранном и концептуально целостном творчестве Магомета Мамакаева – одного из классиков чеченской литературы XX века. Художественной системе писателя свойственно органическое единство замысла и его текстовой реализации: произведения разных жанров образуют внутренне связанную целостность, соотносимую с образным миром чеченского фольклора.

Образ Зелимхана в романе М. Мамакаева типологически соотносится с героями чеченского героико-исторического эпоса – илли, где воплощён идеал борца за справедливость и защитника социально уязвимых слоёв общества. В этом контексте фигура Зелимхана соответствует устойчивой фольклорной модели народного заступника, стремящегося восстановить нарушенный нравственный порядок.

Как отмечает Т.Б. Джембекова, роман М. Мамакаева «Зелимхан» можно отнести к произведениям героико-исторического жанра, в художественной структуре которого значительное место занимают элементы устного народного творчества, что обусловлено как спецификой жанра, так и развитием в чеченской прозе середины XX века черт «народного художественного мышления» [1, с. 217].

Наиболее ярко данная тенденция проявляется в романе М. Мамакаева, посвящённом легендарной личности народного героя Зелимхана. Созданию произведения предшествовала длительная исследовательская работа: писатель обращался к архивным материалам Москвы, Ленинграда, Орджоникидзе и Грозного, беседовал с родственниками абрека, собирал и сопоставлял народные предания о его жизни. Комплексное использование документальных и фольклорных источников позволило автору создать многоплановый художественный образ героя, сочетающий историческую достоверность и эпическую традицию.

Ранее к образу Зелимхана обращался осетинский писатель Дзахо Гатуев, однако его произведение в большей степени оставалось в пределах хронологической и документальной реконструкции событий.

Мамакаев, сохранив историческую достоверность, создал сложное художественное пространство, в котором раскрываются духовные и физические качества народного мстителя, а также социально-исторические предпосылки абречества, его причинная обусловленность и культурно-идеологические основания. Роман отражает не только правдоподобие индивидуального образа героя, но и глубокое осмысление исторических и коллективных факторов, формирующих феномен абрека в контексте народной жизни. При этом Мамакаев стремится представить Зелимхана в его исторической и социально-культурной конкретности: главный персонаж воплощает архетип героя, близкий к героям эпических песен илли, где отражаются не только исторические события, но и условия формирования личности, служащей интересам народа. В этом смысле Зелимхан предстает не только как исторический прототип, но и как символ народного героизма и нравственной стойкости.

По мнению О.А. Джембекова, «наиболее продуктивным для Мамакаева в плане овладения жанровыми приёмами литературной прозы оказалось обращение к обработке и переложению народного эпоса, героико-исторических песен илли и фольклорной прозы, а также создание произведений на основе фольклорных сюжетов, непосредственно связанных с эстетическим идеалом народа, воплощённым в образе мужественного героя» [2, с. 13].

Как известно, центральным персонажем илли выступает либо обездоленный юноша, либо известный предводитель. В этом контексте художественная интерпретация Мамакаева опирается на архетипические основания национальной эпической традиции, трансформируя фольклорную парадигму в рамках авторского художественного дискурса.

Фольклорное начало романа проявляется в намеренной героизации центрального персонажа, придающей его образу значимость и возвышенность. Зелимхан строится в русле поэтики героев илли: акцент делается на его внешности и выразительном взгляде, сочетающем

суровость к врагам и привязанность к близким. Подчёркнутые физическая сила и мужество героя вызывают восхищение даже у противников, как отмечает купец: «Ма бурса адам а ду... Вот он, оказывается, какой – Зелимхан!...» [4, с. 238].

Художественная концепция Зелимхана не является прямым воспроизведением фольклорного канона: у Мамакаева образ героя подвергается авторской трансформации и предстает прежде всего как борец-одиночка – абрек, чья судьба отмечена мотивом экзистенциальной изоляции и отчуждённости от социума. Генетически фигура Зелимхана соотносится с архетипом эпического «одинокоего всадника», известного по нартскому эпосу чеченцев (образ Сеска Солсы), где индивидуальный героизм сочетается с трагическим предчувствием судьбы и дистанцией по отношению к коллективу. Однако у Мамакаева этот архетип получает новое художественное осмысление: эпическая модель не воспроизводится механически, а переосмысливается в контексте историко-социальной реальности, отражая сложность и противоречивость положения героя в обществе.

Тем самым роман демонстрирует не простое воспроизведение фольклорных структур, а их творческую переработку, благодаря чему традиционный эпический тип героя приобретает новые смысловые и психологические измерения.

Несмотря на сравнительно основательную разработанность данной проблематики, в научной литературе недостаточно освещено влияние поэтики устного народного творчества на формирование художественного мира произведений Магомета Мамакаева. Между тем обращение писателя к фольклорной традиции, особенно в произведениях об историческом прошлом, в том числе в романе «Зелимхан», проявляется не только в тематико-образной системе, но и в специфике повествовательной организации, генетически связанной с традициями устной прозы.

В этой связи целесообразно сосредоточить исследовательское внимание на анализе художественной структуры произведения. Цель статьи – рассмотреть образ Зелимхана сквозь призму традиций героико-исторических песен илли и выявить влияние фольклорной типологии и мотивной системы на формирование характера героя и логику его действий в романе.

С первых страниц романа М. Мамакаева динамика событий, напряжённость конфликтов и острота коллизий определяют сюжетно-композиционную структуру произведения. Катализатором драматического конфликта становится насильственное уведение невесты Солтамурада старшиной Адодом Элсановым с целью выдать её за своего сына, что нарушает социальные и нравственные нормы. Личный конфликт постепенно расширяется до социально-исторического уровня, формируя основу для дальнейшего раскрытия психологических и нравственных характеристик персонажей.

Мотив похищения невесты занимает важное место в народном эпосе и чеченских героико-исторических песнях илли. Сюжеты, в которых представители одного рода насильственно уводят невесту, предназначенную мужчине другого рода, образуют устойчивую повествовательную схему. Герой в таких историях проявляет мужество, силу и находчивость, возвращает похищенную женщину и мстит врагам. После кульминационного столкновения посредники оценивают законность мести и способствуют урегулированию конфликта, а финал обычно знаменует восстановление социального порядка и гармонии в коллективе.

Это отражено и в строках илли:

«...Сразился с князьями гехинец Гани,
И выиграл битву гехинец Гани,
И с милой невестой, сестрой семи братьев,
Домой возвратились отважные братья.
И жить они стали счастливо, красиво –
Всем людям, плохим и хорошим на диво» [3, с. 136].

(Перевод Н. Горской)

Мотив похищения невесты выполняет несколько функций: он становится катализатором конфликта, средством демонстрации героических качеств персонажа и инструментом закрепления социальных и моральных норм в коллективном сознании.

В художественной интерпретации М. Мамакаева образ Зелимхана соотносится с традиционным типом фольклорного героя. Совершив поступки, продиктованные нравственными нормами горского общества – вернув невесту брату и отомстив за гибель близких, – он стремится к мирной жизни, однако неспособность примириться с несправедливостью вновь вовлекает его в противостояние с существующим порядком.

Данная мотивационная модель соотносится с традицией чеченских героико-исторических песен или, представляющих поздний этап развития народно-эпической поэзии. Для этого жанра характерен реалистический тип героя, лишённого сверхъестественных атрибутов и достигающего целей благодаря личному мужеству и решимости. Такими качествами наделён и Зелимхан, что позволяет рассматривать его как художественное продолжение фольклорного архетипа.

По своей внутренней природе Зелимхан – человек сильной воли и незаурядного характера, вынужденный обстоятельствами одновременно защищать обездоленных и нарушать привычный социальный уклад. Исполняя данную отцу клятву кровной мести, он вместе с братом Солтамурадом должен расправиться с кровником. Писатель придаёт происходящему выраженное психологическое измерение: Солтамурад вспоминает, что когда-то сын старшины спас его из проруби, и осознаёт трагическую парадоксальность ситуации – теперь один из них должен погибнуть.

В последующей схватке Зелимхан, предложив Говде стрелять первым, убивает Успу. Несмотря на краткое чувство сожаления, герой подчиняется суровым «законам гор», и именно с этого момента начинается его жизнь абрека. Однако этот выбор не является проявлением безрассудного бунта: воспитанный в традициях горской этики, основанной на понятиях чести и справедливости, Зелимхан, сталкиваясь с жестокостью и несправедливостью социальной действительности, постепенно приходит к решению противостоять существующему порядку.

В чеченской традиции и в романе М. Мамакаева судьба абрека предстает трагическим путём постоянной борьбы и преследования. Подвиги Зелимхана приобретают черты образа благородного разбойника: отнимая богатства у зажиточных, он помогает бедным. Так, герой решает: «...Третью часть мы отдадим сиротам, остальное разделим между нами» [4, с. 157].

Мотив справедливого распределения добычи занимает устойчивое место и в героико-исторических песнях или, где герой выступает выразителем коллективных интересов. Например, в песне о Сурхо, сыне Ады, после победы над князем Мусостом герой делит захваченные земли между земляками: «Земли, принадлежавшие князю, разделил он между земляками» [3, с. 121].

В романе М. Мамакаева эпический мотив получает вариативное художественное воплощение. В одном эпизоде Зелимхан действует как герой народного эпоса, в одиночку нападая на военный отряд и побеждая в неравном бою. В другом случае его отряд совершает нападение на Кизляр, стремясь возместить потери, нанесённые царским офицером Вербицким. Поведенческая установка героя формулируется в логике эпического кодекса возмездия: «на убийство отвечать убийством, на грабёж – грабежом». Тем самым Мамакаев не только воспроизводит эпические мотивы, но и адаптирует их к художественной структуре романа.

Конфликт произведения строится на противостоянии двух непримиримых сил: Зелимхан выступает выразителем интересов угнетённого народа, а личная месть становится способом восстановления справедливости. Несмотря на возможность эмиграции в Турцию, герой остаётся верен родине: «Туркох вайх цхьа а гIур вац... Кхузахь, вешан Даймахкахь дисар тIедобжна вайна...» («В Турцию никто из нас не поедет... Мы должны остаться на Родине...») [4, с. 157].

Драматизм судьбы Зелимхана обусловлен стремительной жизнью абрека, требующей быстрых решений. Жизненный опыт, включая тюремное заключение и общение с различными

людьми, формирует у героя проницательность и глубокое понимание человеческой природы. Писатель с уважением и сочувствием раскрывает противоречивый характер Зелимхана: он вынужден быть суровым к врагам и одновременно сохранять мягкость и доброту к близким, что подчёркивается лирическими эпизодами романа.

Сцена смерти Зелимхана также содержит элементы фольклорного повествования. Хотя герой на первый взгляд кажется неподвластным смерти, его гибель обоснована реалистической мотивацией: опасность постепенно сжимает кольцо вокруг него. Писатель использует фольклорный мотив «вещего сна» как предзнаменование скорой гибели: «Во гІан гина суна... Кху берийн терго йе ахь, кхарех гІоьнчий хир бу хьуна... Мел хьайна хало хилахь а, сан новкъа ма бахийталахь хІорш...» («Сон плохой я видел... Детей береги... Они будут тебе помощниками. Сделай всё, чтобы они не пошли по моим стопам...») [4, с. 284].

Эти слова звучат как своеобразное завещание, обращённое к семье, – признание трагической неизбежности собственной судьбы и одновременно попытка оградить потомков от повторения тяжёлого жизненного пути. Сцена гибели героя наполнена характерными элементами фольклорной поэтики: Зелимхан предстаёт почти неуязвимым, а его последние действия приобретают эпический ореол.

Когда дом, в котором находился Зелимхан, был окружён солдатами, герой, следуя логике народно-эпического идеала, вступает в неравный бой. Подобно героям героико-эпических песен или, он один противостоит значительно превосходящим силам противника: «ХІей паччахьан эспарш, схьахьовсал соьга, аш йеттачу тоьпийн дІаьндаргаш сан дегІах ца летийла хабий шуна?...» [4, с. 287] («Эй, господа офицеры, взгляните сюда! Вы знаете, что меня ваши пули не берут!») – восклицает абрек.

Дальнейшее развитие сцены приобретает фантастический характер: раздаются залпы, Зелимхан падает, но вновь поднимается, и его выстрелы продолжают греметь. Ни солдаты, ни офицеры не решаются приблизиться к нему, продолжая стрелять в безжизненное тело – герой даже в момент гибели воспринимается врагами как живой.

Таким образом, роман «Зелимхан» демонстрирует, как Мамакаев сочетает богатство чеченской фольклорной традиции с реалистическим изображением исторических и социальных реалий, создавая художественный образ героя, который воплощает нравственные идеалы и коллективную память народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джамбекова Т.Б. Роль фольклора в эволюции чеченской прозы XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02, 10.01.09 / Т.Б. Джамбекова. – Майкоп, 2010. – 350 с.
2. Джамбеков О.А. Роль фольклора и традиционной народной культуры в художественной системе романа М.А. Мамакаева «Зелимхан»: монография / О.А. Джамбеков. – Грозный: АО «ИПК „Грозненский рабочий“», 2016. – 144 с.
3. Или. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1979. – 240 с.
4. Мамакаев М.А. Зелимхан: роман / М.А. Мамакаев. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1968. – 296 с. (на чечен. яз.)

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МАМАКАЕВА МАГОМЕДА АМАЕВИЧА

Шадукаева З.С.,

преподаватель кафедры чеченской филологии

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Эстамирова И.С.,

студентка 2 курса

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация. Магомед Мамакаев – один из ярких и талантливых представителей чеченской литературы, изменивший её значительным вкладом и создавший произведения, которые сегодня считаются ценнейшим наследием. Его работы наполнены гражданским пафосом, любовью к Родине и искренним желанием служить своему народу. М. Мамакаев – великий поэт, писатель, мыслитель, который внес огромный вклад в развитие чеченской литературы, сохранил память о борьбе народа и подчеркивал важность языка и культуры. Его творчество – это не только художественный вклад, но и духовная опора для народа.

Ключевые слова: чеченская литература, писатель, поэт, творчество, поэзия, проза, патриотизм, стихи.

THE LIFE AND WORK OF MAGOMED AMAEVICH MAMAKAYEV

Shadukaeva Z.S.,

Lecturer, Department of Chechen Philology,

Chechen State Pedagogical University

Estamirova I.S.,

Second-Year Student,

Chechen State Pedagogical University

Abstract. Magomed Mamakayev is one of the most prominent and talented figures in Chechen literature, who significantly transformed it and created works that are today considered a valuable legacy. His works are imbued with civic fervor, love for his homeland, and a sincere desire to serve his people. M. Mamakayev is a great poet, writer, and thinker who made a tremendous contribution to the development of Chechen literature, preserved the memory of the people's struggle, and emphasized the importance of language and culture. His work is not only an artistic contribution but also a spiritual support for the people.

Keywords: chechen literature, writer, poet, creativity, poetry, prose, patriotism, verse.

Жизнь и творческий путь первого поколения писателей чеченской литературы были очень трудными и запутанными. Во время правления Сталина, в 1930-х и 1940-х годах, лучшие писатели нации, такие как Бадиев Саид, Айсханов Шамсудди, Актемиров Мусита, Дудаев Абди, Нажаев Ахмад, были арестованы и казнены. Арсанов Саид-Бей, Ошаев Халид, Мамакаев Магомед, Мамакаев Арби и другие были заключены в тюрьмы и провели длительные периоды в лагерях ГУЛАГа. Магомед Мамакаев был одним из чеченских писателей, не утративших мужества и храбрости в этих крайне тяжелых условиях. Магомед был сильным, словно родился с суровым лицом, а глаза под толстыми бровями выглядели рассудительными и задумчивыми. Речь и поведение были грубыми.

Магомед Мамакаев неоднократно упоминал места своего рождения, взросления, путешествий и детства, особенно Ачхой. Магомед Мамакаев родился 16 декабря 1910 года в Ачхой-Мартане в крестьянской семье. В семь лет он потерял родителей. Родственники и власти позаботились о мальчике. Его отдали в Асланбековский детский дом (ныне Серноводск), где он учился в начальной школе. Среднее образование он получил в Грозном.

В стихотворениях «С днём рождения» и «Разговор с матерью» писатель рассказывает о своём детстве и школьных годах.

После окончания школы Магомед Мамакаев некоторое время работал в комсомоле. В 1926 году его направили в Москву на обучение в Коммунистический университет рабочих Востока. Во время учебы в университете Магомед Мамакаев занимался развитием чеченской

литературы и культуры. Вместе с чеченскими писателями М. Исаевой и И. Эльдархановым он принимал участие в организации издания литературно-художественного журнала на чеченском языке. Первый номер журнала «Латта» вышел в 1927 году. После окончания университета Магомед Мамакаев занимал ответственные должности в государственных органах и различных учреждениях. В 1930 году он был избран секретарем районного комитета КПСС (б) Урус-Мартана. Работал региональным прокурором, заместителем редактора газеты «Грозный рабочий», затем директором Научно-исследовательского института чеченского языка, литературы и истории.

В 1934 году Магомед Мамакаев был отправлен обратно в Москву для обучения в Высшей школе партийных работников. После окончания учебы в 1935 году он был назначен заместителем руководителя «Грозхимстроя», одной из крупнейших организаций в Чечне. После этого Магомед Мамакаев был назначен начальником школьного и научного отдела Республиканского областного партийного комитета. В свое время он был редактором газеты «Путь Ленина». На любой работе Магомед Мамакаев ответственно выполнял свои обязанности.

Однако, как и большинство чеченских писателей того времени, Магомед Мамакаев не избежал сталинских репрессий. Он был арестован без причины и отправлен в Сибирь. 1940-е и начало 1950-х годов он провел в Сибири. Но даже в этих трудных условиях Магомед Мамакаев не оставил слова искусства. Помимо писательства, в 1954 году он организовал литературную группу в редакции газеты, издававшейся в Игарке.

Там в 1956 году Магомед Мамакаев опубликовал роман на русском языке под названием «Первый сигнал». В 1955–1958 годах некоторые стихи Магомеда Мамакаева были опубликованы в газете «Знамя труда», издававшейся на чеченском языке в Алма-Ате. Сборник рассказов и эссе, написанных им в то время, был издан в 1957 году Казахским литературным издательством в Алматы. Герои рассказов и эссе в этой книге – люди, знающие жизнь, которые своим трудом делают страну прекрасной и красивой. Таков был сборник рассказов и эссе «Пути Родины», изданный в 1960 году в Грозном. После возвращения на родину Магомед Мамакаев с 1962 года до последнего дня своей жизни работал редактором альманаха «Орга».

Первое произведение было опубликовано в 1926 году в газете «Серло». Среди первых опубликованных стихотворений поэта – поэма «Зеламха». К числу последних работ относится роман «Зеламха». В то время Магомед Мамакаев знал все свои стихи наизусть и хотел читать их перед друзьями. Его первая книга рассказов была опубликована в 1930 году. Это был первый сборник стихов поэта под названием «Дружба».

В том же году издательство «Серло» опубликовало эссе «Коминтерн». Художественные навыки поэта росли, он эффективно работал в литературе. Год спустя вышел второй сборник стихов поэта. Сборник «Чегардиг» содержал стихи, демонстрирующие уникальный художественный стиль автора. Начав писать, он публиковал некоторые свои произведения под псевдонимом М. Тур. С самого начала своего творчества, наряду с лирическими стихами, Магомед Мамакаев создал множество великих поэтических произведений. В 1936 году автор опубликовал сборник стихов «Окровавленные горы».

Стихотворение «Окровавленные горы» вошло в его литературный цикл. Это одно из первых стихотворений, написанных в венской литературе. Стихотворение описывает драматические события XIX века в истории чеченского народа. В нём также присутствует история старика Довлата.

В поэме лидером бедняков, борющихся за свободу, является Таймин Бийболт. Бийболт передает волю бедняков, страдания человеческого сердца. Автор не слишком подробно описывает его характер. Другие персонажи поэмы показаны еще меньше. Главный герой поэмы – народ. Он всегда показан в борьбе. В то же время перед нами предстает образ «Кровавых гор», образ Родины.

«Кровавые горы» – лирико-эпическая поэма. Здесь уникальным образом сочетаются лирические, эпические и драматические черты. Эпический аспект поэмы характеризуется героической борьбой народа в ее содержании.

Поэма создает широкую картину борьбы бедняков за свою свободу, показывает смелые и героические поступки. Наряду с этими эпическими аспектами поэмы присутствуют и светлые лирические черты. Мысли автора обращаются к прошлому, к болезненной жизни народа, это трогает сердце, мысли и чувства поэта. Он хочет, чтобы люди были счастливы сегодня. Поэт говорит о них, чтобы то, что произошло в прошлом, никогда больше не повторилось. После первого слова автора начинается история старика Довлата. Но после этого голоса автора и Довлата совпадают. Обе эти мысли и желания отражены в мыслях лирического героя. Всё в стихотворении, кажется, показано через его понимание и сердце.

Таким образом, «Кровавые горы» – это историческая поэма по содержанию, лирическая эпопея по сюжету и композиционной структуре. «Кровавые горы» – одно из первых лирико-эпических произведений в чеченской литературе. Она также сыграла важную роль в создании нового жанра в литературе своего времени. После этого поэт написал стихи «С днём рождения», «Разговор с матерью», которые соответствуют его биографии. Он также рассказывал о своём детстве и школьных годах. Это было трудное, но прекрасное время, говорит поэт.

В 1930-х годах Магомед Мамакаев принимал постоянное участие в литературной жизни Нохчистана. Под его руководством издавались литературно-художественные журналы «Итт бӀаьсте» на чеченском языке. Он участвовал в сборниках сочинений чечено-ингушских поэтов, издававшихся в Москве и Пятигорске. Его поэтические произведения публиковались в журналах «На подъеме», «Революция и альпинист» и других, издававшихся в Москве и Ростове, а также в сборниках «Писатели СССР – Великий Октябрь», «Поэзия альпинистов Кавказа».

В 1940 году издательство «Серло» выпустило четвертую книгу стихов М. Мамакаева, «Суй». Там были опубликованы лучшие стихи и поэмы поэта. Творческий талант М. Мамакаева расцвел в 50–60-е годы. М. Мамакаев написал множество поэтических и прозаических произведений, отличающихся глубиной смысла и художественной красотой. За эти 15–16 лет он опубликовал более двадцати книг на чеченском и русском языках. Среди них сборники стихов «Письмо о дороге» (1958), «Избранный» (1962), «Я вернусь» (1963), «Камни тоже говорят» (1966), «Утро над Аргуном» (1958), «Разговор с матерью» (1959), «Над дубом» (1966), «И камни говорят» (1968), прозаические книги «Ша метабхӀаьлла» (1957), «Даймехкан некаш» (1960), романы «Революция и горец» (1962), «Зеламха» (1968).

Философский и гражданский лиризм – главное в поэзии М. Мамакаева. Его лирический герой – храбрый человек, с сильным голосом, он широко размышляет о времени, человеческой жизни, Родине. Он любит свою Родину, думает о её прошлом, настоящем и будущем. Лирический герой поэта сравнивает свою жизнь с жизнью народа, он идёт с ними, он с народом и в хорошие, и в плохие времена. Мысль лирического героя М. Мамакаева не ограничивается родиной. Стихотворение «Я не родился в Сибири» ясно показывает страсть лирического героя к нашей великой Родине и её народу разных национальностей.

Магомед считал главными отношения с Родиной, верность стране и народу, преодоление любых трудностей ради них с мужеством и отвагой. Эта идея укрепилась и углубилась в произведениях М. Мамакаева, написанных во время Великой Отечественной войны. Его короткое стихотворение «Она не плачет» очень трогательно. Мать, убившая сына на войне, изображена в прекрасном поэтическом образе. Она жалеет мальчика, ей грустно, но в то же время нет, зло, постигшее Родину, еще сильнее повлияло на ее мать, в ее сердце зародилась мысль о мести. В произведениях, написанных во время войны, писатели изображали образ матери, убившей сына, показывая ее огромную любовь к родине.

Как в венском фольклоре, отправляя мальчика на войну, мать наставляла его быть храбрым, не терять себя, отдать жизнь, если потребуется, защищая Родину. «Осала, не бойся, не возвращайся к ней в слабости», – говорила мать мальчику, идущему на войну.

В своем стихотворении «Трус» М. Мамакаев хорошо показал мужество, тот факт, что люди жертвовали жизнями на войне. Когда такой человек возвращается домой, его не принимают ни отец, ни народ, ни страна.

От имени народа поэт говорит бедняге: «Где твой народ, дом или родина? Назови друга или родственника. Нет ни родины, ни народа, ни злой души». В трудный день человек никогда не прощает предателя своей страны, он проклинает его. В творчестве писателя также присутствуют произведения, посвященные трудящимся.

В числе его работ – сборники в небольших прозаических жанрах, такие как стихи «Кемсиин хорха», «Ша меттахбаьлла», «Даймехкан некъаш». Важное значение имеют рассказы «Белый ветер волос», «Чистое сердце», «Камень прекрасной девушки».

В 1960-х годах развитие эпического жанра прозы в чеченской литературе приобрело важное значение в романах «Революция и горец» и «Зеламха» М. Мамакаева. Эти произведения, написанные на основе исторических фактов, расширили художественные возможности чеченского романа.

М. Мамакаев был искателем слова искусства. Он усердно работал над своими произведениями и хотел, чтобы другие писатели публиковали свои работы с достаточными усилиями. Однажды, в начале 1930-х годов, когда один чеченский писатель опубликовал слабое произведение, Магомеду это очень не понравилось. Независимо от известности автора, гневная речь Мамакаева означала, что деятельность, снижающая художественный уровень чеченской литературы, недопустима, а плохие произведения не должны публиковаться. Он был обеспокоен постоянным развитием чеченской литературы.

М. Мамакаев подчеркнул, что развитие чеченского письменного и литературного языка должно осуществляться в соответствии с правами чеченского национального языка. В одной из своих статей он писал: «Развитие языка происходит со всех сторон: от пришельцев, соседей, научных достижений, отношений с другими народами. Я думаю, что это развитие должно быть самостоятельным... Глупость дурака – пытаться отбросить слово, которое люди любят, или пытаться ввести что-то ненужное... Матфей ничего не терпит извне. Почему? Человек собрал сложные инструменты, потому что сам является очень сложным инструментом. Когда серхат появляется среди инструмента, он беспокоит его, как часы... Матфей быстро разоблачает глупых, подлых, безнравственных. Многое можно скрыть, но никто не может скрыть тот факт, что не знает языка. В языке нет слабости. Если она остается, то тот, кто не умеет на нем говорить, остается виновным. В наше время мы редко встречаем людей, которые гордятся незнанием своего родного языка. Такие люди не только бесполезны для всего, но и опасны для всех. Почему? Кто не хочет чтить ближнего своего, тот не будет чтить ближнего своего». Такие люди не верны никому в трудные времена. Они готовы предать своих отцов. Поэтому никто не любит свою страну, тех, кто пытается политизировать благо этой страны.

В своих произведениях М. Мамакаев всегда с народом и страной. Высшим званием он считал поэта своей нации. Он ценил общение с людьми и в радости, и в горе. Сердце его лирического героя бьется в унисон с потребностями человека и требованиями времени. Для Мамакаева не было ничего дороже родины. В своем стихотворении «Время» поэт искренне говорит: «Мы все живем в этом мире ради благородного долга Родины». Эта идея отражена во всем творчестве М. Мамакаева. Абдурахман Авторханов в своих мемуарах цитирует слова М. Мамакаева, сказанные им, когда прокурор потребовал от него признания в несправедливости, совершенной следователями в тюрьме: «Гражданин прокурор, я никаких показаний не давал, все, что вы цитируете, сочинили мои следователи. Я подписал под невыносимыми пытками. Нарком-майор Иванов дал мне слово чекиста, что, как только я подпишу показания, меня расстреляют. Но он обманул. Быть может, вы хотите выполнить обещание Иванова? Но теперь мне не хотелось бы облегчать вашу миссию. Я увидел своих детей, и если мне придется умереть, то не хочу заклеить позором их будущее. Чтобы не говорили им, что отец их умер как трус и предатель чеченского народа». Таков был М. Мамакаев.

Своими лучшими произведениями Мохьмад Мамакаев принёс в чеченскую литературу настоящую сокровищницу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамакаев М. Мюрид Революции. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. – 208 с.
2. Мамакаев М. Зелимхан. – Грозный, 1990.
3. Индербаев Г.В. Монолог памяти. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2021. – С. 371–372.
4. Мамакаев М.А. Былое и думы. Речь, произнесенная на совещании советских историков 16 ноября 1956 г. Газета «Молодежная смена». 2004. 10 ноября.

ХАРБУКСКИЙ ФОЛЬКЛОР (ПРОЕКТ КНИГИ И АСПЕКТ ЖАНРОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ)

Юсупов Х.А.,

канд. филол. наук, заведующий отделом,

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы

Дагестанского исследовательского центра Российской академии наук

Аннотация. В статье рассматриваются две взаимосвязанные проблемы: создание книги «Харбукский фольклор: этно-локальные особенности» и жанровые проблемы, актуальные при включении фольклорных текстов в подобную книгу. Создавая проект задуманной нами книги, мы руководствовались, во-первых, необходимостью фиксации и сохранения богатого пласта устно-поэтического творчества отдельно взятого населенного пункта, во-вторых, потребностью создания теоретически обоснованной в жанровом плане структуры книги. Для даргинского народа (с весьма сильно диалектно дифференцированным языком) характерна узколокальная, обособленная по этническим группам фольклорная традиция. Известно также, что жанр играет ключевую роль при подготовке фольклорных текстов для включения в книгу. Важную роль при решении вопросов композиционного строения книги, несомненно, играет собранный и имеющийся в наличии фольклорный материал. Полевой материал, собранный нами за последние 25 лет, содержит 13 текстов календарного фольклора, 26 текстов семейного фольклора, 16 – окказионального, 236 лирических песен, 64 сказки, 58 текстов нескладочной прозы, 105 пословиц, 35 поговорок, 60 загадок, 46 благопожеланий и 21 проклятие. Часть материала, которая пока остается нерасшифрованной, в этот перечень не включена. Большинство текстов будут впервые введены в научный оборот. Таким образом, теоретические (систематизация материала) и практические (структура книги) выкладки опираются на богатый полевой материал.

Ключевые слова: даргинский, харбукский, фольклор, жанр, структура.

HARBUK FOLKLORE (BOOK PROJECT AND GENRE STRATIFICATION ASPECT)

Yusupov Kh.A.,

PhD in Philology, Head of the Department, G. Tsadasa Institute of Language,
Literature and Art of the Dagestan Research Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article discusses two interrelated issues: the creation of the book "Harbuk Folklore: Ethno-Local Features" and the genre-related problems that arise when including folklore texts in such a book. When creating the project for our book, we were guided by the need to record and preserve the rich body of oral poetry from a single locality, as well as the need to create a theoretically sound genre-based structure for the book. For the Dargin people (with a highly dialectally differentiated language), this is a narrowly local, ethnically distinct folklore tradition. It is also known that the genre plays a key role in the preparation of folklore texts for inclusion in a book. The collected and available folklore material undoubtedly plays an important role in determining the book's composition. The field material collected by us over the past 25 years contains 13 texts of calendar folklore, 26 texts of family folklore, 16 texts of occasional folklore, 236 lyrical songs, 64 fairy tales, 58 texts of non-fairy-tale prose, 105 proverbs, 35 sayings, 60 riddles, 46 blessings, and 21 curses. Some of the material that remains untranscribed is not included in this list. Most of the texts will be introduced into scientific circulation for the first time. Thus, the theoretical (systematization of the material) and practical (structure of the book) findings are based on a wealth of field material.

Keywords: Dargin, Kharbuki, folklore, genre, structure.

Харбук – аул кузнецов, один из самых известных в Дагестане и Северном Кавказе ремесленных центров. Он также прославился как аул оружейников (центр по изготовлению пистолетов, ружей, кинжалов, сабель, ножей). По некоторым представлениям, устное народное творчество более развито в ремесленных центрах, так как оно связано с народными промыслами. Возможно, это так, ведь именно в двух известных ремесленных центрах даргинцев – Кубачи и Харбук – фольклор сохранился лучше. Ф.А. Алиева верно отмечает, что «территория, занимаемая даргинцами, была разделена на союзы обществ, отличавшихся своими местными условиями жизни, бытом, особенностями языка. Это не могло не отразиться

и на специфике фольклора, национальное своеобразие которого обусловлено этнической пестротой. В состав даргинцев входят: урахинцы, цудахарцы, акушинцы, кайтагцы, кубачинцы и др., и каждая из этих этнических групп характеризуется присущими только ей локальными особенностями. Многодиалектность, своеобразие жизненного уклада, территориальная изолированность способствовали сложению местной фольклорной традиции, наложили свой отпечаток на произведения устного народного творчества» [3, с. 101].

В харбукской локальной этнокультурной системе репрезентировано все многообразие условий ее существования. Основные особенности, присущие харбукской этнической группе, обусловлены природными, производственно-экономическими, культурно-языковыми и другими конкретными обстоятельствами. И эти особенности ярко проявляются в разных сферах: в быту, поведении, языке, фольклоре, народных промыслах и т. п. «И хотя фольклорный репертуар даргинцев, – пишут исследователи даргинского фольклора Ф.О. Абакарова и Ф.А. Алиева, – в целом говорит о тесном родстве устно-поэтического творчества всех отдельных этнических единиц, входящих в этот народ, все же каждая из них вносила свои неповторимые черты в общенациональный даргинский фольклор» [2, с. 248].

Локальная фольклорная традиция отражена в фольклоре харбукцев. Собранный нами полевой материал свидетельствует о том, что в фольклоре харбукцев широко представлены все жанры устного народного творчества. Естественно, что в песенном фольклоре представлены и произведения, обусловленные ремесленной спецификой Харбука – аула оружейников. Однако харбукский фольклор специально монографическому исследованию не подвергался. Проблемам исследования фольклора харбукцев посвящены отдельные статьи [10; 11]. Обрядовые песни харбукцев включены в монографию, посвященную исследованию обрядовой поэзии даргинцев [9], имеются тексты и в работе, посвященной устно-поэтическому творчеству даргинцев [2]. Первая попытка сбора и жанровой классификации некоторых фольклорных текстов с. Харбук была сделана нами в работе «Харбукцы: история и культура» [12, с. 294–342]. Этот материал показал, что у харбукцев хорошо сохранились произведения обрядовой поэзии с архаичными рудиментами. Можно предположить, что это, возможно, связано с поздней исламизацией с. Харбук. Известно, что ислам харбукцами был принят намного позднее, чем остальными этническими группами даргинцев [12, с. 236]. Между тем этот факт (сохранность произведений обрядовой поэзии) имеет немаловажное значение. Как отмечает А.М. Аджиев, «от характера, от степени развитости и сохранности архаичного пласта фольклора во многом зависят особенности эволюции поэтической системы и др.» [8, с. 17].

Если же говорить об изданиях книг по фольклору, то имеется определенный опыт составления таких книг по некоторым этническим группам даргинцев. Так, например, уже изданы работы, посвященные устному народному творчеству кубачинцев [1] и кайтагцев [4]. Первая из этих работ – это монографическое исследование специалиста по фольклору Ф.О. Абакаровой, а вторая – сборник фольклорных текстов, составленный литератором Х.М. Габитовой.

В сборнике «Кайтагский фольклор» весь материал сгруппирован в три раздела: песенные жанры, прозаические жанры, малые жанры фольклора [4, с. 352]. Для книги такого типа, по-видимому, допустима такая упрощенная форма подачи материала. В монографии Ф.О. Абакаровой и Ф.А. Алиевой имеется 10 разделов, и, как отмечают сами авторы, монография является «первым в дагестанской фольклористике исследованием, охватывающим все основные жанры и жанровые разновидности даргинского фольклора» [2, с. 247].

Аспект жанровой стратификации остается важным при составлении книги по фольклору. Автору книги необходимо учитывать специфику фольклора, чтобы определить жанры и правильно сгруппировать тексты произведений по разным особенностям и признакам. «Последовательность «текст – жанр – книга» обусловлена тесной взаимной связью этих понятий. Поэтому разрабатываемые фольклористами теории фольклорного гипертекста

и интермедиального произведения должны быть доведены до логического завершения, а именно – книги, в которой они найдут свое воплощение» [6, с. 68].

Занимательно и то, что само определение «книга» разными исследователями формулируется по-разному. Одна из самых последних формулировок звучит следующим образом: «Книга – это, как правило, неаутентичный документ, обладающий определённой степенью гипертекстовости, имеющий организованную структуру и инфраструктуру, содержание которого может быть выражено преимущественно знаками-символами или комплексной знаковой системой...» [5, с. 219].

Итак, собранный фольклорный материал харбукцев для издания в книге, естественно, необходимо представить с учетом методики сбора, принципов систематизации, требований к оформлению текстов и комментариев. Содержание (оглавление) книги будет выглядеть следующим образом:

ПРЕДИСЛОВИЕ	0
ХАРБУКСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ЭТНОЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	00
ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР	
КАЛЕНДАРНЫЙ ФОЛЬКЛОР	00
I. Песни весны и Нового года.....	00
II. Песни «Дня обновления жилища»	00
III. Песни первого выгона скота в стадо	00
IV. Песни «Праздника первой борозды»	00
V. Песни прополки.....	00
VI. Жнивные песни	00
VII. Песни обмолота	00
VIII. Песни «Праздника урожая»	00
СЕМЕЙНЫЙ ФОЛЬКЛОР	00
I. Свадебные песни.....	00
II. Колыбельные песни.....	00
III. Похоронные плачи и причитания	00
ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР	00
I. Песни вызова солнца	00
II. Песни вызова дождя	00
III. Заговоры и заклички	00
IV. Считалки	00
НЕОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР	
ФОЛЬКЛОРНАЯ ПОЭЗИЯ	
ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ	00
I. Песни о мастерах	00
II. Любовные песни	00
III. Песни-посвящения	00
IV. Шуточные песни	00
V. Песни-проклятия	00
VI. Детские песни.....	00
БАЛЛАДЫ.....	00
ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ.....	00
ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРОЗА	
СКАЗОЧНАЯ ПРОЗА	00
I. Сказки о животных	00

II. Волшебные сказки	00
III. Бытовые сказки.....	00
IV. Сказки о Мулла Насреддине.....	00
V. Богатырские сказки.....	00
VI. Сказки-небылицы.....	00
VII. Докучные сказки.....	00
НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА.....	00
I. Предания.....	00
• О возникновении села	00
• О первоначальцах.....	00
• О нашествиях иноземных захватчиков.....	00
- монголов	00
- арабов	00
- полчищ Тамерлана	00
- войск Шах-Аббаса	00
- войск Надир-Шаха	00
• О разбойниках	00
II. Исторические тексты.....	00
• О конфликтах	00
• О событиях Кавказской войны	00
• О революции 1917 года	00
• О красных партизанах	00
• О судьбе старой мечети.....	00
• О судьбах служителей религиозного культа.....	00
• О раскулачивании	00
• О судьбах людей, подвергшихся репрессиям	00
• О Великой Отечественной войне	00
• О работниках тыла.....	00
III. Легенды	00
IV. Бытовые прозаические тексты.....	00
V. Анекдоты и шутки.....	00
VI. Семейная необрядовая проза	00
• История семьи, рода	00
• Романтизированные истории.....	00
• Семейные мемораты.....	00
VII. Рассказы религиозного характера.....	00
• О конце света и потустороннем свете	00
• О мусульманских святых	00
• О мечетях.....	00
• О святых местах	00
• О религиозных персонажах (илбис, шайтан, джин).....	00
• Человек и чудесные силы	00
• Легенды, приуроченные к религиозным праздникам	00
• Легенды о святых.....	00
• Рассказы о святых и провидцах.....	00
• Рассказы о пророчествах.....	00
VIII. Мифологические рассказы	00
• Былички (о леших, о домовых, о водяных, о кикиморах, о змее, о ведьмах, о колдунах)	00
• О «хозяине» дома.....	00
• Другие мифологические персонажи	00

ФОЛЬКЛОР РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ	
ПОСЛОВИЦЫ	00
ПОГОВОРКИ	00
ЗАГАДКИ	00
СКОРОГОВОРКИ	00
ДРАЗНИЛКИ И ПРОЗВИЩА	00
БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ	00
I. Тосты.....	00
II. Молитвы	00
III. Приветствия	00
ПРОКЛЯТИЯ	00
I. Связанные с космогоническими представлениями	00
II. Связанные с укладом жизни	00
III. Связанные с неразделённой любовью.....	00
IV. Отношения между людьми	00
ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ	00
<i>Комментарии</i>	00
<i>Указатель фольклорных персонажей</i>	00
<i>Примечания</i>	00
<i>Список использованной литературы</i>	00
<i>Приложения</i>	00
I. <i>Список информаторов</i>	00
II. <i>Словарь харбухских диалектизмов</i>	00

Книга, задуманная нами и готовящаяся к изданию, показывает жанровое богатство фольклора одной отдельно взятой этнической группы даргинцев. Цель книги – дать представление о жанровом многообразии, идейно-тематическом и эстетическом содержании фольклора одного населенного пункта.

Таким образом, издание такой книги фольклора – ценный труд, который должен стать примером не только для других этнографических групп даргинцев, но и для других народов Дагестана и Северного Кавказа. После появления таких книг по всем этническим группам можно говорить о полном охвате, глубоком и всестороннем раскрытии богатейшего фольклорного наследия народа.

Для книги фольклора, на наш взгляд, важным является также вопрос оформления «аппарата книги» – справочно-вспомогательного и научно-справочного аппарата. По словам И.А. Панкеева, «аннотации, предисловия (послесловия), вступительные статьи, словари, примечания и комментарии, указатели, приложения, библиографическое описание и библиографические ссылки, списки литературы, оглавление (содержание) – все это с той или иной степенью полноты отражает содержание текста, обеспечивая читателю новый уровень его освоения» [Панкеев, 2006, с. 95–96].

Именно к справочно-вспомогательному аппарату относятся аннотации, указатели и оглавление, а остальное – к научно-справочному аппарату. И здесь важное место занимают комментарии. «Массовые издания фольклорных произведений снабжены, как правило, лингвистическим (словарным) комментарием, цель которого – пояснить устаревшие слова и выражения, диалектизмы, иносказания» [Панкеев, 2006, с. 101].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакарова Ф.О. Кубачинский фольклор: этно-локальные особенности. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1996. – 264 с.
2. Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. – Махачкала: Типография Дагестанского научного центра РАН, 1999. – 260 с.

3. Алиева Ф.А. Жанры даргинского фольклора: сюжеты, образы, мотивы // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2012. № 2. – С. 101–110.
4. Габибова Х.М. Хайдакья фольклор [Кайтагский фольклор]. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2009. – 352 с.
5. Динер Е.В., Цветкова В.А. Типология книги и дефиниция понятия «книга»: состояние вопроса и направления решения (продолжение дискуссии) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4(120). – С. 213–221.
6. Панкеев И.А. Жанр как один из способов организации фольклорных произведений в книгу фольклора // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2005. № 4. – С. 63–70.
7. Панкеев И.А. Научно-справочный аппарат книги фольклора / И. А. Панкеев // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2006. № 1. – С. 95–103.
8. Традиционный фольклор народов Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 496 с.
9. Юсупов Х.А. Обрядовая поэзия даргинцев (общее и локально-особенное): монографическое исследование; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского НЦ РАН, ответственный редактор А.М. Аджиев. – Махачкала: Деловой мир, 2009. – 180 с.
10. Юсупов Х.А. Свадебный фольклор с. Харбук (специфические особенности обряда и поэзии) // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований института ИЯЛ в 1990–1991, Махачкала, 16–17 июня 1992 года. – Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1992. – С. 82.
11. Юсупов Х.А. Харбукские обрядовые песни весеннего цикла // Современные проблемы общественно-гуманитарных наук (теория и практика): Научные труды Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 27–28 марта 2009 года. – Махачкала: Московский государственный открытый университет, 2009. – С. 276–281.
12. Юсупов Х.А., Муталимов М.А. Харбукцы: история и культура. – Махачкала: АОЗТ «Издательско-полиграфическое объединение «Юпитер», 1997. – 592 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОЕКТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ (КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Абдулазимова Т.Х.,

канд. филол. наук, доцент кафедры чеченской филологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем организации индивидуальной проектной деятельности старшеклассников. Дан комплексный анализ статьи заместителей директора Лицея № 10 Белгорода И.А. Шайдоровой и Е.В. Евсюковой, которые исследовали специфику реализации итоговых проектов по русскому языку и литературе в школах и предложили системный взгляд на методическое и организационное сопровождение данной работы: от введения персонализированного инструментария («индивидуальная карта проекта», портфель проекта) и разграничения обязанностей наставника и ученика до гибких подходов к выбору формы итоговой аттестации (исследование, эссе, театральная постановка). Практическая значимость работы заключается в систематизации опыта, направленного на превращение индивидуального проекта из формальной отчетной процедуры в инструмент формирования универсальных компетенций и личностного роста старшеклассников.

Ключевые слова: школа, образование, русский язык, литература, проектная деятельность.

A STUDY OF THE PROBLEMS OF ORGANIZING AN INDIVIDUAL PROJECT IN RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE (A CRITICAL REVIEW)

Abdulazimova T.Kh.,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Chechen Philology,
Kadyrov Chechen State University

Annotation. The article analyzes the problems of organizing individual project activities for high school students. It provides a comprehensive analysis of the article by I. A. Shaydorova and E. V. Evsyukova, deputy directors of Lyceum No. 10 in Belgorod, who examined the specific features of implementing final projects in Russian language and literature in schools and proposed a systematic approach to the methodological and organizational support of this work. Their approach ranges from introducing personalized tools (an “individual project card” and a project portfolio) and delineating the responsibilities of the supervisor and the student, to flexible options for selecting the form of final assessment (research paper, essay, theatrical performance). The practical significance of their work lies in systematizing experience aimed at transforming the individual project from a formal reporting procedure into a tool for developing universal competencies and fostering personal growth in high school students.

Keywords: school, education, Russian language, literature, project activity.

Введение федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования (ФГОС СОО) актуализировало задачу формирования у старшеклассников навыков учебно-исследовательской и проектной деятельности [1]. Одним из обязательных элементов основной образовательной программы является индивидуальный итоговый проект, который выступает не только формой оценки метапредметных результатов, но и важным средством развития у школьников самостоятельности, творческого мышления и умения работать с информацией. Особую значимость такая работа приобретает в процессе обучения предметам гуманитарного цикла – русскому языку и литературе, где проектная деятельность позволяет соединить аналитическое исследование с художественным творчеством [2, 3, 4].

Несмотря на наличие нормативных требований и примерных программ, педагогическая практика сталкивается с рядом сложных вопросов: как выстроить сопровождение проекта с учетом специфики филологических дисциплин, каким образом организовать взаимодействие руководителя и ученика и др.

Статья «Особенности разработки индивидуального проекта на уроках русского языка и литературы на уровне среднего общего образования», подготовленная заместителями директора Лицея № 10 Белгорода И.А. Шайдоровой и Е.В. Евсюковой [5], представляет собой

попытку систематизировать опыт организации индивидуальной проектной деятельности в области русского языка и литературы.

Цель настоящей работы – дать комплексный анализ работы И. Шайдаровой и Е. Евсюковой «Особенности разработки индивидуального проекта на уроках русского языка и литературы на уровне среднего общего образования», в которой раскрыты особенности разработки индивидуального итогового проекта на уровне среднего общего образования и предложены эффективные механизмы организационного и методического сопровождения, учитывающие специфику гуманитарных предметов.

Текст представляет собой развернутое методическое осмысление требований ФГОС СОО в части реализации индивидуального итогового проекта. И. Шайдарова и Е. Евсюкова выстраивают стройную систему взглядов на то, каким образом школа может стать проводником для ученика в мир исследовательской и творческой деятельности. Примечательно, что авторы рассматривают проект не как формальную отчетную процедуру, а как «самостоятельное восхождение к вершинам знания». Вот что они пишут: «Индивидуальный итоговый проект по русскому языку или литературе – это не просто учебная работа, это самостоятельное восхождение к вершинам знания, где ученик выступает в роли первооткрывателя. Цель этого увлекательного путешествия – явить миру умение самостоятельно постигать неизведанное, владеть инструментами исследователя, умело планировать и воплощать в жизнь задуманное – будь то учебные дерзания, научные изыскания или творческие порывы» [5].

Логика статьи выстроена последовательно: от определения места проекта в образовательной программе до детального разбора критериев оценивания. Особого внимания заслуживает то, как авторы раскрывают роль школы и наставника. Введение понятия «индивидуальная карта проекта» позволяет говорить о персонализированном подходе, который не ограничивается лишь выбором темы, но включает в себя правовое и организационное сопровождение (Положение об индивидуальном проекте, регламентация нагрузки руководителя и т. д.).

Важным достоинством работы И. Шайдаровой и Е. Евсюковой является акцент на гибкости содержания проектной деятельности. Авторы подчеркивают, что результат проектной деятельности по русскому языку и литературе не сводится исключительно к письменному исследованию. Важное значение имеют такие формы, как эссе, стихотворение, театральная постановка, что демонстрирует широту подходов к реализации творческого и исследовательского потенциала учащихся: «Здесь же описываются возможные формы выражения мысли – от классического эссе до стихотворения, от научного доклада до театральной постановки, а также перечисляются материалы, необходимые для убедительной защиты.

Таким образом, авторам удалось гармонично соединить нормативные требования, педагогический опыт и глубокое понимание психологии старшеклассника.

В то же время работа И. Шайдаровой и Е. Евсюковой имеет ряд недостатков. Выделим и проанализируем их.

1. Преобладание описательного характера над аналитическим.

Текст содержит подробное перечисление требований и этапов работы, но практически отсутствует анализ реальных проблем, возникающих при реализации проектов по русскому языку и литературе. Без эмпирической базы (кейсы, опросы, статистика) работа представляет собой изложение нормативных положений, дополненных метафорами.

2. Недостаточная дифференциация предметной области.

Неясно, чем организация проекта по литературе будет отличаться от проекта по физике или истории. Не рассматриваются вопросы выбора тем с учетом жанрового своеобразие, особенностей работы с художественным текстом, специфики лингвистического исследования.

○ Отсутствие эмпирических данных и примеров.

В работе нет ни одного примера из практики Лицея № 10, хотя авторы являются его заместителями директора. Не приведены реальные темы проектов, признанные успешными,

результаты анкетирования учеников или учителей о трудностях в руководстве проектами и т. п.

3. Не проработан вопрос о подготовке учителей.

В разделе о руководителях проекта указано, что ими могут быть квалифицированные педагоги, имеющие высокий уровень компетентности в исследовательской сфере. Однако не затрагивается проблема, с которой сталкиваются многие школы: недостаточная методическая подготовка учителей-словесников именно к руководству учебными исследованиями (в отличие от традиционных форм работы).

4. Недостаточное внимание к цифровым инструментам.

В 2025 году, когда статья И. Шайдоровой и Е. Евсюковой была опубликована, организация проектной деятельности немыслима без использования цифровых ресурсов (электронные библиотеки, сервисы для совместной работы, инструменты проверки на плагиат, ИИ). В тексте лишь упомянут запрет плагиата, но не предложены конкретные способы формирования у учеников навыков честной работы в цифровой среде, не рассматриваются возможности использования ИИ в исследованиях.

Для того чтобы концепция И. Шайдоровой и Е. Евсюковой приобрела исследовательскую глубину, необходимо:

○ **Ввести эмпирическую компоненту.** Провести анализ проектов, защищенных в лицее за последние 2–3 года, выделив наиболее востребованные темы по русскому языку и литературе, типичные ошибки в формулировке гипотез и работе с источниками, корреляцию между выбором формы проекта (эссе, постановка, исследование) и итоговой оценкой.

Все это позволит выявить реальные закономерности и дать учителям конкретные ориентиры.

○ **Разработать предметно-ориентированные критерии оценки.**

Дополнить общие критерии (регулятивные, коммуникативные) специальными индикаторами для проектов по литературе и русскому языку. Например, глубина анализа художественного текста, качество лингвистического эксперимента (если проект языковой) и т.д.

2. Предложить методику подготовки учителей-руководителей.

Описать систему обучения педагогов: мастер-классы по формулированию и реализации тем, алгоритмы сопровождения проектов, способы работы с «трудными» учащимися.

3. Учесть цифровой аспект.

Дать рекомендации по использованию электронных платформ для планирования и контроля этапов проекта (например, дорожная карта в Google Docs, совместный доступ к источникам, применение сервисов для визуализации данных).

4. Сравнить с альтернативными моделями.

Кратко сопоставить предлагаемый подход с практикой других школ или регионов, чтобы выявить его уникальность или универсальность.

Работа И. Шайдоровой и Е. Евсюковой представляет собой методический материал, систематизирующий требования к индивидуальному проекту в соответствии с ФГОС. Проведенный в статье анализ позволяет утверждать, что индивидуальный итоговый проект является неотъемлемой частью образовательного процесса в старшей школе, выступая одновременно и формой аттестации, и средством личностного развития учащихся. Авторами предложена целостная модель организации проектной деятельности, охватывающая все этапы – от выбора темы и наставника до защиты и оценки результатов.

Дальнейшее развитие проекта видится в накоплении эмпирического материала (анализ конкретных проектов, трудностей, возникающих у учащихся, и способов их преодоления), углублении предметной специфики (разработка критериев оценки, отражающих особенности литературоведческого или лингвистического исследования) и внедрении цифровых инструментов для повышения эффективности сопровождения проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусалаев А.К. Методика использования корпусных технологий в преподавании русского языка / А.К. Мусалаев, И.Б. Бачалова // Известия Чеченского государственного университета. 2025. № 4 (40). – С. 21–27.

2. Позднякова Е.А. Использование современного метаязыка на примере технологии мемов на уроках русского языка и литературы / Е.А. Позднякова // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XLVI Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2025. – С. 202–205.
3. Полянская В.Р. Использование семантико-стилистического анализа на уроках русского языка и литературы (на материале художественных текстов) / В.Р. Полянская // XII Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Филологическое направление: сборник статей конференции / под общей редакцией Т.Ю. Зотовой, А.П. Сурковой. – Новокузнецк, 2022. – С. 83–85.
4. Черникова Н.В. Патриотическое воспитание учащихся на уроках русского языка и литературы (на материале малых фольклорных жанров) / Н.В. Черникова, С.Ю. Завистнова // Экологическая педагогика: проблемы и перспективы в свете развития технологий Индустрии 4.0: материалы Международной научной школы, организованной при финансовой поддержке Администрации Тамбовской области / под общей редакцией Е.С. Симбирских. 2017. – С. 306–310.
5. Шайдорова И.А., Евсюкова Е.В. Особенности разработки индивидуального проекта на уроках русского языка и литературы на уровне среднего общего образования / И.А. Шайдорова, Е.В. Евсюкова // Научный альманах. 2025. № 10-2 (132). – С. 23–26.

УДК 37.013 + 37.017.4

ВЕРА В ВОЗМОЖНОСТИ РЕБЕНКА КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ УЧИТЕЛЯ

Арскиева З.А.,

канд. пед. наук, доцент кафедры «Педагогика и психология»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
e-mail: zaliya66@mail.ru

Андреева Ю.В.,

канд. пед. наук, доцент кафедры
гуманитарных и естественно-научных дисциплин,
Российский университет кооперации
e-mail: andreeva_u_v@insto.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования профессиональной позиции учителя, ключевым компонентом которой выступает вера в возможности ребенка. Цель: выявить структурные компоненты профессиональной позиции учителя, основанной на вере в возможности ученика, и представить результаты эмпирического исследования. В своём исследовании авторы опирались на гуманистическую традицию российского образования: на системный (рассмотрение профессиональной позиции как целостного образования), аксиологический (акцент на ценностных основаниях), субъектно-деятельностный подход (признание активности и рефлексивности учителя) в частности. Методы: анкетирование (авторская анкета «Профессиональная позиция учителя: ценностные основания и практические проявления», включавшая 18 закрытых и 4 открытых вопроса); интервью (25 респондентов по результатам анкетирования); педагогическое наблюдение (15 уроков и внеклассных мероприятий с использованием карты наблюдения, разработанной на основе выделенных компонентов позиции); анализ продуктов деятельности (методические разработки, портфолио). В результате теоретического анализа выделены три структурных компонента профессиональной позиции учителя, основанной на вере в возможности ребенка: 1) аксиологический компонент – ценностное отношение к ученику как к уникальной личности, принятие его субъектности, ориентация на потенциальные возможности; 2) когнитивный компонент – понимание природы индивидуальных различий, факторов развития и условий, способствующих раскрытию личностного потенциала ребёнка; 3) деятельностный компонент – способность учителя выстраивать поддерживающую образовательную среду, применять индивидуализированные стратегии обучения и воспитания.

Ключевые слова: профессиональная позиция учителя, вера в возможности ребенка.

BELIEF IN CHILD'S POSSIBILITIES AS A TEACHER'S PROFESSIONAL POSITION

Arskieva Z.A.,

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of Pedagogy and Psychology
Kadyrov Chechen State University

Andreeva Y.V.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences,
Russian University of Cooperation

Abstract. The article is devoted to the problem of forming a teacher's professional position, the key component of which is the belief in a child's potential. The purpose of the article is to identify the structural components of a teacher's professional position based on the belief in a student's potential and to present the results of an empirical study. In their research, the authors relied on the humanistic tradition of Russian education, including the systemic approach (considering a teacher's professional position as a holistic entity), the axiological approach (emphasizing value-based principles), and the subject-activity approach (recognizing the teacher's active and reflected nature). Methods: questionnaire (the author's questionnaire «Teacher's Professional Position: Value Foundations and Practical Manifestations», which included 18 closed-ended and 4 open-ended questions); interviews (25 respondents based on the results of the questionnaire); and pedagogical observation (15 lessons and extracurricular activities using a Mentoring map developed based on the identified components of the position); analysis of the product of activity

(methodological development, portfolios). As a result of the theoretical analysis, three structural components of a teacher's professional position based on faith in the child's capabilities were identified: 1) the axiological component – a value-based attitude towards the student as a unique individual, acceptance of their subjectivity, and focus on their potential; 2) the cognitive component – understanding the nature of individual differences, develop mental factors, and conditions that contribute to the development of the child's personal potential; 3) the activity component – the teacher's ability to create a supported educational environment and Apple individualized teaching and learning Strategii.

Keywords: teacher's professional position, belief in child's capabilities.

Введение. Современные вызовы образования, связанные с внедрением личностно-ориентированного, инклюзивного подходов и признанием уникальности каждого ребенка, актуализируют проблему профессиональной позиции учителя. Особое значение приобретает способность педагога верить в возможности ученика, создавать условия для раскрытия его потенциала независимо от стартовых академических показателей, индивидуальных особенностей или социальных условий развития.

В отечественной педагогической традиции идея веры в ребенка как основы воспитания получила глубокое развитие в трудах классиков. К.Д. Ушинский утверждал, что «воспитатель должен быть не только специалистом, но и человеком, любящим детей и верящим в их возможности» [9], а также современных российских педагогов Ю.В. Андреевой, З.А. Арскиева [1, 2]. В.А. Сухомлинский рассматривал веру в ребенка как фундамент гуманистической педагогики, подчеркивая: «Чтобы стать настоящим воспитателем, надо верить в возможность успешного воспитания каждого ребенка» [8]. Эти идеи нашли продолжение в работах современных отечественных исследователей.

Проблема профессиональной позиции учителя разрабатывалась в российской педагогике В.А. Сластениным, который рассматривал ее как интегративную характеристику личности педагога, определяющую направленность его деятельности [7]. И.А. Колесникова ввела понятие «педагогическая позиция», акцентируя ее ценностно-смысловую природу [5]. Е.В. Бондаревская в рамках гуманитарной методологии обосновала значимость ценностного отношения к ребенку как субъекту образования [3]. В.В. Сериков, развивая личностно-ориентированную парадигму, показал, что успешность развития личности ученика напрямую зависит от личностных установок учителя [6]. И.С. Якиманская подчеркивала необходимость индивидуального подхода, основанного на принятии уникальности каждого учащегося [10].

В работах О.С. Ильиной, посвященных духовно-нравственным основаниям педагогической деятельности, отмечается, что ключевым условием успешности воспитательной работы является личностное развитие педагога, его доброжелательное отношение к детям и истинная вера в их возможности [4].

В зарубежной науке проблема веры учителя в возможности ученика изучается в контексте концепций «презумпции компетентности» и «педагогической поддержки». Э. Кин и соавторы эмпирически доказали связь между ожиданиями учителей и реальными достижениями учащихся [11]. Однако, как справедливо отмечают А.Л. Руппар и коллеги, одного «любви к детям» недостаточно, необходима сформированная профессиональная позиция, включающая рефлексивные и методические компоненты [12].

Таким образом, проблема исследования заключается в недостаточной разработанности структурных компонентов профессиональной позиции учителя, основанной на вере в возможности каждого ребенка, и отсутствии эмпирических данных о ее проявлении в массовой педагогической практике.

Цель исследования: выявить структурные компоненты профессиональной позиции учителя, основанной на вере в возможности каждого ребенка, и представить результаты эмпирического изучения особенностей ее проявления у педагогов общеобразовательных школ.

Методология исследования: системный подход (рассмотрение профессиональной позиции как целостного образования), аксиологический подход (акцент на ценностных основаниях), субъектно-деятельностный подход (признание активности и рефлексивности учителя).

Методы: анкетирование (авторская анкета «Профессиональная позиция учителя: ценностные основания и практические проявления», включавшая 18 закрытых и 4 открытых вопроса); интервью (проведено с 25 респондентами, отобранными по результатам анкетирования); педагогическое наблюдение (15 уроков и внеклассных мероприятий с использованием карты наблюдения, разработанной на основе выделенных компонентов позиции); анализ продуктов деятельности (методические разработки, портфолио).

Анкетирование проводилось в групповой форме, интервью – индивидуально. На основе результатов анкетирования методом кластерного анализа респонденты были разделены на две группы: с высоким уровнем веры в возможности учеников (43 чел., 50,6%) и с умеренным/низким уровнем (42 чел., 49,4%). Исследование проводилось в 2024–2025 учебном году на базе общеобразовательных школ г. Грозного и Чеченской Республики. В нем приняли участие 85 педагогов, из них 72 женщины и 13 мужчин. Сравнение групп осуществлялось с использованием критерия χ^2 Пирсона.

Результаты и обсуждение. В результате теоретического анализа выделены три структурных компонента профессиональной позиции учителя, основанной на вере в возможности каждого ребенка: 1) *аксиологический компонент* – ценностное отношение к ученику как к уникальной личности, принятие его субъектности, ориентация на потенциальные возможности; 2) *когнитивный компонент* – понимание природы индивидуальных различий, факторов развития и условий, способствующих раскрытию потенциала; 3) *деятельностный компонент* – способность выстраивать поддерживающую образовательную среду, применять индивидуализированные стратегии обучения и воспитания.

Эмпирическое исследование позволило выявить значимые различия между группами педагогов с высоким и низким уровнем веры в возможности учеников. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика педагогов с разным уровнем веры в возможности учеников (в % от числа респондентов в группе)

Показатель	Группа с высоким уровнем веры (n=43)	Группа с низким уровнем веры (n=42)	χ^2
Факторы успешности ученика (выбор основного)			
Качество педагогической поддержки	83,7	45,2	13,82
Индивидуальные способности ученика	11,6	33,3	5,67
Семейное воспитание	4,7	21,4	4,89
Стратегии работы с учениками, испытывающими трудности			
Поиск новых методов и приемов	86,0	38,1	20,14
Индивидуальные консультации	79,1	66,7	1,62
Снижение требований к ученику	9,3	35,7	8,52
Атрибуция неудач ученика			
Недостаточная педагогическая поддержка	72,1	26,2	17,54
Низкие способности ученика	16,3	52,4	11,92

Отсутствие мотивации у ученика	11,6	21,4	1,48
Используемые методы поддержки			
Создание ситуаций успеха	88,4	59,5	8,91
Дифференциация заданий	83,7	64,3	4,12
Поощрение за старание, а не только за результат	79,1	42,9	11,02
Формирующее оценивание	67,4	33,3	9,67
Отношение к профессиональному развитию			
Регулярно повышают квалификацию по вопросам инклюзии и индивидуализации	74,4	38,1	10,89
Считают, что вера в ребенка – врожденное качество, а не формируемое	9,3	54,8	19,41

Данные таблицы свидетельствуют о наличии устойчивых различий между группами. Педагоги с высоким уровнем веры в возможности учеников значительно чаще связывают успешность обучения с качеством педагогической поддержки (83,7% против 45,2% в группе с низким уровнем). Они реже приписывают неудачи учеников их низким способностям (16,3% против 52,4%) и активнее ищут новые методы работы с детьми, испытывающими трудности (86,0% против 38,1%).

В деятельностном компоненте выявлено, что учителя, верящие в потенциал каждого ребенка, чаще применяют такие методы, как создание ситуаций успеха (88,4%), дифференциация заданий (83,7%) и поощрение за старание (79,1%). Значимые различия также зафиксированы в отношении к профессиональному развитию: 74,4% педагогов из группы с высоким уровнем регулярно повышают квалификацию по вопросам инклюзии и индивидуализации, тогда как в группе с низким уровнем – только 38,1%. При этом 54,8% педагогов с низким уровнем веры считают, что «вера в ребенка – это врожденное качество, а не формируемое», что указывает на недооценку возможностей профессионального развития в этой сфере.

Качественный анализ интервью позволил дополнить количественные данные. Педагоги с высоким уровнем веры в возможности учеников демонстрируют рефлексивную позицию, осознают влияние своих установок на выбор стратегий взаимодействия. Одна из участниц (учитель начальных классов, стаж 23 года) отметила: «Я всегда говорю родителям: не бывает неспособных детей, бывают дети, которым нужен другой подход, другое время, другой способ объяснения. Моя задача – найти этот способ». В группе с низким уровнем преобладали высказывания, фиксирующие внешние препятствия: «При такой перегруженности программы невозможно уделить внимание каждому», «У некоторых детей просто нет способностей».

Наблюдение за уроками подтвердило, что педагоги с высоким уровнем веры в возможности учеников чаще используют поддерживающие высказывания, задают открытые вопросы, стимулирующие самостоятельный поиск, и гибко адаптируют задания в зависимости от текущего состояния учеников.

Полученные результаты согласуются с выводами отечественных исследователей. Е.В. Бондаревская отмечала, что гуманитарная позиция педагога проявляется именно в способности видеть в ученике субъекта, а не объекта педагогического воздействия [3]. В.В. Сериков подчеркивал, что личностно-ориентированное образование возможно только тогда, когда учитель ориентирован на потенциальные возможности ребенка, а не на усредненный норматив.

Заключение. Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, профессиональная позиция учителя, основанная на вере в возможности каждого ребенка, представляет собой интегративное личностно-профессиональное образование, включающее три компонента: аксиологический (ценностное принятие ученика), когнитивный (понимание условий развития индивидуального потенциала) и деятельностный (способность выстраивать поддерживающую образовательную среду).

Во-вторых, эмпирически установлено, что педагоги с высоким уровнем веры в возможности учеников значимо отличаются от педагогов с низким уровнем по таким параметрам, как: атрибуция факторов успешности (83,7% связывают успех с качеством педагогической поддержки против 45,2% в группе сравнения), выбор стратегий работы с детьми, испытывающими трудности (86,0% против 38,1% активно ищут новые методы), использование поддерживающих методов обучения, а также отношение к профессиональному развитию.

В-третьих, вера учителя в возможности ученика не является врожденным качеством, а может формироваться и развиваться в процессе профессиональной подготовки и повышения квалификации. Это подтверждается тем, что 74,4% педагогов с высоким уровнем веры регулярно повышают квалификацию по вопросам инклюзии и индивидуализации, тогда как в группе с низким уровнем таких только 38,1%.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ повышения квалификации педагогов, направленных на развитие аксиологического компонента профессиональной позиции, формирование рефлексивных умений и освоение практик педагогической поддержки.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой и апробацией программы формирования профессиональной позиции учителя, основанной на вере в возможности каждого ребенка, в системе дополнительного профессионального образования, а также с изучением влияния данной позиции на образовательные результаты учащихся, включая детей с особыми образовательными потребностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Ю.В. Школа радости – школа будущего // Народное образование. 2026. № 1 (1520). – С. 155–160.
2. Арскиева З.А. Педагогический оптимизм: почему вера учителя в ученика мотивирует к учебе // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4 (40). – С. 33–38.
3. Бондаревская Е.В. Опыт разработки гуманитарной методологии исследования и модернизации целостного образовательного процесса в педагогическом вузе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012 № 10 (74). – С. 9–13.
4. Ильина О.С. Проблема совершенствования профессионализма работников дошкольного образования и педагогической компетентности родителей в процессе преподавания основ духовно-нравственной культуры // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2025. Вып. 76. – С. 84–93.
5. Колесникова И.А. Педагогическая реальность: опыт межапаридигмальной рефлексии: Курс лекций по философии педагогики / И.А. Колесникова. 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Детство-Пресс, 2001. – 285 с.
6. Сериков В.В. Развитие личности в образовательном процессе [Текст]: монография / В.В. Сериков. – М.: Логос, 2012. – 447 с.
7. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.
8. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. – М.: Концептуал. 2016. – 312 с.
9. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. – М.: ARCHIVE PUBLICA, 2025. – 894 с.
10. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. – М.: Сентябрь, 1996. – 96 с.
11. Keane E., Heinz M., Lynch A. Identity Matters? 'Working Class' Student Teachers in Ireland, the Desire to Be a Relatable and Inclusive Teacher, and Sharing the Classed Self // International Journal of Inclusive Education. – 2015. Vol. 27, No. 3. – P. 258–297.
12. Ruppert A.L., Roberts C.A., Olson A.J. Is it all about loving the kids? Perceptions about expertise in special education // Teaching and Teacher Education. 2018. Vol. 71. – P. 319–328.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ОСВЕЩЕНИИ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ахмадова З.М.,

канд. филол. наук, доцент кафедры чеченской филологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Настоящая работа посвящена обзору научных исследований этнических стереотипов. Актуальность темы обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов формирования образов «своих» и «чужих» в условиях глобализации и роста межэтнических контактов. В обзоре рассматриваются работы, выполненные в различных методологических традициях: ассоциативный эксперимент, лонгитюдное и межпоколенческое исследование автостереотипов, анализ фольклорных текстов (анекдотов-триад), изучение имплицитных социальных теорий в диалогической речи, а также сравнительный анализ взаимных стереотипов соседних народов в анекдотах. Делается вывод о сложной, динамичной природе этностереотипов, их зависимости от историко-политического контекста. С одной стороны, этностереотипы создают барьеры для взаимопонимания народов, с другой – являются инструментом адаптации к культурному разнообразию.

Ключевые слова: этностереотипы, ассоциативный эксперимент, психолингвистика, этнос, языковое сознание.

ETHNIC STEREOTYPES IN AN INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE: A REVIEW OF CONTEMPORARY RESEARCH

Akhmadova Z.M.,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Chechen Philology,
Kadyrov Chechen State University

Annotation. This paper presents a review of scholarly research on ethnic stereotypes. The relevance of the topic is determined by the need for a deep understanding of the mechanisms that shape the images of "us" and "them" in the context of globalization and increasing interethnic contact. The review examines studies conducted within various methodological traditions, including associative experiments, longitudinal and cross-generational studies of autostereotypes, the analysis of folklore texts (triad jokes), the study of implicit social theories in dialogic speech, and a comparative analysis of mutual stereotypes between neighboring peoples as reflected in jokes. The conclusion highlights the complex and dynamic nature of ethnic stereotypes and their dependence on the historical and political context. On one hand, ethnic stereotypes can create barriers to mutual understanding between peoples; on the other, they serve as a tool for adapting to cultural diversity.

Keywords: ethnic stereotypes, associative experiment, psycholinguistics, ethnos, linguistic consciousness.

В современном мире, характеризующемся интенсивными процессами глобализации, ростом миграции и расширением межкультурных контактов, проблема взаимопонимания между представителями разных народов приобретает особую остроту [1]. Е.Ф. Сердюкова и З.В. Масаева считают, что «выстраивая отношения с другими людьми, человек оценивает их мир через призму норм и ценностей своей культуры, используя при этом привычные, характерные для его культуры стандарты и критерии» [6, с. 3]. Эффективная коммуникация между народами невозможна без понимания тех «линз», через которые мы воспринимаем «других» и «самих себя». В качестве таких «линз» выступают этнические стереотипы – устойчивые, эмоционально окрашенные и схематизированные образы этнических групп, которые передаются через язык, фольклор, искусство и повседневное общение [4].

Актуальность изучения этностереотипов обусловлена их двойственной природой. С одной стороны, они выполняют важную когнитивную функцию, упрощая сложную социальную реальность и помогая человеку быстро ориентироваться в поликультурной среде. С другой стороны, стереотипы могут порождать предрассудки и межнациональную напряженность, особенно в ситуациях исторических или политических противоречий. Исследование того, как формируются образы «своих» (автостереотипы) и «чужих» (гетеростереотипы), позволяет не только диагностировать состояние межэтнических

отношений, но и прогнозировать возможные конфликты, а также находить пути для построения межнационального диалога.

Многоаспектность феномена этностереотипа требует использования разнообразных исследовательских подходов и методов. Важно понять, как стереотипы функционируют в индивидуальном сознании, в коллективных представлениях, закреплённых в языке и фольклоре, в повседневной речи.

Цель настоящего исследования – проанализировать и обобщить результаты современных исследований, посвящённых проблеме этнических стереотипов. В фокусе внимания находятся работы, выполненные на различном материале (ассоциативные поля, анекдоты-триады, разговорная речь, межпоколенческие срезы) и в различных этнокультурных контекстах (русско-британском, русско-эстонском, а также в контексте самоописания русских). В них выявлены как общие закономерности функционирования этностереотипов, так и специфические их черты, обусловленные конкретным историческим и культурным ландшафтом.

Исследование **Кравченко Н. В. [2]** было направлено на выявление и сравнение этностереотипов, связанных с понятием «Россия», у российских девятиклассников и жителей Лондона. В качестве основного метода использован **свободный ассоциативный эксперимент**, который, как отмечает автор, является эффективным инструментом для выявления национально-специфических черт картины мира. Респондентам предлагалось назвать по три ассоциации со словом-стимулом «Россия».

Общее количество ассоциаций в обеих группах оказалось сопоставимым (34 у россиян, 32 у британцев), однако процент совпадений составил всего **30%**. Учёный распределил все ассоциации по тематическим группам: характеристики страны, образ жизни, природа, имена собственные.

Россияне продемонстрировали фактические знания о стране: их самые частотные ассоциации – «Родина», «Кремль», «Пушкин», «берёзы», «просторы». Они склонны к констатации фактов и презентации России через государственные символы, природу.

Британцы давали более экспрессивные и оценочные характеристики: «холод», «мощная», «водка», «коммунизм». Их образ России во многом стереотипен и сформирован под влиянием СМИ и исторических представлений.

По итогам исследования Н. Кравченко констатировала следующее: «...подтвердилась выдвинутая нами гипотеза исследования: представления российских девятиклассников и британцев о России будут существенно отличаться. Однако тот факт, что учащиеся по ходу проведения эксперимента сами сравнивали и анализировали свои представления о стране с представлениями о ней иностранцев, а также пытались объяснить причины возможных совпадений или несовпадений, помог им лучше понять и себя, и иностранцев. Это, в свою очередь, может способствовать формированию терпимости, толерантности и понимания между данными нациями». Таким образом, важным педагогическим итогом эксперимента стало то, что сам процесс сравнения и анализа ассоциаций помог учащимся лучше понять как собственную культуру, так и особенности ее восприятия иностранцами, что способствует развитию межкультурной компетенции и толерантности [2].

Чанчина А. В., Кочнова К. А. [7] обращаются к анализу **прецедентных текстов** – к **международным анекдотам-триадам**, как к источнику стереотипных представлений о национальных характерах. В таких анекдотах представители разных национальностей помещаются в идентичную ситуацию, и их поведение описывается на основе приписываемых им черт. Авторы подробно разобрали, как через анекдот конструируются образы народов и наций:

Немцы: практичные, дисциплинированные, ограниченные из-за своей педантичности.

Французы: гедонисты, думающие о вине, женщинах и еде.

Англичане: пунктуальные, сдержанные, немногословные.

Русские: бесшабашные, непринтливые, любящие выпить и подраться, но при этом душевные и открытые.

Американцы: богатые, уверенные в себе, прагматичные, знающие свои права.

Авторы тем не менее подчеркивают, что анекдот, несмотря на свою схематичность и гиперболизацию, выполняет важную функцию: он «подготавливает» человека к встрече с чужой культурой, снижает тревожность и культурный шок. «При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок».

Работа **Чанчиной А. В., Кочновой К. А.** демонстрирует, что фольклорные жанры являются мощным каналом трансляции и закрепления этностереотипов в сознании людей. Анализ анекдотов позволяет выявить глубинные пласты обыденного сознания и понять, какие качества считаются маркерами национальной идентичности в той или иной культуре.

М. Кривенькая исследовала этностереотипы на микроуровне – в **семантике диалогической реплики [3]**. Она рассматривает их как проявление **имплицитных (неявных, подразумеваемых) социальных теорий**, которые люди используют в повседневном общении. М. Кривенькая пишет: «Вербализация элементов имплицитных идей, связанных с национальной и этнической принадлежностью, зачастую воспринимается с повышенной долей предвзятости, в обстановке эмоциональной напряженности, вызывает реакции, доходящие до экстремальных. Соответственно, в условиях поликультурного окружения, которое можно считать естественной средой обитания современного человека, особую злободневность приобретает проблема изучения прагматических факторов организации диалогического дискурса с вербализацией имплицитных теорий, одной из форм которых являются этностереотипы» [3].

Материалом исследования послужили примеры из художественной литературы и разговорной речи.

Автор показывает, как в коротких фразах кристаллизуются целые комплексы представлений о народе. В репликах выделяется одна черта, становящаяся символом всего этноса (например, «справедливость» для евреев, «основательность» для шведов, «страсть к перемене мест» для цыган). Часто используется конструкция «хоть и... но...» («хоть и маррокашка, но башковитый»). М. Кривенькая вводит важное понятие «иллюзорных корреляций», когда «свое» воспринимается как норма, а «чужое» – как отклонение от нее. Это проявляется в отождествлении родного языка с «нормальным» или образа жизни «своей» страны с единственно правильным.

Исследование М. Кривенькой убедительно доказывает, что этностереотипы – не абстрактные конструкты, а элементы мышления, которые постоянно воспроизводятся в речи.

Работа Е. Нымма [5] представляет собой **сравнительный анализ взаимных этнических представлений** русских и эстонцев, отраженных в анекдотах друг о друге. Е. Нымм исследует как эстонские анекдоты о русских, так и русские анекдоты об эстонцах (включая современные интернет-тексты 1990–2000-х годов). Исследование выявило ярко выраженную **асимметрию** в восприятии и трансляции стереотипов.

В **эстонских анекдотах о русских** отражается историко-политический контекст (советский период). Русские предстают как «оккупанты», многочисленные и бедные, но хитрые. Ключевая тема – национальное противостояние, защита своей идентичности и территории от «чужого». Диалог с русскими в этих анекдотах либо отсутствует, либо носит конфликтный характер.

Центральная черта **русских анекдотов об эстонцах**, образа эстонца – **медлительность** («тормоз»), которая проистекает из особенностей произношения эстонцами русских слов – растягивания звуков. Эта черта гиперболизируется до космических масштабов (медленно падающий кирпич, медленнорастворимый кофе). Однако медлительность парадоксальным образом сочетается с основательностью, бережливостью и, как следствие, жизненным успехом (через 10 лет эстонец ездит на «Мерседесе»).

Е. Нымм отмечает, что русские анекдоты об эстонцах, активно бытующие в приграничных территориях, выполняют функцию «снятия» межнационального напряжения,

воспринимая эстонцев не столько как иностранцев, сколько как знакомых «инородцев» из единого прежде пространства. Эстонские же анекдоты, напротив, фиксируют конфликт и дистанцию. Работа Е. Нымм показывает, что анекдоты об этносах являются чутким барометром межнациональных отношений. Они не просто развлекают, но и аккумулируют коллективные страхи, обиды, надежды и стереотипные представления, создавая зеркальное, но искаженное отражение взаимного восприятия двух народов. Е. Нымм подчеркивает, что «анекдоты, отражающие этнические страхи, комплексы, надежды, дают богатый материал для исследования причин неудач межкультурной коммуникации, а также для построения продуктивных моделей общения» [5].

Проведенный обзор исследований, посвященных проблеме этнических стереотипов, позволяет сделать выводы о том, что рассмотренные работы демонстрируют, что этностереотип не может быть изучен каким-либо одним методом. Каждый из использованных подходов высвечивает его отдельную грань. **Ассоциативный эксперимент** (Кравченко Н.В.) позволяет выявить глубинное содержание стереотипа, его ядерные и периферийные элементы, а также степень их укорененности в сознании группы. **Анализ фольклорных жанров, в частности анекдотов** (Чанчина А.В., Кочнова К.А.; Нымм Е.Ю.), раскрывает механизмы коллективного (народного) производства и трансляции стереотипов, а также их роль в маркировании границ между «своими» и «чужими». **Анализ повседневной диалогической речи** (Кривенькая М.А.) доказывает, что стереотипы – не абстрактные конструкты, а постоянно воспроизводимые в языке элементы обыденного мышления. Сравнение работ Кравченко Н.В. (образ России глазами британцев) и Нымм Е.Ю. (взаимные стереотипы русских и эстонцев) убедительно демонстрирует, что образ «чужого» детерминирован историческим и политическим контекстом взаимоотношений народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадова З.М. Ассоциативная лексикография как способ репрезентации языкового сознания народов / З.М. Ахмадова // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1 (37). – С. 11–16.
2. Кравченко Н.В. Россия глазами российских девятиклассников и британцев / Н.В. Кравченко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 2 (февраль). – С. 51–55. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16031.htm> (дата обращения: 19.03.2026).
3. Кривенькая М.А. Этностереотип как разновидность имплицитных социальных теорий в семантике диалогической реплики / М.А. Кривенькая // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 3 (11). – С. 220–227.
4. Махаев М.Р., Стернин И.А. Исследование семантики имени собственного как феномена языкового сознания (по данным психолингвистических экспериментов) / М.Р. Махаев, И.А. Стернин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. – С. 228–239.
5. Нымм Е.Ю. Этностереотипы русских и эстонцев в анекдотах / Е.Ю. Нымм // Псковский регионологический журнал. 2006.
6. Сердюкова Е.Ф., Масаева З.В. Формирование основ этнической толерантности в образовании (семинар-тренинг для школьных психологов, учителей и школьников). – Махачкала, 2011. – 60 с.
7. Чанчина А.В. Этностереотипы в межкультурной коммуникации (на примере анализа анекдотов-триад) / А.В. Чанчина, К.А. Кочнова // Научный поиск. 2015. № 3,4. – С. 76–77.

АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИИ ОПИСАНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Закраилова Б.Р.,

*старший преподаватель кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор многолетнего исследовательского проекта воронежской научной психолингвистической школы (И.А. Стернин, А.В. Рудакова, О.Е. Виноградова, М.Р. Махаев и др.), посвящённого разработке и применению методологии экспериментального описания психолингвистического значения лексических единиц. Рассматриваются ее теоретические основания, ключевые этапы становления, основные компоненты (методы семной и семемной интерпретации ассоциативных полей, принципы количественной оценки яркости семантических компонентов и система лексикографической фиксации результатов в типологически разнообразных словарях). По результатам критического анализа выделены сильные стороны проекта (оригинальный метаязык, интеграция разнообразных методов, масштабная эмпирическая база) и его ограничения (субъективность интерпретации данных, недостаточная формализация процедур обработки полученного материала, слабая интеграция с корпусными данными). Предложены направления дальнейшего совершенствования методологии: внедрение межэкспертной валидации, унификация выборок, комбинация экспериментальных и корпусных методов, формализация метаязыка семного описания.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, семная интерпретация, индекс яркости, лексикографическое описание.

A REVIEW OF PSYCHOLINGUISTIC STUDIES OF THE ASSOCIATIVE POTENTIAL OF VERBAL SIGNS

Zakrailova B.R.,

*Senior Lecturer at the Department of Russian Language,
Kadyrov Chechen State University*

Annotation. The article is devoted to the problem of studying the associative potential of verbal signs. The associative potential of a word is its ability to evoke instant associations in the minds of speakers. T. Gridina defines the associative potential of a verbal sign as a set of formal semantic reactions caused by this sign in the linguistic consciousness. For V.V. Epifanova, the associative potential of a word is a set of stereotyped properties of a denotation, represented in the linguistic consciousness and fixed in the language within the framework of stable comparative phrases. The article provides an overview of a number of experimental studies of the associative potential of words – the experiment of T. Gridnaya in Yekaterinburg, the experiments of a team of scientists from the Voronezh Psycholinguistic School in Central Russia and the North Caucasus (I. Sternin, M. Makhaev), as well as experimental studies by E. Gut and V. Epifanova.

Keywords: associative experiment, associative potential of the word, psycholinguistics, linguistic consciousness.

В современной лингвистике сохраняется разрыв между традиционным лексикографическим описанием значения и необходимостью фиксации тех семантических параметров, которые реально функционируют в сознании носителя языка [1]. Психолингвистические методы позволяют преодолеть этот разрыв, однако их применение долгое время носило фрагментарный характер и не приводило к созданию целостной методологии экспериментального семантического описания. В этой связи обращение к многолетнему проекту воронежской научной школы, в рамках которой разработаны концепция психолингвистического значения, система методов его описания и лексикографической фиксации [6], представляет значительный интерес. Анализ сильных и слабых сторон данного направления позволяет оценить его вклад в развитие психолингвистики и лексикографии, а также определить пути дальнейшего совершенствования экспериментально-семантических исследований.

Настоящая статья представляет собой аналитический обзор и критический анализ ключевых теоретических и методических положений проекта, реализуемого воронежской

научной лингвистической школой (И.А. Стернин, А.В. Рудакова, О.Е. Виноградова, М. Махаев и др.).

В рамках данного направления осуществляется переосмысление способов лексикографической фиксации семантики. Воронежская школа выделяет два уровня представленности значения: традиционный словарный (лексикографический) и экспериментально выявляемый – психолингвистическое значение. Данное разграничение позволяет использовать психолингвистический инструментарий не как вспомогательный, а как основной метод семантического анализа.

Теоретический фундамент исследования опирается на положения Московской психолингвистической школы (А.А. Леонтьев) и интегральную концепцию значения, разработанную И.А. Стерниным в конце 1970-х – 1980-х годов. Важным для воронежской школы является и применение полевого подхода к организации семем, что даёт возможность количественно оценить яркость отдельных смысловых элементов в структуре значения.

Хронологически проект оформляется с начала 2000-х гг., когда в Воронежском государственном университете были проведены первые эксперименты по изучению понимания иноязычной и абстрактной лексики. В работах Е.И. Грищук вводится понятие *психологически реального значения*, которое впоследствии трансформируется в термин *психолингвистическое значение* [3].

Основные положения методологии:

1. **Семемная и семная интерпретация ассоциативных полей.** Воронежские исследователи разработали процедуру перевода совокупности вербальных реакций, полученных в ходе психолингвистического эксперимента, в структурированное значение. На первом этапе ассоциативные реакции группируются в семемы (отдельные лексико-семантические варианты), на втором – каждая семема раскладывается на семы с последующим вычислением **индекса яркости** (отношение числа респондентов, актуализировавших данную сему, к общему объёму выборки). Как подчеркивают авторы, «психолингвистика выступает в нашем случае как наука, позволяющая приблизить описание семантики слова к психологической реальности, описать психологически реальное значение языковой единицы в единстве его ядра и обширной периферии – последняя невыделима без использования психолингвистических методов» [7].

2. **Интеграция разнородных экспериментальных методов.** В работах О.Е. Виноградовой обоснована необходимость комбинации трёх основных приёмов: свободного ассоциативного эксперимента, направленного ассоциативного эксперимента и метода субъективных дефиниций [2]. Эмпирически доказано, что каждый из методов выявляет разные сегменты семантики: свободный ассоциативный эксперимент наиболее эффективен для имён существительных, направленный – для прилагательных и глаголов, а метод субъективных дефиниций позволяет эксплицировать периферийные компоненты значения. При этом «один из использованных психолингвистических методов (свободный и направленный ассоциативные эксперименты, метод субъективных дефиниций) не выявляет все значения исследуемого слова, представленные в актуальном языковом сознании народа, что подтверждает выдвинутую гипотезу о необходимости использования комплекса методов для адекватного описания значения как феномена языкового сознания и необходимости верификации лексикографических описаний психолингвистическими методами. Обобщение результатов исследований, выполненных разными методами, позволяет получить психологически реальные описания значений лексем, релевантные для современного языкового сознания русского человека» [7].

3. **Создание унифицированного метаязыка семного описания.** Для лексикографической фиксации полученных результатов разработана трафаретная модель словарной статьи, включающая денотативный, коннотативный и метаязыковой макрокомпоненты. В статьях фиксируются не только семные структуры, но и устойчивые сочетания, прецедентные тексты и т. п.

Исследовательским коллективом сформирован банк экспериментальных данных (БАРЭКСИС), который включает первичные ассоциативные массивы и рабочие образцы словарных статей. На его основе разработаны несколько типов психолингвистических словарей: семантический (фиксирующий полную семную структуру лексем), гендерный (отражающий различия в семантике у мужчин и женщин), возрастной (демонстрирующий динамику значения в зависимости от возраста носителей) и др. [5]

Особый интерес представляет опыт описания имён собственных, в структуре значения которых выявляются не только энциклопедические сведения, но и оценочные, ассоциативные и метаязыковые компоненты. М. Махаевым проведено исследование семантики топонимов, по результатам которого была доказана гипотеза конгруэнтности [4, 7, 8].

На основе анализа и обобщения результатов, полученных в ходе реализации проектов (в том числе поддержанных РФФИ и РГНФ), выявлен ряд закономерностей, характеризующих психолингвистическое значение как особый объект:

- **Количественное и качественное отличие от лексикографических описаний.** Число выявляемых в ходе семантической интерпретации экспериментального материала значений обычно превышает количество семем в толковых словарях; при этом фиксируются как новые, так и утратившие актуальность смыслы.
- **Отсутствие омонимии в обыденном языковом сознании.** Для носителя языка омонимичные единицы (например, *коса*) объединяются в единую семантическую структуру, что подтверждается пересечением ассоциативных полей.
- **Наличие ложных сем и значений.** В сознании носителей языка могут присутствовать смысловые компоненты, не соответствующие узальному значению, но объективно выявляемые экспериментально.
- **Амбивалентность семантики.** В пределах одной семемы могут сосуществовать антонимичные семы (например, *верный* и *может предать* в структуре значения слова *друг*).
- **Актуализация прецедентных феноменов.** Значительная часть семантических компонентов представляет собой устойчивые сочетания, цитаты и культурно значимые тексты.
- **Метаязыковая рефлексия.** В психолингвистическом значении присутствуют семы, характеризующие слово с точки зрения его стилистической маркированности, частеречной принадлежности, модальности употребления и т. п.

Проведённые воронежской школой исследования подтверждают, что психолингвистическое описание семантики не заменяет, а существенно дополняет традиционную лексикографию.

Выделим далее сильные и слабые стороны данной методологии.

Сильные стороны:

1. **Чёткая теоретическая база.** Проект опирается на интегральную концепцию значения и полевою модель семантики слов, что позволяет последовательно выстраивать методологию от теории к эксперименту.
2. **Разработка оригинального метаязыка и методик анализа.** Используются важные инструменты анализа: семная и семемная интерпретация ассоциативных полей, индекс яркости, трафаретная модель словарной статьи.
3. **Масштабная эмпирическая база.** Сформирован банк данных БАРЭКСИС, включающий результаты многолетних экспериментов. Наличие открытой базы позволяет проводить сопоставительные исследования и верифицировать выводы.
4. **Типологическое разнообразие словарей.** Разработка нескольких типов психолингвистических словарей (гендерный, возрастной, темпоральный и др.) демонстрирует прикладную ценность методологии.
5. **Интеграция методов.** Эмпирически обоснована необходимость сочетания свободного и направленного ассоциативных экспериментов с другими экспериментальными методами, что повышает валидность получаемых описаний.

Слабые стороны проекта:

1. **Недостаточная формализация процедур.** Несмотря на введение индекса яркости, процесс семной интерпретации остаётся во многом субъективным: группировка ассоциатов в семы и семемы зависит от экспертного решения исследователя. Отсутствует строгая алгоритмизация или межэкспертная валидация.

2. **Слабая интеграция с корпусными методами.** Проект сосредоточен на экспериментальных данных, но не использует корпусные подходы для верификации полученных данных.

3. **Недостаточная формализация метаязыка.** Предложенный метаязык семного описания остаётся преимущественно качественным. Отсутствует стандартизация записи сем (например, в виде семантических признаков с фиксированным набором значений), что затрудняет автоматизацию обработки данных.

Далее нами предложены шаги, позволяющие улучшить рассматриваемую методологию.

1. **Внедрение процедур межэкспертной валидации.** Для повышения объективности семной интерпретации целесообразно использовать независимое «кодирование» ассоциативных реакций несколькими экспертами с последующим расчётом коэффициента согласия.

2. **Комбинирование экспериментальных и корпусных данных.** Дополнить ассоциативные эксперименты анализом данных из национальных корпусов (НКРЯ), что позволит дифференцировать устойчивые семы (подтверждённые узусом) от индивидуальных или ситуативных ассоциаций.

3. **Разработка формализованной модели записи сем.** Создать таксономический набор семантических признаков (например, по типу «актант», «оценка», «интенсивность», «темпоральная привязка»), что даст возможность перейти от описательных словарных статей к структурированным базам данных, пригодным для статистического анализа и машинного обучения.

4. **Автоматизация обработки ассоциативных полей.** Использовать методы автоматической обработки естественного языка для предварительной группировки данных. Экспертная интерпретация в таком случае будет выполнять верифицирующую, а не первичную функцию.

Проект воронежского научного коллектива представляет собой один из наиболее последовательных и методологически проработанных вариантов интеграции психолингвистического инструментария в семантические и лексикографические исследования. К числу несомненных достижений относятся: разработка оригинальных методов семной и семемной интерпретации ассоциативных полей, введение количественного показателя яркости семантических компонентов, создание типологически разнообразной серии психолингвистических словарей, а также эмпирическое обоснование необходимости комбинации различных экспериментальных приёмов для получения релевантных описаний языкового сознания.

Вместе с тем в проекте выявлен ряд ограничений. Процедуры семной интерпретации остаются в значительной степени зависимыми от экспертного решения, что снижает воспроизводимость результатов. Отсутствие связей с корпусными методами ограничивает возможность сопоставления полученных экспериментальных данных с контекстами употребления. Кроме того, метаязык описания семантических компонентов нуждается в дальнейшей формализации для обеспечения автоматизации обработки материала.

Перспективы дальнейшего развития проекта связаны с внедрением межэкспертной валидации интерпретаций, комбинированием ассоциативных экспериментов с корпусным анализом, а также с созданием формализованных таксономий семантических признаков. Реализация этих предложений позволит повысить объективность, воспроизводимость и прикладную значимость психолингвистических описаний значения, сохранив при этом ключевое методологическое достижение проекта – ориентацию на реальное, а не нормативное бытование слова в языковом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадова З. М. Ассоциативная лексикография как способ репрезентации языкового сознания народов / З. М. Ахмадова // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1 (37). – С. 11–16.
2. Виноградова О.Е. Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2016. – 26 с.
3. Гришук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 248 с.
4. Махаев М.Р., Стернин И.А., Рудакова А.В. Семантический статус топонимов: верификация гипотезы конгруэнтности в психолингвистических экспериментах // Вестник КНИИ РАН. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2023. № 3. – С. 16–32.
5. Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии. – Воронеж: Истоки, 2014. – 177 с.
6. Стернин И.А. Концепт, «психологически реальное» и «психолингвистическое значение» // Язык и история: сб. ст. – Глазов, 2005. – С. 179–182.
7. Стернин И.А., Рудакова А.В., Виноградова О.Е. Проект «Значение как феномен языкового сознания» (психолингвистическое значение слова) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 32. – С. 211–225.
8. Makhaev M.R., Selmurzaeva Kh.R., Abdulazimova T.Kh., Ireziev S.-K., Inasalamova I.A. Lexical diversity coefficient for associative fields under different calculation conditions // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. 58. – P. 2661–2668.
9. Makhaev M.R., Sternin I.A., Ibragimov D.K. Regional specificity of toponym semantics: psycholinguistic study // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. 58. – P. 1007–1014.

КОМПЛЕКСНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБУЧЕНИЯ КАК НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

Мамалова Х.Э.,

канд. пед. наук, доцент кафедры чеченской филологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Абдуллаева Н.А.,

канд. пед. наук, доцент кафедры
педагогике и технологии дошкольного и дополнительного образования
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова»

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ Комплексной концепции обучения (К-концепция), разработанной Лабораторией когнитивных исследований сознания им. Саид-Махдихона Сатторова (г. Назрань). Актуальность исследования обусловлена кризисом традиционных образовательных моделей, ориентированных преимущественно на трансляцию знаний, а не на подготовку выпускников к решению реальных жизненных задач. Рассматриваются философско-методологические основания концепции, включая оригинальную трактовку понятия «обучение» и пять базовых принципов (плюрализм, свобода мысли, методическое сомнение, практицизм, ответственность). Особое внимание уделяется структурному ядру модели – четырем комплексным блокам обучения (знаниевому, методологическому, практическому и блоку морально-гражданской ответственности), а также механизмам ее практической реализации. Предложены возможные пути развития К-концепции, включая создание мета-методологии и внедрение цифровых инструментов.

Ключевые слова: педагогика, обучение, образование, школа, вуз.

THE COMPREHENSIVE CONCEPT OF LEARNING AS A NEW EDUCATIONAL PARADIGM

Mamalova Kh.E.,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Chechen Philology,
Kadyrov Chechen State University

Abdullayeva N.A.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of
Pedagogy and Technology of Preschool and Supplementary Education of the
Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov

Annotation. This article presents a comprehensive analysis of the Comprehensive Concept of Learning (C-Concept), developed by the Said-Mahdikhon Sattorov Laboratory for Cognitive Studies of Consciousness (Nazran). The relevance of this research is determined by the crisis of traditional educational models, which are primarily focused on knowledge transmission rather than preparing graduates to solve real-life problems. The philosophical and methodological foundations of the concept are examined, including its original interpretation of the term «learning» and its five core principles (pluralism, freedom of thought, methodological doubt, practiciness, and responsibility). Special attention is paid to the structural core of the model—the four comprehensive learning blocks (knowledge, methodology, practice, and moral and civic responsibility)—as well as the mechanisms for its practical implementation. Possible avenues for the development of the C-Concept are proposed, including the creation of a meta-methodology and the integration of digital tools.

Keywords: pedagogy, learning, education, school, higher education institution.

В условиях затяжного кризиса образовательной системы педагогическая мысль находится в перманентном поиске новых парадигм. Сегодня предложены и апробированы самые разные модели обучения: от компетентностного подхода и STEAM-образования до концепций «непрерывного образования» (lifelong learning) и цифровых платформенных решений [1].

На этом фоне особого внимания заслуживает оригинальная разработка – комплексная концепция обучения (К-концепция). Она создана коллективом ученых и педагогов назрановской Лаборатории когнитивных исследований сознания им. Саид-Махдихона Сатторова (под руководством философа М. Махаева) [2]. Данная концепция предлагает не «косметический ремонт» системы образования, а кардинальную перестройку самого процесса обучения стремясь преодолеть однобокость как советской, так и западной образовательных моделей.

В предлагаемой статье нами проведен системный анализ К-концепции: рассмотрены ее философские основания, изложена суть четырехкомпонентной структуры обучения, выделены сильные стороны концепции, ее недостатки, а также намечены возможные пути ее дальнейшего развития.

Разработчики К-концепции полагают, что и постсоветская, и западная модели образования имеют общий фундаментальный недостаток: гипертрофированную ориентацию на трансляцию фундаментальных знаний. Следствием такой образовательной политики является выпуск «эрудитов» – людей, способных успешно воспроизводить заученную информацию, но теряющихся при столкновении с нестандартными жизненными и профессиональными задачами.

1. Переосмысление понятия «обучение»

Прежде чем предложить новую педагогическую модель, авторы дают расширенное рабочее определение самому процессу обучения, выходящее за рамки педагогических штампов.

Обучение – это целенаправленная деятельность, связанная с освоением фундаментальных и прикладных знаний, технологий правильного и нестандартного мышления, практических навыков и умений, социальных и моральных норм. *Конечная задача образования* – раскрытие личностного потенциала обучающегося.

Таким образом, обучение перестает быть просто передачей суммы знаний и становится средством трансляции социального опыта.

2. Базовые принципы К-концепции

В основе предлагаемой модели лежат пять ключевых принципов, призванных заменить «догматическое заучивание»:

1. Плюрализм. Обучение строится на основе многообразия позиций, оценок и вариантов действий. Именно в плюрализме «проявляется социальная активность личности, её потребность в отстаивании собственных позиций, способность к рефлексии, терпимость к мнению других» [3].

2. Свобода мысли. Знания не преподносятся как «истины в последней инстанции». Этот принцип запрещает догматизацию учебного материала. Венгерский биохимик Альберт Сент-Дьердь утверждал, что «...лучший способ добиться осуществления такой основополагающей свободы, как свобода мысли, – это не прививать беспомощным малым детям психологических или каких-то иных условных рефлексов, от которых впоследствии им будет невозможно избавиться. Соблюдение этой свободы предполагает запрет внушать детям какую бы то ни было идею в виде абсолютной и бесспорной истины, если она не признается таковой большинством образованных взрослых людей. Это касается как религии, так и истории» [4].

3. Принцип методического сомнения. Тесно связан с принципом свободы мысли. Учащихся необходимо учить сомневаться в фактах, истинность которых может быть проверена опытным путем (интерсубъективно).

4. Практицизм. Цель образования – не «многознающий выпускник», а гражданин, способный успешно справляться с жизненными обстоятельствами. Как подчеркивают авторы, задача системы образования состоит в том, чтобы «дать социуму гражданина, способного самостоятельно мыслить, справляться с жизненными сложностями, а также нести ответственность за свои поступки» [с. 128].

5. Ответственность. Выпускник должен отвечать за свои поступки и решения.

3. Структура обучения: четыре комплексных блока

Центральным элементом концепции является перестройка учебного процесса в виде четырех равнозначных блоков.

Авторы концепции утверждают, что процесс обучения как средство передачи социального опыта должен состоять из четырех взаимосвязанных структурных элементов, или комплексных блоков. Традиционная школа в настоящее время фокусируется практически исключительно на первом из них, тогда как для подготовки полноценного члена общества необходимо задействовать все четыре.

Первый блок – Знаниевый. Он включает в себя дисциплины, привычные для классического образования. Это фундаментальные знания о мире: законы природы, географические данные, грамматические правила, исторические события и так далее. Результатом его успешного освоения становится «человек знающий», эрудит, обладающий широким кругозором.

Второй блок – Методологический. Если первый блок отвечает на вопрос «что?», то второй – на вопрос «как мыслить?». Он включает в себя техники и технологии мышления, методы критической работы с информацией, а также методики развития интуиции и воображения. Инструментами здесь выступают головоломки, квесты, деловые игры и нестандартные задачи. Цель блока – сформировать у учащихся правильное (то есть логичное) и критическое мышление, а также развить творческие способности, необходимые для решения сверхсложных задач. Итогом для общества становится «человек мыслящий» и «человек творческий».

Третий блок – Блок практических навыков и умений – «предполагает трансляцию практических навыков и умений: социальных (умение работать в коллективах, управлять, воспитывать и т. п.), когнитивных (умение писать тексты, проводить исследования, заполнять декларации и т. п.), технических (умение ремонтировать, управлять транспортным средством, производить перестановки и т. п.) и др.» [2].

Четвертый блок – Блок моральной и гражданской ответственности – «предполагает следование морально-нравственным и правовым нормам, культивирование гражданских поступков и благих деяний, ценностей добра. В результате общество получает ответственного гражданина: рефлексирующего, обладающего высоким нравом, совершающего благородные поступки» [2].

Ключевая идея К-концепции состоит в том, что продуктивность обучения измеряется не объемом усвоенной информации, а тем, пополняется ли общество гражданами, которые одновременно являются *знающими, мыслящими, умеющими и ответственными*. Это четыре измерения, по которым должна оцениваться новая образовательная система.

Проведенный анализ текста позволяет выделить ряд существенных преимуществ предлагаемой модели, которые выгодно отличают ее от многих существующих педагогических подходов.

1. Четкая диагностика проблемы

Сильной стороной концепции является точная идентификация «болевого точки» современного образования. Сегодня, в эпоху доступности любой информации (благодаря Интернету), «чистое знание» утратило свою самооценку. Концепция верно улавливает этот тренд: цель образования – не накопление и трансляция информации, а развитие способности с ней работать и применять ее на практике.

2. Системный и целостный подход

Вместо фрагментарных реформ концепция предлагает системное изменение структуры содержания образования. Выделение четырех блоков (знаниевого, методологического, практического и ценностного) формирует модель всестороннего развития личности. При этом речь идет не просто о сумме частей, а о системе. Особенно важным представляется выделение блока моральной и гражданской ответственности. В то время как многие инновационные модели фокусируются исключительно на «soft skills» и компетенциях (что соответствует блокам 2 и 3), данная

концепция возвращает в образование этическое измерение, подчеркивая, что для общества в одинаковой степени опасен как необразованный, так и образованный, но безответственный человек.

3. Глубокая философско-методологическая основа

Авторы-разработчики подвели под концепцию прочный философский фундамент. Принципы плюрализма, свободы мысли и методического сомнения превращают процесс обучения из пассивного потребления догм в активный исследовательский поиск.

4. Практическая применимость

Несмотря на теоретическую глубину, концепция имеет прикладное измерение. Авторы-разработчики предлагают гибкий механизм формирования учебного плана, учитывающий интересы трех сторон: государства (минимум), администрации школы (специфика учреждения) и родителей (индивидуальные запросы).

5. Расширенная трактовка понятия «обучение»

Предложенное авторами определение обучения выводит это понятие за узкие рамки педагогического процесса.

Отметим теперь слабые стороны предложенной концепции.

1. Отсутствие механизма интеграции блоков

Концепция постулирует взаимосвязь четырех блоков, но не объясняет, как именно они должны интегрироваться между собой.

2. Непроработанность критериев оценки

Концепция декларирует отказ от «человека знающего» в пользу «человека мыслящего, умеющего и ответственного». Однако она не предлагает инструментов для измерения этих новых результатов. Авторы критикуют ЕГЭ и экзамены, но не предлагают альтернативного способа аттестации. Если мы не можем измерить результат, мы не можем доказать эффективность концепции.

3. Отсутствие возрастной периодизации

Концепция говорит об обучении вообще, не разделяя дошкольное, школьное и вузовское образование. Очевидно, что соотношение блоков должно меняться с возрастом. Для первоклассника блок моральной ответственности – это простые правила поведения, а для студента-медика или юриста – это профессиональная этика и клятвы. Для младших школьников развитие мышления (Блок 2) происходит через игру, для старших – через решение научных парадоксов. Концепция пока не предлагает этой динамики.

4. Отсутствие учета экономических и управленческих аспектов

Перестройка расписания, создание новых методических материалов (квесты, игры, кейсы для блока ответственности), переподготовка учителей – все это требует огромных финансовых вливаний. Без проработки этих вопросов она не может быть предложена для внедрения на государственном уровне.

Учитывая выявленные недостатки, можно предложить следующие векторы доработки К-концепции:

1. Разработка мета-методологии (интеграция вместо суммы)

Вместо простого сосуществования четырех предметов в расписании необходимо создать методики интегрированных уроков. Например, урок истории (Блок 1) может быть построен как расследование (Блок 2 – критическое мышление), в ходе которого ученики работают с историческими документами (Блок 3 – навык анализа текста) и делают вывод об ответственности правителя за свои решения (Блок 4). В таком уроке все четыре блока работают одновременно, а не последовательно.

2. Создание таксономии образовательных результатов

Необходимо разработать «портфолио компетенций» или «карту личностного роста», где фиксируются не только оценки по предметам, но и уровни решения нестандартных задач, освоенные практические навыки и конкретные поступки (волонтерство, проекты), подтверждающие гражданскую ответственность.

3. Профилизация блоков

Концепцию необходимо привязать к возрастной психологии и профессиональной ориентации. Следует разработать «дорожную карту», где для начальной школы приоритетны Блоки 1 и 4 (картина мира и базовые ценности), для средней – акцент на Блок 2 (развитие абстрактного мышления), а для старшей и вуза – доминирование Блока 3 (профессиональные навыки) при сохранении Блока 4 как этического регулятора профессии.

4. Технологизация блока мышления

В концепции упоминаются «квесты» и «игры», но современные технологии (ИИ, VR/AR) открывают гораздо более широкие перспективы для развития когнитивных способностей. Можно разработать цифровую платформу «Тренажер мышления», где ученики могли бы решать не только логические задачи, но и имитационные задачи (например, управление городом или предприятием), где виден немедленный результат их решений, что соединило бы Блок 2 и Блок 4 (ответственность за виртуальные последствия).

5. Развитие института тьюторства

Поскольку ответственность (Блок 4) невозможно «преподавать» в лекционном формате, концепция требует перехода к диалоговым формам. Возможно внедрение системы тьюторов или наставников, которые не ставят оценки, а сопровождают ученика, помогая ему рефлексировать поступки и делать моральный выбор.

Комплексная концепция предлагает прекрасный образ желаемого будущего для образования. Однако для перехода от образа к реальности ей необходим второй слой проработки: инструментальный. Ответы на вопросы «Как измерить?», «Как интегрировать?», «Кто будет учить?» и «Сколько это стоит?» превратят эту глубокую философскую идею в рабочую педагогическую систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базуева К.И., Батчаева З.Б. Педагогика в эпоху цифровых трансформаций / К.И. Базуева, З.Б. Батчаева. Текст: непосредственный // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4 (40). – С. 39–44.
2. Махаев М.Р., Матыева, А.Р. Абрис комплексной концепции обучения / А.Р. Матыева, М.Р. Махаев. Текст: непосредственный // Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 2 (2). – С. 124–131.
3. Педагогический энциклопедический словарь: [сайт]. 2022. URL: <https://slovar.cc/enc/ped/2137917.html> (дата обращения: 12.03.2026). – Режим доступа: свободный. Текст: электронный.
4. Свобода мысли для детей // UNESCO: [сайт]. 2018. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-4/svoboda-mysli-dlya-detey> (дата обращения: 12.09.2022). Режим доступа: свободный. Текст: электронный.

УДК 37

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Мамалова Х.Э.,

канд. пед. наук, доцент кафедры чеченской филологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Межидова К.Р.,

старший преподаватель кафедры философии, политологии и социологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация. Работа посвящена проблеме формирования этноэстетической культуры будущего преподавателя. Представлен обзор и системный анализ исследования М.И. Алдошиной, результаты которого изложены в статье «Формирование этноэстетической культуры личности будущего преподавателя в провинциальном университете». Рассматриваются теоретико-методологические основания исследования: уточнение сущности этноэстетической культуры педагога, обоснование её трёхкомпонентной структуры (аксиологический, деятельностно-практический, личностно-творческий компоненты), а также роль провинциального университета как института, сохраняющего и транслирующего национальные традиции. Особое внимание уделено аксиологическому подходу, позволившему выделить уровни присвоения этноэстетических ценностей (общественно-педагогический, профессионально-групповой, индивидуально-личностный), и практическим путям усиления этноэстетической подготовки будущих педагогов в условиях ограниченных учебных ресурсов. В рамках критического анализа выявлены сильные стороны работы и её уязвимые места.

Ключевые слова: этноэстетическая культура, педагогика, образование, этнос, ценности.

THE PROBLEM OF DEVELOPING THE ETHNOAESTHETIC CULTURE OF FUTURE TEACHER

Mamalova Kh.E.,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Chechen Philology,
Kadyrov Chechen State University

Mezhidova K.R.,

Senior Lecturer at the Department of Philosophy,
Political Science and Sociology of the
Chechen State Pedagogical University

Annotation. This paper examines the development of the ethnoaesthetic culture of future teachers. It presents a review and systematic analysis of M.I. Aldoshina's research, the results of which are presented in the article «Developing the Ethnoaesthetic Culture of Future Teachers at a Provincial University». The theoretical and methodological foundations of the study are examined: clarifying the essence of a teacher's ethnoaesthetic culture, substantiating its three-component structure (axiological, activity-based, and personal-creative components), and exploring the role of a provincial university as an institution preserving and transmitting national traditions. Particular attention is paid to the axiological approach, which allowed for the identification of levels of ethnoaesthetic value appropriation (social-pedagogical, professional-group, and individual-personal), and to practical ways to enhance the ethnoaesthetic training of future teachers in the context of limited educational resources. A critical analysis identifies the strengths and weaknesses of the study.

Keywords: ethnoaesthetic culture, pedagogy, education, ethnicity, values.

Современный этап развития высшего педагогического образования характеризуется переосмыслением целей и ценностей профессиональной подготовки будущего учителя [4]. В условиях глобализации особую значимость приобретает задача сохранения культурной идентичности, формирования у будущих педагогов не только профессиональных компетенций, но и глубокого уважения к национальным традициям, этноэстетическому наследию своего народа [3]. Как подчеркивает Е.Ф. Сердюкова: «В условиях, когда на

человека ежечасно буквально обрушивается огромный поток информации, именно этнокультурные ценности остаются основным механизмом формирования национальной культуры» [7, с. 239].

Вместе с тем анализ опыта подготовки педагогов в высшей школе выявил противоречие между объективной потребностью общества в специалистах, обладающих сформированной этноэстетической культурой, и недостаточной разработанностью теоретических основ данной проблемы. Особую остроту данная проблема приобретает в провинциальных вузах, которые, с одной стороны, тесно связаны с локальными культурными традициями, а с другой – испытывают влияние стандартизированных подходов к профессиональной подготовке.

В научной литературе широко представлены исследования, посвящённые этноэстетической культуре личности [2, 5, 6]. Однако понятие «этноэстетическая культура» как интегративный феномен, объединяющий этнокультурный и эстетический компоненты в контексте профессиональной подготовки педагога, остаётся недостаточно изученным. Также не в полной мере раскрыты возможности провинциального университета как института, способного обеспечить формирование данного качества личности будущего учителя.

Восполнить данный пробел попыталась кандидат педагогических наук, доцент М.И. Алдошина, изложив результаты своих исследований в статье «Формирование этноэстетической культуры личности будущего преподавателя в провинциальном университете» [1]. Она попыталась теоретически обосновать структурно-содержательную модель этноэстетической культуры личности будущего преподавателя и выявить потенциал провинциального университета в её формировании.

Цель настоящей работы – дать комплексный анализ результатов ее исследования.

Статья М.И. Алдошиной выполнена в русле культурологического подхода и ориентирована на анализ специфики провинциального университета, который рассматривается автором не просто как образовательное учреждение, но как инструмент сохранения и трансляции национальных традиций.

В работе четко выделяются концептуальные блоки, позволяющие составить целостное представление о феномене этноэстетической культуры.

1. **Определение и структура этноэстетической культуры.** М. Алдошина определяет этноэстетическую культуру как «специализированная часть культуры общества и личности, системообразующими элементами которой выступают эстетические отношения того или иного народа и соответствующая им система этноэстетических ценностей» [1]. Автор предлагает трехкомпонентную структурно-содержательную модель: **аксиологический компонент** – включает совокупность педагогических и эстетических ценностей, которые, будучи переосмысленными в конкретной социокультурной ситуации, выступают ориентирами для педагога; **деятельностно-практический компонент** – характеризует способы формирования культуры, механизмы удовлетворения этноэстетических потребностей и совокупность приемов педагогического воздействия (решение бинарных педагогических задач); **личностно-творческий компонент** – отражает профессиональное самосознание педагога, его творческий потенциал и индивидуальный стиль педагогической работы.

2. **Обоснование выбора русской национальной культуры.** М. Алдошина аргументирует опору на русскую народную педагогику тремя факторами: национальным составом Орловского региона (95% русских), уважительным отношением русской педагогической традиции к другим культурам, а также статусом Орловского государственного университета как традиционного провинциального вуза. Она подчеркивает: «...привлекательна сама русская народная педагогика тем, что одной из отличительных черт данной системы воспитания является культивирование уважительного отношения к другим народам и культурам. Кроме русских, наиболее значительные этнические группы, проживающие на территории Орловской области это: украинцы, белорусы, азербайджанцы и чеченцы» [1].

3. **Уровни аксиосферы и типология ценностей.** В рамках университетского образования процесс присвоения этноэстетических ценностей рассматривается на трех уровнях:

- *Общественно-педагогические*, которые «воплощают совокупность идей, представлений, норм, правил, традиций, которые регулируют деятельность общества в сфере образования и проявляются в общественном сознании» [1].

- *Профессионально-групповые*, «как правило, находят свое выражение в виде идей, концепций, норм, регулирующих и направляющих педагогическую деятельность. Данные ценности отличаются целостностью, относительной стабильностью и повторяемостью и наиболее полно проявляются в этноэстетической деятельности будущего преподавателя» [1].

- *Индивидуально-личностные* «представляют сложные социально-психологические образования, в которых проявляются цели, мотивы, идеалы, мировоззренческие установки личности. Именно они составляют основу системы ценностных ориентаций личности, которые образуют аксиологическое «Я» [1].

Автор подчеркивает, что социальная этноэстетическая культура статична и ориентирована на всех членов общества, в то время как индивидуальная культура будущего педагога динамична.

4. **Практические пути реализации.** Признавая невозможность значительного увеличения учебных часов в условиях реформы высшего образования, М. Алдошина предлагает конкретные методы усиления этноэстетической подготовки:

- повышение научного уровня педагогических дисциплин;
- усиление междисциплинарных связей;
- введение спецкурсов и курсов по выбору этноэстетической направленности;
- внедрение диалоговых технологий;
- использование потенциала научно-исследовательской работы студентов;
- разработка пакета заданий этноэстетической направленности для различных видов практик.

5. **Роль провинциального университета.** Ключевой тезис статьи М. Алдошиной заключается в признании особой миссии провинциального университета. В отличие от столичных вузов, провинциальный университет, по мнению М. Алдошиной, сохраняет устойчивую связь с «корнями», аграрным характером хозяйствования и селом как духовным центром, что позволяет ему выступать не просто транслятором знаний, а хранителем национальных традиций и основ национального воспитания. Это делает его значимым инструментом этноэстетического развития личности будущего преподавателя.

Новизна работы М. Алдошиной заключается в обосновании структурно-содержательной модели этноэстетической культуры применительно к специфике *провинциального* университета. М. Алдошина не просто описывает феномен этноэстетической культуры, но и связывает его с аксиологическим подходом, выделяя механизмы интериоризации ценностей на уровне личности педагога. Практическая значимость статьи состоит в предложенных автором путях усиления этноэстетической подготовки будущих педагогов в условиях ограниченных временных ресурсов учебного плана.

Комплексный анализ работы М. Алдошиной выявил ряд ее сильных и слабых сторон. Назовем сильные стороны:

1. **Чёткая структурно-содержательная модель.** М. Алдошина предлагает трёхкомпонентную структуру этноэстетической культуры (аксиологический, деятельностно-практический, личностно-творческий), что позволяет системно подойти к анализу данного феномена и даёт основу для дальнейшего проектирования педагогического процесса.

2. **Уровневый подход к ценностям.** Выделение общественно-педагогических, профессионально-групповых и индивидуально-личностных ценностей демонстрирует понимание сложности процесса интериоризации этноэстетических норм и позволяет рассматривать формирование культуры на разных уровнях.

3. **Практико-ориентированные рекомендации.** Предложенные пути усиления подготовки (спецкурсы, междисциплинарные связи, диалоговые технологии, пакеты заданий для практик) выглядят реалистично и могут быть внедрены без кардинальной перестройки учебного плана.

Слабые места и ограничения исследования М. Алдошиной.

1. **Отсутствие эмпирической базы.** Исследование М. Алдошиной представляет собой теоретико-методологические рассуждения без ссылок на экспериментальные данные. Не описаны методы диагностики и критерии сформированности этноэстетической культуры, не приведены результаты апробации предлагаемых подходов.

2. **Методологическая эклектика.** В статье используются понятия из аксиологии, культурологии, педагогической психологии, но их взаимосвязь не всегда прояснена. Например, «этноэстетическая культура» иногда определяется через ценности, а иногда через деятельность и творческую самореализацию, что размывает границы понятия.

3. **Слабая связь между компонентами модели и предлагаемыми путями реализации.** Предложенные в конце статьи пути усиления подготовки (спецкурсы, диалоговые технологии и т.д.) не систематизированы в соответствии с выделенными компонентами (аксиологическим, деятельностью-практическим, личностно-творческим).

4. **Недостаточный учёт многообразия этнического состава.** Хотя автор упоминает украинцев, белорусов, азербайджанцев, чеченцев как значительные этнические группы региона, фокус исключительно на русской культуре ставит под сомнение формирование этноэстетической культуры *в полиэтнической среде*. Не рассматриваются механизмы диалога культур и возможности включения элементов культур других народов в подготовку педагога.

5. **Спорный тезис о «провинциальном университете».** Автор противопоставляет провинциальный университет столичному, наделяя его функцией сохранения «села как духовного центра». Однако не уточняется, как именно эта особенность влияет на содержание образования и почему столичный вуз не может быть таким же эффективным.

Нами предложены варианты улучшения исследования М. Алдошиной.

1. **Добавить эмпирическую часть**

- Провести диагностику уровня этноэстетической культуры у студентов до и после внедрения разработанных спецкурсов или заданий.

- Использовать методы опроса, контент-анализа творческих работ, наблюдения за педагогической практикой.

- Представить конкретные критерии и показатели сформированности каждого компонента модели.

2. **Уточнить понятийный аппарат**

- Дать более строгое рабочее определение «этноэстетической культуры», разграничив её с «этнопедагогической культурой», «эстетическим воспитанием» и «этнокультурной компетентностью».

- Показать, как три компонента модели соотносятся с федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) и профессиональным стандартом педагога.

3. **Перейти от декларации к анализу противоречий**

- Рассмотреть реальные сложности внедрения традиционной культуры в образовательный процесс (коммерциализация, разрыв поколений, цифровизация).

- Включить раздел о возможных конфликтах ценностей и способах их разрешения (например, между традиционным и инновационным, национальным и общечеловеческим).

4. **Усилить поликультурный аспект**

- Разработать принципы отбора содержания программ для формирования этноэстетической культуры в полиэтнической студенческой среде.

5. **Конкретизировать методический инструментарий**

- Расписать, какие именно темы спецкурсов, типы диалоговых технологий, формы заданий для практик соответствуют каждому компоненту модели.

- Привести примеры таких заданий или фрагментов рабочих программ.

6. **Уточнить роль провинциального университета**

- Провести сравнительный анализ провинциальных и столичных вузов по критериям этнокультурной направленности (наличие музеев, фольклорных ансамблей, связей с местными сообществами).

- Обосновать, почему именно провинциальный университет рассматривается как «значимый инструмент», а не, например, система дополнительного образования или культурные центры.

Проведённое М. Алдошиной теоретическое исследование проблемы формирования этноэстетической культуры личности будущего преподавателя в провинциальном университете позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Этноэстетическая культура педагога представляет собой важную часть профессионально-педагогической культуры. Системообразующими элементами которой выступают эстетические отношения того или иного народа и соответствующая им система этноэстетических ценностей. В её структуре обоснованно выделяются три взаимосвязанных компонента: аксиологический (совокупность традиционных духовных ценностей, выступающих профессиональными ориентирами), деятельностно-практический (способы педагогического воздействия, механизмы удовлетворения этноэстетических потребностей) и личностно-творческий (профессиональное самосознание, творческая самореализация педагога).

2. Выбор русской национальной культуры в качестве содержательной основы формирования этноэстетической культуры студентов Орловского государственного университета обусловлен национальным составом региона (95% русских), гуманистическим потенциалом русской народной педагогики, культивирующей уважение к другим культурам, а также статусом университета как традиционного провинциального вуза, сохраняющего связь с аграрными и духовными традициями села.

3. Аксиологический подход позволил выявить многоуровневый характер присвоения этноэстетических ценностей: общественно-педагогический уровень отражает социально одобряемые нормы и идеалы; профессионально-групповой – специфические ценности педагогического сообщества; индивидуально-личностный – субъективные смыслы и установки, составляющие аксиологическое «Я» будущего педагога.

4. Провинциальный университет рассматривается не только как образовательная организация, но и как значимый культурный центр, сохраняющий и транслирующий национальные традиции.

Разработанная М. Алдошиной структурно-содержательная модель этноэстетической культуры будущего преподавателя вносит значительный вклад в теорию и методику профессионального образования, расширяет представления о возможностях культурологического и аксиологического подходов в подготовке педагога.

Перспективы дальнейшего исследования нам видятся в разработке диагностического инструментария для оценки уровня сформированности этноэстетической культуры студентов, апробации предложенных путей в реальной образовательной практике провинциального университета, а также в расширении поликультурного аспекта исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдошина М.И. Формирование этноэстетической культуры личности будущего преподавателя в провинциальном университете / М. И. Алдошина // Булгаковские чтения. 2007. № 1. – С. 118–123.
2. Алдошина М.И. Условия формирования этноэстетической культуры студентов в университете / М.И. Алдошина // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 2. – С. 47–51.
3. Даутмерзаева Л.М. Стратегические ориентиры развития образования в Чеченской Республике: синтез традиций, инноваций и человеко-центрированного подхода / Л.М. Даутмерзаева // Известия ЧГУ. 2025. № 3 (39). – С. 53–58.

4. Махаев М.Р. Абрис комплексной концепции обучения / А.Р. Матыева, М.Р. Махаев // Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 2 (2). – С. 124–131.
5. Межидова К.Р. Этноэстетическая культура бакалавра – будущего учителя: ценностный аспект / К.Р. Межидова И.В. Мусханова // Педагогическая деятельность как творческий процесс: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Махачкала, 2021. – С. 289–293.
6. Никитин Г.А. Этноэстетические истоки воспитания в культуре абашевской общности / Г. А. Никитин // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 4. – С. 127–138.
7. Сердюкова Е.Ф. Роль лидеров духовного управления мусульман Чеченской Республики в реализации программы духовно-нравственного воспитания студентов Чеченского государственного университета. В сборнике: Образование и общество. Всероссийская социологическая конференция к 20-летию Российского общества социологов. 2009. – С. 239.

УДК 37.015.3

ТЕОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И УСЛОВИЙ ОБУЧЕНИЯ Р. ГАНЬЕ

Межидова М.Р.,

*старший преподаватель кафедры гуманитарных,
естественнонаучных и социальных дисциплин*

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: diba29@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена теория педагогического проектирования и условий обучения американского психолога Роберта Ганье. Ганье выделял разные типы учебных результатов, каждый из которых может быть достигнут с помощью специфического педагогического проектирования. Он считал, что в каждой учебной среде требуется определенный алгоритм действий. Эти действия должны обеспечивать необходимые условия обучения и служить основой педагогического проектирования и выбора соответствующих средств обучения. Ганье также предположил, что существует восемь типов или условий обучения, в основе которого лежит связь между стимулом и реакцией. Ганье определил 5 главных стратегий обучения: вербальная информация, интеллектуальные навыки, когнитивные стратегии, моторика, установки. Учебные задачи для интеллектуальных навыков можно представить в виде иерархии, от простого к сложному. Главная роль этой иерархии заключается в определении предпосылок, выполнение которых способствует обучению на каждом этапе. Предпосылки определяются в процессе анализа учебных задач. Представленная в статье система условий обучения Ганье имеет большое практическое значение, несмотря на критику ее эффективности при самостоятельном обучении.

Ключевые слова: педагогический психолог, педагогическое проектирование, категория реализации, условия обучения, стимул, реакция, результаты обучения, навыки.

THE THEORY OF INSTRUCTIONAL DESIGN AND LEARNING CONDITIONS BY R. GAGNE

Mezhidova M.R.,

*Senior Teacher of the Department of Humanities, Science and Social Sciences
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The article examines the theory of pedagogical design and learning conditions of the American psychologist Robert Gagne. Gagne identified different types of learning outcomes, each of which can be achieved through specific pedagogical design. He believed that every learning environment requires a specific algorithm of actions. These actions should provide the necessary learning conditions and serve as the basis for pedagogical design and selection of appropriate learning tools. Gagne also suggested that there are eight types or conditions of learning based on the relationship between stimulus and response. Gagne identified 5 main learning strategies: verbal information, intellectual skills, cognitive strategies, motor skills, attitudes. Learning tasks for intellectual skills can be presented in a hierarchy, from simple to complex. The main role of this hierarchy is to define the prerequisites that contribute to learning at each stage. Prerequisites are determined in the process of analyzing learning tasks. The system of learning conditions by Gagne presented in the article is of great practical importance, despite criticism of its effectiveness in independent learning.

Keywords: pedagogical psychology, instructional design, performance categories, learning conditions, stimulus, response, learning outcomes, skills.

Роберт Ганье был американским педагогическим психологом, чьи идеи условий обучения и педагогического проектирования были впервые представлены в 1965 году [2]. Ганье предполагал, что существуют разные типы учебных результатов, каждый из которых лучше всего достигается с помощью специфического педагогического проектирования, и что в каждой учебной среде требуется набор шагов-действий, который иногда также называют «Предположением Ганье» [10, с. 64].

«Роберт М. Ганье – действительно один из самых влиятельных педагогических психологов нашего поколения, и он придал академическую респектабельность практике проектирования учебных систем» [11, с. 151].

Ганье, под влиянием бихевиористских теорий обучения, предположил, что существует восемь типов или условий обучения, сформированных на базе S-R обучения (stimulus – response learning), в основе которого лежит связь между стимулом и реакцией. Они классифицируются по степени сложности [3, с. 25]:

- Обучение сигналам (выработка условного рефлекса);
- Обучение «стимул-реакция» (инструментальное обуславливание – в процессе обучения поведение учащегося меняется под воздействием последствий: поощрение, похвала или наказание);
- Цепочка (комплексное инструментальное обуславливание);
- Вербальная ассоциация (создание ассоциаций с помощью вербальных связей);
- Обучение на основе различий (обучение разному реагированию на различные стимулы);
- Концептуальное обучение (изучение общей реакции на класс побудительных моментов);
- Изучение правил (правило – это цепочка из двух или более понятий);
- Решение проблем (применение ранее изученных правил и концепций в новых ситуациях).

Результаты такого типа обучения можно разделить на пять категорий реализации или результатов обучения. Ганье предположил, что они отличаются внутренней организацией в долгосрочной памяти и требуют ментальной обработки. Это вербальная информация, интеллектуальные навыки, когнитивные стратегии, моторные навыки и установки [5, с. 263–276]. Различия во внутренней организации и эффективности указанных категорий производительности приводят к критическим условиям, необходимым для обучения. Категории реализации и их критические условия обучения приведены ниже (см. табл. 1).

Таблица 1. Категории реализации и их критические условия обучения

Категория реализации	Описание	Способы улучшения обучения
Вербальная информация	Декларативные знания, такие как законы, хранятся как распределённые представления.	Новый материал должен быть связан с ранее изученной информацией, но также отличаться через визуальное представление.
Интеллектуальные навыки	Процедурные знания, такие как деление целых чисел, хранятся как связанные процедурные шаги, расположенные в иерархиях, где более высокие навыки включают более низкие.	Второстепенные или обеспечивающие навыки должны быть освоены сначала или уже присутствуют (предварительные знания).
Когнитивные стратегии	Навыки, воздействующие на выбор и побуждение других систем исполнения. Такие навыки вырабатываются с помощью внешнего или внутреннего сигнала.	Применение полученных знаний на практике в большом объеме.
Моторика	Такие навыки, как надевание контактных линз, аккуратное и безошибочное исполнение.	Полученные знания и практика способствуют развитию моторики.
Установки	Приобретённые психические состояния, которые в определённых ситуациях влияют на действия человека.	Нужна человеческая модель для обучения.

Но помимо особых условий, которые улучшат каждый из этих видов обучения, существует также девять этапов обучения, которые должны быть отправной точкой для каждого типа обучения и каждого педагогического проекта [6, с. 42]. Эти события были

основаны на эмпирических наблюдениях за методами обучения и модели обработки информации в обучении и памяти [4]. Пример реализации каждого из девяти событий инструкции Ганье приведён ниже:

1. Привлечение внимания (рецепция) – первый шаг: привлечь внимание учащихся и мотивировать их погружение в учебный материал.
2. Информирование о цели (ожидание) – учащимся нужно уточнить, какой результат они могут ожидать.
3. Стимулирование актуализации предыдущих знаний (поиск) – предварительные знания должны быть актуализированы, так как они важны для изучения нового материала.
4. Предоставление стимулирующих материалов – предоставляйте материал учащимся и используйте дополнительные материалы, такие как хронологии, различные примеры, концептуальные карты, диаграммы, а также поощряйте учащихся участвовать в обсуждении.
5. Предоставление учащимся рекомендаций – дайте учащимся время для обсуждения, отвечайте на их вопросы и предлагайте дополнительные материалы по теме. Будьте доступны для учащихся и вне занятий.
6. Получение результатов – предоставляйте студентам короткий тест после каждого модуля, чтобы они могли проверить свои знания и понять, усвоен ли материал перед тем, как двигаться дальше.
7. Предоставление обратной связи – обсудите результаты викторины с учащимися. Отвечайте на вопросы учащихся, в том числе те, которые задаются по электронной почте, но вместо прямого ответа дайте им подсказки или рекомендации, которые приведут их к ответу.
8. Оценка успеваемости – с помощью теста в конце курса, семинара, кейс-заданий, оцените успеваемость студентов, чтобы убедиться, достигнуты ли цели курса, определённые в начале.
9. Улучшение запоминания и перенос знаний в реальность – предоставьте студентам реальные примеры или контексты, в которых они могут использовать полученные знания [8, с. 19].

Основываясь на своих исследованиях, в 1968 году Ганье предложил *теорию кумулятивного обучения* [7, с. 57], исходя из предположения, что новое обучение в первую очередь зависит от сочетания ранее приобретённого и запоминающегося материала и навыков, а также от способности к переносу обучения. По его собственным словам, «для каждого нового учебного задания есть определённое минимальное требование. Если только обучающийся не сможет вспомнить эту необходимую способность, он не может освоить новую задачу» [9, с. 72].

Эта теория контрастировала с теориями развития того времени и, в частности, с теорией стадий когнитивного развития Жана Пиаже, которая предполагала, что освоение навыков высшего порядка не зависит от успешного освоения навыков низшего порядка, а зависит от конкретного этапа когнитивного развития, связанного с возрастом.

Каково практическое значение условий обучения? Теория Ганье была раскритикована, потому что она [11, с. 328] недостаточна для самостоятельного обучения (что привело к предложениям дополнить его стратегиями, инициированными учениками), «... не особенно применима к ситуациям, когда требуется случайное обучение, обучение на основе открытий или другие формы обучения...» и предполагает, что «содержание может быть достаточно структурировано, а также чтобы обучающиеся могли получить необходимые знания и навыки» [1, с. 88], и неэффективна в обучении взрослых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dills, Charles R., and A. J. Romiszowski. Instructional development paradigms. Educational Technology, 1997.
2. Gagné, R.M. The conditions of learning and theory of instruction (1st ed.). – New York, NY: Holt, Rinehart & Winston, 1965.
3. Gagné, Robert Mills. The conditions of learning and theory of instruction (4th ed.). – New York, NY: Holt, Rinehart

- and Winston, 1985.
4. Gagné, R.M., Briggs, L., Wager, W. Principles of Instructional Design (4th ed.). Fort Worth, TX: HBJ College Publishers, 1992.
 5. Gagné, R.M. Military training and principles of learning. American Psychologist, 17, 1962.
 6. Gagné, R.M. Instructional Technology Foundations. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Assoc., 1987.
 7. Gagné, R.M., Driscoll, M. Essentials of Learning for Instruction (2nd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1988.
 8. Sadaf S, Ali SK., Zuberi RW. Gagné's Nine Events of Instruction. The G. Raymond Chang School of Continuing, 2009.
 9. Sadaf S, Ali SK., Zuberi RW. Problem-based Learning: Enhancing Tutors' Facilitation Skills Using Structured Small Group Experiential Learning. Education for Health, 96, 2009.
 10. Specht, P. Robert Gagne - Learning Theorist. Boise State University, College of Education, 2005.
 11. Zimmerman, Barry J., and Dale H. Schunk. Educational psychology: a century of contributions. Routledge, 2003.

УДК 378.1

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Миназова В.М.,

канд. пед. наук, доцент кафедры психологии

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»;

доцент кафедры педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: veneraminazova@mail.ru

Аннотация. В статье поставлена актуальная в связи с необходимостью изучения новых вызовов во взаимосвязи образования и культуры проблема мультикультурного подхода в реализации миссии высшей школы. Выделены основные факторы, подчеркивающие важность рассматриваемой темы: определяющая роль культуры в функционировании человеческого общества; расширение и углубление в современном мире культурного взаимодействия; процессы глобализации и унификации, имеющие как позитивные, так и негативные следствия, отражающиеся на сохранении и развитии культурных феноменов. Раскрываются ключевые подходы в образовательном процессе вуза с акцентом на мультикультурных принципах, составляющих основу поликультурного образования. На примере отдельно взятого высшего учебного заведения рассмотрены основные направления и пути формирования компонентов поликультурной компетентности у субъектов образовательного процесса. На основе многолетнего опыта научно-педагогической деятельности и участия в тренингах на темы межкультурного взаимодействия описаны психолого-педагогические условия реализации мультикультурного подхода в учебно-воспитательной, внеаудиторной и общественной работе студентов направления подготовки «Психолого-педагогическое образование». Особо подчеркивается роль преподавателя как управленца образовательного процесса, построенного на принципах мультикультурности, и образца поликультурной личности.

Ключевые слова: культура, образовательный процесс, мультикультурный подход, поликультурное образование, поликультурная личность.

MULTICULTURAL APPROACH IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY

Minazova V.M.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department Psychology,

Chechen State Pedagogical University;

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology,

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article addresses the issue of a multicultural approach in the implementation of the higher education institution's mission, which is relevant due to the need to study new challenges in the relationship between education and culture. The article highlights the key factors that emphasize the importance of this topic, including the defining role of culture in the functioning of human society, the expansion and deepening of cultural interaction in the modern world, and the processes of globalization and unification, which have both positive and negative consequences for the preservation and development of cultural phenomena. The article also explores the key approaches in the educational process of a higher education institution, focusing on the multicultural principles that form the basis of multicultural education. Using the example of a single higher education institution, the article examines the main directions and ways of developing the components of multicultural competence among the subjects of the educational process. Based on many years of experience in scientific and pedagogical activities, as well as in participating in and leading training sessions on intercultural interaction, the article describes the psychological and pedagogical conditions for implementing a multicultural approach in the educational, extracurricular, and social activities of students in the field of psychological and pedagogical education. The article emphasizes the role of the teacher as a manager of the educational process based on the principles of multiculturalism and as an example of a multicultural personality.

Keywords: culture, educational process, multicultural approach, multicultural education, and multicultural personality.

При определении темы данной работы учитывалась определяющая роль культуры в функционировании человеческого общества и обусловленность сложного, многогранного процесса развития контактов между людьми социально-культурными особенностями

субъектов общения. Ключевым фактором выбора проблемы мультикультурного подхода в образовании, фокусом научного интереса является расширение и углубление в современном мире культурного взаимодействия, что сказывается на различных сферах жизнедеятельности социума, в частности на сфере образования. Процессы глобализации приводят к противоречивому взаимодействию культур: с одной стороны, глобализация, рассматриваемая в культурном контексте, способствует возрастанию взаимозависимости и интеграции различных культур, что приводит к их унификации; с другой стороны, вызывает опасение народов потерять свою уникальность и самобытность [1]. Актуальность темы также определяется необходимостью изучения новых вызовов во взаимосвязи образования и культуры. В условиях современной цивилизации особую значимость приобретает поликультурное образование, построенное на признании ценности личности как носителя культурных особенностей и принципах учета параметров культуры и показателей культурной идентичности обучающихся.

Рассмотрение вопросов поликультурного образования в историческом аспекте позволяет проследить основные этапы его становления, развития и трансформации, начиная с идей мультикультурного образования (Multicultural Education) в США (1930–1940), которые возникли как отклик на запрос социальных групп меньшинств интегрироваться в культуру большинства, при этом быть в гармонии с собственной культурой [7]. Теория и практика поликультурного образования эволюционировала в соответствии с социальными, политическими, экономическими, культурными и педагогическими факторами, которые варьировались в зависимости от исторического контекста континента и конкретной страны.

На сегодняшний день различные модели поликультурного образования актуальны практически для всех стран мира и признаны необходимым условием формирования общегражданской идентичности обучающихся и воспитанников независимо от принадлежности к социальным группам меньшинства или большинства.

Проблемы межкультурного общения и взаимодействия для нашей страны были актуальны во все времена. Россия исторически сложилась как многонациональное и поликонфессиональное государство, и в этом факте отражена ее уникальная особенность и ценность. Культурно-историческое, государственное и социально-экономическое развитие России требует постоянного внимания и усилий по сохранению единства в многообразии. Как известно, главный девиз объявленного президентом В.В. Путиным Года единства народов России (2026) – «Мы разные – но мы вместе».

Многогранность понятия «культура» и его различные значения и смыслы требуют уточнения данного термина в контексте рассматриваемой темы.

Культура (от лат. cultura – «возделывание, воспитание, образование, развитие») – исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т. д. [4].

Понять сложность культуры в обществе или организации помогает метафора «Айсберг культуры» – модель культуры, разработанная антропологом Эдвардом Т. Холлом в 1970-х годах, согласно которой видимая часть – это лишь малая доля элементов определенной культуры, которые легко наблюдаются и идентифицируются: символы, герои, ритуалы, традиции, обычаи, литература, музыка, народные танцы, игры, кухня, одежда.

Значительная часть культуры представлена в ее невидимой части, скрытой в психологии носителей культуры – это глубокие и менее очевидные аспекты, которые не сразу наблюдаются, но значительно влияют на поведение и восприятие. К ним относятся ценности (основные убеждения и принципы, которые направляют поведение и принятие решений), культурные нормы и ожидания, определяющие, что считается приемлемым или неприемлемым в определенном сообществе.

«Айсберг культуры» используется в разных областях, где важно понимать культурные различия, например, в образовании – педагоги могут адаптировать стратегии обучения, учитывая культурные предпочтения обучающихся и стили коммуникации.

Высшая школа является той нишей общества, которая определяет уровень развития государства практически во всех его направлениях и задает основные ориентиры развития через профессиональную компетентность и ценностный потенциал своих выпускников [5]. В образовательном процессе вуза применяются различные методологические подходы, представленные совокупностью принципов, идей, исходных позиций, определяющих стратегию обучения, цели и методы профессиональной подготовки студентов. Среди ключевых подходов можно выделить:

- Компетентностный подход – сущность данного подхода заключается в необходимости разработки комплекса компетенций, необходимых будущим специалистам для эффективной реализации их профессиональных функций, и создании в образовательном пространстве вуза (суза) оптимальных условий их формирования.

- Личностно-ориентированный подход – центральным методологическим принципом данного подхода является признание неповторимости и своеобразия личности обучающегося. Процесс образования, в первую очередь, должен быть сориентирован на развитие «самобытности» выпускника.

- Системно-деятельностный подход – интегрирует системный анализ образовательных процессов с деятельностной парадигмой обучения; направлен на развитие личности через освоение универсальных способов деятельности, формирование социально-профессионально-личностной готовности к будущей деятельности.

- Культурологический подход – направлен на развитие гуманитарной культуры будущего специалиста, его профессиональных и личностных качеств.

- Интегративный подход – обеспечивает связи между различными дисциплинами и формирование целостного профессионального мировоззрения [3].

- Акмеологический подход – ориентирован на развитие личностного и профессионального потенциала будущего специалиста, способного достигать вершин в деятельности.

В рамках нашей работы акцент сделан на так называемом мультикультурном подходе в образовательном процессе – методологическом подходе, в основе которого лежит принцип культурного плюрализма. Он предполагает организацию образовательного процесса с учетом культурных особенностей обучающихся, начиная с психофизиологической специфики представителя культуры и заканчивая устойчивыми, чаще повторяющимися в поведении, общении, деятельности особенностями, типичными для данной культуры. Мультикультурная стратегия направлена на сохранение, развитие и воспроизводство в культурной среде многообразия ее ценностных факторов (языка, обычаев и традиций, социальных представлений, моделей поведения, образа жизни и т. д.), а также на передачу этого наследия подрастающему поколению.

Мультикультурный подход лежит в основе поликультурного (мультикультурного) образования, сущность которого заключается в сопряжении нескольких культурных традиций в целях, содержании, методах и организационных формах образования. Это приводит к присвоению его субъектами явлений культурного многообразия как общественной нормы и личностной ценности, а образов культуры и личности – как результатов творческого межкультурного взаимообогащения [7, с. 5].

Контингент студентов российских вузов представлен молодыми людьми разных национальностей и религиозных конфессий, что создает особые условия межкультурного взаимодействия. В единый образовательный процесс высшей школы включены обучающиеся с особым, свойственным их культуре, психологическим укладом и менталитетом, системой мировосприятия и миропонимания. Это актуализирует внедрение принципов педагогики поликультурности. Поликультурная среда становится зоной интенсивных межнациональных отношений, знакомства с языками, ценностями, обычаями других культур, формирования их образа или трансформации в структуре существующих стереотипов. В ситуации поликультурного диалога особую ценность приобретают коммуникативные умения и навыки, эмпатические качества, толерантность.

Вузовское образование выполняет функцию государственной важности, отвечая на запрос общества на специалистов высокой квалификации. При этом необходимо понимать, что в структуре профессиональной компетентности важное место отводится социальным компетенциям.

Нас интересует психолого-педагогический потенциал вуза в формировании и развитии поликультурной компетентности.

Поликультурная компетентность нами понимается как ценное психологическое качество личности, структура которого представлена совокупностью знаний, представлений о других культурах, способностью успешного использования этих знаний в процессе формирования объективного образа иной культуры, наличием навыков и моделей эффективного взаимодействия с представителями этих культур [6].

На примере отдельно взятого высшего учебного заведения рассмотрим основные направления и пути формирования компонентов поликультурной компетентности у субъектов образовательного процесса. Изучение и анализ психолого-педагогических условий решения задач поликультурного образования в Чеченском государственном университете им. А.А. Кадырова проведены на основе многолетнего опыта научно-педагогической деятельности и участника и ведущего тренингов на темы межкультурного диалога, развития коммуникативной компетентности и этнической толерантности, мастер-классах ненасильственного разрешения конфликтных ситуаций и цикле тренинговых занятий по созданию культуры мира. Подчеркнем, что при разработке оптимальных психолого-педагогических условий формирования поликультурной компетентности в образовательном пространстве вуза необходимо учитывать специфику современного чеченского общества как в плане его этнического состава, так и с позиции существующих в сознании и поведении молодых людей этнокультурных установок. Чеченская Республика является постконфликтной зоной, и до сих пор в республике сохраняется монокультурная ситуация. В студенческих аудиториях редко можно увидеть представителей других национальностей, хотя в последние годы число студентов пополняется молодежью из других стран и регионов России. Отсутствие поликультурной среды и непосредственного межкультурного общения лишает молодежь возможности глубже изучить и осознать многообразие народов, ценности других культур. Казалось бы, на сегодняшний день в интернет-пространстве открыт весь мир, и у молодых людей есть возможность расширить знания о других странах, культурах. Однако в процессе обсуждения поликультурных тем обнаруживается скудный багаж этнокультурных знаний, что подтверждается и результатами диагностики когнитивного компонента поликультурной компетентности.

Изучение эмоциональной составляющей поликультурной компетентности показывает высокий уровень сформированности у студентов эмпатии и толерантных установок, что свидетельствует о готовности к межкультурному диалогу, принятию других, проявлению человеколюбия. Поведенческий компонент, представленный навыками и моделями поведения в межкультурном взаимодействии, требует проведения системы психолого-педагогических мероприятий, направленных на его формирование.

Рассмотрим реализацию мультикультурного подхода на примере организации образовательного процесса со студентами направления подготовки «Психолого-педагогическое образование».

Теоретический компонент поликультурного образования реализуется в содержании комплекса учебных дисциплин, выстроенных в логической последовательности в учебном плане. Традиционно включены базовые дисциплины:

– «Философия», направленная на: формирование мировоззренческой позиции обучающихся; развитие критического мышления и способности к философскому осмыслению реальности; определение смысла своего существования и личностного роста; восхождение к духовности и ценностям культуры.

– «Русский язык и культура речи» – дисциплина, углубляющая навыки практического владения русским литературным языком и расширяющая общегуманитарный кругозор.

Высокий уровень владения русским языком способствует эффективному общению адекватно задачам конкретной ситуации. В статусе государственного русский язык выполняет функции связующего фактора, объединяя народы и культуры многонациональной России, и является идентификатором позитивной государственной идентичности.

– «Иностранный язык» – формирует лингвистические и социокультурные компетенции, необходимые современному специалисту для решения профессиональных задач в условиях современного глобализированного мира. Посредством иностранного языка обучающиеся получают возможность расширения знаний об элементах культуры, исторических событиях, искусстве, вкладе в науку, особенностях религиозной составляющей и многих других характеристиках носителей изучаемого языка. Развивая межкультурную компетенцию, иностранный язык помогает личности реализовывать себя в рамках диалога культур, что, в свою очередь, способствует формированию эмпатии, толерантных установок, адекватного образа, лишённого стереотипных искажений.

Необходимую научную базу для формирования поликультурной компетентности создают также дисциплины обязательной части: «История России», «Основы российской государственности»; учебные курсы общепрофессиональной и профессиональной подготовки: «Педагогика», «Социальная психология», «Этнопедагогика и этнопсихология», «Психология семьи», «Поликультурное образование» и др.

Особое внимание в учебном плане уделяется дисциплинам этнокультурного содержания, целью которых является сохранение собственного культурного наследия и формирование позитивной этнической идентичности студенческой молодежи: «Чеченский язык», «История Чеченской Республики», «Чеченская традиционная культура и этика».

Поликультурный компонент может быть внедрен и в содержание дисциплин по выбору и факультативов.

Внеучебная работа, дополняющая образовательный процесс, направлена на создание условий для личностной самореализации студентов. В рамках различных видов внеучебной деятельности реализуются идеи мультикультурного подхода.

В план научно-исследовательской работы студентов включаются мероприятия поликультурной направленности образования: научные семинары, круглые столы, конференции. Систематически проводятся викторины и олимпиады, организуются научные кружки и разрабатываются исследовательские проекты на поликультурные темы. В тематику выпускных квалификационных работ бакалавриата и магистерских диссертаций включаются проблемы этнопсихологии и поликультурного образования, требующие проведения моноэтнических, кросс-культурных исследований и изучения вопросов межкультурного взаимодействия.

Планируя воспитательную работу со студентами, преподаватели акцентируют внимание на мероприятиях, повышающих общекультурный уровень общения, формирующих личностные качества цивилизованного, интеллигентного человека, способного к конструктивному взаимодействию. В последние годы со студентами проводится активная тренинговая работа на темы формирования навыков общения, этнокультурной компетентности. Например, цикл тренинговых занятий по книге «Сила добра», в которой собраны небольшие рассказы о миротворчестве, человеколюбию, уважительном отношении друг к другу, вызывает у студентов глубокие эмоциональные переживания и способствует развитию эмпатии, гуманности. Жизнь героев рассказов – представителей разных эпох, стран, религиозных конфессий, этнических групп, социальных слоев – не оставляет студентов равнодушными. Рассказы представлены на трех языках: чеченском, русском, английском.

Мероприятия, приуроченные к праздничным датам, конкурсы художественной самодеятельности не обходятся без презентации своей и иной культуры, что, безусловно, обогащает представление и понимание этих культур.

На наш взгляд, действенным фактором воспитания толерантной личности являются позитивные образцы для подражания, авторитеты, референтные для молодых людей. Опыт показывает, что студентам интересны истории жизни значимых взрослых [9, с. 33].

Преподаватели кафедры педагогики и психологии практикуют беседы о своей школьной, студенческой жизни, событиях и ситуациях, связанных с сотрудничеством и дружбой людей разных национальностей и вероисповедания.

Необходимо особо выделить один из мощных факторов, влияющих на формирование менталитета, моральных ценностей и поведение человека, – фактор религии.

Задачи духовно-нравственного воспитания молодежи выдвинуты руководством республики в качестве приоритетных. Представители духовенства республики организуют систематические встречи со студентами, читая лекции, проводя круглые столы, беседы в непринужденной обстановке. Основной целью этих мероприятий является стремление донести до подрастающего поколения ценности ислама как религии, призванной к консолидации общества, единению, стабильности, сохранению мира и согласия. Понимание молодежью толерантности ислама способствует их личностному совершенствованию в этом направлении.

Значимость и необходимость поликультурного просвещения несомненна. Однако наличие даже самого высокого уровня знаний недостаточно для поликультурной компетентности. Человек, претендующий на роль культурного, интеллигентного члена общества, должен уметь переносить эти знания в ситуации эффективного межкультурного взаимодействия. Реализация практического компонента поликультурной компетентности студентов нашего вуза связана с определенными трудностями. Как уже было отмечено, моноэтническая среда не дает опыта взаимодействия культур, лишена ситуаций применения теоретических знаний в реальных взаимоотношениях с представителями других культур. В связи с этим встает необходимость поиска путей развития деятельностно-поведенческого компонента поликультурной компетентности.

Мы считаем, что разработка проектов психолого-педагогического характера по проблемам общения студентов из разных регионов, программ обмена студентами, выездных стажировок в вузы страны, возрождение традиций молодежных лагерей, организация и проведение масштабных совместных мероприятий (фестивалей, конкурсов, туристических маршрутов, спортивных соревнований, выставок и т. д.) могли бы способствовать полноценному насыщению поведенческого компонента поликультурной компетентности студентов вуза.

Процессом становления поликультурной личности, в первую очередь, управляет преподаватель. Выступая в различных профессиональных ролях (лектора, руководителя практических и лабораторных занятий, куратора и наставника), преподаватель должен быть образцом поликультурной личности – человеком, обладающим поликультурным мышлением и навыками межкультурного диалога; носителем общечеловеческих ценностей – эмпатии, альтруизма, милосердия, толерантности, которые демонстрируют уважение к людям независимо от их национальности и вероисповедания; личностью с позитивной этнической идентичностью, сочетающей в себе глубокое знание и почитание собственной культуры, широкий кругозор знаний о других культурах и уважительное отношение к ним; специалистом, умеющим создавать в поликультурной учебной среде свободную, творческую, демократическую атмосферу и организовать образовательный процесс как диалог носителей различных культур во времени и пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Е.А. Противоречивость глобализационных процессов в социокультурном контексте: глобализация и регионализация. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivorechivost-globalizatsionnyh-protsessov-v-sotsiokulturnom-kontekste-globalizatsiya-i-regionalizatsiya> (дата обращения: 31.03.2026).
2. Арсунукаева З.А., Миназова В.М. Поликультурное образование в вузе // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 26–30.
3. Барсегян К.Г., Айрапетян С.А. Современные методологические подходы в высшем образовании: системный анализ и перспективы развития. The Scientific Heritage. 2025. № 153 (153). – С. 31–36.

4. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / Отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. Т. 16 – С. 308.
5. Миназова В.М. Целостность образовательного пространства вуза как необходимое условие подготовки специалиста. Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 1 (33). – С. 50–56.
6. Токкаева З.М., Миназова В.М. Поликультурная компетентность: сущность, содержание, структура // Педагогическая деятельность как творческий процесс. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Махачкала, 2023. – С. 446–453.
7. Хухлаева О.В. Поликультурное образование: учебник для вузов / О.В. Хухлаева, Э.Р. Хакимов, О.Е. Хухлаев. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 283 с.
8. Шаповалова М.Л., Сердюкова Е.Ф. Актуальные проблемы этнической идентичности как способа вхождения в социальный мир. Университетские чтения – 2021. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2021. – С. 31–35.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Миназова В.М.,

канд. пед. наук, доцент кафедры психологии

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»;

доцент кафедры педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: veneraminazova@mail.ru

Миназова З.М.,

канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты психологического консультирования как одного из направлений практической психологии. Подчеркивается востребованность современного общества в специалистах, призванных оказывать психологическую помощь самым уязвимым категориям людей. Проведен краткий экскурс в историю возникновения и становления психологического консультирования как отдельного вида профессиональной деятельности психолога. Авторы отмечают, что психологическое консультирование является относительно «молодой» сферой профессиональной деятельности, что требует активной разработки категориального аппарата, определения содержания, границ и правил проведения процесса консультирования. Особо должен рассматриваться вопрос о методах, техниках и приемах психологического консультирования. Выделены специфические задачи основных направлений практической психологии – психологической профилактики, психологической коррекции, психологического консультирования, психотерапии. Представлены самые популярные методы и методологические подходы в реализации задач практической психологии. Определены различные сферы жизнедеятельности общества, где функционирует психолог-консультант. Авторы обращают внимание на некоторые тенденции в развитии профессиональной деятельности практического психолога, связанные с цифровизацией услуг, и подчеркивают важность внедрения онлайн-консультирования, что открывает новые возможности для работы с клиентами из разных регионов.

Ключевые слова: практическая психология, психологическая помощь, психологическое консультирование, практический психолог, психолог-консультант.

PSYCHOLOGICAL COUNSELING AS A FIELD OF PRACTICAL PSYCHOLOGY

Minazova V.M.,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department Psychology,
Chechen State Pedagogical University;*

*Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology,
Kadyrov Chechen State University*

Minazova Z.M.,

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology,
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The article discusses the key aspects of psychological counseling as one of the areas of practical psychology. It emphasizes the need for modern society in specialists who are called to provide psychological assistance to the most vulnerable categories of people. The article provides a brief overview of the history of the emergence and development of psychological counseling as a separate type of professional activity for psychologists. The authors note that psychological counseling is a relatively "young" field of professional activity, which requires active development of the categorical apparatus, definition of the content, boundaries, and rules for conducting the counseling process. The methods, techniques, and procedures of psychological counseling should be considered in detail. The specific tasks of the main areas of practical psychology, such as psychological prevention, psychological correction, psychological counseling, and psychotherapy, have been identified. The most popular methods and methodological approaches in the implementation of the tasks of practical psychology are presented. Various spheres of society's life where the psychologist-consultant functions are determined. The authors draw attention to some trends in the development of

professional activities of a practical psychologist related to the digitalization of services and emphasize the importance of introducing online counseling, which opens up new opportunities for working with clients from different regions.

Keywords: *practical psychology, psychological assistance, psychological counseling, practical psychologist, consulting psychologist.*

В современном мире психологическая наука получила должное признание и прочно укоренилась в системе наук. Психологические знания стали необходимостью во всех сферах жизнедеятельности общества. На данном этапе состояние различных направлений психологии по праву оценивается как интенсивно развивающийся, динамический процесс. База данных научной психологии пополняется уникальным теоретическим и эмпирическим материалом, экспериментальными данными, методологическими инновациями. Существенно повысился уровень психологической культуры населения. На сегодняшний день четко дифференцируются функции психолога и психиатра, психотерапевта и практического психолога. Возрастает потребность в специальных, клинических и детских психологах, которые призваны оказывать психологическую помощь самым уязвимым категориям людей.

Теоретический анализ поставленной в рамках статьи проблемы требует изучения ключевых вопросов реализации процесса психологического консультирования как одного из важных направлений профессиональной деятельности психолога. Отметим, что консультирование является основным видом деятельности психологов-консультантов – специально подготовленных специалистов для оказания профессиональной помощи человеку или группе людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Вопросами психологического консультирования занимались ведущие отечественные ученые: Г.С. Абрамова, Ю.Е. Алешина, И.В. Вачков, И.Б. Гриншпун, Е.П. Кораблина, В.Ю. Меновщиков, Р.С. Немов, Н. С. Пряжников, Е.Ф. Сердюкова и др.

Основами психологического консультирования должны владеть психологи различных специализаций и направлений. В процессе решения профессиональных задач индивидуальные и групповые консультации проводят педагоги-психологи, клинические психологи, специальные психологи и др.

Люди во все времена нуждались в психологической поддержке со стороны: обращались за советом, «изливали душу», искали, кому «поплакаться в жилетку», ходили на исповедь к священнику. В качестве житейских психологов выступали те люди, которые отличались эмпатией, общительностью, умением слушать, мудростью, ответственностью, надежностью и другими личностными качествами, которые в науке выделены в перечне профессионально важных качеств психолога.

Краткий экскурс в историю возникновения и становления психологического консультирования как отдельного вида профессиональной деятельности знакомит с его истоками и основными этапами развития за рубежом и в нашей стране. До начала прошлого столетия консультирование сводилось к информированию и предоставлению рекомендаций специалистами разных профессий населению или коллегам по возникающим проблемам и вопросам. Психологическое консультирование в Соединенных Штатах Америки в это время решало задачи гуманитарного характера и улучшения жизни людей, ставших «жертвой неблагоприятных обстоятельств промышленной революции второй половины XIX века» [4].

По мнению Р. Обри, пик развития консультирования приходится на середину прошлого столетия, хотя эта область профессиональной деятельности интенсивно развивалась в течение всего XX века [4]. Отметим, что в рамках северо-западной конференции, проведенной в США в 1951 году, было принято решение переименовать существовавшую специальность «консультирование и руководство» и назвать ее «консультативная психология» [5]. В настоящее время в любой сфере деятельности, где использование психологических знаний принципиально важно, консультирование рассматривается как одна из форм работы [1, 3, 6, 8, 9].

Таким образом, психологическое консультирование является относительно «молодой» сферой профессиональной деятельности, в связи с чем ведущие теоретики и практики активно его развивают, разрабатывая категориальный аппарат, определяя содержание, границы и

правила проведения процесса консультирования. Особо рассматривается вопрос о методах, техниках и приемах психологического консультирования.

Развитие психологического консультирования (консультативной психологии) как прикладной области психологической науки в нашей стране относят к концу 1980-х – началу 1990-х годов. Как известно, этот период истории СССР и России назван перестроечным. Перестройка затронула все сферы жизнедеятельности государства. Относительно психологической науки необходимо констатировать ее определенную трансформацию. Опыт зарубежных коллег стал доступен отечественным ученым, в частности работы по психодиагностике, психоконсультированию и психотерапии. Появилась необходимость изучения и адаптации наработок по практической психологии с целью использования в процессе оказания психологической поддержки населению, оказавшемуся в трудных социальных и экономических условиях.

В отечественной психологии появились понятия «практическая психология», «психологическая диагностика», «психологическая коррекция», «психологическое консультирование», «психотерапия» и т. д. Все эти термины использовались в рамках психологической службы образования, деятельности психологов-консультантов в различных профессиональных сферах [8]. Определение образа психологического консультирования и психотерапии требовало конкретизации функций психолога-консультанта и психотерапевта. Появилась необходимость различать медицинский и психологический подходы к оказанию помощи людям.

За последние 30–35 лет практическая психология прошла трудный, но продуктивный путь. Наибольший расцвет практической психологии начался в 2000-х годах: стали активно выпускаться журналы, книги, пособия, формировались профессиональные сообщества.

Сегодня практическая психология активно применяет психологические знания в реальных жизненных ситуациях. На основе теоретических исследований в области психологической науки практическая психология помогает людям справляться с трудностями – от кризисов в отношениях до профессионального выгорания. Как указывает Е.Ф. Сердюкова: «В связи с информатизацией и технологизацией общества темп жизнедеятельности человека постоянно убыстряется, что, в свою очередь, вызывает рост психологического напряжения» [9, с. 54]. Очевидно, что не каждый человек способен самостоятельно справляться с возрастающим уровнем психологического напряжения, которое особенно проявляется в больших городах, в связи с чем психологическая помощь населению становится все более востребованной.

На базе богатого арсенала академических знаний, теоретических и методологических подходов к организации психологической помощи разработаны различные направления практической психологии. В рамках каждого из направлений решаются определенные специфические задачи, направленные на достижение общей цели практической психологии – оказание помощи людям в преодолении трудностей, развитии личности, улучшении отношений и адаптации в обществе:

Психологическая профилактика – психолог помогает предупредить возникновение проблем: учит справляться со стрессом, развивает навыки общения, укрепляет уверенность в себе.

Психологическая коррекция – психолог помогает решить уже возникшие трудности: преодолеть последствия травмирующих событий, наладить отношения с близкими, справиться с тревогой или страхами.

Психологическое консультирование – помощь в решении конкретных жизненных затруднений, кризисов, проблем в отношениях; чаще является краткосрочным процессом.

Психотерапия – более глубокая и длительная работа, направленная на коррекцию устойчивых личностных паттернов, последствий травм, хронических эмоциональных нарушений [3].

В реальной работе профессионала обычно используется не одно, а несколько направлений, взаимно дополняющих и поддерживающих друг друга.

В реализации как теоретических, так и практических задач любой отрасли научного знания основополагающим является вопрос выбора методов как способов изучения интересующих исследователя и практика явлений. В практической психологии разработан богатый методический инструментарий для работы с клиентом. В качестве самых популярных можно выделить:

- беседа – помогает понять причины проблем и найти решения;
- психологическое тестирование – выявляет особенности личности;
- тренинги – развивают нужные навыки;
- консультирование – поддерживает в принятии важных решений.

Наряду с названными конкретными методами используются методологические подходы, например: психоанализ – классическое направление, разработанное Зигмундом Фрейдом, основывающееся на идее о ведущей роли бессознательного; транзактный анализ – концепция Эрика Берна, предполагающая наличие в личности трех эго-состояний: Ребенок, Родитель и Взрослый; нейролингвистическое программирование (НЛП), где предлагаются модели поведения успешных людей, которые можно перенимать для достижения собственных целей; сказкотерапия – метафорическое направление, использующее терапевтические сказки и истории для мягкой трансформации личности.

На сегодняшний день практическая психология востребована и находит свое применение в разных сферах жизнедеятельности общества: в частных и государственных психологических центрах специалисты проводят индивидуальные и групповые консультации; работа кризисных центров направлена на оказание психологической помощи людям, находящимся в острых психотравмирующих ситуациях (например, потеря близкого человека, тяжелая болезнь, военные конфликты и т. д.); в образовательных учреждениях практические психологи проводят консультации для сотрудников, учащихся и их родителей, разрабатывают методики по развитию и эффективному обучению; в реабилитационных центрах созданы необходимые условия для успешной социально-психологической адаптации.

Также практический психолог может работать в узкой специализации: спортивным психологом в спортивных центрах; специалистом по оказанию индивидуальной помощи молодым семьям в вопросах планирования семьи и репродуктивного здоровья в центрах по планированию семьи; экспертом по проведению судебно-психологических экспертиз и т. д.

Необходимо выделить некоторые тенденции в развитии профессиональной деятельности практического психолога:

- цифровизация услуг: онлайн-консультирование становится нормой, что открывает новые возможности для работы с клиентами из разных регионов;
- перспективное направление – корпоративная психология: работа с персоналом крупных компаний по снижению стресса и повышению производительности труда.

Таким образом, психологическое консультирование является относительно молодым направлением в деятельности психолога. Сущность и содержание процесса психологического консультирования заключается в создании оптимальных условий для решения проблем обратившегося за помощью человека. Психолог-консультант обладает компетенциями психологического вмешательства в ситуацию клиента с целью обеспечения процесса осознания им различных сторон и деталей случившегося или происходящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г.С. Психологическое консультирование: теория и практика. – М.: Прометей, 2018. – 362 с.
2. Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. Изд. 2-е. – М.: Независимая фирма «Класс», 2004. – 208 с. (Библиотека психологии и психотерапии).
3. Вачков И.В. Введение в профессию «психолог» [Текст]: учебное пособие / И.В. Вачков, И.Б. Гриншпун, Н.С. Пряжников; под ред. И.Б. Гриншпуна; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ун-т. 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: МОДЭК, 2015. – 520 с.
4. Глэддинг С. Психологическое консультирование. 4-е изд. – СПб: Питер, 2002. – 736 с: ил. (Серия «Мастера психологии»).
5. Меновщиков В.Ю. Введение в психологическое консультирование. – М.: Смысл, 1998. – 109 с.

6. Немов Р.С. Психологическое консультирование: учебник для вузов / Р.С. Немов. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 440 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-02549-1. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/582735> (дата обращения: 29.03.2026).
7. Психологическое консультирование: практическое пособие для вузов / Е.П. Кораблина, И.А. Акиндинова, А.А. Баканова, А.М. Родина; под редакцией Е.П. Кораблиной. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 222 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-07244-0. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/585661> (дата обращения: 29.03.2026).
8. Психологическая служба в современном образовании: рабочая книга / [И. В. Дубровина и др.]; под ред. И. В. Дубровиной. – Москва [и др.]: Питер, 2009. – 400 с.
9. Сердюкова Е.Ф. В помощь психологу, работающему с людьми в трудной жизненной ситуации. – Грозный, 2025. – 79 с.

УДК 39 (470.661)

ЮНУС ДЕШЕРИЕВ – УЧЕНЫЙ, ЖУРНАЛИСТ, ПАТРИОТ

Осмаев М.К.,

*д-р ист. наук, профессор кафедры журналистики филологического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»,
Заслуженный работник культуры РФ
e-mail: osmaev.movla@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной деятельности Ю.Д. Дешериева в годы Великой Отечественной войны. После демобилизации из действующей армии по ранению он работал в качестве военного корреспондента газет «Правда», «Комсомольская правда» и «Красная звезда». Позже Ю. Дешериев был командирован Правительством РСФСР в ЧИАССР, где одновременно работал в научных учреждениях Чечено-Ингушетии, был сотрудником Чечено-Ингушского республиканского НИИ языка, литературы и истории. Параллельно стал главным редактором республиканского Радиокомитета. В поисках материала выезжал в различные районы республики, в том числе и отдаленные горные селения. При этом находил время продолжить работу над своей кандидатской диссертацией. Вернувшись в Москву, он оказывал возможную помощь своим землякам, депортированным в республики Средней Азии.

Ключевые слова: Дешериев Ю.Д., языки народов СССР, кавказские языки, нахские языки, социолингвистика, репрессированные народы.

YUNUS DESHERIEV IS A SCIENTIST, JOURNALIST, AND PATRIOT

Osmaev M.K.,

*doctor of History, Professor of the Department of Journalism at the Faculty of Philology
Kadyrov Chechen State University,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the little-known activities of Yu.D. Desheriev during the Great Patriotic War. After being discharged from the active army due to injury, he worked as a war correspondent for the newspapers Pravda, Komsomolskaya Pravda and Krasnaya Zvezda. Later, Yu. Desheriev was sent by the Government of the RSFSR to the CHIASSR, where he simultaneously worked in scientific institutions of Chechen-Ingushetia, was an employee of the Chechen-Ingush Republican Research Institute of Language, Literature and History. At the same time, he became the editor-in-chief of the Republican Radio Committee. In search of material, he traveled to various regions of the republic, including remote mountain villages. At the same time, he found time to continue working on his PhD thesis. After returning to Moscow, he provided possible assistance to his compatriots who had been deported to the republics of Central Asia.

Keywords: Desheriev Yu.D., languages of the peoples of the USSR, Caucasian languages, Nakh languages, sociolinguistics, repressed peoples.

Имя Юнуса Дешериевича Дешериева хорошо известно в научных кругах как выдающегося знатока кавказских языков, в том числе нахских. Он родился 8 августа 1918 г. Рано осиротев, только благодаря поддержке близких родственников, окончил школу, а затем рабфак Ростовского государственного университета им. В.М. Молотова. В 1936 г. (когда ему было 18 лет) Ю. Дешериев едет в Москву и поступает на факультет русского языка и литературы Московского госуниверситета им. В.И. Ленина. С этого времени он постоянно живет в Москве. Освоив университетский курс за два года, он целиком посвящает себя языковедению и прежде всего изучению кавказских языков. Изданные Ю. Дешериевым научные труды по кавказским языкам сохранили актуальность вплоть до наших дней [10, 11].

Между тем широкая публика не знает, что уже в первые дни после начала Великой Отечественной войны Юнус Дешериев (хотя и был снят с воинского учета по состоянию здоровья) все же добился отправки на фронт [5]. Был ранен, попал в госпиталь, после лечения был отчислен из армии и вернулся в аспирантуру. Одновременно работал корреспондентом самых популярных в то время газет: «Комсомольская правда», «Красная Звезда» и «Правда».

Уже после победного завершения войны в одной из телепередач по Центральному телевидению, посвященной Великой Победе, Сергей Михалков по достоинству оценил вклад

собратьев по перу в дело разгрома врага, к числу которых, безусловно, относится и Юнус Дешериев.

В 1942 г. поступило предложение вернуться на историческую родину для работы не только в местных органах печати, но и в научных учреждениях Чечено-Ингушетии. Так Юнус Дешериев стал сотрудником Чечено-Ингушского республиканского НИИ языка, истории и литературы во главе с Д.Д. Мальсаговым. Параллельно он стал главным редактором республиканского Радиокомитета во главе с Андарбеком Шамилевым, что отнимало немало времени и сил. И несмотря на то, что летом 1942 г. Грозный фактически стал прифронтовым городом, никто из работников не покинул место работы. А после разгрома фашистских войск между г. Орджоникидзе и Нальчиком появилась твердая уверенность в том, что советские войска и грозненцы отстоят свой город.

Позднее Ю. Дешериев отмечал: «Бои за г. Орджоникидзе и Военно-Грузинскую дорогу были исключительно кровопролитными. Мы, журналисты, бывали в воинских частях, беседовали с красноармейцами и командирами».

Об этой битве газета «Правда» 20 ноября 1942 года сообщала как «о разгроме гитлеровцев под городом Орджоникидзе». Я так подробно рассказываю об этой битве вот почему: Чечено-Ингушетия была прифронтовой республикой. Город Владикавказ (Орджоникидзе) находится недалеко даже от моего родного села Ачхой-Мартан, расположенного всего в тридцати-сорока километрах от границы Чечено-Ингушетии с Северной Осетией. Но ни один народ, живущий в этом регионе, не оказывал поддержки фашистским захватчикам. Автор этих строк, находившийся в то время в г. Грозном в качестве главного редактора Чечено-Ингушского радиокомитета, является живым свидетелем сказанного. Измышления отдельных авторов о помощи чеченцев и ингушей гитлеровским войскам носят злонамеренный характер. Таким же измышлением является и попытка распространить слух о том, что якобы чеченцы и ингуши подарили Гитлеру белого коня. Даже в трудных зимних условиях из отдаленных горных чеченских сел шли подарки фронтовикам по случаю Дня Красной Армии. Я лично был свидетелем отправки таких подарков на фронт из Дарго» [6].

Этот эпизод примечателен тем, что Юнус Дешериев лично выезжал в горные районы, чтобы получить объективную информацию о положении дел на местах. В частности, зимой 1943 года он побывал в селениях Беной и Дарго Веденского района. Встретив его в районном центре, первый секретарь Веденского райкома ВКП(б) Тепсаев не рекомендовал Ю. Дешериеву ехать в селения Дарго и Беной, поскольку там, якобы, шли бои с бандитскими группами. Тем не менее, он побывал в обоих селениях. По итогам поездки жители Дарго собрали подарки для советских воинов, а в Беное провел собрание, на котором собралось несколько сотен человек. На его призыв жители также отправили советским бойцам целый обоз с подарками. При этом жители утверждали, что «...не имеют отношения к тем, которые засели в мельнице» недалеко от их селения. У самого Юнуса тогда сложилось представление, что местные работники неопределенно представляли себе цель его приезда. Но клеветнические слухи о восстаниях в горах уже ходили и распространяли их не жители тех районов [7].

В эти годы практически каждый житель ЧИАССР считал своим долгом оказать финансовую помощь фронту. Так, к середине января 1942 г. Чечено-Ингушетия внесла в фонд обороны более 5 млн. рублей. В декабре того же года, по инициативе комсомольцев Шатоевского района, было собрано 15 миллионов рублей на постройку бронепоезда имени героя Гражданской войны Асланбека Шерипова.

Можно с полной уверенностью сказать, что труженики тыла Чечено-Ингушской АССР внесли значительный вклад в победу над фашистской Германией. Многочисленные факты помощи населения ЧИАССР фронту не оставляют никакого сомнения в том, что среди населения Чечено-Ингушетии царил активный настрой на победу над фашизмом и делалось все необходимое для этого. Доказательством тому является Указом Президента РФ № 176 от 6 апреля 2015 г., которым Грозному присвоено почетное звание «Город воинской славы» [17].

Что касается лично Юнуса Дешериева, то оценкой его участия в Великой Отечественной войне стали правительственные награды: медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медаль Жукова и орден Отечественной войны II степени.

Одновременно Юнус Дешериев являлся сотрудником Института литературы и языка АН СССР, и за ним была закреплена однокомнатная коммунальная квартира в Москве.

О депортации чеченцев и ингушей Ю. Дешериев узнал примерно через полтора-два месяца после того, как она была осуществлена. Он узнал об этом только потому, что стал получать письма из Средней Азии от своих родственников и друзей, которые приходили на московский Главпочтамт в отдел «До востребования». Причем письма он получал не только от своих родственников, но и от некоторых партийно-советских работников (например, М.Г. Гайрбекова) и вайнахских языковедов (Д.Д. Мальсагова), с которыми довелось работать [8].

Оставшись в Москве, Юнус использовал все имевшиеся возможности, чтобы помочь землякам. Так, через своих коллег по Академии наук СССР он добился восстановления выплаты зарплаты и продовольственного пайка ингушскому докторанту Д.Д. Мальсагову, высланному в Среднюю Азию [9]. Кроме того, в разное время он предоставлял свое однокомнатное жилье землякам-фронтовикам Сакке Висаитову, подполковнику Я. Абадиеву и Мовлади Висаитову. Первые двое ждали назначения, а третий – поступления в Академию им. Фрунзе [10].

Кроме того, он отправлял деньги своим близким. В частности, благодаря этой поддержке его брат Хамид купил корову, что позволило семье депортированного брата выжить [11].

После выселения чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан Ю. Дешериев столкнулся с большими проблемами: в период пребывания в научной командировке его пытались выселить из Москвы, а комнату, в которой он жил, передали другой семье. Только благодаря обращению директора Института литературы и языка АН СССР, Героя Социалистического Труда, академика И.И. Мещанинова на имя руководства НКВД с просьбой разрешить Ю. Дешериеву пребывание в столице для продолжения учебы в аспирантуре, он был оставлен в Москве.

В итоге, после долгих мытарств, бытовых неурядиц и многочисленных командировок для сбора научных материалов, наконец-то состоялась защита кандидатской диссертации:

«Защита диссертации происходила 26 ноября 1946 года на заседании Ученого совета нашего Института. Официальные оппоненты дали высокую оценку моей диссертации. В числе участвовавших был и член-корреспондент АН СССР, русист Чернышев, поддержавший меня.

В то время даже защита кандидатской диссертации считалась довольно редким явлением. А я, насколько мне известно, в Советском Союзе был первым чеченцем, ставшим кандидатом наук вообще, а не только филологических наук.

Небольшой банкет по случаю моей защиты прошел непринужденно, весело. Для меня было большой честью, что на нем принял участие академик-секретарь Отделения литературы и языка Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии И.И. Мещанинов. Его присутствие также произвело сильное впечатление и на других участников мероприятия. Мои гости остались довольными.

Этот вечер сохранился в моей памяти со многими деталями. Даже в эти радостные дни я не забывал о трагедии репрессированных народов, одним из наиболее крупных из которых был чеченский народ. Перед моими глазами стоял образ народа, загнанного в «резервацию», как бы закованного в кандалы» [12].

В 1946 году Ю. Дешериеву удалось получить двухмесячную командировку в Грозненскую область. По прибытии в Грозный он встретился с несколькими знакомыми жителями, а также воспользовался возможностью объездить чеченские селения. К этому времени в Грозном и уцелевших селениях активно стирали все, что напоминало о чеченцах и ингушах. Он увидел, что значительная часть домов в сельской местности была разрушена, а

направленные сюда дагестанские и русские переселенцы оказались в тяжелом положении. Удалось ему съездить и в Махачкалу, где беседа с одним дагестанским арабистом убедила его в том, что большинство дагестанцев осуждают репрессии против депортированных [13].

В течение нескольких лет Юнус Дешериев регулярно получал командировки на Кавказ для изучения местных языков: цова-гушинцев, бацбийцев, кистинцев, а также хуналугского языка Дагестана. И везде он оставил хорошую память о себе, а в некоторых случаях приходил и на помощь местным жителям. Так, например, в одном из кистинских селений он встретил скрывавшегося демобилизованного чеченца-солдата, что представляло серьезную угрозу для местных жителей. Юнусу удалось убедить его «легализоваться» перед грузинскими властями и вернуться в Среднюю Азию к своим землякам [14].

В бывшем Веденском районе Ю. Дешериеву пришлось встретиться с сыном известного абрека Зелемхана – Умар-Али, состоявшим на службе в НКВД. По признанию Умар-Али, он вынужденно остался на службе после депортации чеченцев, потому что ему «предложили» подумать о последствиях не только лично для него, но и для семьи [15].

В 1953 г. Ю. Дешериев с блеском защитил докторскую диссертацию по теме «Бацбийский язык», а затем был опубликован целый ряд его фундаментальных трудов: «Грамматика хуналугского языка» (М., 1959), «Современный чеченский литературный язык» (Грозный, 1960), «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов» (Грозный, 1963), «Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе» (М., 1966) и др. [3].

А в следующем, 1954 году, в письме на имя Н.С. Хрущева он поднял вопрос о том, что исключение из печати любого упоминания о репрессированных народах (балкарцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, чеченцы), в том числе из «Большой Советской Энциклопедии», с политической точки зрения может быть использовано «...врагами СССР за рубежом в своих антисоветских пропагандистских целях». Кроме того, Ю. Дешериев поставил вопрос о правильности подобной практики «...с точки зрения патриотического воспитания тех народов...» и «... с точки зрения принципов национальной политики Коммунистической партии. Тем более, что указанным обстоятельством пользуются и некоторые элементы на местах поселения народов, о которых речь идет» [16].

Не будет ошибкой признать, что появление упомянутого выше письма является подтверждением начавшейся в СССР политической «оттепели», чем воспользовались лучшие представители двух вайнахских народов, искавшие возможность напомнить о своей судьбе. И важную роль в этом снова сыграл Юнус Дешериев: именно он в мае 1956 года принял в Москве тайно прибывшую делегацию из 13 чеченцев и ингушей, чтобы донести до властей бедственное положение их народов. Именно Юнус Дешериев встретил членов этой делегации, помог устроиться и материально поддерживал их, а также, используя свои связи, обращался в высшие партийные и государственные органы власти. В конечном итоге членов делегации принял первый заместитель Председателя Совета Министров А.И. Микоян, и через него было передано Н.С. Хрущеву письмо с просьбой восстановить Чечено-Ингушскую национальную автономию. И уже в декабре того же года вышел Указ о реабилитации чеченского и ингушского народов. И в этом была большая заслуга Юнуса Дешериева [1].

Одновременно это еще время полного раскрытия научного потенциала Юнуса Дешериева. Так, он последовательно возглавляет научный совет Академии наук СССР «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций»; является ответственным редактором целого ряда таких академических изданий, как «Языки народов СССР»; участвует в разного рода международных, союзных и региональных форумах.

Отдельно следует отметить его вклад в подготовку научных кадров для Чечено-Ингушской АССР.

Наконец, Юнус Дешериев стал одним из основателей советской социалингвистики [4].

В целом им опубликовано более трехсот научных трудов, 10 монографий, а также учебники и учебные пособия для высших учебных заведений.

Горжусь тем, что был лично знаком с Юнусом Дешериевичем, и в моей библиотеке находится его книга «Жизнь во мгле и борьбе» (о трагедии репрессированных народов) с его дарственной надписью: «Дорогому Мовле от автора» 3 июля 1996 года.

Благодарные потомки увековечили память своего именитого земляка: одна из улиц в городе Ачхой-Мартан названа его именем; в Грозном функционирует специализированная школа по изучению иностранных языков, а Чеченским государственным университетом имени А.А. Кадырова регулярно проводятся «Дешериевские чтения». Воистину – память о таких людях освещает путь живущим [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалаева М. «Памяти Юнуса Дешериева». Газета «Вести республики». № 17 (3110) 06.03.2019. (дата обращения: 6 апреля 2026 г.).
2. Абалаева М. «Осветивший путь другим». Газета «Вести республики». – С. 1660 (2344). 20.08.2014 г.
3. Акаев В. «Ученый и гражданин». «Вайнах». № 3. 2007 г.
4. Акаев В. Ученый и гражданин. «Гумс». № 66–67, 13 августа 2007 г.
5. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: «Палея». 1995. – С. 19.
6. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: «Палея». 1995. – С. 24–29, 126.
7. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 113–114.
8. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 4.
9. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 40–41.
10. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 41, 77.
11. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 117.
12. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 113–114.
13. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 95, 97–105.
14. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 161.
15. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 178.
16. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе: о трагедии репрессированных народов. – М.: Палея, 1995. – С. 7–8.
17. Осмаев М.К. «Вклад тружеников тыла Чечено-Ингушской АССР в Победу в Великой Отечественной войне». – М., 2025. – С. 8.

УДК 159.9

СТИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Сердюкова Е.Ф.,

канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: hellin33@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ теоретического материала по проблеме формирования личности подростка на основе его взаимоотношений с родителями. Рассматривается содержание понятия «психологическая привязанность», а также описанные в литературе типы психологической привязанности и их влияние на развитие личности подростка. Автор приводит описание собственных исследований данной проблемы, указывая на то, что тип психологической привязанности подростка к родителям оказывает существенное влияние на формирование у подростка адекватной самооценки, высокого уровня притязаний, основанного на знании своих способностей и осознании своих истинных интересов, а также на формирование и других важных личностных качеств, способствующих успешной социализации подростка и адаптации его к постоянно изменяющимся условиям социальной среды. Выводы, представленные в статье, сделаны на основе соотнесения результатов собственных исследований с данными по теме, имеющимися в научной литературе.

Ключевые слова: привязанность, подросток, родители, личность.

STYLES OF PSYCHOLOGICAL ATTACHMENT AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF A TEENAGER'S PERSONALITY

Serdyukova E.F.,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology
Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article presents an analysis of theoretical material on the problem of a teenager's personality formation based on his relationship with his parents. The content of the concept of "psychological attachment" is considered, as well as the types of psychological attachment described in the literature and their influence on the development of a teenager's personality. The author provides a description of his own research on this issue, indicating that the type of psychological attachment a teenager has to their parents has a significant impact on the formation of an adequate self-esteem in a teenager, a high level of ambition based on knowledge of their abilities and awareness of their true interests, as well as on the formation of other important personal qualities that contribute to the successful socialization of a teenager and their adaptation to the ever-changing conditions of the social environment. The conclusions presented in the article are based on the comparison of the results of his own research with the data available in the scientific literature on this topic.

Keywords: attachment, teenager, parents, personality.

Человек не может существовать в мире без психологической привязанности, которая является одной из базовых его потребностей. Эта потребность в эмоциональной близости, доверии и поддержке со стороны близких, значимых для него людей формируется с раннего детства и оказывает значительное влияние на все сферы его жизнедеятельности. Степень ее удовлетворенности определяет состояние самооценки, уровень эмоционального благополучия и даже успехи в трудовой деятельности.

Зарождение интереса к феномену привязанности принято связывать с именем З. Фрейда, вернее, с появлением его теории об удовлетворении базовых потребностей ребенка в пище и безопасности. Но все же началом глубокого научного исследования считается теория другого ученого – Дж. Боулби. Боулби рассматривал привязанность как врожденную биологическую потребность, которая актуализируется в ситуации угрозы, страха или дискомфорта, характеризуя ее как «устойчивую психологическую связь между людьми» [1, с. 36]. Боулби придавал привязанности важное значение, утверждая, что именно привязанность способствовала эволюции, то есть помогала человечеству адаптироваться к меняющимся

условиям и тем самым позволила ему выжить. «Склонность образовывать сильные эмоциональные связи с другими – основной элемент человеческой природы» [2, с. 194].

Он считал, что привязанность характеризуется четырьмя отличительными особенностями:

- желанием находиться рядом с людьми, к которым мы испытываем привязанность;
- стремлением к объекту привязанности в поисках комфорта и безопасности перед лицом страха или угрозы;
- ощущением безопасности, позволяющим ребёнку исследовать окружающую среду;
- возникновением тревоги при отсутствии объекта привязанности.

Исследуя детско-родительские отношения, Боулби сделал три ключевых утверждения [2, с. 196]. Исследование детско-родительских отношений позволило Дж. Боулби сделать несколько важных выводов:

– Во-первых, он предположил, что ребенок, который растет в полной уверенности, что родитель в любое время для него доступен, реже испытывает страх и неуверенность в себе, чем тот, который воспитывался в противоположных условиях, то есть родители которого часто оставляли его одного без присмотра и поддержки.

– Во-вторых, он утверждал, что если уверенность в доступности и поддержке родителей сформировалась в критический период развития, то она уже не меняется на протяжении всей жизни человека.

– В-третьих, он предполагал, что эти ожидания основываются на фактическом опыте человека. То есть ребенок ожидает, что его близкие взрослые будут реагировать на его потребности потому, что, по его прошлому опыту, те реагировали на эти потребности в прошлом.

Итак, связь между людьми Боулби назвал привязанностью.

Привязанность – это связь, притягивающая и удерживающая человека рядом с кем-то или чем-то, когда его с этим не связывают ни чувство любви, ни интерес, ни выгода [6, с. 198].

К кому или к чему только не привязываются люди! К своей любимой ложке, к щенку, к работе, к месту жительства, к старой одежде и друг к другу. Некоторые из этих привязанностей выглядят понятными и оправданными, они воспринимаются людьми как адекватные; другие воспринимаются как чудачества; часть привязанностей вообще оценивается как большая жизненная неприятность.

Современный человек не представляет своей жизни без комфорта, телевизора, интернета, мобильного телефона – он испытывает в этом потребность, даже понимая, что вполне можно без этого обойтись и даже было бы лучше. Люди привыкают к своим любимым вещам (к креслу, одежде, теннисной ракетке) – это также можно рассматривать как варианты бытовых привязанностей. И уж тем более всем известна привязанность между людьми – привязанность между детьми и родителями, дружеская, романтическая, любовная и супружеская.

Такие межличностные привязанности могут иметь разную природу – как житейскую, так и психологическую [5, с. 139–151].

Житейская привязанность проявляется в тяге к привычным удобствам и жизненным обстоятельствам, иногда в полной неготовности к неуюту и неприятностям в случае разъезда.

Более интересной видится нам *психологическая привязанность* – эмоциональная связь между людьми, которая проявляется в желании постоянно находиться рядом с каким-то человеком и ощущать защищенность, а также в ощущении боли от потери близости или страха такой потери.

Самым известным видом психологической привязанности является привязанность ребенка к матери, как, впрочем, и обратный вариант – привязанность матери к ребенку.

Когда ребенок начинает взрослеть, его привязанность к матери сменяется любовью к ней. Чем взрослее человек, тем сильнее отношения должны определяться любовью и меньше – привязанностью.

Мэри Майн убеждена, что следует различать как здоровую, так и больную психологическую привязанность [7, с. 161].

Здоровой, *или условной*, привязанность является в том случае, если она выражается в близкой эмоциональной связи, когда она нужна, и ее легко прекратить, когда она становится неактуальной.

Если привязанность перестает быть мягкой и приятной, когда отсутствие человека или предмета, к которому испытывается привязанность, начинает причинять боль, то в этом случае уже говорят о наличии *больной, или невротической*, привязанности. Этот вид привязанности проявляется в жесткой психологической связи, когда человек, даже просто представив себе, что он будет существовать без объекта привязанности, начинает испытывать непреодолимое чувство страха и боль, сильнейший психологический дискомфорт и тягостные негативные переживания. Очень тяжелы переживания в том случае, если объект *больной* привязанности полностью утерян.

Психологическая привязанность складывается в первую очередь как привычка, как результат простого длительного контакта, то есть путем неоднократного повторения значимых переживаний. Так происходит, когда ранее не знакомые люди начинают жить рядом друг с другом, между ними возникают отношения, и они приятны друг другу, то с течением времени между этими людьми почти неизбежно возникает привязанность.

Если люди никак не привлекательны друг для друга, то привязанность между ними не возникает даже при длительном и повторяющемся контакте. Хотя иногда люди, неприязненно относящиеся друг к другу, могут также парадоксальным образом привязываться друг к другу. Примером может служить Стокгольмский синдром и другие похожие отношения, при которых фон взаимно положительного отношения чередуется с яркими негативными проявлениями. Чем дольше длятся отношения и чем ярче сопровождающие их переживания, тем быстрее возникает привязанность и тем крепче она становится [6, с. 80–84].

Психологическая привязанность на основе привычки формируется постепенно, но бывают и случаи, когда привязанность возникает почти мгновенно, на основе механизма якорения. В животном мире этот феномен называется импринтингом, в человеческой жизни – это влюбленность с первого взгляда.

Джон Боулби и Мэри Эйнсворт классифицируют стили привязанности, выделяя безопасный, небезопасный тревожный и небезопасный избегающий стиль [3, с. 761].

Безопасная, или надежная привязанность. Такой стиль привязанности характеризуется уверенностью ребенка в том, что взрослый всегда доступен, быстро отзывается на потребности ребенка, создает ощущение безопасности. Ребенок спокойно и уверенно исследует окружающий мир, чувствуя заботу и поддержку родителя, воспринимая взрослого как «островок безопасности». Он наслаждается близостью со взрослым и не испытывает от него психологической зависимости.

Безопасная привязанность формируется у подростков, родители которых при воспитании проявляют постоянную любовь и заботу. Такие дети открыты в отношениях с другими людьми и относятся к окружающему миру с доверием.

Отстраненный, или небезопасный избегающий стиль привязанности характеризует человека недоверчивого, который боится близких отношений, ему трудно показать свои истинные чувства, трудно попросить помощи или совета. Человек с таким стилем привязанности считает, что он никому не интересен. Он боится, что его отвергнут, а потому делает вид, что не нуждается в близких отношениях с другими людьми.

В том, что у ребенка сформировался такой стиль привязанности, виноваты взрослые, которые игнорировали его просьбы о том, чтобы они обратили на него внимание. Его потребности не удовлетворялись, а какие-либо попытки проявить себя в чем-то оставались без внимания. У подростка сложилось устойчивое убеждение, что его желания и потребности

взрослым не интересны, он старается приспособиться к ситуации, когда помощи, любви и заботы ждать неоткуда. Конечно, он сам любит взрослых, но, видя их отношение, начинает подавлять в себе это чувство. Со стороны может показаться, что он ко всем безразличен, но так он скрывает свой страх того, что он никому не нужен и отвержен взрослыми, что приводит к переживанию им состояния горя.

Беспокойная, или тревожная, небезопасная привязанность. Такие подростки часто испытывают необоснованное беспокойство, их может мучить ревность, могут бурно проявляться взрывные эмоции, причем самостоятельно справиться с ними они не могут. Они очень нуждаются в других людях, но боятся, что те сочтут их навязчивыми. Когда такое происходит, они стараются уйти в себя, перестают обращать на себя внимание, но это не помогает, и тревога возвращается с новой силой.

Такой тип привязанности формируется непредсказуемым, непоследовательным поведением взрослых, когда ребенок не понимает, чего от них можно ожидать в той или иной ситуации: то родитель груб и не обращает на ребенка никакого внимания, то вдруг начинает проявлять по отношению к нему нежность и непомерную заботу, то может просто уйти и оставить ребенка одного без внимания. От такого поведения родителей ребенок теряется, он не понимает, чем вызвано такое отношение к нему родителя, и, конечно же, начинает думать, что он в чем-то провинился и за это наказан.

Такие дети побаиваются чужих людей даже в присутствии родителя, сильно огорчаются и испытывают страх, когда родитель куда-то уходит, но почему-то не радуются, когда он возвращается, а иногда даже сердятся на него, потому что не чувствуют себя в безопасности даже в его присутствии, когда он рядом.

Подростки, которым свойственна небезопасная тревожная привязанность, проявляют неуверенность в существующих взаимоотношениях, они нервны, требуют постоянных подтверждений того, что взрослые их любят, они испытывают постоянный страх того, что их бросят, даже при условии, что получают такие подтверждения.

Небезопасная тревожная привязанность у подростков чаще всего формируется в семьях, где родители не всегда были рядом со своими детьми. Такие люди обычно ведут себя отстраненно от других, боятся разочароваться в отношениях и поэтому намеренно не позволяют себе сблизиться с окружающими. Причиной формирования такого стиля привязанности является, как правило, холодность и отстраненность родителей от своих детей.

Опасливая, или дезорганизованная, привязанность является одним из видов ненадежной привязанности, которая также формируется вследствие непредсказуемого поведения взрослых. Только в этом случае поведение взрослых пугает ребенка своей противоречивостью: они могут запугивать ребенка, подавлять его эмоциональной холодностью и неадекватностью реакций. За одно и то же действие ребенка могут похвалить, а в следующий раз на такой же поступок наказать. Часто такие родители манипулируют ребенком, добиваясь от него нужного поведения угрозами, что его бросят, перестанут любить и т. п. Подросток при таких взаимоотношениях не может понять, как ему следует себя вести, он любит взрослых и тянется к ним, но при этом боится быть отверженным или наказанным.

Как видим, небезопасный тип привязанности наносит серьезный вред психическому развитию подростка. Такие подростки больше подвержены возникновению и развитию депрессивных состояний, у них чаще встречаются нарушения психосоматического здоровья или поведения, им сложнее справляться со стрессом и другими негативными эмоциями.

Отношения со сверстниками такие подростки также выстраивают с трудом, так как они насторожены, часто замыкаются в себе, боясь отвержения, либо, напротив, могут быть чересчур навязчивыми.

У таких подростков может формироваться устойчивое негативное отношение к себе, они чувствуют себя никому ненужными, неинтересными для окружающих и не достойными их любви. Все это приводит к снижению учебной мотивации и познавательной активности.

Организованное нами экспериментальное исследование позволило внести существенные дополнения в описание психологических портретов подростков с разными

типами психологической привязанности к родителям. Подростки с надежным типом привязанности как к отцу, так и к матери характеризуются тем, что в присутствии родителя чувствуют себя в полной безопасности, используют его как надежную базу для исследования мира – и с матерью, и с отцом они могут свободно разговаривать на интересующие их темы, делиться, советоваться. Между подростками данной категории и их родителями существует прочная эмоциональная связь и теплые доверительные отношения. В общении со сверстниками и другими взрослыми, в частности, с педагогами, с родителями своих друзей эти подростки чувствуют себя уверенно, спокойно вступают в контакт, способны поддерживать разговор, участвовать в совместной деятельности. Очевидно, что существующие в семье модели взаимоотношений они без труда переносят в сферу общения с другими людьми, демонстрируя уважительное отношение к себе, к собеседнику, к окружающим. Подростки данной категории обладают адекватно высокой самооценкой и имеют высокий уровень притязаний, который основывается на приобретенных ими навыках и знаниях в той области, которая соответствует их способностям и интересам.

Подростки с тревожно-амбивалентным типом привязанности к родителям имеют низкую самооценку, они не уверены в себе, застенчивы, испытывают повышенную тревожность, которая мешает им устанавливать и поддерживать контакты со значимыми взрослыми. Допуская ошибки, они сильно переживают, но не стремятся их исправить. К чужим ошибкам относятся сравнительно безразлично.

Таким образом, на основании анализа научной литературы по проблеме исследования, а также учитывая полученные в результате проведенного экспериментального исследования данные, можно сделать вывод о том, что привязанность – это сильная эмоциональная связь, способная притягивать и удерживать человека рядом с кем-то или чем-то, когда его с этим не связывают ни чувство любви, ни интерес, ни выгода. Любой человек, особенно подросток, не может существовать в мире без психологической привязанности, которая является одной из базовых его потребностей. Эта потребность в эмоциональной близости, доверии и поддержке со стороны близких значимых для него людей формируется с раннего детства и оказывает значительное влияние на все сферы его жизнедеятельности. Как указывается в более ранних наших работах: «Семья не только закладывает базисные основы, она оттачивает контур личности через последовательное приобщение ребенка к общечеловеческим и непреходящим духовным ценностям» [4, с. 113].

Главным условием полноценного и гармоничного развития ребенка являются его эмоционально благополучные связи со значимыми взрослыми, удовлетворение близкими взрослыми его основных потребностей, в том числе и потребности в общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боулби Дж. Привязанность / Перевод с английского Н.Г. Григорьевой и Г.В. Бурменской. Под общ. ред. Г.В. Бурменской. – Москва, 2003. – 480 с.
2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2004. – 232 с. (Руководство практического психолога).
3. Боулби Дж., Эйнсворт М. Происхождение теории привязанности. Психология Развития. № 28. 1992. – С. 759–775.
4. Исламханова Р.А., Сердюкова Е.Ф. Влияние родителей на формирование самооценки подростка. Научный бюллетень Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4 (8). – С. 111–114.
5. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. – С. 139–151.
6. Уотерс Э., Коркоран Д., Анафорта М. Привязанность, другие отношения и теория о том, что все хорошее идет вместе // Человеческое развитие. 2005. № 48. – С. 80–84.
7. Main M. Parents' Unresolved Traumatic Experiences Are Related to Infant Disorganized Attachment Status // Attachment in the Preschool Years: Theory, Research, and Intervention / Mary Main, Erik Hesse. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – P. 161–184.

УДК 491.7: 378:193

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Саямова В.И.,

*подготовительный факультет по обучению иностранных граждан
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения России
e-mail: visayamova@yandex.ru*

Олешко Т.В.,

*подготовительный факультет по обучению иностранных граждан
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения России
e-mail: oleshko_t_v@mail.ru*

Аннотация. В ознакомительном плане рассматриваются понятие интеллекта человека и «теория множественного интеллекта» Говарда Гарднера. Акцентируется внимание на понятии искусственного интеллекта как инструмента, широко используемого в современных условиях метода цифровизации, в том числе в образовании, здравоохранении и практической медицине. Поднимаются некоторые вопросы организации on-line и off-line обучения иностранных учащихся подготовительного факультета медицинского университета в современных условиях.

Ключевые слова: иностранные учащиеся, подготовительный факультет, русский язык как иностранный (РКИ), искусственный интеллект (ИИ), нейросеть, цифровые технологии.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DIGITAL INFORMATION AND EDUCATIONAL PROCESS OF TEACHING FOREIGN STUDENTS AT THE PREPARATORY FACULTY OF THE MEDICAL UNIVERSITY

Sayamova V.I.,

*Preparatory Department for Training of Foreign Citizens
Rostov State Medical University
Ministry of Health of the Russian Federation*

Oleshko T.V.,

*Preparatory Department for Training of Foreign Citizens
Rostov State Medical University
Ministry of Health of the Russian Federation*

Abstract. This paper explores the concepts of human intelligence and Howard Gardner's «Theory of multiple intelligences». It emphasizes the concept of artificial intelligence as a tool widely used by humans in the modern context of digitalization, including education, healthcare and practical medicine. It also involves the questions of on-line learning organization for foreign students at the preparatory faculty of the medical university.

Keyword: foreign students, preparatory faculty, Russian as foreign language, artificial intelligence AI, neural networks digital technologies.

Многие педагогические, методические и психолого-педагогические аспекты исследования российского образования конца XX – начала XXI века, как показывает практика, посвящены вопросам изучения влияния цифровых средств и технологий нейронной сети (нейросети) и искусственного интеллекта (ИИ), в частности, в режимах on-line и off-line обучения; вопросам адаптации поведения субъектов образовательной деятельности; выбора средств и технологий применительно к особенностям условий процесса обучения, в том числе русского языка (РКИ) для иностранных учащихся в информационно-образовательной среде вуза.

Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс изменяет подходы к преподаванию РКИ и общетеоретических дисциплин на русском языке, способствует межкультурной коммуникации в полилингвальных и поликультурных учебных группах [1, с. 224]. Знание психологии обучающегося является основой педагогического процесса. Педагог должен знать этнопсихологические особенности каждого члена учебной группы для проведения успешной учебно-познавательной деятельности в многоязычной и многокультурной учебной аудитории. Без знания психических процессов и основных этапов становления культурной, языковой, интеллектуальной, квалифицированной личности невозможно эффективно организовать и руководить деятельностью иностранных учащихся и их гармоничным межкультурным развитием [3].

Цель работы – изучение и применение на практике соответствующих данных литературных, психолого-педагогических и методических источников, способствующих передаче богатого накопленного опыта предыдущих поколений исследователей важнейших вопросов образования, в том числе иностранных граждан на русском языке, что, несомненно, повысит качество подготовки профессиональных кадров для зарубежных стран. К их числу относятся: Алефиренко Н.Ф. (2022.), Березняк Ю.Л. (2021), Попова З.Д., Стернин И.А. (2007), Фетисова Е.В., Рышкова А.В. (2018), Сысоев П. В. (2024), Казанцев В.К. (2025), Кананыхина К.С.(2025), Кузьмина-Мамедова Е.С. (2025), Мурашова Е.А. (2025) и др.

Как известно, «интеллект» (от лат. *intellectus* – «восприятие»; «разумение», «понимание», «понятие», «рассудок» или «ум») – это качество психики, состоящее из понимания, осознания важности приобретения новых знаний, новой информации, способность к решению поставленных задач, в том числе адаптации к новым ситуациям и творчеству в процессе познания человеком нового. Интеллект часто определяется и как наш умственный потенциал, то, с чем мы рождаемся, что можно измерить, и как способность, которую трудно изменить. Интеллект – это сложное понятие, состоящее из множества свойств и функций; отдельные из них являются важнейшими характеристиками личности, определяющими успех в разных сферах жизни человека: учебе, работе, общении, саморазвитии. Природа человеческого интеллекта до сих пор изучена не до конца [3, 5].

Проводимая работа по внедрению в образовательный процесс системы ценностей, основанной на идее человека-гражданина и профессионала, человека культуры и нравственности, человека – труженика и патриота, преданного своей Родине, составляет основу общества, основу каждого государства [5, с. 226]. В попытках измерить интеллект была придумана концепция IQ – тестирования, коэффициент интеллекта – IQ (*intelligence quotient*). Однако существуют и другие теории, не пытающиеся свести всех людей к определенной IQ-измерительной планке. Среди этих теорий заслуживает внимание «теория множественного интеллекта» американского психолога, профессора Гарвардского университета Говарда Гарднера (Howard Gardner) (1983 г.). Рассмотрим основные тезисы теории Говарда Гарднера [9, 10].

- Все люди по-разному умны. У всех людей есть разные виды интеллекта. «Интеллект» в теории Гарднера – «это больше, чем просто владение языками или знание математики».
- Интеллект рассматривается как «способность, набор навыков, которые данному человеку от природы, от рождения человека даются лучше всего».
- Автор выделяет девять типов интеллекта: натуралистический, музыкальный, логико-математический, лингвистически-вербальный, экзистенциальный, межличностный, внутриличностный, телесно-кинестетический и визуально-пространственный. Виды интеллекта помогают детализировать, измерять и управлять развитием интеллектуальных способностей людей.
- У каждого человека «максимально преобладающим будет один тип интеллекта», но несколько других могут быть также хорошо развиты.

Несмотря на критику, теория Говарда Гарднера пользуется значительной популярностью в образовательной сфере, потому что она подтверждает повседневный опыт педагогов: учащиеся и студенты действительно думают и учатся по-разному [4, 9, 10].

1. Внутриличный вид интеллекта, формой которого также является самосознание. Если человек понимает себя, свои желания, знает, что чувствует и почему он это чувствует, то с уверенностью можно сказать, что он обладает внутриличным интеллектом.

2. Лингвистически-вербальный вид интеллекта определяет способность человека эффективно использовать слова, чтобы выражать свои мысли и понимать идеи, успешно работать с информацией; характеризует способность к быстрому изучению языков и письма.

3. Обладатели логико-математического интеллекта сильны в обосновании и логическом мышлении, различают тенденции и функциональные зависимости. Имея концептуальное мышление и ярко выраженные логические и математические способности, они легко могут распознавать закономерности, анализировать информацию, быстро решать сложные математические задачи.

4. Натуралистический (природоведческий) вид интеллекта характеризует способность «читать» и понимать природу и всех живых существ, населяющих её, а также способность к изучению окружающей среды.

5. Экзистенциальный интеллект даёт глубокую мотивацию вопросам человека о жизни, смерти и реальности вообще. «Почему и зачем мы живем?», «Что происходит с нами после смерти?» – типичные вопросы для человека с экзистенциальным интеллектом, имеющего глубокую чувствительность и высокую способность решать фундаментальные вопросы в сочетании со страстью к поиску ответов на эти вопросы.

6. Визуально-пространственный вид интеллекта – пространственное мышление – характерен для человека, который может создавать в своей голове 3D-модели, решая геометрическую или задачу по физике, рисуя объемное изображение.

7. Межличностный интеллект – это способность понимать других людей, эмоционально ощущать их чувства, а также понимать мотивы их поведения, что благоприятно сказывается на командной работе.

8. Если у человека есть талант разбирать музыкальные композиции на элементы и отслеживать все звучащие в ней инструменты, то он обладатель музыкального интеллекта. Сильные стороны: чувство ритма, слух и музыкальный талант.

9. Телесно-кинестетический интеллект определяет физическую активность обладателя, его способность наслаждаться движениями тела и даже создавать на основе этих движений образы; данным людям присуща высокая координация сознания и тела [3, 4].

Таким образом, реализация личной стратегии каждого индивида невозможна без планирования развития и саморазвития всех видов его интеллекта. Важно, чтобы цели человека не противоречили особенностям его личности или учитывали объективное состояние и реальные возможности их развития. Разработка личной стратегии обучения каждого иностранного учащегося подготовительного факультета российского медицинского вуза представляет собой внимательный и интеллектуальный поиск преподавателями факультета правильных «ключей» в виде уникальной комбинации знаний, навыков и видов интеллекта, сообщенной каждому обучающемуся и планомерно развиваемой в процессе учебно-познавательной, профессиональной и воспитательной начальной подготовки будущих специалистов-медиков в современных условиях [1].

Краткая справка о развитии ИИ [3, 6, 11].

В 1930-х годах Алан Тьюринг и Курт Гёдель, британский, австрийский математики и другие пришли к выводу, что не существует универсального алгоритма решения любых математических задач компьютерами, но эти задачи доступны решению человеком. Исследователи пришли к заключению: «компьютеры по своей природе не могут делать то, что делают люди» [6, 11]. К 1946 году были предприняты первые попытки теоретического проектирования подобных умных вычислительных машин несколькими независимыми исследователями. В 1947 году Алан Тьюринг прочитал лекцию, в которой он «первым

постулировал», что «построение и изготовление умной вычислительной машины практически затруднено, поэтому оно мало вероятно по сравнению» с большей практической вероятностью – «написанием соответствующей компьютерной программы». Первую лекцию Алана Тьюринга можно назвать, по сути, лекцией об «искусственном интеллекте» [6].

В конце 1940-х годов была впервые выдвинута идея машинного обучения, то есть необходимо создать программу, обладающую базовым набором знаний и возможностью усваивать информацию, что позволит делать только «оболочку», которая будет самостоятельно дорабатывать себя до полноценной программы с помощью ИИ [1, 6].

В 1950 году Алан Тьюринг выпустил статью «Счётные машины и интеллект» (англ. «Computing Machinery and Intelligence»), в которой обсудил вопросы оценки интеллектуальности машины и предложил их критерий, названный «Тестом Тьюринга», по которому машина может считаться интеллектуальной, если она может убедительно представиться «человеком» информированному наблюдателю [7, 12]. В дальнейшем неоднократно проводились «слепые тесты Тьюринга», которые показали, что большинство наблюдателей готовы признать «человеком» довольно глупую компьютерную программу [7, 8].

В 1956 году Джон Маккарти впервые ввёл в оборот термин «искусственный интеллект» (англ. artificial intelligence, AI). Год спустя Аллен Ньюэлл, Герберт Саймон и Клиффорд Шоу разработали первую программу, соответствующую предъявленным требованиям, предназначенную для игры в шахматы и, в отличие от предыдущих вариантов, основывающуюся на эвристике, то есть не имеющую точных теоретических оснований. В 1960 году ими же была разработана программа для решения головоломок, основанная на тех же принципах [3, 8].

В 1960-х годах учёные разработали теорию NP-полных задач, которые теоретически решаемы, но время, необходимое на их решение, экспоненциально зависит от сложности задачи; при этом люди способны решать подобные задачи зачастую за гораздо меньшее время.

К началу 1970-х годов наука об искусственном интеллекте признала приоритет программирования умных вычислительных компьютерных систем над построением их материальной части в деле создания ИИ [6]. Примерно в это же время начался резкий подъем критики идей создания искусственного интеллекта, вылившийся в сокращение финансирования, в первую очередь из-за малой мощности применяемых в то время компьютеров, не позволявшей запустить сложную многоуровневую программу, из-за чего все практические образцы ИИ оставались на уровне «игрушек» (наибольшего успеха достигли программы для игры в шахматы) [11, 12].

Искусственный интеллект (ИИ) по своей сути – это инструмент, например, интеллектуальные машины или компьютерные системы, обладающие способностью выполнять задачи, для постановки и решения которых обычно требуется человеческий интеллект.

В нашей стране Федеральный проект РФ «Искусственный интеллект», паспорт которого рассмотрен на заседании Президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни россиян, был утвержден 27 августа 2020 года. Проект связан с основным инструментом реализации «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», который утвержден указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490.

Искусственный интеллект включает в себя программирование систем для анализа «данных», обучения на основе опыта и принятия разумных решений – под руководством человека. Искусственный интеллект (рус. ИИ, англ. artificial intelligence, AI) характеризует свойство искусственных вычислительно-интеллектуальных систем выполнять задачи, традиционно считающиеся прерогативой человека, в первую очередь – творческого характера [7, 8]. Искусственный интеллект – это «наука и технология» создания интеллектуальных машин и интеллектуальных компьютерных программ. Интеллект в данном случае представляет собой вычислительную способность достигать целей в мире, которые присущи

человеку, а также многим представителям животного мира и некоторым интеллектуальным машинам. При этом до сих пор в научном сообществе нет чёткого понимания, какие вычислительные функции считать интеллектом, в силу понимания только части из них; по этой причине точного общепринятого определения искусственного интеллекта, не завязанного на интеллект человека, не существует. В самой идее интеллект человека, симуляция которого на компьютере – не есть цель большей части проектов. Используемый для оценки человеческого интеллекта коэффициент IQ неприменим для оценки машинных систем по причине того, что он завязан на интеллектуальное развитие ребёнка, принятого за начальную точку отсчета развития индивида. Если на взрослых людей эту шкалу можно экстраполировать, то высокие результаты искусственного интеллекта в тесте на IQ, вычисленные аналогичным способом, не будут означать высокого интеллекта машинной системы, так как интеллект системы основывается на принципах и цепочках, заложенных в него разработчиком программы [12, 11]. Конечная цель практически всех исследований в области искусственного интеллекта – получить ИИ уровня, сопоставимого с человеческим интеллектом. В настоящее время в методах достижения этой цели единства у исследователей нет [7].

В связи с использованием специализированной компьютерной «ДО-платформы» нашего медицинского университета, созданной под руководством и при активном участии инженерной службы вуза, «набор применяемых программных средств» подробно описан в статье Ю. Л. Березняка [и др.] и имеет следующий вид: интернет-мессенджеры «WhatsApp» и «Skype», электронная почта. Для подготовки презентаций и редактирования заданий применяются офисные программы «MS Office Word» и «Power Point». Приложение «Камера» операционной системы «Windows-10» является средством записи и редактирования видеоматериалов. Для организации доступа к созданным на кафедрах специализированным и адаптированным для иностранных учащихся учебным пособиям используются возможности, предоставляемые «сайтом Ростовского государственного медицинского университета РостГМУ» и «облачными сервисами». В качестве основного программного продукта для общения преподавателей и учащихся применяется мессенджер «WhatsApp» / «MAX». Дополнительным инструментом для передачи данных служит также «электронная почта». Облачные технологии применяются для передачи файлов больших объемов [2, с. 208–214; 12, 11].

Имеющиеся программные и технические возможности определяют используемые методы и методики обучения. Интеллектуальные системы обучения, построенные на ИИ, позволяют обучающимся получать индивидуальную помощь в ходе образовательного процесса, что способствует снижению уровня тревожности и неуверенности учащихся. Иностранные обучающиеся могут персонализировать свое обучение с помощью современных цифровых средств и информационно-компьютерных технологий, искусственного интеллекта, что особенно важно для начального, предвузовского этапа. Технология, предоставленная ИИ, помогает преподавателю повышать качество проведения образовательного процесса в поликультурной и полилингвальной учебной группе. ИИ используется для регулярного мониторинга, контроля и раннего прогнозирования результатов работы иностранных обучающихся, в первую очередь, посредством принятой на факультете системы мониторинга знаний, умений и навыков. Применение метода цифровизации образовательного процесса вуза способствовало созданию современной учебно-методической, научно-практической, медико-биологической базы каждой кафедры в виде выпуска методического продукта: учебных пособий, методических разработок и указаний по разделам изучаемой дисциплины, заданий для самостоятельной, контрольной, лабораторной работы, подготовки к зачетам и экзаменам и т. д. Так, материалы электронного контроля знаний «Dotest», созданного кафедрой, аналогичны по цели системе «Moodle». Использование современных цифровых средств и технологий в преподавании позволяет не только оптимизировать работу педагога, но и повысить мотивацию и вовлеченность студентов в учебную деятельность за счет интерактивности и адаптивности, в том числе дидактических материалов, формы обучения и

комбинации традиционных и цифровых методов, тем самым создавая уникальные подходы к обучению.

Применение искусственного интеллекта – процесс активного использования современных научных достижений в области математики и инженерии, в научных исследованиях, лингвистике и искусстве, различных областях жизнедеятельности общества и т. д. Рассмотрение вопросов применения ИИ, например, в практической медицине, здравоохранении, разделах наук медико-биологического и естественно-научного профиля целесообразно, на наш взгляд, включить в повестку дня студенческих научных кафедральных и факультетских конференций или конференций-диспутов. Работа студентов по сбору и оформлению материала, углубленному пониманию, согласованию с пройденным на занятиях, вселяет в иностранных учащихся чувство сопричастности со своей будущей специальностью медицинского сотрудника, способствует повышению эффективности и мотивации их учебной и практической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта, 2010. – 224 с. // URL: http://library.navoiy-uni.uz/files/alefirenko_lingvokulturologiya.pdf (дата обращения: 14.04.2022).
2. Березняк Ю.Л., Шейхет И.И., Щербакова Т.К., Олешко Т.В., Игнатенко В.З. Дистанционное обучение физике иностранных учащихся подготовительного факультета / Электронный журнал ВАК «Проблемы современного образования». – М. 2021. № 1. – С. 208–214.
3. БРЭ. – С. 733.
4. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. – М.: Вильямс, 2007.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 226 с. //URL: tp://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Kognitivnaja_lingvistika_2007.pdf (дата обращения: 06.02.2022).
6. Хант Э. Искусственный интеллект = Artificial intelligence / Под ред. В.Л. Стефанюка. – М.: Мир, 1978. – 558 с.
7. Хант Э. 1978. Часть 1. Глава 1. Область искусственного интеллекта. – С. 11–28, 29 – 32.
8. Хант. 1978. Часть 1. Глава 2. Программирование, структура программ и вычислимость. – С 33.
9. Howard Gardner, The Mind's New Science: The History of the Cognitive evolution (New York: Basic Books, 1985).
10. Howard Gardner, Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences 1983; repr. New York: Basic Books, 2004). 12. 11.
11. Mc Carthy J. What is artificial intelligence? // Formal. stanford. edu: интернет-издание. 2007. 15 р. 12 ноября.
12. DARPA tests artificial intelligent dogfighting in two-versus-one simulations (англ.). Flightglobal. Дата обращения: 15 февраля 2023. Архивировано: 22 марта 2021 года.

УДК 159.99

БУДДИЙСКИЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Тудупова Т.Ц.,

*канд. псих. наук, доцент, заведующая кафедрой общей и клинической психологии
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»
e-mail: tuyanatu@mail.ru*

Жамсуева Д.С.,

*канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник
ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»
e-mail: darisan@rambler.ru*

Аннотация. В статье поднимается проблема воспитания гармоничной духовно-нравственной личности. Отмечается, что в период глобализации и информатизации мира актуализируются вопросы изучения психолого-педагогических идей буддизма в духовно-нравственном становлении и развитии личности. Современная духовно-нравственная личность – это личность, следующая таким ценностям, как совесть, любовь, справедливость, долг; личность, осознанно выстраивающая свое поведение на основе моральных норм и ориентированная на честность и уважение к окружающим. Формирование такой личности является результатом воспитания и самовоспитания. Авторы считают, что немаловажную роль в данном процессе воспитания духовно-нравственной личности играют идеи и принципы буддийской философии. Акцентируется внимание на познании ценностей буддийской религиозной культуры и их использовании в учебно-воспитательном процессе. Показана роль педагогики и психологии воспитания в контексте основных принципов буддизма. Подчеркивается, что формирование нравственной, осознанной личности происходит через самосовершенствование, сострадание и развитие ума. Воспитание нравственных качеств личности связано с соблюдением этических заповедей, что способствует ее внутреннему росту и самосовершенствованию. Рассматриваются методы и методики буддийской практики, способствующие развитию гармоничной личности.

Ключевые слова: психология воспитания, духовно-нравственная личность, буддийский подход, принципы буддизма.

THE BUDDHIST APPROACH TO THE PSYCHOLOGY OF EDUCATION OF SPIRITUAL AND MORAL PERSONALITY

Tudupova T.T.,

*Head of the Department of General and Clinical Psychology,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov*

Zhamsueva D.S.,

*candidate of historical sciences, Associate Professor,
Senior Researcher Institute of Mongolian Studies
Buddhology and Tibetology SB RAS*

Abstract. This article addresses the issue of cultivating a harmonious spiritual and moral personality. It is noted that in the era of globalization and information technology, the study of Buddhist psychological and pedagogical ideas in the spiritual and moral development of individuals has become increasingly important. A modern spiritual and moral personality is defined as someone who adheres to values such as conscience, love, justice, and duty. This personality consciously structures their behavior based on moral norms and is focused on honesty and respect for others. The development of such a personality is the result of education and self-education. The authors believe that the ideas and principles of Buddhist philosophy play a significant role in this process of cultivating a harmonious spiritual and moral personality. Emphasis is placed on understanding the values of Buddhist religious culture and their application in the educational process. The role of pedagogy and educational psychology is demonstrated within the context of the fundamental principles of Buddhism. It is emphasized that the formation of a moral, conscious personality occurs through self-improvement, compassion, and mental development. The development of moral qualities is linked to adherence to ethical precepts, which facilitates inner growth and self-improvement. Methods and techniques of Buddhist practice that promote the development of a harmonious personality are examined.

Keywords: *educational psychology, spiritual and moral personality, Buddhist approach, principles of Buddhism.*

На современном этапе развития общества проблема духовно-нравственного воспитания подрастающей личности актуальна и значима. Актуальность связана с ухудшением нравственного здоровья населения. Такие факторы, как рост социальной напряженности и социальной фрустрированности, дезорганизация семьи, удваивают и даже утраивают актуальность воспитания нравственных качеств личности. Основы формирования духовно-нравственной личности связаны с тем, что такая личность не рождается, а формируется через воспитание в семье, через образование в школе и вузе, а также через саморазвитие. Данный процесс формирования включает принятие культурных (и этнокультурных) и этических норм общества. Такая личность должна быть гармоничной, психологически здоровой, уметь действовать в интересах общества и быть способной противостоять деструктивному влиянию. Духовно-нравственная личность ориентирована на созидание, честность, уважение к окружающим. Основу такой личности составляют такие ценностные ориентиры, как ответственность, патриотизм, совесть, честь, достоинство, трудолюбие, уважение других людей и готовность помогать им. Немаловажное значение отводится формированию поведенческих норм: соблюдению морали, совершению осознанных и добрых поступков. Особо подчеркнем такие ключевые характеристики внутреннего мира духовно-нравственной личности, как способность к саморазвитию, рефлексии, духовный поиск.

В психологической науке и практике существует множество подходов, среди которых выделяют пять основных: психодинамический, поведенческий, биологический, когнитивный и гуманистический. Каждый подход по-своему объясняет человеческое поведение. Несомненно, что в период глобализации и информатизации современного мира востребованы различные подходы, в том числе и вопросы изучения психолого-педагогических идей буддизма и их использования в духовно-нравственном воспитании личности.

Буддизм и психология имеют множество точек соприкосновения, особо значимых в воспитании личности. Буддизм преследует две терапевтические цели: во-первых, здоровую и добродетельную жизнь человека («гармоничная жизнь») и, во-вторых, конечную цель нирваны – полное прекращение неудовлетворенности и страданий. Буддийский подход к воспитанию формирует духовно-нравственную личность через развитие осознанности, сострадания и мудрости. Данный подход направлен на внутреннее развитие, на внутреннее преображение, а не только на внешнее поведение. К примеру, используются буддийские практики медитации, соблюдение этических норм (кармы) и понимание причин страданий для достижения гармонии, добродетели и освобождения от негативных установок.

В основе буддийского подхода лежит воспитание личности через развитие шести совершенств (качеств): щедрости, дисциплины, терпения, мудрости, сосредоточения, энтузиазма. Методы и методики буддийской практики, оказывающие позитивное влияние на психоэмоциональное состояние человека, способствующие повышению работоспособности и формированию нравственных качеств, основаны на основных принципах буддийской педагогики. Прежде всего, на принципе воспитания личности «изнутри-наружу», когда воспитание сфокусировано на изменении внутреннего мира личности, на нивелировании негативных установок, стереотипов, мыслей и, соответственно, на последующее изменение поведения. Другой принцип основан на сострадании, на воспитании эмпатии ко всем живым существам. Третий принцип – осознанность, понимается как развитие внимательности к своим мыслям, чувствам и действиям в текущем моменте. Четвертый принцип – этика. Он связан с соблюдением пяти нравственных заповедей: не убивать, не воровать, не лгать, избегать неправильного сексуального поведения и не употреблять одурманивающие вещества. Принцип мудрости (карма) основан на взаимозависимости всех явлений и причинно-следственных связей.

Цель буддийского подхода на основе данных принципов заключается в воспитании свободной, самоосознающей личности, способной делать добродетельный выбор и несущей ответственность за свои поступки, а также стремящейся к счастью как для себя, так и для

окружающих. Буддийский подход к воспитанию гармоничной личности создает внутреннюю направленность на стремление к мудрости и добродетели и осознание своей кармы.

Буддизм – это не только мировая религия, но и замечательная философия Востока, представляющая совокупность идей и практик по самовоспитанию, саморазвитию и саморегуляции внутреннего мира человека. Возможность сознательного развития дает ориентацию на достижение счастья в этом мире, на освобождение от страдания, страха, суеты и других проблем в жизни. Буддийские техники и практики являются мощным психологическим фактором воздействия на психику, на внутренний мир человека. При этом основной акцент делается на роли самовоспитания и самосовершенствования личности. Среди методов духовно-нравственного воспитания следует отметить в первую очередь медитативные практики, основанные на успокоении ума, развитии сосредоточения в целях нивелирования агрессии и развития эмоциональной устойчивости. Не менее важным методом является метод воспитания через пример учителя; это воспитание через личный пример наставника, учителя, транслирующего мудрость и спокойствие. Воспитание в семье через использование традиций и семейных ценностей является значимым методом нравственного воспитания, укрепляющим родственные связи, наряду с учением и размышлением. Последний метод направлен на понимание причин страданий и путей их устранения.

Надо отметить, что педагогические идеи буддизма оказывают воздействие на развитие личности во всем процессе онтогенеза, с раннего детства до старости, от самоанализа до самокоррекции. В буддийском учении заложены идеи гуманистической психологии, выступающей за пути и средства самореализации и самоактуализации личности в жизненной практике. Обращение к буддизму способствует духовно-нравственному совершенствованию человека. Необходимо отметить, что утверждение гуманистической психологии о том, что наиболее полно развить себя, раскрыть и реализовать свою сущность личность может, прежде всего, изнутри. Извне этому можно только помочь, если созданы необходимые условия, или, наоборот, помешать, если они нарушены.

Педагогика буддизма обладает широким набором методов и техник воздействия на внутренний мир человека. Многие методики буддийской практики оказывают позитивное влияние на психическое состояние личности, тем самым способствуя укреплению нравственного здоровья. Воздействие словом, убеждением, ограничением через различные техники – это работа над собой, над своим сознанием в целях совершенствования личности.

В сравнении с классической педагогикой, где воспитание нравственности подрастающей личности в основном сводится к вопросам поведения, буддийский подход в воспитании нравственной личности направлен на создание внутренней направленности. Поскольку поведение человека является производным от внутренней установки, нельзя подменить воспитание обучением нравственному поведению. Духовно-нравственное воспитание личности с точки зрения буддизма происходит путем присвоения ею духовных ценностей в процессе работы над собой и своим сознанием.

Таким образом, основной идеей буддийского подхода к воспитанию нравственной личности является его методология, основанная на личном опыте, полученном посредством самонаблюдения. Буддийский подход к психологии и педагогике воспитания духовно-нравственных качеств личности подразумевает систему знаний о сознании, методов его тренировки и преодоления страданий через работу с умом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уланов М.С. Буддизм в социокультурном пространстве России. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. – 234 с.
2. Берзин А. Общий обзор буддийских практик. – СПб., 1993. – 99 с.
3. Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. Нафтанг, 1991. – 102 с.

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Эдильгериева Ф.Б.,

старший преподаватель кафедры

«Гуманитарные, естественнонаучные и социальные дисциплины»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Статья посвящена проблемам преподавания теории государства и права (ТГП) в современном вузе. В качестве примера, позволяющего выявить устойчивые противоречия в преподавании ТГП, анализируется работа В.П. Кузьмина «Проблемы совершенствования методики преподавания теории государства и права» (середина 2000-х гг.). В статье В. Кузьмина критикуется сведение обучения к механическому заучиванию норм и предлагается усилить подготовку в сфере правотворчества и толкования права. В представленном тексте дан комплексный анализ сильных (методологическая последовательность, практическая направленность, актуальность и т. д.) и слабых (декларативность, отсутствие эмпирической базы, идеологическая привязка к контексту 2000-х гг.) сторон статьи В. Кузьмина. Сделан вывод о том, что ключевые тезисы В.Кузьмина сохраняют значение для современной дискуссии о соотношении теории и практики в юридическом образовании, однако их реализация требует учёта новых реалий (цифровизация, междисциплинарность и др.).

Ключевые слова: теория государства и права, вуз, педагогика, методика преподавания.

ON THE PROBLEM OF TEACHING THE THEORY OF STATE AND LAW IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Edilgerieva F.B.,

Senior Lecturer, Department of Humanities,

Natural Sciences and Social Disciplines,

Kadyrov Chechen State University

Annotation. The article addresses the problems of teaching the Theory of State and Law (TSL) in contemporary higher education. Using the work by V.P. Kuzmin «Problems of Improving the Teaching Methodology of the Theory of State and Law» (mid-2000s) as an example that reveals persistent contradictions in teaching TSL, the author analyzes its key ideas. Kuzmin's article criticizes reducing legal education to the rote memorization of norms and proposes strengthening training in the fields of lawmaking and legal interpretation. The present paper provides a comprehensive analysis of the strengths (methodological consistency, practical orientation, relevance, etc.) and weaknesses (declarative nature, lack of empirical basis, ideological ties to the context of the 2000s) of Kuzmin's work. It is concluded that Kuzmin's key arguments remain significant for the current debate on the relationship between theory and practice in legal education, but their implementation requires taking into account new realities (digitalization, interdisciplinarity, etc.).

Keywords: theory of state and law, higher education institution, pedagogy, teaching methodology.

Современное юридическое образование находится в состоянии трансформации [5]. С одной стороны, оно должно учитывать динамично меняющееся законодательство, а с другой – сохранять фундаментальный характер, формируя у будущих юристов не только прикладные навыки, но и глубокое методологическое мышление. В центре этих дискуссий неизменно оказывается дисциплина «Теория государства и права» (ТГП), которая выступает базовой для всей системы юридического знания. Именно от того, как определены её предмет, структура и методика преподавания, во многом зависит качество подготовки будущих юристов.

Особую ценность в этом контексте представляют работы, в которых авторы не просто описывают существующие подходы, но и выявляют проблемы учебного процесса, предлагая пути их решения [1, 2, 3, 6]. К числу таких исследований относится статья В.П. Кузьмина «Проблемы совершенствования методики преподавания теории государства и права» [4], опубликованная в журнале «Проблемы высшего образования».

Цель настоящей работы состоит в комплексном анализе основных положений статьи В.П. Кузьмина, выявлении её теоретической и практической значимости для совершенствования методики преподавания теории государства и права.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Изложить содержание статьи, выделив ее ключевые тезисы;
2. Дать комплексный анализ работы, охарактеризовав её сильные и слабые стороны;
3. Определить, в какой мере предложения В.П. Кузьмина сохраняют актуальность для современной системы юридического образования.

Данная работа не претендует на исчерпывающий критический разбор идей В. Кузьмина, но предлагает комплексный анализ, который может быть полезен как преподавателям ТГП, так и разработчикам образовательных программ, стремящимся преодолеть разрыв между фундаментальной теорией и быстро меняющейся юридической практикой.

В. Кузьмин начинает с базовой для любого современного вуза проблемы: с одной стороны, необходимо определить *содержание* учебной программы (что преподавать), с другой – *методику* (как преподавать). Эти вопросы осложняются тем, что представления о государстве и праве меняются под влиянием как объективных (исторических, социальных), так и субъективных факторов.

Ключевая методологическая проблема, по мнению автора, заключается в соотношении двух феноменов – государства и права – в рамках учебной дисциплины ТГП. В. Кузьмин критикует подходы, разделяющие государство и право. Раздельное преподавание (теория права + политология) разрывает неразрывную связь этих явлений. Приоритет права (формулировка «Теория права и государства») неоправданно отодвигает на второй план вопросы государственно-организованного общества.

В. Кузьмин настаивает на неразрывном единстве феноменов государства и права. Они возникают одновременно, развиваются синхронно, служат инструментами управления и активно влияют друг на друга. Государство создает право, а право связывает государство конституционными рамками. Следовательно, глубокое познание предмета возможно только в рамках единой дисциплины. Автор пишет: «На первом плане в процессе познания государства и права должны находиться реальная действительность, объективные факторы. Так, при решении вопроса о характере соотношения государства и права можно исходить не из умозрительных заключений, а из факта их объективной взаимосвязи и взаимодействия. Важно учитывать, что государство и право не только возникают в силу одних и тех же социально-экономических условий, но в силу этих же причин они постоянно изменяются и развиваются. Теория государства и права изучает базовые, фундаментальные понятия и категории государства и права» [4].

В статье В. Кузьмина подчеркивается, что выпускник юридического вуза должен обладать не только прикладными знаниями, но и аналитическим мышлением: «Квалификационная характеристика выпускника юридического вуза опосредует собой не только профессионально значимые умения и навыки, но и способности аналитической оценки вопросов правового регулирования общественных отношений, структуры государственной власти, системы правоохранительных органов. Высшая школа должна заложить в него первые зачатки способностей и навыков, необходимых для такой деятельности. Выпускник должен вынести из юридического вуза не только знания действующего законодательства, но и правовые идеалы, принципы» [4].

Перед вузами стоят две главные задачи:

1. Формирование систематических знаний о праве.
2. Выработка юридического мышления (осмысление генезиса права, философское понимание сущности государства).

В. Кузьмин указывает на деформацию в учебном процессе, когда позитивное право (действующее законодательство) изучается в отрыве от политической системы и государственной политики. Данная проблема становится особенно острой в условиях меняющегося законодательства (реформы, отмена кодексов, изменение структуры госорганов).

Автор делает вывод, что современный юрист должен обладать не столько знанием конкретных, быстро устаревающих норм, сколько знанием стабильных правовых принципов, умением прогнозировать развитие правовой сферы, навыками систематизации информации и самостоятельного толкования новых актов.

Анализируя ситуацию в Дальневосточном юридическом институте ХГТУ, В. Кузьмин выделяет ряд пробелов и предлагает пути их устранения:

- Проблема правотворчества: вуз не готовит специалистов для законотворческой деятельности, хотя спрос на них высок. Автором предлагается ввести спецкурс по проблемам правотворчества и юридической техники.
- Недостаточное внимание к толкованию права: в условиях меняющегося законодательства юристу необходимы навыки толкования норм, однако этой теме уделяется мало времени. Рекомендуется организовать спецкурс с практическими занятиями.
- Усиление фундаментальной подготовки: необходимо усилить преподавание философии права и ТГП, так как именно в рамках этих дисциплин закладываются базовые понятия (норма, правоотношение, правоприменение).

В заключение автор подчеркивает, что в условиях кризиса общества именно теория государства и права сохраняет прогностическую функцию и служит источником фундаментальных гуманистических ценностей (справедливость, истина, добро). В. Кузьмин пишет: «В условиях общего кризиса теория государства и права сохранила за собой прогностическую функцию, задачу открытия оптимистического будущего. Она остается источником веры в благополучный исход. Вопреки дестабилизации общества теория права и государства, удерживающая в своем содержании общечеловеческие представления о ценности добра, справедливости, истины, приводит студентов к принятию фундаментальных оснований человеческой жизни, без знания которых не может быть современного юриста» [4].

Таким образом, статья В.П. Кузьмина посвящена необходимости модернизации методики преподавания ТГП путем сохранения единства феноменов государства и права, отказа от механического заучивания норм в пользу развития юридического мышления и внедрения спецкурсов, формирующих практические навыки (толкование, правотворчество) в условиях динамично меняющегося законодательства. Выделим сильные и слабые стороны идей В. Кузьмина.

Сильные стороны статьи

1. Актуальность и практическая направленность.

Автор точно определяет ключевые вызовы для преподавателей ТГП: с одной стороны, необходимо дать студентам систематические знания о государстве и праве, с другой – сформировать мышление, позволяющее ориентироваться в быстро меняющемся законодательстве. Проблема «устаревания норм к моменту выпуска» поставлена остро и убедительно.

2. Методологическая обоснованность единства феноменов государства и права.

В. Кузьмин последовательно отстаивает принцип преподавания государства и права в рамках единой дисциплины. Он приводит веские аргументы против их раздельного изучения и формального переноса акцента на право («теория права и государства»). Такой подход сохраняет системность юридического образования.

3. Разграничение понятий «законовед» и «юрист».

Сильной стороной является противопоставление механического заучивания кодексов глубокому пониманию правовых принципов, идеалов и сущности явлений. Автор справедливо отмечает, что качество знания важнее количества заученных норм, что перекликается с современными компетентностными моделями образования.

3. Учёт динамики законодательства и прогностическая функция.

В статье подчёркивается, что в условиях меняющегося законодательства (административная реформа, частая смена кодексов) выпускник должен не столько знать текущие нормы, сколько уметь их толковать, систематизировать, прогнозировать развитие

правовой сферы. Предложение усилить преподавание фундаментальных дисциплин (философии права, ТГП) является целесообразным.

4. Конкретные предложения по модернизации учебного процесса.

В. Кузьмин не ограничивается общей критикой, а предлагает конкретные шаги: введение спецкурсов по правотворчеству и юридической технике, усиление практической составляющей в обучении толкованию норм права. Эти рекомендации сохраняют актуальность и сегодня, когда законотворческая активность остаётся высокой.

6. Внимание к личности преподавателя.

Автор признаёт, что в конечном счёте эффективность преподавания зависит от профессионализма и таланта конкретного педагога. Это важное дополнение, которое не позволяет свести проблему исключительно к формальным изменениям программ.

Слабые стороны статьи

1. Несмотря на обилие правильных тезисов (типология, креативная система обучения, научно-методологический подход), статья практически не раскрывает, *как именно* эти принципы должны реализовываться на практике. Отсутствуют примеры внедрения интерактивных форм занятий, критерии оценки сформированности «юридического мышления», механизмы интеграции теории с прикладными курсами.

2. Автор категорично утверждает, что раздельное изучение государства и права (теория права отдельно, теория государства – в политологии) «нецелесообразно». Однако в мировой и российской академической традиции существуют успешные модели преподавания, где эти блоки разделены. В. Кузьмин не приводит доказательств того, что такой подход заведомо уступает единому курсу.

3. Статья написана преимущественно как проблемное эссе. В ней нет ссылок на результаты опросов студентов, данных о трудоустройстве выпускников, сравнительного анализа учебных планов разных вузов (хотя такая попытка анонсируется, но ограничивается общим замечанием о «деформации»). Выводы опираются скорее на личный педагогический опыт автора, чем на системное исследование.

5. Недостаточное внимание к цифровизации и современным технологиям. Статья не затрагивает потенциал электронных образовательных ресурсов, симуляционных методов, клинического образования, которые сейчас рассматриваются как важные инструменты для формирования практических навыков у будущих юристов.

6. Автор справедливо говорит о важности ТГП как фундамента юридического образования, но не объясняет, как выстроить преемственность между общетеоретическим курсом и отраслевыми дисциплинами (конституционным, административным, гражданским правом). Вопросы междисциплинарной координации остаются за рамками статьи.

Несмотря на выделенные недостатки, статья В.П. Кузьмина представляет собой содержательную постановку проблем преподавания теории государства и права. Работа вносит вклад в дискуссию о балансе между фундаментальностью и прикладным характером юридического образования. Однако для полноценного решения поставленных проблем требуются не только методические рекомендации, но и системные изменения в организации учебного процесса, развитии преподавательских компетенций и интеграции теории с практикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаркин Н.М. О новой системе юридического образования и месте в ней истории политических учений // Государство и право. 1998. № 10. – С. 83–87.
2. Жуков В.Н. Место теории государства и права, философии права и истории политических учений в системе высшего юридического образования: (Науч.-практ. конф.) // Государство и право. 2000. № 12. – С. 99–101.
3. Зайцева Л.А. О методике преподавания историко-правовых дисциплин в юридических вузах // Актуальные проблемы современного права. – М., 1995.
4. Кузьмин В.П. Проблемы совершенствования методики преподавания теории государства и права // Проблемы высшего образования. 2004. № 1. – С. 67–70.
5. Малько А.В. Юридическое образование в глобализирующемся обществе / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 5. – С. 16–31.
6. Сунцова Е.А. Методика преподавания теории государства и права будущим следователям // Юридическое образование и наука. 2017. № 9. – С. 9–11.

УДК37.018.1

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ

Эхаева Р.М.,

канд. пед. наук, доцент кафедры «Педагогика и психология»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ влияния семейного воспитания на формирование и развитие личности. Семья рассматривается как первичный институт социализации, закладывающий основы характера, ценностных ориентаций и моделей социального поведения. Проанализированы ключевые теоретические подходы к пониманию роли детско-родительских отношений: культурно-исторический (Л.С. Выготский), системный и гуманистический. Особое внимание уделяется обзору современных лонгитюдных исследований, включая работы с применением близнецового метода и кросс-культурные проекты. Полученные данные подтверждают долгосрочное влияние стиля семейного воспитания на формирование черт «Большой пятерки»: добросовестности, доброжелательности и эмоциональной стабильности. Обосновывается вывод о том, что позитивный семейный опыт (родительская теплота, поддержка, безопасная среда) выступает значимым предиктором эмоциональной стабильности, психологического благополучия и социальной компетентности во взрослом возрасте. Методологическую базу составили культурно-исторический, системный и гуманистический подходы. Теоретические выводы подтверждаются данными вторичного анализа лонгитюдных исследований. Работа вносит вклад в систематизацию знаний о семейной социализации. Практическая значимость заключается в обосновании рекомендаций для психолого-педагогической практики, направленных на гармонизацию детско-родительских отношений и профилактику нарушений личностного развития.

Ключевые слова: семейное воспитание, развитие личности, социализация, детско-родительские отношения, стили воспитания, психологическое благополучие, черты личности, «Большая пятерка».

FAMILY EDUCATION AS A DETERMINANT OF PERSONALITY DEVELOPMENT: A THEORETICAL ANALYSIS AND EMPIRICAL JUSTIFICATION

Ekhaeva R.M.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Department of Pedagogy and Psychology,

Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article presents a theoretical analysis of the influence of family education on the formation and development of personality. The family is viewed as the primary institution of socialization, laying the foundations of character, value orientations, and social behavior patterns. This article analyzes key theoretical approaches to understanding the role of parent-child relationships: cultural-historical (L.S. Vygotsky), systems, and humanistic approaches. Particular attention is given to a review of modern longitudinal studies, including twin studies and cross-cultural projects. The findings confirm the long-term influence of family upbringing style on the development of the Big Five traits: conscientiousness, agreeableness, and emotional stability. It substantiates the conclusion that positive family experiences (parental warmth, support, and a safe environment) are significant predictors of emotional stability, psychological well-being, and social competence in adulthood. The methodological framework is based on cultural-historical, systems, and humanistic approaches. The theoretical conclusions are supported by data from a secondary analysis of longitudinal studies. This work contributes to the systematization of knowledge on family socialization. The practical significance of this study lies in the substantiation of recommendations for psychological and pedagogical practice aimed at harmonizing parent-child relationships and preventing developmental disabilities.

Keywords: family education, personal development, socialization, parent-child relationships, parenting styles, psychological well-being, personality traits, Big Five.

Введение. Актуальность исследования влияния семьи на развитие личности не вызывает сомнений, поскольку семья остается первым и наиболее значимым агентом социализации. Именно в семье закладываются фундаментальные основы характера, нормы морали, ценностные ориентации и модели социального поведения [3]. Однако долгое время в научном дискурсе сохранялась неопределенность относительно степени и механизмов этого влияния, особенно в контексте дискуссии «природа против воспитания». Традиционные педагогические подходы часто апеллировали к интуитивно понятной роли семьи, но лишь современные эмпирические исследования, построенные на строгих методологических принципах, позволяют верифицировать эти представления.

Цель данной статьи – обобщить теоретические подходы к проблеме семейного воспитания и проанализировать современные эмпирические данные, раскрывающие механизмы влияния семьи на формирование устойчивых черт личности и субъективного благополучия человека.

Методология и методы исследования

В основу данного исследования положена совокупность теоретических подходов, обеспечивающих всесторонний анализ проблемы влияния семейного воспитания на развитие личности. Базовым выступил культурно-исторический подход Л.С. Выготского, позволяющий рассматривать семью как первичную социальную среду, в которой происходит интернализация культурных норм и формирование высших психических функций [4]. В дополнение к нему был задействован системный подход, благодаря которому семья понимается не как простая совокупность индивидов, а как целостная динамическая система, где личностные изменения ребенка обусловлены структурой семейных ролей и коммуникаций. Гуманистический подход (К. Роджерс, Я. Корчак) задал ценностные координаты исследования, акцентируя роль безусловного принятия и уважения к ребенку как ключевых условий его психологического благополучия.

Основная часть

В процессе работы применялся комплекс методов теоретического исследования. Посредством теоретического анализа и синтеза была изучена классическая и современная психолого-педагогическая литература, что позволило выделить основные категории и проблемные поля исследования. Сравнительно-сопоставительный метод дал возможность соотнести взгляды представителей различных научных школ (отечественной педагогики, французского психоанализа, американской эмпирической психологии) на природу детско-родительских отношений. Важнейшую роль сыграл метод вторичного анализа эмпирических данных: для обеспечения доказательности выводов были привлечены результаты современных лонгитюдных исследований, близнецовых исследований, опубликованных в высокорейтинговых научных изданиях. Обращение к этим источникам позволило верифицировать теоретические положения с опорой на репрезентативные выборки и строгие статистические процедуры [2].

Источниковую базу работы составили фундаментальные труды классиков психологии и педагогики, а также актуальные публикации в рецензируемых журналах за 2024–2025 годы. Такое сочетание традиций и современности обеспечило надежность методологической основы и обоснованность полученных в ходе исследования выводов.

В психолого-педагогической науке семья традиционно рассматривается как малая социальная группа, основанная на браке и кровном родстве, члены которой связаны общностью быта и взаимной моральной ответственностью [5]. Как отмечает Гулнара Мамадалиева, семья обеспечивает передачу культурных норм и ценностей, выступая связующим звеном между обществом и индивидом. Еще А. С. Макаренко подчеркивал, что в семье формируется сущность и масштаб личности, а воспитание происходит не в момент нотаций, а в процессе организации всей жизни семьи [7].

Ключевыми функциями семьи, влияющими на развитие личности, являются:

Эмоциональная поддержка: создание чувства защищенности и безусловного принятия.

Формирование моделей поведения: подражание родительским паттернам реагирования и взаимодействия.

Образование и стимуляция: создание развивающей среды и познавательных стимулов.

Первичная социализация: освоение социальных норм и ролей.

5. Обеспечение безопасности: физическая и психологическая защита [9].

Особое значение в теоретическом осмыслении проблемы уделяется в работах классиков. Л.С. Выготский заложил основы понимания социальной ситуации развития, подчеркивая, что личность ребенка формируется через интернализацию культурных средств, транслируемых взрослыми. Януш Корчак в своих трудах акцентировал безусловную ценность детства и необходимость уважения к ребенку как к личности. Франсуаза Дольто,

представительница французского психоанализа, детально анализировала влияние семейной атмосферы, телесных наказаний и становления самостоятельности на психическое развитие [8].

В своих ранних работах Эхаева Р.М. подчеркивает: «В подростковом возрасте основное значение имеет воспитательная точка зрения законных представителей – совокупность установок родителей в отношении обучения подростков, описывающих до этого только самих взрослых как субъектов обучения. Важными чертами воспитательной позиции законных представителей являются адекватность, упругость и прогностичность. Адекватность – способность родителей сознавать и принимать исключительность своего ребенка, представлять особенности его личности, когнитивной, психологической, мотивационной сферы, характерологических проявлений, дееспособность наблюдать происходящие в его внутреннем мире конфигурации» [12].

Долгое время выводы о влиянии семьи на личность базировались преимущественно на клинических наблюдениях и ретроспективных данных. Прорывом в этой области стали масштабные лонгитюдные исследования, использующие строгие статистические методы.

1. Исследование влияния родительской привязанности на благополучие

Международное исследование с участием более 200 тысяч респондентов из 22 стран, проведенное под руководством ученых из Университета штата Аризона, показало, что позитивный опыт семейных отношений в детстве (в возрасте 12 лет) напрямую коррелирует с уровнем благополучия во взрослом возрасте. Ученые выделили три типа благополучия: субъективное (удовлетворенность жизнью), эвдемическое личностное (самореализация) и эвдемическое социальное (доверие к людям, чувство принадлежности к обществу). Результаты подтвердили, что теплая семейная среда способствует формированию таких черт личности, как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и эмоциональная стабильность. Именно эти черты, в свою очередь, становятся медиаторами, объясняющими связь между детством и высоким качеством жизни у взрослых. Интересно, что черта «открытость новому опыту» не показала устойчивой связи с социальным благополучием, что может указывать на ее более сложную, опосредованную культурными и образовательными факторами, природу [13].

О влиянии типа психологической привязанности подростка к родителям на развитие его личности указывают Е.Ф. Сердюкова, М.Л. Шаповалова, М.У. Абдурзакова [10, с. 231–236]. Результаты их исследований наглядно показывают, что подростки с надежным типом психологической привязанности к родителям имеют адекватно высокий уровень развития самооценки и уровень притязаний.

2. Близнецовое исследование влияния родительской теплоты

Наиболее убедительные доказательства каузального влияния воспитания предоставило лонгитюдное исследование британских ученых, опубликованное в журнале *American Psychologist* в 2025 году. Используя дизайн изучения однояйцевых близнецов (что позволяет контролировать генетическую предрасположенность и общую семейную среду), исследователи установили: даже близнецы, получившие от матери больше тепла и ласки в возрасте 5–10 лет, к 18 годам демонстрировали более высокий уровень добросовестности, доброжелательности и открытости новому опыту по сравнению со своими генетически идентичными братьями или сестрами [13, 14].

Хотя эффект был описан как «небольшой», он сохранился после контроля всех возможных искажающих факторов (жестокое обращение, влияние самого ребенка на родителя и др.). Авторы подчеркивают, что даже небольшое воздействие на индивидуальном уровне может иметь значительные популяционные последствия, влияя на образовательные и профессиональные успехи тысяч людей. Это исследование стало одним из первых, напрямую подтвердивших гипотезу о том, что специфические особенности родительского поведения (а не только общая семейная обстановка) способны изменять траекторию развития личности [1].

Современные данные позволяют преодолеть упрощенное противопоставление биологических и социальных факторов. Влияние семьи не отменяет генетической предрасположенности, но модифицирует ее. Воспитание выступает не как фатальный детерминант, а как важнейший модулируемый фактор, на который можно воздействовать.

Согласно Эхаевой Р.М.: «Воспитательный потенциал семьи – многофункциональное понятие, отражающее возможности и условия воспитания детей в семье» [11, с. 51].

Результаты исследований имеют важное практическое значение. Они обосновывают необходимость:

– Разработки и внедрения программ родительского просвещения, направленных на развитие эмоциональной компетентности.

– Государственной политики, поддерживающей психологическое здоровье семьи (доступ к психологической помощи, борьба с депрессией у родителей, улучшение материального положения).

– Формирования в обществе установки на ценность диалога и уважения к ребенку, что было убедительно показано в работах Ю.Б. Гиппенрейтер, ставших настольными для миллионов родителей в России и странах СНГ [6].

Заключение

Семейное воспитание является фундаментальным фактором становления личности. Теоретические представления, разработанные классиками педагогики и психологии, сегодня находят убедительное эмпирическое подтверждение в данных кросс-культурных и лонгитюдных исследований. Родительская теплота, поддержка и создание безопасной среды в детстве способствуют формированию устойчивых позитивных черт личности (добросовестности, доброжелательности, эмоциональной стабильности), которые, в свою очередь, обеспечивают высокое качество жизни, психическое здоровье и успешную социальную интеграцию во взрослом возрасте.

Признание ключевой роли семьи требует не только констатации этого факта, но и активных действий со стороны общества и государства по созданию условий, позволяющих родителям реализовывать свой воспитательный потенциал наиболее эффективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдамирова Х.Б., Арскиева З.А. Акцентуация характера как фактор семейного воспитания // В сборнике: Педагогика, психология, общество: от теории к практике. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2021. – С. 257–261.
2. Айдамирова Х.Б., Арскиева З.А. Взаимообусловленность семейного воспитания и развития акцентуации характера у подростков // В сборнике: Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2021. – Чебоксары, 2021. – С. 92–97.
3. Арскиева З.А., Жабраилова Э.А. Стиль семейного воспитания как основа формирования взаимоотношений в семье // В сборнике: Молодые исследователи. /Сборник материалов IV всероссийской студенческой научно-практической конференции. Махачкала, 2024. – С. 75–81.
4. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург: СОЮЗ, 1997. – 224 с.
5. Гетаева И.С., Цоцарова Л.А., Арскиева З.А. Современные приоритеты создания семьи // В сборнике: Наука и молодежь. Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной Физике Будущего. 2020. – С. 259–262.
6. Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? / Ю.Б. Гиппенрейтер. – Москва: АСТ, 2008. – 238 с.
7. Макаренко А.С. О воспитании / А.С. Макаренко. – Москва: Политическая литература, 1988.
8. Мамадалиева Г.А. Влияние семьи на развитие личности ребенка / Г.А. Мамадалиева // Казанский лингвистический журнал. 2025. № 1. – С. 89–95.
9. Салева Х.С., Арскиева З.А. Социальная среда как фактор влияния на развитие подростка // В сборнике: Наука в современном мире: взгляд молодых ученых. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Грозный, 2022. – С. 478–484.
10. Сердюкова Е.Ф., Шаповалова М.Л., Абдурзакова М.У. Влияния стиля психологической привязанности на уровень самооценки подростка. В сборнике: Личность как субъект управленческой деятельности. Посвящен 80-летию Пятигорского государственного университета. – Пятигорск, 2019. – С. 231–236.
11. Эхаева Р.М. Семья как социальная среда с высоким воспитательным потенциалом // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 2(34). – С. 51–55.
12. Эхаева Р.М. Семья как фактор воспитания ребенка // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2017. № 1 (5). – С. 123–125.
13. Family experiences while growing up, personality traits, and well-being: A mediation analysis // Journal of Research in Personality. 2025. Vol. 120. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0092656625000625> (дата обращения: 30.03.2026)
14. Wertz, J. Parenting in childhood predicts personality in early adulthood: A longitudinal twin-differences study / J. Wertz, T. E. Moffitt, F. Blangis [et al.] // American Psychologist. 2025. Advance online publication.

Всероссийская научная конференция
«ДЕШЕРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026»

Подписано в печать 08.06.2026 г. Формат 60х84/8
Бумага офисная. Печать-ризография.
Уч.-изд. л. 19,2. Тираж 100 экз.

Издательство Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова
Адрес: 364037, ЧР, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33.